

Академия исторических наук

**ОТ БАТАЛЬОНА ДО АРМИИ
БОЕВОЙ ПУТЬ**

Том 2

Г.П. Хлопин

**Рожденная в боях 312-я Смоленская
стрелковая дивизия**

М.Я. Романов

**224-я штурмовая
История авиационной дивизии**

**Москва
Академия исторических наук
2008**

УДК 82-92”1941/45”
ББК 84Р7-4
Х581

ISSN 1995-0489 (Print)
ISSN 1995-0497 (Online)

X581 От батальона до армии. Боевой путь. Том 2. - М.: Академия исторических наук, 2008. – 408 с.

ISBN 978-5-903076-10-9 (т.2)
ISBN 978-5-903076-07-9

В настоящем томе публикуются материалы по истории боевого пути 312-й Смоленской стрелковой дивизии и 224-й штурмовой авиационной дивизии.

Книга посвящается ратному подвигу Советского народа и предназначена для углублённого изучения истории Второй мировой войны.

Полный текст книги беспрепятственно доступен для чтения и копирования на сайте www.ainros.ru Академии исторических наук.

Издано при финансовой поддержке Префектуры Северо-Восточного округа города Москвы по распоряжению Префекта округа Рабер Ирины Яковлевны и Председателя Правления ОАО “ЮНИКОРБАНК” Любачко Веры Даниловны.

УДК 82-92”1941/45”
ББК 84Р7-4

ISBN 978-5-903076-10-9 (т.2)
ISBN 978-5-903076-07-9

© Академия исторических наук, 2008

Оглавление

Предисловие к изданию	5
Предисловие к 2-му тому	6
Хлопин Г.П. Рожденная в боях 312-я Смоленская стрелковая дивизия.	
От автора.	9
Глава 1. Сибиряки под Смоленском.	14
Глава 2. Прорыв к Хелму.	49
Глава 3. Форсирование Вислы. Взятие крепости Яновец.	72
Глава 4. В Радом-Лодзинской операции.	93
Глава 5. Штурм Познани.	114
Глава 6. У ворот Берлина.	139
Глава 7. Парад Победы в Берлине.	167
Приложение: документы из архива ЦАМО; фотографии	173
Романов М.Я. 224-я штурмовая. История авиационной дивизии.	
От автора.	203
Глава I. В боях под Москвой на Западном фронте.	204
1. Рождение 224-й штурмовой авиационной дивизии.	204
2. Помощь кавалеристам.	210
3. Ни минуты покоя врагу.	211
4. В боях под Ржевом и Вязьмой.	213
5. Бои под Козельском.	214
6. Затишье.	218
7. Снова в боях.	228
8. Действия по аэродромам противника (03.07.42 г.- 10.06.43 г.).	233
9. Действия по железнодорожным и автогужевым перевозкам (1.8.42 – 13.5.43 гг.).	240

Глава II. Участие в Курской битве.	241
1. Болхов - Орел - Брянск.	241
2. Перевооружение.	248
3. Снова на фронт!	262
Глава III. В боях за освобождение Украины.	265
1. Участие 224-й шад в Проскуровско-Черновицкой наступательной операции.	265
2. Участие 224 шад в Львовско-Сандомирской операции (с 13 июля по 29 августа 1944 года).	288
3. В предгорьях Карпат.	303
4. Бои в Карпатах.	308
5. Венгерская долина.	322
Глава IV. Участие в освобождении Польши и Чехословакии.	
1. Бои на Краковском направлении (Висло-Одерская наступательная операция).	327
2. Моравско-Остравская операция.	336
3. Завершающие бои на Пражском направлении.	348
4. Победа.	351
Глава V. Встречи, воспоминания и судьбы фронтовиков.	358
1. Первые встречи ветеранов.	358
2. Юбилей 30-летия Победы в Боровичах.	364
3. Избрание Совета ветеранов 224-й шад на встрече в Ивано-Франкове (Станиславе).	371
4. Встреча ветеранов в городе Дрогобыче.	374
5. Патриотическая работа среди населения.	385
6. Итоговая Московская встреча .	390
Глава VI Династия летчиков-испытателей.	395
Примечания	406

Предисловие к изданию

Всемирно-историческое значение Великой Победы в послевоенный период описано и доказано арсеналом фундаментальных военных трудов по истории, исследованию и изучению опыта Второй мировой войны.

Вместе с тем в военной литературе преобладают воспоминания полководцев и видных военачальников. Крайне редко издаются книги по истории войсковых соединений (дивизий, полков или батальонов) по ряду объективных причин. Были и причины субъективные, к которым следует отнести недооценку значения подобных исторических исследований ветеранами-фронтовиками.

Благодаря помощи и активному участию Московского комитета ветеранов войны проведена работа по созданию многотомной серии мемуаров участников боевых действий Второй мировой войны – “От солдата до генерала. Воспоминания о войне”. Для оказания помощи в подготовке текста воспоминаний к каждому ветерану прикрепляется студент учебного заведения. В настоящий момент издано 8 томов и готовятся к изданию еще четыре.

Академия исторических наук, учитывая позитивный опыт этой работы, стала привлекать студентов для оказания технической помощи ветеранам в подготовке рукописей их монографий о боевом пути их войсковых соединений во время Великой Отечественной войны.

Благодаря бескорыстной помощи студентов, был издан 1-й том монографий серии “От батальона до армии. Боевой путь”, в котором опубликована история 196-й Гатчинской Краснознаменной стрелковой дивизии.

Работа студентов с рукописями монографий ветеранов продолжается, ее результаты будут основанием для издания очередных томов настоящего издания.

Шоль Евгений Иванович

Президент Академии исторических наук

Предисловие к 2-му тому

Остановив наступление немецко-фашистских войск под Москвой через 3 месяца после их вероломного нападения на Советский Союз, Верховное Главное командование советских вооруженных сил под руководством И.В. Сталина приступило к мобилизации всех ресурсов для создания новых войсковых частей, соединений и объединений.

В настоящем томе публикуются истории стрелковой и авиационной дивизий, сформированных в период Великой Отечественной войны 1941-1945 годов, когда советский народ и руководство Советского Союза командование мобилизовали все духовные силы и материальные ресурсы для борьбы с врагом.

Подвиг советских солдат и командиров на земле представлен работой кавалера двух орденов Боевого Красного Знамени Германа Прокопьевича Хлопина “Рожденная в боях 312-я Смоленская стрелковая дивизия”. Эта дивизия была сформирована на далеком Алтае в городе Славгород и прибыла летом 1942 года на Смоленское направление. На эту дивизию командование 5-й армии возложило особую задачу в готовящемся наступлении на город Карманово на Смоленской земле.

Подвиг советских солдат и командиров в небе представлен работой Героя Советского Союза Михаила Яковлевича Романова “224-я штурмовая. История авиационной дивизии”. Эта дивизия была сформирована в селе Подкопаево Калужской области в соответствии с приказом Народного комиссара обороны СССР от 26 мая 1942 года. В составе 1-й воздушной армии Западного фронта дивизия свой славный боевой путь начала на линии Ржев-Брянск.

Эти научные труды написаны ветеранами этих дивизий, активными участниками Великой Отечественной войны, отмеченными многими боевыми наградами. Авторы монографий провели огромную работу в военных архивах, для того чтобы свои личные знания дополнить другими сведениями из документальных источников о Великой Отечественной войне.

Уверен, что новые знания, изложенные в настоящей книге займут достойное место в исторической науке, а их авторы будут почитаемы нынешним и грядущими поколениями молодежи.

Антошкин Николай Тимофеевич

Герой Советского Союза,
Заслуженный военный летчик, генерал-полковник,
Председатель Правления Межрегиональной организации «Клуб героев Советского Союза, героев Российской Федерации и полных кавалеров «Ордена Славы» г. Москвы и Московской области»,
доктор военных наук, профессор

Г.П. Хлопин

**Рожденная в боях 312-я Смоленская
стрелковая дивизия**

Хлопин Герман Прокопьевич

От автора

Эта книга о боевом пути 312-й Смоленской Краснознаменной орденов Суворова и Кутузова стрелковой дивизии, рожденной в боях Смоленской наступательной операции 1943 г. на Западном фронте и освобождении г. Смоленска.

Упреждая читателя в рассказе о начале боевого пути дивизии, я счел необходимым познакомить читателя с ее бессменным командиром, Великая Отечественная война для которого началась задолго до этого времени, когда он вступил в командование этой дивизией – Моисеевским Александром Гавриловичем, полковником Красной Армии.

В середине июля 1941 г. на Центральном Смоленско-Московском стратегическом направлении Западного фронта сложилась чрезвычайно тяжелая обстановка. Наши войска вели тяжелые оборонительные бои с постоянно наращивающей свою ударную силу 2-й танковой группой немецкой армии, которой удалось прорваться южнее Смоленска и 19 июля захватить стратегически важную для нас

позицию г. Ельну, создавшую угрозу левому флангу Западного фронта и возможность с создавшегося здесь выступа развить наступление на Москву.

На это направление выдвигалась и только что сформированная в Сибирском военном округе 24-я армия (при активном участии в ее формировании и полковника Моисеевского А.Г. - начальника отдела боевой подготовки округа), в головном эшелоне которой в составе созданной командованием 24-й армии оперативной группы, в состав которой вошел и полковник Моисеевский - герой Гражданской войны, кавалер ордена Красного Знамени, удостоенный этой высшей боевой награды РСФСР за выдающиеся боевые заслуги в боях на КВЖД в 1929 г.

Это был один из той героической когорты Вооруженных Сил Красной Армии, вся жизнь которого была в беззаветном служении Родине, беспредельной верности присяге, воинскому долгу, неустрашимой отваге и неустрашимости в достижении победы.

Первый эшелон 24-й армии прибыл на Западный фронт 24 июля 1941 г. и в числе первых ее представителей командования 24-й армии был полковник Александр Моисеевский.

Под непрерывными налетами немецкой авиации и бомбежками передовые части прямо с колес направлялись полковником Александром Моисеевским в отведенные районы сосредоточения и ввода в бой.

Представитель штаба армии оперативно справившийся с поставленной задачей сосредоточения и ввода в бой передовой дивизии армии стал по приказу командования армии представителем штаба армии в левофланговой группировке 24-й армии и лично принял участие в первых же боях.

За высокие организаторские способности по приему передового эшелона 24-й армии, вводу частей в бой прямо с колес полковник Моисеевский был отмечен командующим Резервным фронтом Г.К. Жуковым и вскоре был на-

значен представителем командования Резервного фронта в южную ударную группировку Ельнинской наступательной операции.

Обстановка в южной ударной группировке Ельнинской наступательной операции требовала более решительных действий, и А.Г. Моисеевский, назначенный Г.К. Жуковым командиром 303-й стрелковой дивизии, неожиданным ударом 303-й с.д. по противнику с юго-запада обеспечил решительный исход боевых действий на этом участке.

Командующий Резервным фронтом Г.К. Жуков объявил полковнику А.Г. Моисеевскому благодарность за умелое командование дивизией и решительные действия в Ельнинской операции.

Командуя 303-й стрелковой дивизией, полковник А.Г. Моисеевский решительно вступил в неравный бой с начавшими 30-го сентября - 1-го октября 1941 г. «генеральное наступление» на Москву немецко-фашистскими передовыми дивизиями на Спас-Деменском направлении.

Две пехотные и одна танковая дивизии в течение двух дней наступления на Москву так и не смогли захватить Спас-Деменск и развить наступление на Москву.

Упорные оборонительные бои 303-й стрелковой дивизии дали возможность нашему командованию вплоть до 5 октября сдерживать рвущегося к Москве противника и подтянуть резервы.

Полковник Александр Моисеевский показал в этом сражении, что противника можно бить и малыми силами.

Имея разнообразную практику командной и штабной работы, двадцатидвухлетний опыт военной службы в Красной Армии и накопленный в первых сражениях Великой Отечественной войны боевой опыт в боях на стратегическом Смоленско-Московском направлении с сильным и превосходящим в танках и авиации противником, он явился тем командиром стрелковой дивизии, который смог обеспечить рожденной в боях 312-й Смоленской стрелковой дивизи-

зии заслуженный боевой успех во всех ее выдающихся боевых операциях Великой Отечественной войны.

Работая над историей боевого пути 312-й Смоленской Краснознаменной орденов Суворова и Кутузова стрелковой дивизии, я не полагался только на опыт участия во многих боевых действиях этой дивизии, накопленный материал о боевом пути дивизии Советом ветеранов 312-й Смоленской стрелковой дивизии. На большой встрече командования и ветеранов дивизии в 1971 г. в Москве я был избран заместителем председателя Совета и работал на порученном участке более 30 лет.

В работе был использован и большой материал о боевых действиях дивизии, хранящийся в ЦАМО РФ, в том числе оперативные сводки 69-й армии, журналы боевых действий дивизии и ее полков, постоянные контакты и беседы с командирами полков и отдельных частей дивизии, беседы с ветеранами боевых дивизий, а также изданные материалы коллективом авторов Совета ветеранов 69-й армии (Горякин Н.В. - председатель, Хлопин Г.П., Сосков А.А.) “69-я армия в операциях ВОВ”.

В работе над материалами о боевом пути 312-й Смоленской с.д. постоянным справочным источником являлись фундаментальные, глубокие исследования таких военных историографов как В.Ф. Данилов “Радом-Лодзинская наступательная операция”. Коллективный военно-исторический труд Ф.Д. Воробьева, И.В. Паротькина, А.Н. Шиманского “Последний штурм”, в которых не только широко освещена панорама боевых операций общевойсковых и танковых армий 1 Б.Ф., но и дивизий и полков с показом хронологии их боевых действий в операциях ВОВ.

Были использованы также воспоминания генерала армии СМ, Штеменко “Генеральный штаб в годы войны», генерал-полковника В.Н. Белявского “Стрелы скрестились на Шпрее”.

Большое влияние оказало и письмо бывшего главкома Сухопутных войск МО генерала армии В.Я. Колпакчи (на личное к нему обращение) об оказании содействия в получении архивных данных о 312-й Смоленской стрелковой дивизии (в период, когда доступ к ЦАМО был затруднен).

Широко использовались встречи ветеранов 69-й армии и 312-й Смоленской стрелковой дивизии в знаменательные даты событий ВОВ.

Для меня станут дорогими отзывы и воспоминания ветеранов боев 312-й Смоленской стрелковой дивизии, а также членов их семей, ознакомившихся с этой предлагаемой на суд читателей книгой.

Глава 1. Сибиряки под Смоленском.

Лето 1941 года в Сибири выдалось нестерпимо жарким. Ртутный столбик в ясные безветренные дни поднимался до отметки +40°, и казалось, что от раскаленного воздуха вот-вот вспыхнет пламенем сухостой, и выжженная солнцем трава запылывает пожаром.

Это жаркое лето представлялось созвучным накалу международной обстановки, политический барометр которой достиг максимума.

Вторая мировая война, вплотную приблизившаяся к лету 1941 года к границам Советского Союза, заставляла каждого задумываться на надвигавшейся угрозой нападения фашистской Германии на Советский Союз.

И все же, известие о вероломном нападении гитлеровской Германии на Советский Союз, заставшее 37-летнего полковника Александра Гавриловича Моисеевского на учениях войск Сибирского военного округа, в штабе которого он возглавлял отдел боевой подготовки, явилось полной неожиданностью.

Части были подняты по боевой тревоге. В шифровке, поступившей в штаб армии, сообщалось, что около четырех часов воскресного утра 22 июня 1941 года после артиллерийской и авиационной подготовки войска фашистской Германии вторглись в приграничные районы Советского Союза.

Величайшая опасность, нависшая над нашей страной, вызвала у полковника Моисеевского чувство тревоги за судьбу Родины, болью обожгло сердце, и не отпускала мысль: “Скорее туда, где передовые части Красной Армии вступили в единоборство с превосходящими силами гитлеровской армии”.

Решение Военного совета СибВО о формировании из войск округа 24-й армии для отправки на фронт полковник Моисеевский встретил с большим энтузиазмом.

День и ночь находясь в войсках, он не щадя сил и энергии, с жаром отдается нелегкой работе по боевой подготовке и сколачиванию частей 24-й армии.

В те тревожные дни все - от красноармейца до командира с нескрываемым волнением следили за развер-

тиванием гигантского сражения в приграничных районах Советского Союза, все жили вестями с фронтов, понимая, что против Красной Армии брошены огромные, хорошо подготовленные и имеющие опыт боевых действий силы, и было до боли в сердце каждого горько, что части Красной Армии вынуждены были отходить.

Всеми владела одна мысль, одно желание: остановить агрессора и начать наносить ответные удары. И хотелось верить, что так оно и будет.

Уже в начале июля эшелоны 24-й армии отбыли к фронту и с первым из них, как представитель штаба армии, следовал полковник Александр Моисеевский.

Для него началась самая трудная, самая тяжелая в его двадцатидвухлетней военной биографии дорога.

Под непрерывными бомбежками авиации противника он выполнял трудную и ответственную задачу по встрече прибывающих эшелонов, обеспечению быстрого их вывода в районы сосредоточения на центральном Смоленско-Московском направлении.

Осуществляя план "Барбаросса", гитлеровские войска сосредоточили на этом направлении только в первом эшелоне 28 дивизий, в том числе 9 танковых и 6 моторизованных. За ними выдвигалось ещё 34 дивизии.

Враг имел более чем 2-кратное превосходство в людях и артиллерии, четырехкратное - в авиации. На этом направлении через так называемые "Смоленские ворота" создавалась угроза прорыва гитлеровских войск к Москве. Именно здесь нужно было в первую очередь оказать решительное противодействие врагу.

25 июля 1941 года войска 24-й армии одной дивизией с рубежа реки Вопь перешли в наступление. Полковник Моисеевский, являясь представителем штаба армии, в перешедшей в наступление дивизии шел в атаку с левофланговым полком. Его высокая двухметровая фигура с орденом Красного Знамени на груди воодушевляла красноармейцев, вселяя уверенность в успехе наступления.

Противник, не выдержав стремительного натиска сибирских стрелков, дрогнул и начал отход. Важные

высоты западного берега реки Вопь по всему фронту наступления дивизии были заняты менее чем за один час.

К полудню противник усилил сопротивление и ввёл в дело танки вместе с мотопехотой, они нависли над флангами дивизии и вышли на ее тылы.

В этой критической обстановке полковник Моисеевский не потерял управления, и дивизия стойко продолжала удерживать рубеж, отразив все контратаки врага.

На другой день развернула наступление и соседняя дивизия 24-й армии. Начало его было также удачным, но затем части и этой дивизии оказались в тяжёлом положении.

“Немцы устраивают нам ловушки, - с горечью говорил Александр Гаврилович, когда глубокой ночью на командном пункте собралось руководство армии. - Два дня один и тот же прием противника! Нам надо обязательно иметь резервы, которыми мы могли бы парировать его действия. Пусть у нас сейчас меньше артиллерии и танков, почти нет прикрытия авиации, но мы должны наступать и наступать, учиться умению сосредотачивать усилия пехоты и артиллерии на решающих направлениях”.

Обстановка требовала возвращения полковника Моисеевского в штаб армии. Немецко-фашистское командование, сосредоточив в районе Ельни 5 усиленных пехотных дивизий общей численностью в 70 тыс. человек, 500 орудий и около 40 танков захватило город Ельню, расположенный на железнодорожной магистрали Смоленск - Сухиничи.

Здесь сходились многие большаки, и выход противника в Ельню угрожал левому флангу Западного фронта.

Командующий Резервным фронтом генерал армии Г.К. Жуков решил предупредить противника в дальнейших действиях и решительным контрударом 24-й армии срезать Ельнинский выступ, парализовав его возможность в далеко идущих планах наступления на Москву.

В период с 22-29 августа 1941 года была скрытно

произведена перегруппировка сил и тщательная подготовка к операции.

Утром 30 августа 1941 года ударная группировка 24-й армии после артиллерийской подготовки перешла в наступление, но противник оказал упорное сопротивление. Наши части медленно продвигались вперед, отражая многочисленные контратаки немцев.

Полковник Моисеевский вначале участвовал в операции как представитель командования 24-й армии в южной ударной группировке, а с 1 сентября 1941 года приказом командующего фронтом Г.К. Жукова был назначен командиром 303-й стрелковой дивизии, составлявшей основную силу южной ударной группировки.

Вот и сбылась мечта полковника Моисеевского стать командиром дивизии, которую он вынашивал и высказал еще в июле месяце командующему оперативной группой генерал-лейтенанту С.А. Калинин, являясь в группе заместителем начальника штаба.

К новой ответственной командной должности Александр Гаврилович Моисеевский пришел, имея разностороннюю практику штабной работы большой послужной список и 22-летний опыт службы в Красной Армии, которым можно только позавидовать.

Родился Александр Моисеевский в г. Томске в Сибири в семье рабочего революционера. Зимой 1919 года в захваченном колчаковской армией Томске еще продолжали хозяйничать белогвардейцы, но большевистское подполье, куда входил и отец Александра Гавриил Тимофеевич, уже основательно разложило солдатскую массу Бийского, Красноярского и Кузнецкого полков, составлявших гарнизон города.

А вести о том, что под городом появилась бригада Красной Армии в три тысячи сабель, вызвали массовое неповиновение 30-тысячного белогвардейского гарнизона Томска.

Центральная площадь города гудела от вышедших на нее солдат гарнизона и жителей Томска, когда на нее неожиданно ворвался эскадрон красных конников.

На лихо развернувшейся взмыленной тройке стояли командир и комиссар 2-й бригады 30-й дивизии Крас-

ной Армии.

“Солдаты, товарищи, граждане! - обратился к собравшейся толпе комбриг. - От имени Советской власти поздравляю вас с освобождением от колчаковской тирании. Предлагаю солдатам разойтись по казармам. Офицерам явиться ко мне с докладами”. В ответ из толпы раздались возгласы: “Да здравствует Советская власть! Да здравствует Ленин!”

Яркий пример неустранимости и находчивости горстки красных конников навсегда и бесповоротно решили дальнейшую судьбу рабочего паренька Александра Моисеевского, находящегося на площади.

Через день 267-й стрелковый полк 30-й дивизии Красной Армии, куда в конную разведку был зачислен рядовым юный Моисеевский, выступил на колчаковский фронт. В тот же день с частями Красной Армии ушёл на фронт и его отец, направленный партией на партийную работу в войска.

Через многие бои прошел по сибирским дорогам со своим полком красноармеец Александр Моисеевский. 267-й полк состоял в основном из солдат обстрелянных, многие из которых прошли через фронты Первой мировой и были не единожды ранены.

Красная Армия в неудержимом порыве теснила отступающие вдоль сибирской железной дороги колчаковские части и интервентов. Не раз красноармейцу Александру Моисеевскому приходилось сходить в стремительных атаках с врагом. В одной из таких жарких атак под Красноярском он был тяжело ранен, но после излечения в госпитале вернулся в свой полк.

Исколесив с боями половину Сибири, от родного Томска до реки Селенги на границе с Монголией, и не раз, отличившийся в боях, он направляется на годичные курсы радиотехников, по окончании которых служит техником по радиосвязи в артполку 1-й Западно-Сибирской бригады.

В 1921 году его принимают кандидатом в члены партии, а в 1924 - он становится членом Ленинской партии. В этом же году он назначается начальником связи авиаотряда в г. Чите, а спустя год он снова в ар-

тиллерии на должности начальника связи артполка.

22-летний, полный задора и энергии, он в короткое время завоёвывает авторитет и симпатию среди личного состава и выдвигается на партийную работу.

События на КВЖД в 1929 году застают его политруком батареи.

Батарея, где политруком был Александр Моисеевский, двигалась на марше в голове колонны артполка. Невдалеке от железнодорожной станции на привале командиров дивизионов и батарей вызвал к себе командир полка. Старшим в дивизионе остался политрук Моисеевский. Вскоре из-за сопки послышался шум, и на дороге к станции появились крытые и пешие солдаты в шинелях с меховыми воротниками в остроконечных шапках.

“Белокитайцы!” - в один голос вскрикнули бойцы.

“Да, это они”, - промолвил политрук.

Весь дивизион теперь смотрел на Моисеевского, а вражеская колонна все увеличивалась. Что же делать? Ждать до возвращения командира дивизиона - значит быть разбитыми.

“Дивизион, к орудиям!” - прозвучал мощный голос Моисеевского. Все быстро заняли свои боевые места, ожидая новой команды.

“Вправо, в порядке батарей с передков к бою”, - прозвучала команда Моисеевского.

Артиллеристы в считанные секунды развернули орудия, а старшие на батареях доложили о готовности к открытию огня.

“Прямой наводкой, картечью, четыре снаряда, беглый огонь!” - скомандовал политрук.

Мгновение и морозный декабрьский воздух потрясли орудийные выстрелы. Видно было, как передовые шеренги вражеских солдат падают, сраженные картечью. Но из-за сопки, еще не понимая, что происходит, продолжали выходить новые колонны и попадали тоже под меткие залпы батарей.

Плотность огня возросла. Орудийные расчеты работали сноровисто и точно. В секундных перерывах они продолжали слышать команду Моисеевского: “Залпом.

Огонь!”

Уже по десяти снарядов выпустила каждая гаубица, но их рев не смолкает. Противник окопался, принял боевой порядок и перешёл в атаку на позиции дивизиона. Моисеевский приказал дивизиону занять круговую оборону. Атакующие цепи белокитайцев значительно поредели, но продолжали сближаться с позициями наших артиллеристов. И вот орудия стихли. Из-за близкого расстояния они больше не могли вести огонь. И тут прозвучала новая команда политрука: “Приготовиться к контратаке”. И по сигналу Моисеевского дивизион дружно, с криком “Ура!” ринулся в контратаку.

Завязалась рукопашная схватка, в гуще которой была видна высокая фигура Александра Моисеевского. Он ловко орудовал штыком, а иногда мгновенно из-за пазухи выхватывал наган и без промаха в упор бил врагов, увлекая за собой красноармейцев.

Вскоре к полю боя прискакал комполка, а за ним и весь полк. Белокитайская колонна была разгромлена. Лишь немногим из них удалось спастись бегством. Командир полка крепко обнял Александра Моисеевского и сказал: “Действовали героически и тактически грамотно. Будете представлены к правительственной награде”.

Орденом Красного Знамени был отмечен этот героический подвиг сибиряка Александра Моисеевского.

Продолжая военную службу, наделенный недюжинным умом и стремлением жить с перспективой, политрук Моисеевский настойчиво ставит перед командованием вопрос о дальнейшей учебе, и в 1936 году его посылают на годичные курсы при Военно-политической академии в Москве.

Успешно окончив их, он в звании батальонного комиссара возвращается в свой родной округ, где назначается начальником группы контроля Военного Совета Округа, а в 1939 году переводится на командную работу и назначается начальником отдела боевой подготовки СибВО с присвоением воинского звания полковник.

В штабе округа тогда было немного командиров, имевших боевые ордена и 35-летний полковник с орденом Красного Знамени на груди, не говоря уже о его

приятной внешности и физической слаженности, заметно выделялся из общей массы командиров и пользовался среди них большой симпатией.

В новой должности полковник Моисеевский с головой уходит в подготовку войск округа. На учениях - он начальник штаба руководства, на маневрах - старший посредник. Летом верхом на коне, зимой - на лыжах, он неутомимо прокладывает дорогу по заданному маршруту, ведя остальных за собой.

Выносливый, общительный, веселый он был всем по душе.

Назначенный в ходе Ельнинской операции командиром 303-й стрелковой дивизии он воспринял судьбу соединения, как свою собственную. Этого же требовал он и от своих заместителей штаба, командиров частей и подразделений.

Вынашивая мысль, о возможности вступления в командование стрелковой дивизией, и внутренне готовясь к принятию такой ответственной командной должности, полковник Моисеевский, однако, не предполагал, что ему придется вступить в командование дивизией в столь необычных условиях, когда дивизия, сдерживая натиск превосходящих сил противника, должна в сжатые сроки сама подготовиться для контрудара и перейти в решительное наступление. Переход дивизии от обороны к наступлению в условиях общего превосходства противника в силах и средствах требовал от только что вступившего в командование дивизией полковника Моисеевского не только глубоких знаний тактики и умения быстро и правильно оценить обстановку, но и применения самой решительной формы маневра: разобщения частей противника, обхода и охвата его с флангов и таких решительных действий, которые бы обеспечили выполнение поставленной боевой задачи по охвату противника в Ельнинском выступе с юга.

Полковнику Моисеевскому пришлось на ходу оценивать обстановку перед фронтом дивизии, на ходу знакомиться с планом боя дивизии, принятым своим предшественником, уточнять положение частей и вносить коррективы в задействованный уже план операции

дивизии, на ходу заслушивать начальника штаба и вести разведку.

Произведя частичную перегруппировку сил, вновь назначенный комдив двумя полками рассек оборону противника перед фронтом дивизии, и, расширяя прорыв вводом в дело третьего полка, решительно повел дивизию вперед.

Немцы не ожидали такого внезапного и решительного поворота событий на этом участке фронта, но, опомнившись от неожиданного удара и маневрируя силами, пытались если не остановить, то хотя бы замедлить наступление дивизии, переходя в яростные контратаки.

Боевые действия шли теперь на многих участках, на которые распалась оборона противника под ударами 303-й стрелковой дивизии.

Полковник Моисеевский всякий раз появлялся там, где чаша весов начинала склоняться в пользу противника и, находя уязвимое место в его боевых порядках, наносил неотразимый удар.

Одним своим присутствием он уже влиял на людей. Возникали и особые трудности, которые временами казались просто непреодолимыми. И только немедленные действия в такой обстановке могли обеспечить перелом в ходе боя.

На одном из участков наступления дивизии путь танкам сопровождения пехоты преградил обширный участок заболоченной местности. Встали танки, остановилась и пехота. В этот момент в полку появился полковник Моисеевский. Быстро выяснив обстановку, он организовал наступление пехоты без танков, а ее атаку обеспечил огнем танковых пушек. Полк выполнил поставленную боевую задачу.

4 сентября 1941 года северная и южная ударные группировки 24-й армии глубоко охватили оборонявшиеся в Ельнинском выступе войска противника, угрожая ему окружением. Враг дрогнул. Неожиданный удар 303-й стрелковой дивизии с юго-запада оказался для немцев сокрушительным, и через узкую горловину они начали поспешный отход. Преследуя его, наши части к

утру 6 сентября освободили Ельню.

Ельнинский плацдарм, откуда фашистские войска пытались развить наступление на Москву, стал могилой для отборных немецких дивизий. На поле боя враг оставил тысячи трупов своих солдат и офицеров.

За умелое руководство частями в Ельнинской операции, снявшей угрозу левому флангу Западного фронта, генерал армии Г.К. Жуков объявил полковнику Моисеевскому благодарность.

После завершения операции 303-я стрелковая дивизия под командованием полковника Моисеевского перешла к жесткой обороне. Фашистские войска пытались неоднократно прорвать оборону на этом участке фронта, но терпели провал за провалом. Стойкости обороны во многом способствовали правильный выбор командиром дивизии оборонительных позиций и умелая организация огневого взаимодействия.

Основные усилия обороны полковник Моисеевский сосредоточил в центре на удержании высот, от которых зависела устойчивость обороны.

Командир дивизии заставил всех окопаться и развил глубокую сеть траншей и ходов сообщения, как по фронту, так и в глубине. А боевой порядок, построенный в два эшелона, создал и глубокую оборону.

И в Ельнинской операции, и теперь в оборонительных боях полковник Моисеевский показал, что гитлеровских вояк можно бить в любых условиях боя.

За 15 дней упорных оборонительных боев полковник Моисеевский побывал в каждой роте и батарее, неустанно направляя усилия командиров этого звена на организацию оборонительного боя, на совершенствование инженерных сооружений, противотанковой обороны, маскировку позиций и организацию взаимодействия.

Полковник Моисеевский особое значение придавал личному общению с красноармейцами и младшими командирами, ибо только посредством такого общения можно было понять, чем дышат бойцы, какое их моральное состояние и боевые возможности.

Выслушивая мнение рядовых красноармейцев и

младших командиров, убеждался, хорошо и правильно ли они понимают свою боевую задачу, как будут действовать ночью, при танковых атаках врага, при действиях его разведки, что знают о находящемся перед ним противнике.

Командиры и красноармейцы постоянно видя своего комдива на переднем крае, на огневых позициях, живо интересующегося всем тем, чем живут воины в боевой обстановке и проявляющего неустанную заботу о том, как одеты, обуты и накормлены люди - проникались к нему уважением и доверием, заверяли, что пока не будет другого приказа, они будут стоять там, где стоят.

Вскоре командир 303-й стрелковой дивизии А.Г. Моисеевский получил приказ сосредоточить части дивизии в районе Спас-Деменска и Павлиново, погрузиться в эшелоны и отправиться в Калугу, где войти в состав 49-й армии. Недостаток вагонов задержал погрузку дивизии в эшелоны. Всего один полк успел погрузиться и отбыть к месту назначения, как обстановка на фронте резко изменилась.

30 сентября – 1 октября 1941 года немецко-фашистские войска начали свое “генеральное наступление” на Москву. О передислокации дивизии к Калуге не могло быть и речи.

Полковник Моисеевский, понимая сложность обстановки, принимает решение поставить дивизию в оборону у Спас-Деменска и задержать рвущегося к столице врага.

За двое суток дивизия успела окопаться и создать систему огня, а на некоторых танкоопасных направлениях и инженерные заграждения.

Когда 2 октября 1941 года противник, прорвав фронт, занял станцию Занозная и подошел к Спас-Деменску, ему преградила путь 303-я стрелковая дивизия.

Целые сутки здесь шли непрерывные ожесточенные бои. Отыграть у противника в той сложной обстановке целые сутки - было большой победой.

Фашисты, имея подавляющее превосходство в живой силе и артиллерии и абсолютное в танках и авиа-

ции, продолжали наращивать удары против частей 303-й стрелковой дивизии, пытались овладеть городом, но не имели успеха.

Воины дивизии продолжали стойко удерживать город, отразив шесть вражеских атак пехоты и танков, поддержанных с воздуха.

Полковник Моисеевский, находясь с оперативной группой в Спас-Деменске, руководил обороной города. Но силы были слишком неравные. Две пехотных и одна танковая дивизии немцев продолжали непрерывно атаковать части дивизии, пытаясь взять ее в клещи.

Учитывая тяжелую обстановку, наше командование отдало приказ отвести 303-ю стрелковую дивизию на промежуточный оборонительный рубеж в двадцати километрах севернее Спас-Деменска и занять оборону у лесного массива в районе деревни Буда.

Под покровом ночи полковник Моисеевский быстро снял полки с рубежа обороны у Спас-Деменска и вывел дивизию на новый оборонительный рубеж.

5 октября 1941 года 303-я стрелковая дивизия вновь приняла на себя удар рвущихся на Москву гитлеровских частей. Завязался тяжелый неравный бой. Вражеская пехота под прикрытием огня артиллерии, имея впереди себя танковый таран, пыталась прорвать фронт обороны дивизии. То на одном, то на другом участке завязывались ожесточенные бои, в которых воины дивизии, проявляя массовый героизм, стойко удерживали рубеж обороны, перехода в контратаки.

В этих боях полковника Моисеевского не раз можно было видеть на самых опасных участках боя, часто идущего вместе с красноармейцами в контратаки. Сотни своих солдат оставил враг перед позициями 303-й стрелковой дивизии, и это охладило на какое-то время его пыл.

Упорные оборонительные бои 303-й стрелковой дивизии в районе Буды дали возможность нашему командованию вновь выиграть время, чтобы подтянуть резервы.

Убедившись в прочности фронтальной обороны 303-й стрелковой дивизии, враг вынужден был отка-

заться от фронтальных атак и подвижными частями начал обтекать дивизию с флангов. В непрерывных боях порядели ряды дивизии, на исходе были боеприпасы, кончилось горючее.

7 октября 1941 года гитлеровцам удалось обойти дивизию с флангов. Остатки уцелевших подразделений, продолжавших сражаться до последнего патрона и снаряда, оказались в лесу севернее Буды в кольце.

Когда неоднократные попытки организовать прорыв в юго-восточном направлении ни к чему не привели, полковник Моисеевский собрал немногих из оставшихся в живых командиров и сказал: “Немцы считают, что с нами покончено, а мы вновь попытаемся прорваться. С наступлением ночи скрытно подойдем к северному обводу кольца и по сигналу ракеты дружно бросимся в атаку. Действовать дерзко, на соседей не оглядываться, в плен не сдаваться”.

Вырваться всем не удалось. Сводный отряд под командованием полковника Моисеевского, прорвавшийся сквозь кольцо окружения, начал напряженный и утомительные марш по тылам врага.

Гитлеровцы не раз пытались уничтожить отряд, но полковник Моисеевский хитрым маневром своевременно выводил его из-под удара. Двигались по ночам, обходя населенные пункты. С особой осторожностью переходили железнодорожные пути и шоссе. Фронт немцев все более уплотнялся, все труднее приходилось отрываться от противника.

Кончился октябрь. Похолодало. Пройдена уже большая часть пути, но до своих еще далеко. В начале ноября на дневке полковник Моисеевский сказал: “Пусть нас мало. Пусть мы в тылу у врага, но пассивность не в натуре советских людей. Будем нападать на мелкие группы противника, расстраивать его тылы, нарушать связь”.

Сорок красноармейцев и командиров сводного отряда восприняли эти слова комдива с энтузиазмом.

В Можайском районе удалось соединиться с небольшим партизанским отрядом. Полковник Моисеевский выделил из наличных сил подрывников, разведчи-

ков, связистов. Перешли к более активным действиям! У деревни Федново Юрловского района Московской области вырезали километр проволочной связи какого-то крупного штаба.

На поставленных фугасах подорвали несколько автомашин гитлеровцев, уничтожив живую силу. Непрерывно вели разведку расположения частей, артиллерийских позиций, аэродромов и гарнизонов противника, искали связи с другими партизанскими группами.

Неожиданно повезло. Встретились с истребительным отрядом майора Галкина, заброшенным в тыл врага для диверсионной работы. После короткого совещания было принято решение прорываться к своим.

Наконец в начале декабря сводный отряд под командованием полковника Моисеевского в форме, с документами и оружием в руках соединился с частями Красной Армии.

Многокилометровые ночные переходы по тылам врага, активные совместные боевые действия с партизанами измотали силы каждого из участников этого героического рейда, но не согнули их волю, веру в Победу. Исхудавшие, обносившиеся, полуголодные они вышли к своим организованно и представляли собой хорошо сколоченное, сильное духом и подчиненное дисциплине кадровое подразделение Красной Армии, готовое выполнить любое боевое задание командования.

И в этом была большая заслуга полковника Моисеевского, который ни на минуту не забывал, что отряд, которым он командует в глубоком тылу врага, является частью Красной Армии, и своим мужеством и отвагой постоянно вселял уверенность в каждом бойце и командире в успех рейда и будущую победу над врагом.

После непродолжительного отдыха полковник Моисеевский назначается в штаб армии. Работая там, он внимательно изучает сводки, поступавшие в штаб армии, жадно расспрашивает командиров, прибывающих с передовых позиций, анализирует события начального периода и тактику ведения боевых операций частей гитлеровской армии, однако, его не покидает мысль вновь быть на передовой, на командной работе.

В начале 1942 года командование армии удовлетворяет его просьбу о направлении на командную работу, и он назначается заместителем командира 160-й Московской стрелковой дивизии. В тяжелых оборонительных боях осени 1941 года за столицу эта дивизия, сформированная из рабочих и служащих Дзержинского района г.Москвы, как 6-я ополченская, за проявленную стойкость и массовый героизм была преобразована в кадровую дивизию.

Полковник Моисеевский, до войны учась в военно-политической академии и академии им. Фрунзе в Москве, часто выступал среди рабочих столицы, и дивизия приняла его как своего москвича. Показав себя знатком позиционной обороны и организации разведки, он отдавал весь свой опыт и знания боевой подготовке частей дивизии к предстоящему наступлению.

Летом 1942 года на Смоленское направление прибыла свежая, только что сформированная на далеком Алтае в г. Славгороде 312-я стрелковая дивизия, на которую командование 5-й армии возлагало особую задачу в готовящемся наступлении на город Карманово на Смоленской земле.

В августе 1942 года полковнику Моисеевскому было объявлено о назначении его командиром этой стрелковой дивизии. Радостное чувство охватило Александра Гавриловича, когда он узнал, что 312-я стрелковая сформирована в его родном сибирском военном округе и что основной ее костяк - сибиряки и алтайцы. Так неожиданно судьба вновь свела его с соединением из родной Сибири.

Вступив 10 августа 1942 года в командование дивизией, полковник Моисеевский с жаром отдается любимому делу. Обладая не только командным, но и большим опытом партийной работы в армии, он первым делом ознакомился с партийными организациями частей и наладил сразу же хорошее взаимодействие с комиссаром дивизии старшим батальонным комиссаром Еременко и начальником политотдела дивизии Михаилом Григорьевичем Горемыкиным. Вместе с ними он провел совещание командиров всех рангов. Вновь назначенный

командир дивизии терпеливо объяснял своеобразие обстановки сорок второго года, подчеркивая мысль, что недалек день решающих сражений Красной Армии, коренного перелома в ходе войны.

За короткое время он уже знал всех командиров полков, батальонов, рот. Знал, для какого дела кто пригоден. От них он требовал учить личный состав тому, что требуется на войне, в бою.

В ходе боевой учебы и службы полковник Моисеевский знакомился с красноармейцами и сержантским составом. В беседах с ними он говорил: “Вы должны понять простую истину, что не вечно будете сидеть в окопах. Наступит время и дивизия пойдет вперед. Поэтому к наступлению надо тщательно готовиться”.

На сборах командиров рот и батальонов он сказал: “Главная задача сейчас - усиленное обучение личного состава наступательному бою”.

Полковник Моисеевский был не только беззаветно предан присяге и воинскому долгу, не только исполнительный в приказах, но и необычайно обаятельным человеком. Это был человек какой-то удивительной любви к людям. Он всегда показывал пример уверенности и спокойствия. Он умел создавать вокруг себя какую-то особую атмосферу доброжелательности и взаимопонимания. К нему тянулись люди, у него учились.

В дивизии все почувствовали, что пришел знающий и опытный командир. По всему тому, что он делал, а делал он все основательно, было видно, что пришел новый комдив надолго.

Полковник Моисеевский особое значение придавал слаженной работе полевого управления. На партийном собрании он выступил с острым политическим докладом, в котором проанализировал глубоко работу штаба, отделов, родов войск и служб, органов тыла дивизии.

Война - это и труд и искусство. Составить точный прогноз боя невозможно, так как возможны любые сюрпризы. Но стремиться предвидеть ход боя, навязать свою волю противнику - нужно. Нельзя ограничиваться одним, подчас шаблонным вариантом, а, проявляя гибкость, искать более разумных решений. За ошибки при-

дется расплачиваться кровью. Бой учит рисковать, но рисковать надо оправданно. И всегда надо стремиться опережать врага, хоть на полшага, но упреждать.

Ведя оборону, дивизия одновременно готовилась к наступлению. Комдив спешил, боясь упустить время. По его приказу с переднего края поочередно выводились в тыл подразделения на тактические занятия. Многие из них, особенно с боевыми стрельбами, он проводил лично.

13 августа 1942 года 312-я стрелковая дивизия, входящая в состав 24-й армии, получает задачу одним полком сменить части 2-го кавкорпуса и 415-й стрелковой дивизии на рубеже Емельяново-Лукаши, Гусаки, а остальными силами перейти в наступление и овладеть Карманово.

Город Карманово, расположенный в тридцати восьми километрах от Гжатска, обороняли части 342-й пехотной, 36-й моторизованной и 2-й танковой дивизии немцев, той самой, которая участвовала в захвате Бельгии, Франции, Люксембурга, Греции, Югославии и считалась наиболее боеспособной в гитлеровской армии.

В полосе наступления дивизии укрепления противника возводились в течение нескольких месяцев. Хорошо сознавая, что через Карманово проходят шоссейная и железная дороги на Смоленск и Москву, немецкое командование возвело на этом направлении мощные оборонительные полосы, со множеством самых различных инженерных сооружений.

Оборонительные порядки противника Карманово прикрывались четырьмя километрами сплошного смешанного леса, приспособленного для ведения боевых действий.

Все дороги в этом лесу, просеки, поляны простреливались пулеметным и автоматным огнем, орудиями прямой наводки. Дзоты и отдельные дерево-насыпные заборы и окопы были прикрыты минными полями и заграждениями.

На переднем крае и в глубине обороны противник имел разветвленную сеть наблюдательных пунктов, позволяющих ему глубоко просматривать наши боевые

порядки.

Догадываясь, что готовится наступление, противник тщательно скрывал характер обороны и систему огня.

У нашей дивизии не было ни одного наблюдательного пункта, с которого можно было бы просмотреть глубину обороны противника, уточнить очертания переднего края и систему огня.

Оценив обстановку, командир дивизии решил, что вначале нужно оттеснить от леса противника, выйти на противоположную опушку леса и организовать там наблюдательные пункты, а затем уж, проведя артиллерийскую подготовку, штурмовать Карманово при поддержке танков.

Дивизия без 1079-го стрелкового полка, усиленная танковым батальоном в 12 танков (из группы полковника Армана) и четырьмя артиллерийскими полками с утра 20 августа 1942 года перешла в наступление.

Зарытые в землю танки противника, хорошо замаскированные в лесу орудия прямой наводки ударили по стрелковым батальонам, ворвавшимся в лес.

Немцы сопротивлялись ожесточенно, яростно поливая свинцовым огнем все подступы к обороне. Боевые действия шли с переменным успехом и на обширных участках лесного массива. Стрелковые батальоны несли потери, и комдив приказал приостановить дальнейшее наступление. Для 312-й стрелковой дивизии, сформированной и обученной на равнинной местности, это был первый бой в лесистой местности, и здесь нужна была иная тактика боя.

Полковник Моисеевский спешно собрал командиров полков и батальонов и дал конкретные указания на организацию боя в лесу, на тактические приемы обходных маневров, смелых действий штурмовых групп в обход закопанных в землю танков, орудий прямой наводки.

Особые указания комдив дал командиру 859-го артполка майору Е.Ф. Гончарову на усиление штурмовых групп орудиями прямой наводки и концентрации огня на решающих направлениях штурма укрепленных позиций противника.

С утра следующего дня, несмотря на продолжав-

шийся со стороны противника сильный артиллерийский огонь и бомбовые удары, 312-я стрелковая дивизия вновь перешла в наступление.

Преодолевая многочисленные заграждения, обходя закопанные в землю танки и орудия прямой наводки и дзоты, широко применяя маневр подразделениями, дивизия очистила лес от гитлеровцев и вышла на его южную окраину, заняв сильно укрепленные опорные пункты противника Жулебино и Рогуино. Весь последующий день дивизия готовилась к решительному штурму Карманова.

23 августа 1942 года 312-я стрелковая дивизия, взаимодействуя с 8-м Гвардейским стрелковым корпусом, атаковала противника и овладела первой траншеей оборонительной полосы, прикрывавшей Карманово, и при поддержке 31-й танковой бригады полковника Григорьева к середине дня очистила от противника весь город.

Над Карманово взвился красный флаг. Более 1000 трупов гитлеровских вояк из 2-й танковой дивизии остались лежать на улицах Карманова. Захвачены большие трофеи, в том числе 40 танков.

312-я стрелковая дивизия одержала первую победу. Сибирские стрелки под командованием сибиряка полковника Александра Моисеевского нанесли в том сражении окончательное поражение остаткам хваленной 2-й танковой дивизии гитлеровцев, которая перестала существовать как дивизия и была переименована в боевую группу. Подумать только: пехотная бьет танковую!

Эта первая победа вдохновила личный состав дивизии на новые подвиги, вселила в бойцов уверенность, что противника даже сильного, можно бить, если действовать умело и решительно.

Весной 1943 года 312-я стрелковая дивизия привлекается к участию в Ржевско-Вяземской операции. Действуя на направлении главного удара армии, она успешно осуществляет прорыв мощной долговременной обороны немцев на участке Гусаки-Субботино.

Серьезным препятствием на пути продвижения дивизии оказались деревня и железнодорожная станция

Касня, расположенные в двадцати пяти километрах северо-западнее г. Вязьмы.

Деревня и железнодорожная станция были сильно укреплены и превращены противником в опорные пункты. Все подходы к ним и дороги были густо минированы. Из-за сильных снежных заносов отстала артиллерия, не хватало и саперов, однако полковник Моисеевский, верный принципу не давать противнику ни часа передышки и гнать его на Запад, лишая возможности закрепиться на промежуточных рубежах, решил ввести в дело лыжный батальон и ударом с тыла атаковать противника в опорных пунктах Касни и железнодорожной станции.

Скрытно совершив маневр “белые дьяволы”, как называли их гитлеровцы, неожиданно для противника появились у него в тылу. Командовал отдельным лыжным батальоном 312-й Смоленской стрелковой дивизии подполковник Дудченко Алексей Иванович.

Не пользуясь лыжными палками, чтобы не подорваться на минах, они на предельной скорости, без единого выстрела и привычного “Ура” стремительно ринулись в атаку на опорные пункты железнодорожной станции и деревни Касня, охватывая их в полукольцо. Только у самых построек батальон лыжников открыл губительный автоматный огонь.

Молниеносную атаку лыжников с тыла полковник Моисеевский поддержал стремительной атакой стрелковых батальонов с фронта.

Не выдержав такого удара, гитлеровцы в панике бросали свои позиции, оружие, раненых и целыми группами стали сдаваться в плен.

Не сбавляя темпов, полки дивизии вновь пошли на Запад. За 14 дней Ржевско-Вяземской операции, 312-я стрелковая дивизия прошла с боями 162 км, освободив от гитлеровской оккупации 283 населенных пункта в Вяземском, Издешковском и Дорогобужском районах Смоленщины. Только весеннее бездорожье остановило наступление дивизии, и она перешла к обороне на р.Осьма на рубеже Холмец-Купелище-Кондратово.

В середине июля 1943 года началась подготовка

Смоленской наступательной операции. 312-й стрелковой дивизии предстояло прорвать сильно укрепленную оборону противника, форсировать несколько водных преград, в том числе такие крупные, как Устром и Днепр, освободить Дорогобуж и нанести удар на Смоленск.

Смоленск являлся важнейшим стратегическим узлом обороны немцев на Западном направлении. Для гитлеровского командования Смоленск имел особое значение. В 1941 году после его захвата фашистские руководители объявили на весь мир, что теперь они почти достигли цели.

“Смоленск - это взломанная дверь. Германская армия открыла себе путь вглубь России. Исход войны предрешен”, - так заявил тогда Геббельс.

И вот теперь после разгрома фашистских войск под Сталинградом и Воронежем, после провала их наступления под Курском настало время выставить их и за “Смоленские ворота”.

Прошло то время, когда гитлеровское командование видело из Смоленска только один путь - путь на восток, путь к Москве. Сейчас, когда стратегическая обстановка на Смоленском направлении резко изменилась в пользу Красной Армии, фашистские оккупанты особо отчетливо увидели, что из Смоленска ведут пути и в противоположном направлении, пути на Запад: через Белоруссию, Прибалтику и Польшу в Германию. Учитывая это, гитлеровское командование потребовало от своих генералов ни в коем случае не сдавать Смоленск. И во исполнение этого приказа на Смоленское направление были стянуты крупные силы и построено несколько мощных оборонительных полос глубиной до 130 км, с использованием природных условий восточной части Смоленской области, изобиловавшей множеством рек, которые были также превращены в оборонительные рубежи на подступах к Смоленску.

312-й стрелковой дивизии, усиленной двумя минометными полками дивизионом реактивных минометов и двумя особыми минометными батареями и вошедшей в первый эшелон ударной группировки 5-й армии, наце-

ленной для удара на Смоленск, предстояло взломать ворота в обороне противника и овладеть ключевыми позициями в системе его обороны: Борисовка, высота 219,6, Секарево.

Александр Гаврилович понимал, что от правильно принятого им решения, организованного взаимодействия и управления частями и поддерживающими дивизию средствами во многом будет зависеть успех дивизии в предстоящей операции. Поэтому еще задолго до ее начала она начала тщательную подготовку. Всю свою волю и энергию он направил в первую очередь на отработку хода боевых действий в операции.

На неоднократных сборах командиров частей и их заместителей, начальников штабов полков, начальников родов войск и служб, а также ведущих офицеров полевого управления дивизии он проигрывал до мельчайших подробностей ход боевых действий вначале на топокартах, затем на местности, потом на ящике с песком, воспроизводящем в уменьшенной натуральной величине укрепления противника и местность, на которой предстояло действовать частям дивизии.

В ходе таких занятий он ставил подчиненных в самые неожиданные, трудные и порой критические ситуации и заставлял всех думать и искать правильные решения, проникнуться и жить предстоящим боем. При всем этом он никогда не ругал подчиненных за неправильные решения, а учил их глубокому, осмысленному анализу обстановки, соотношению сил и правильному решению.

Особое значение он придавал применению новых способов и приемов борьбы.

В предстоящем наступлении он решил применить для прорыва вражеской обороны одинарный огневой вал и безостановочное движение за ним пехоты и танков, а также возможности форсирования рек с ходу на подручных переправочных средствах.

Как наступать за огнем валом в дивизии никто не знал. Ставились на занятиях вопросы: на каком удалении должна двигаться пехота и танки за огнем валом, на какую глубину обороны и т.п.

И вновь по приказу комдива с переднего края очередно выводятся батальоны для отработки взаимодействия и мер обеспечения успеха при прорыве обороны противника.

Особое значение в предстоящей операции полковник Моисеевский придавал политическому обеспечению. На созванном совещании политработников дивизии он подчеркнул, что место политработников перед боем в траншеях, на огневых позициях, в солдатских блиндажах.

“Люди перед боем ждут не только приказа о наступлении, но и взволнованного напутственного слова”, - говорил комдив.

Дождливой августовской ночью с 6-го на 7-е августа, накануне наступления дивизии саперы проделали проходы сначала в своих, а затем и во вражеских минных полях. Начинало светать. Сквозь дым утреннего тумана стали вырисовываться брустверы вражеских траншей с видневшимися кое-где горбатыми спинами дзотов и командно-наблюдательных пунктов.

Неожиданно предутреннюю тишину разорвали залпы нашей артиллерии. Загудела земля. Снаряды с ревом неслись через головы изготовившихся к атаке передовых стрелковых подразделений прорыва, рвались в расположении врага, коверкая проволочные заграждения, разрушая дзоты и блиндажи. Почти два часа огненный ураган перепахивал окопы и траншеи врага, загнав гитлеровцев в укрытия и норы. И все же, когда первый эшелон перешел в атаку, отдельные уцелевшие огневые точки гитлеровцев открыли огонь, ожили и неподдавленные дзоты, и доты в глубине обороны. И хотя атака нашей пехоты и танков была стремительной, и впереди них шагал огневой вал, большая часть первого эшелона прорыва не смогла продвинуться дальше первой траншеи противника.

Наступление возобновилось 8 августа утром после сильной 30 минутной артподготовки всей артиллерии армии. Но и на этот раз противник оказал ожесточенное сопротивление, и продвижение дивизии было незначительным.

Противник, подтягивая резервы из глубины обороны и опираясь на сильные инженерные сооружения и заграждения в глубине обороны, оказывал сильное огневое сопротивление, непрерывно контратакуя нашу пехоту.

312-я стрелковая дивизия со 161-м танковым полком 153-й танковой бригады наступала на Борисково и на высоту 219,6. Поддержанная 161-м танковым полком и отразившая пять контратак пехоты противника с танками дивизия с тяжелыми боями упорно продвигалась вперед, прогрызая каждый километр вражеской обороны.

На шестой день наступления дивизия, захватив 1079-м стрелковым полком сильный опорный пункт в д.Секарево и выйдя к отметке 219,6 и д.Борисково, прорвала вражескую оборону, образовав в этих районах значительный выступ на запад.

Полковник Моисеевский хорошо понимал, что противник попытается любой ценой срезать этот, далеко вклинившийся в расположение вражеских войск, выступ дивизии на острие главного удара 5-й армии и своевременно перебросил на это направление прибывший на усиление дивизии 696-й истребительно-противотанковый полк.

Опасения комдива оказались не напрасными. Противник частями только что подошедшей свежей 35-й пехотной дивизии, усиленной танками, перешел в контратаку против 1079-го стрелкового полка в Секарево, стремясь прорваться к отметке 180,7, чтобы, создав угрозу окружения 1083-у стрелковому полку, заставить его отойти от д.Борисково.

Успевший совершить в этот район маневр 696-й истребительно-противотанковый полк преградил путь врагу. Выкатив орудия на прямую наводку, артиллеристы полка расстреливали танки противника в упор. Взаимодействуя с ними, пехота дивизии остановила врага и вновь перешла в наступление на сильный опорный пункт противника в Борисково. В ожесточенном бою за этот населенный пункт бессмертный подвиг совершил красноармеец 5-й стрелковой роты 1083-го

стрелкового полка узбек Таштемир Рустемов, закрывший своим телом вражескую амбразуру дзота, сдерживавшего губительным огнем атаку нашей пехоты на Борисково. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 3 июня 1944 года отважному воину было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Гитлеровское командование, стремясь остановить наступление наших войск на Смоленском направлении, спешно стало перебрасывать сюда из-под Орла свежие силы, и 13 августа 1943 года наступление 5-й армии было остановлено, нужна была передышка и пополнение. Если 312-я стрелковая дивизия до начала наступления имела численный состав в 7,5 тыс. человек, то к двадцатым числам августа только 4665 человек. 312-я стрелковая дивизия перешла к жесткой обороне, ведя разведку и улучшая свои позиции.

В 400-х метрах к востоку от д.Иванино перед фронтом дивизии противник владел господствующей над местностью высотой, с которой на большую глубину просматривалась оборона дивизии и позволяла противнику вести обстрел боевых порядков дивизии. Полковник Моисеевский, готовя дивизию к новому наступлению, принял решение захватить высоту и обеспечить дивизии выгодное положение для перехода в наступление. Задачу по захвату высоты комдив возложил на 1081-й стрелковый полк под командованием майора А.Перетрухина.

Глубокой ночью саперы дивизии бесшумно сняли мины и проделали проходы в проволочных заграждениях противника. 5-я стрелковая рота полка, пройдя сквозь проходы, проникла в тыл противника, на слабо защищенные скаты высоты и атаковала гитлеровцев. Не зная, какими силами атакован, противник, бросился в панику. Дружным ударам с тыла и фронта высота была еще до рассвета захвачена.

В ночь на 31 августа, когда дивизия в составе 5-й армии была готова к наступлению, в направлении Дорогобужа за линией фронта вспыхнуло зарево. Загрохотали взрывы. Небо заалело от пожаров, горели деревни Коровино, Белявка, хутора Пушкаревские, Яковлево, Высокое, Мазенки, Лозья и многие другие

Высокое, Мазенки, Лозья и многие другие населенные пункты вблизи линии фронта. Пламя поднялось и над Дорогобужем. Гитлеровцы рвали мосты, железнодорожные сооружения, промышленные объекты. Это было верным признаком готовящегося отступления противника.

Чтобы сорвать планы противника командующий армии генерал Поленов отдал приказ на наступление, и 312-я стрелковая дивизия тотчас перешла в наступление. К 9 часам утра ее передовые части продвинулись до четырех километров. Враг отступал, бросая раненых и вооружение.

Полковник Моисеевский перенес свой КНП в боевые порядки 1081-го стрелкового полка и, наращивая удар в стык 252-й и 35-й немецких пехотных дивизий, стал бить врага мощным кулаком.

Командир дивизии, организовав преследование отходящего противника, требовал от командиров частей и подразделений умения быстро перестраиваться и переносить усилия с одного участка на другой.

“Нельзя действовать только в боевом порядке, в развернутом положении. В зависимости от меняющейся обстановки надо быстро перестраиваться в предбоевой, или походный порядок. Экономить силы”, - учил он командиров всех степеней.

Продвинувшись за день 31 августа до 15 километров, дивизия, взаимодействуя на участке Ямщина-Артюшина с 207-й стрелковой дивизией, перерезала железную дорогу Дорогобуж - Ельня. Открывалась возможность быстрого овладения городом Дорогобужем, лежащим в излучине Днепра.

Через Дорогобуж проходила старая смоленская дорога. По этой дороге когда-то шла на Москву армия Наполеона. После сооружения автострады Москва-Минск прежнее значение этой дороги уменьшилось. Однако и в эту войну гитлеровцы выбрали ее осью для движения своих главных сил на Москву.

Гитлеровские войска после разгрома их под Москвой долго оборонялись на этом направлении, создав развитую и прочную систему укреплений. Дорогобуж

являлся важным звеном. Командующий 5-й армией генерал Поленов поставил задачу командиру 312-й стрелковой дивизии взять Дорогобуж и очистить прилегающий к нему район от противника.

“Времени на подготовку к операции по овладению городом остается мало”, - заявил командующий. “Справитесь?” - спросил он у комдива.

“Приказ будет выполнен”, - ответил полковник Моисеевский.

“На усиление вашей дивизии ночью подойдет батальон танков и два дивизиона самоходных орудий. Справа и слева вас поддержат соседи. О готовности доложить! Если вопросов нет, то у меня все”, - и командарм крепко пожал руку комдиву.

Подготовка к наступлению была завершена в срок. Разведка дивизии установила наличие частей 252-й и 35-й пехотных дивизий противника, закрепившихся на высотах восточнее Дорогобужа.

Глубокой ночью 1 сентября 1943 года полковник Моисеевский прибыл на свой командный пункт, развернутый на переднем крае в 4-5 км от штаба дивизии. Принимая доклады командиров частей о готовности к наступлению, он вновь и вновь прикидывал все ли основательно сделано, вновь и вновь старался представить ход предстоящего наступления и противодействия противника.

Над передним краем стояла непривычная тишина. Только взлетающие одна за другой осветительные ракеты над передним краем противника вызвали чувство настороженности.

“Нервничает противник, Владимир Петрович, - озабоченно произнес комдив. - Неужели он узнал о наступлении?”

“Полагаю, что нет”, - отозвался полковник Скоробогатый, заместитель командира дивизии по строевой части. Как бы помня сказанное, продолжал: “Командир 1079-го полка майор В. Лихотворик своими постоянными ночными вылазками нагнал на него такого страха, что он каждую ночь, особенно перед рассветом, сильно нервничает”.

В последний раз, проверив работу связи и сверив часы, полковник Моисеевский, повернувшись к начальнику артиллерии дивизии полковнику Ульянову, решительно произнес: “Время открытия огня! Действуйте, бог войны!”

Сигнал на открытие огня, поданный с НП дивизии, был одновременно продублирован по всем каналам связи дивизии и позади за лесом раздался привычный скрип, вслед за которым ночное небо прорезали огненные хвосты снарядов “Катюш”, и огромной силы залпы орудий разорвали предрассветную тишину.

Огненный смерч, мгновенно обрушившийся на головы противника, длился полчаса, но был такой силы, что буквально перепахал передний край обороны немцев, загнав уцелевших гитлеровцев глубоко в норы и убежища.

Сибирские стрелки дружно атаковали противника и вслед за огненным валом стремительно продвигались вперед, выкуривая врага из убежищ и уничтожая его штыком и прикладом. К 11 часам успех обозначился по всему фронту дивизии. Противник, сбитый с рубежа обороны, поспешно отступал к Дорогобужу. Полковник Моисеевский принимает решение с ходу овладеть этим древним русским городом и всеми полками переходит в стремительное преследование противника.

Следуя с оперативной группой за авангардным 1083-м стрелковым полком, командир дивизии лично руководит боем по овладению Дорогобужем. В полдень над разрушенным и разграбленным гитлеровцами городом вновь взвивается советский флаг.

За время оккупации Дорогобужа немецко-фашистские войска полностью разрушили и разграбили этот древнейший русский город. Из 2000 домов уцелели только 64. Гитлеровцы разграбили и уничтожили все ценности города: картины великих русских художников, старинную драгоценную утварь, взорвали Дорогобужский собор. Только за два последних месяца оккупации они замучили 700 мирных жителей. Тогда же под предлогом отправки в Смоленск 70 человек-инвалидов были вывезены за город и расстреляны в противотанко-

вом рву.

Впоследствии на дне этого рва были обнаружены трупы еще 3000 расстрелянных мужчин и женщин, а также детей. Многие обнаружены во дворах домов города.

С новой силой вспыхнул и гнев, и возмущение у воинов 312-й стрелковой дивизии. Лютая ненависть к врагу удесятерила их силы, и, быть может поэтому, немецкому командованию не удалось отвести части 337-ой и 252-й немецких пехотных дивизий на реку Уж.

312-я стрелковая дивизия громила части этих потрепанных дивизий, не давая им оторваться от преследования. Для прикрытия их гитлеровское командование бросило часть сил 18-й моторизованной дивизии, но и это не помогло. Напор и бесстрашие воинов дивизии приводили врага в замешательство, и он не успевал привести в негодность даже пути выхода к переправам.

К исходу дня 1 сентября части 312-й стрелковой дивизии вышли на реку Уж. Ночью форсировали ее и завязали тяжелые бои на ее западном берегу за деревни Устьятье, Выгонь, Мшутино и хутором Петровы. Противник всеми силами старался если не остановить, то хотя бы замедлить продвижение дивизии.

Несмотря на ненастье и ожесточенные контратаки гитлеровцев дивизия в течение двух недель не только стойко удерживает захваченный рубеж, но и с 15 сентября вновь переходит в наступление.

Не выдержав натиска сибиряков, противник вновь вынужден был начать отход на Запад, стремясь теперь достичь рек Днепра и Устрома и вновь попытаться остановить стремительное наступление частей 312-й стрелковой дивизии.

События развивались успешно. Преследуя отходящего противника, 312-я стрелковая дивизия продвинулась за день до 6 километров. Гитлеровские части поспешно отходили к Сверколучью и Коровникам, надеясь задержать наступление дивизии на промежуточном оборонительном рубеже реке Устром.

С наступлением ночи 18 сентября за линией фронта вновь запылали пожары. Горели деревни Климово,

Осово, Самодурово, а со стороны заднепровского села Соловьево донеслось несколько сильных взрывов. Это противник уничтожил основную переправу через Днепр. Этой же ночью 312-я стрелковая дивизия, выйдя к реке Устром и форсировав ее на подручных переправочных средствах, 1079-м стрелковым полком овладела деревней Коровники, а 1081-м стрелковым полком освободила Сверколучье.

Не давая врагу передышки, полковник Моисевский двинул полки дивизии в решительное преследование, и к рассвету дивизия вышла к Днепру в районе Соловьевой переправы. На этом участке не оказалось ни одного целого моста.

Предмостные укрепления гитлеровцев по восточному берегу Днепра не смогли устоять под натиском сибирских стрелков, но на основном оборонительном рубеже по западному берегу реки гитлеровцы оказывали упорное сопротивление.

Несмотря на то, что в предыдущих боях дивизия понесла значительные потери (в полках насчитывалось по 300-400 активных штыков) полковник Моисеевский, не ожидая подхода к Днепру табельных переправочных средств, принимает решение на форсирование реки на подручных переправочных средствах. Еще на подходе к Днепру созданные по приказу комдива в полках специальные подразделения разыскали, собрали в безлюдных и опустошенных ураганом войны деревнях доски и бревна, скобы и гвозди, бочки и проволоку - все, что могло пригодиться при сооружении плотов. Эти же подразделения разыскали спрятанные в камышах лодки, дощаники, плоты, которые саперы дивизии подвезли к Днепру вслед за полками.

Подготовка подручных переправочных средств и материалов во многом способствовала успешной реализации решения комдива на немедленное форсирование реки.

Противник, укрепившись по западному берегу Днепра, построил оборону в основном вокруг населенных пунктов. Сплошные траншеи там проходили не везде. Чтобы лучше видеть и контролировать переправу

гитлеровцы вблизи главной Соловьевой переправы подожгли все строения.

Командир дивизии, учитывая, что противник ожидает форсирование реки на главной переправе, принял решение на форсирование Днепра в стороне от нее, создав видимость форсирования у главной переправы. Выполнение задачи на форсирование Днепра первым комдив возложил на опытного командира стрелкового батальона майора Филиппа Захватава, уроженца города Смоленска, хорошо знавшего приднепровские места.

С наступлением ночи майор Захватав организовал в районе главной переправы ложную переправу. В отблеске зарева пожаров выделенные подразделения батальона спускали на воду плоты с чучелами, по которым противник открыл ураганный огонь из всех видов оружия. А тем временем разведчики батальона в стороне от разрушенной противником главной переправы на сооруженных из подручных материалов плотях переправились через Днепр.

Вслед за ними за Днепр с двумя пулеметными расчетами переправился взвод лейтенанта Севостьянова. Заняв удобную позицию, он прикрыл переправу стрелковой роты.

Одновременно по приказу комдива артиллерия дивизии нанесла удар по батареям противника, обнаруживших себя открытием огня по району ложной переправы. Удар нашей артиллерии был точен. Какое-то время противник еще продолжал обстрел переправы из отдельных орудий и минометов, но вскоре и они прекратили огонь. Воспользовавшись ослаблением огня через Днепр, начали переправу и основные силы батальона майора Захватава.

Появление русских за Днепром не со стороны главной переправы, а в стороне, вызвали панику в стане врага. Батальон майора Захватава, развернувшись, атаковал опорный пункт гитлеровцев в селе Соловьево во фланг. В короткой стремительной схватке гарнизон противника, охваченный паникой, был разгромлен. Развивая успех, полковник Моисеевский отдал приказ на форсирование Днепра главными силами полка первого

эшелоны.

Высадившийся за Днепром еще один батальон этого полка с ходу атаковал второй важный участок в обороне противника на западном берегу Днепра - Макеево и в короткой ночной схватке овладел им.

Падение ключевых позиций противника за Днепром расстроило систему его обороны на этом участке фронта и комдив ввел в дело главные силы дивизии. По наведенной в течение ночи саперами переправе на западный берег Днепра вышел и 859-й артполк дивизии под командованием майора Е. Гончарова, который массированным огнем обеспечил поддержку стрелковых полков, расширивших плацдарм по фронту и в глубину.

На рассвете части дивизии, потеснив противника, вышли к деревне Пнево, у которой гитлеровцы предприняли отчаянную попытку контратакой отбросить части дивизии.

До батальона пехоты гитлеровцев, поддержанные пушечным огнем самоходных орудий, контратаковали передовые батальоны 1079-го и 1081-го стрелковых полков, но успеха не имели. Сибиряки не дрогнули. Противотанковые батареи и полковые орудия, выдвинутые в боевые порядки пехоты, открыли огонь прямой наводкой и сразу же подбили и подожгли три самоходных орудия гитлеровцев, расстроив боевой порядок контратакующей пехоты.

Огонь наших станковых пулеметов и минометных батарей вынудил его пехоту откатиться обратно в опорный пункт, но закрепиться в деревне Пнево ему уже не удалось. Гитлеровцы не выдержали дружной атаки сибирских стрелков и в панике бежали из опорного пункта.

Поддержанный резервами 337-й пехотной дивизии противник вновь попытался задержать наступление 312-й стрелковой дивизии теперь уже на рубеже реки Хмость. Солдатам и офицерам этой дивизии под угрозой смерти было запрещено отступать с этого последнего перед Смоленском оборонительного рубежа. Этим и объясняется то отчаянное упорство, с которым гитлеровцы пытались удержаться на этом рубеже.

И тем не менее, им не удалось устоять под натиском 312-й стрелковой дивизии. Форсировав на участке Кардымово-Слово реку 1083-ий стрелковый полк майора А. Коростылева, захватив плацдарм, продвинулся до 3-х километров. Полковник Моисеевский, развивая успех, осуществляет переправу полка второго эшелона и переносит свой наблюдательный пункт на плацдарм.

Одновременно на плацдарм на плотках начала переправу и артиллерия дивизии.

Гитлеровское командование, всерьез обеспокоенное захватом 312-й стрелковой дивизией обширного плацдарма на западном берегу реки Хмость, спешно перебросило в этот район части 18-й моторизованной дивизии, которые, взаимодействуя с 337-й пехотной дивизией, пытались сбросить части 312-й стрелковой дивизии с плацдарма.

В течение всего дня 22 сентября они непрерывно контратаковали на всем фронте захваченного плацдарма дивизии. Одновременно противник оказывает мощное воздействие артиллерией на район переправы дивизии, стремясь лишить наши силы на плацдарме поддержкой боеприпасами и резервом.

В исключительно тяжелых условиях полковник Моисеевский перебрасывает на плацдарм полк второго эшелона и наносит с ходу удар в обнаруженный разведкой дивизии стык между 337-й и 18-й моторизованными дивизиями.

Разобшив на этом участке противника фронт обороны, и угрожая охватом с флангов его частям, полковник Моисеевский вынудил противника начать отход.

Для дивизии открылась возможность выхода к важному опорному пункту противника - Кардымово. Возглавив передовой подвижный отряд дивизии, полковник Моисеевский, настигнув врага, врывается на его плечах в Кардымово и овладевает проходящим здесь участком железной дороги. Захват этой важной позиции на подступах к Смоленску оказал решающее влияние на весь последующий ход наступления на Смоленск.

Практически у немцев не оставалось больше оборонительных рубежей перед Смоленском и, учитывая это,

полковник Моисеевский отдал приказ на безостановочное преследование в панике отступающего противника.

В ночь на 24 сентября передовые части дивизии вплотную подступили к внешнему оборонительному обводу Смоленска.

Действуя на острие главного удара, 312-я стрелковая дивизия вырвалась далеко вперед от главных сил армии. И хотя дивизия в тяжелых непрерывных боях понесла серьезные потери и имела значительный некомплект, полковник Моисеевский, не ожидая подхода главных сил армии, двумя полками, усиленными артиллерией 152-го укрепрайона, атаковал противника в опорных пунктах у совхоза Астроганы и деревни Дороны на восточном берегу реки Строгановки и решительно двинул дивизию на Смоленск.

В 2 часа ночи 25 сентября 1943 года дивизия форсировала последнюю водную преграду - реку Волочейку и в 5 час. 30 мин. утра передовым 1083-м стрелковым полком ворвалась на северо-восточную окраину Смоленска. А еще через час 1079-м стрелковым полком под командованием майора В. Лихотворика форсирует на подручных средствах Днепр в городской черте и в ожесточенных боях к полудню овладеет южной окраиной Смоленска.

Очищая дом за домом, улицу за улицей, полки дивизии пробиваются к центру города. К ночи Смоленск был полностью освобожден подошедшими частями 5-й, 31-й, 68-й армий.

Ворота Москвы были накрепко захлопнуты. Отныне путь врагам нашей Родины к столице нашего государства был закрыт навсегда.

За успешное форсирование Днепра и участие в овладении штурмом важнейшим на западном направлении узлом обороны немцев городом Смоленском 312-й стрелковой дивизии приказом Верховного Главнокомандующего присваивается почетное наименование "Смоленская". Этим же приказом всему личному составу дивизии была объявлена благодарность, а столица нашей Родины Москва салютовала войскам, освободившим Смоленск, 20-ю артиллерийскими залпами из

224-х орудий.

Постановлением Совнаркома СССР от 17.10.43 года командиру 312-й Смоленской стрелковой дивизии Александру Гавриловичу Моисеевскому присваивается звание генерал-майора.

Освобожденный Смоленск лежал в руинах. В течение 5 дней нахождения дивизии в городе саперы дивизии разминировали многие улицы и здания. Полки дивизии расчищали истерзанный город от завалов. При участии дивизии начались работы по восстановлению переправ.

За 26 месяцев и 10 дней “хозяйничанья” гитлеровских захватчиков в древнем Смоленске было уничтожено 7300 зданий и 8000 домов, а уцелевшие здания, в т.ч. Горсовет, гостиница, театр были заминированы авиабомбами с часовым взрывателем. Взрывы должны были следовать ежедневно в течение 21 дня.

Город почти вымер. Из 157 тысяч жителей осталось чуть больше 16 тысяч.

В течение пяти дней дивизия, находясь в г. Смоленске, производила расчистку города от завалов и разрушений, разминирование объектов, ремонт дорог, восстановление переправ. Политический отдел дивизии оказывал активную помощь в налаживании работы органов Советской власти в городе и нормализации жизни населения г. Смоленска.

Глава 2. Прорыв к Хелму.

Шел июль 1944 года. Советское командование готовило сокрушительный удар по врагу южнее Ковеля, который должен был окончательно сокрушить последние надежды гитлеровского командования закрепиться на Советской земле, откуда открывался кратчайший путь к государственной границе Советского Союза по Западному Бугу с Польшей, к польским городам Хелм и Люблин и далее к Висле.

Догадываясь о готовящемся наступлении наших войск, противник не стал дожидаться удара и 5 июля 1944 г., оставив находящийся в низине Ковель, начал отвод своих войск на заранее подготовленный рубеж Парыдубы - Торговище, опирающийся на выгодные высоты, о котором не знало наше командование.

Первыми заметили этот отход противника разведчики разведроты 77-й гвардейской стрелковой дивизии 25-го стрелкового корпуса 69-й армии под командованием старшего лейтенанта А.С. Сергеева, которые у убитого офицера 342-й пехотной дивизии обнаружили карту с намечаемыми оборонительными рубежами вплоть до р. Западный Буг.

Наши части сбили слабое прикрытие противника и овладели Ковелем. Через два дня, когда продвижение составило до 12 км, вперед пехоты вышел 2-й танковый корпус, две танковые бригады которого неожиданно натолкнулись на прочную оборону противника и, неся потери от кинжального огня закопанных в землю танков и вышедших в этот район частей мотодивизии СС "Викинг", не смогли прорвать оборону противника.

Продолжая отход, противник 7 июля 1944 г. занял рубеж севернее окраины Раслув, лес западнее Дольска и далее на юго-запад по р. Турья.

Используя это, с утра 7 июля после огневого налета по обороне противника перешли в наступление войска 69-й армии, однако уже через двое суток они были остановлены на линии Торговище - Дольск - наиболее сильно укрепленном оборонительном рубеже перед Западным Бугом и

ранее не известном нашему командованию. В этот же район противник скрытно выдвинул подразделения мотодивизии СС “Викинг”.

Осуществляя последовательный отход своих войск, противник рассчитывал заставить нас вести затяжные бои на малоизвестных, а то и вовсе неизвестных оборонительных рубежах, вынуждая нас к частому развертыванию в боевые порядки.

Преследуя отходящего противника, 312-я Смоленская стрелковая дивизия, входящая в состав 91-го стрелкового корпуса 69-й армии, подошла к оборонительному рубежу противника Торговище - Дольск (под кодовым названием “Бюфаль”), и, встретив сильное огневое сопротивление, перешла к обороне на фронте Торговище, высота 204,6, имея один – 1081-й стрелковый полк в первом эшелоне и два стрелковых полка 1079-й и 1083-й - во втором эшелоне.

Перед фронтом дивизии находился хорошо подготовленный рубеж обороны противника, опирающийся на выгодные и господствующие над местностью высоты 204,6, 206,9, 208,2, а также населенные пункты Янувка, Осеребы и Охотники, превращенные в сильные опорные пункты с круговой обороной.

По боевым документам 91-го стрелкового корпуса 69-й армии Ф, 426 оп. 10753, д. 1169 (июнь - июль 1944 г.) установлено, что фортификационные работы на этом рубеже были начаты еще 20 мая 1944 года, когда части Смоленской стрелковой дивизии в ожесточенных оборонительных боях сдерживали противника на рубеже Турийск - Задыбы, и, когда противник понял, что дальнейшее наступление с этого рубежа юго-восточнее г. Ковель - невозможно.

Еще тогда гитлеровское командование бросило на оружие укрепленного района “Бюфаль” до 400 человек военнопленных, подразделения штрафников, каждое до 300 человек, 85-й саперный батальон и другие силы. Главная оборонительная полоса этого рубежа достигала 8 км, первая позиция которой состояла из двух линий траншей полного профиля, прикрытых спиралью “Бруно”, проволочным забором и плотными минными полями.

Все основные дороги, подходы к населенным пунктам, к мостам в глубине обороны были густо минированы.

14 июля 1944 года командующий 69-й армии генерал-лейтенант В.Я. Колпакчи отдал боевой приказ на наступление, по которому армия, прорывая укрепленный район, наносила главный удар своим правым флангом двумя дивизиями 91-го стрелкового корпуса. Значительная роль в этой операции отводилась 312-й Смоленской стрелковой дивизии, имевшей опыт в прорыве долговременных оборонительных укреплений.

В полосе предстоящего прорыва на 2-х километровом участке фронта в 1 км, юго-восточнее Торговище и 1,5 км севернее Дольска перед 312-й Смоленской стрелковой дивизией оборонялось до 2-х пехотных рот второго батальона 698-го пехотного полка 342-й пехотной дивизии противника с четырьмя батареями безоткатных реактивных минометов и резервный батальон с 10 танками и САУ.

Сложность выполнения боевой задачи усиливалась тем, что ни с одного НП дивизии полностью не просматривалась оборона противника, а дивизионная и армейская разведка не смогла проникнуть в глубину обороны противника.

При этих условиях командир 312-й Смоленской стрелковой дивизии генерал-майор А.Г. Моисеевский принял решение усиленным стрелковым батальоном 1083-го стрелкового полка провести разведку боем, но не за 2-3 дня, как это было ранее, а за 2-3 часа до начала наступления, чтобы противник не смог изменить свои боевые порядки и отвести части на новый оборонительный рубеж.

Такой вариант был одобрен командующим 69-й армии. Противник, ожидая нашего наступления все дни, проявляя повышенную активность, вел ураганные артналеты по переднему краю и глубине обороны дивизии. Только в течение 17 июля он обрушил до 500 снарядов по боевым порядкам дивизии. В этот день во время заключительной рекогносцировки местности от артналета погибли командир 1083-го стрелкового полка полков-

ник Владимир Казино, командир ударного эшелона дивизии капитан Б. Бакулин, начальник артиллерии полка и несколько других офицеров.

Операция по проведению разведки боем оказалась под угрозой срыва, так как практически уже не оставалось времени для замены 1081-м стрелковым полком второго эшелона и ознакомления его с участком прорыва.

Генерал Моисеевский принял решение не производить замены полка, назначил командиром 1983-го стрелкового полка штатного заместителя по строевой части 25-летнего майора Александра Крайнова, усилив командный состав полка резервом дивизии.

События развивались стремительно. В ночь на 18 июля 1944 г. две инженерно-саперных роты 233 исб 37 армейской исбр под командованием майора Е. Голенко и 599-го саперного батальона под командованием дивизионного инженера Виктора Мулындина проделали 17 проходов в заграждениях противника.

Два прохода вблизи переднего края противника были подготовлены с помощью удлиненных зарядов взрывом во время артподготовки.

Ровно в 5 ч. 05 мин. 18 июля 1944 г. все пулеметы нашего переднего края неожиданно открыли ураганный огонь по первой и второй траншеям противника и в течение двух минут прикрыли подготовку орудий к стрельбе прямой наводкой.

Затем эти орудия в течение трех минут вели огонь прямой наводкой на разрушение и подавление целей на переднем крае обороны противника.

В 5 ч. 10 мин. артиллерийская группа 91-го стрелкового корпуса начала артподготовку в целях разведки боем, а еще через 20 минут разведэшелон дивизии под командованием адыгейца майора Дауда Нехая, усиленный ротой танков 6-й тбр, батареей САУ при поддержке самоходно-артиллерийского полка 12 сабр, внезапно атаковал противника на высоте 204,6 и стремительно ворвался в первую траншею опорного пункта.

Застигнутый внезапной атакой сибирских стрелков, противник не смог оказать сопротивление и начал от-

ход на вторую траншею. Используя успех первого удара, комполка А. Крайнов ввел в бой батальон второго эшелона, под командованием капитана Третьякова, и усилил натиск.

К 7.00 опорный пункт противника на высоте 204,6 был полностью в наших руках. Генерал Моисеевский доложил об успехе командующему и просил разрешить немедленно перейти в наступление главными силами. “Развивайте успех! В дело вступает весь корпус. Общее направление Янувка, в дальнейшем - Западный Буг. Желаю успеха!” - таким был ответ командарма.

Выполняя приказ, комдив вводит в прорыв 1079-й стрелковый полк подполковника Владимира Лихотворика, который стремительной атакой в течение часа овладевает первой и второй траншеями противника и выходит на западную окраину роши северо-восточнее высоты 204,6, а еще через полчаса на западную окраину роши восточнее опорного пункта Янувка, где, встретив сильное огневое сопротивление, вынужден был приостановить наступление. Учитывая складывающуюся ситуацию, генерал Моисеевский принимает решение осуществить фланговый обход опорного пункта 1081-м стрелковым полком (комполка полковник Михаил Шевченко), а затем совместной атакой двух стрелковых полков с фронта и фланга овладеть Янувкой.

Для успеха маневра комдив вызвал авиацию, под прикрытием которой боевые действия 1081-го стрелкового полка вначале развивались успешно. Однако, вырвавшись вперед, полк оказался перед сложным рельефом местности и оголенными флангами.

Небольшие рощицы на всхолмленной местности, разбросанные повсюду небольшие домики, прикрытые баррикадами в рост человека, ежами и рогатками позволяли противнику не только вести оборону, но и совершать скрытый маневр резервами.

За многочисленными буграми поднимались клубы пыли, в которых укрывались силуэты танковых башен, и вскоре до роты пехоты с танками и штурмовыми орудиями яростно перешли в контратаку против головного 2-го стрелкового батальона полка под командованием

майора И. Новикова.

В исключительно тяжелом положении оказалась головная 4-я стрелковая рота батальона, зацепившаяся за траншею, опоясывающую опорный пункт. Имея на усиление батарею 76 мм орудий артполка дивизии, минбатарею 82 мм минометов и батарею 112-й сабр, рота выдержала первый натиск противника, но комбат, понимая, что основная сила батальона не может продвигаться вперед, так как атакована со всех сторон, запросил помощи, чтобы закрепить наметившийся успех.

Подполковник Шевченко, оценив обстановку, бросил в помощь из своего резерва 7-ю стрелковую роту еще не задействованную в наступлении. Одновременно на НП головной роты, расположенный в добротном, только что захваченном блиндаже противника, пробились начальник артиллерии 1081-го стрелкового полка майор Антонов с командиром артдивизиона 859-го артполка майором Борзым. Под мощным прикрытием артогня дивизиона 7-я стрелковая рота достигла рубежа головной – 4-й стрелковой роты, и захваченный рубеж был надежно прикрыт.

Решительные боевые действия 1081-го стрелкового полка во время завязавшегося боя за северную окраину Янужки и стойко отразившего контратаку противника, вынудили врага бросить против полка свежие резервы, что ослабило оборону вражеского опорного пункта с фронта. Этим не замедлил воспользоваться командир 1079-го стрелкового полка, благодаря чему батальон майора В.И. Фроловского вновь перешел в атаку и ворвался в опорный пункт.

Противник, прекратив контратаки против 1081-го стрелкового полка, повсюду перешел к упорной обороне.

В течение двух часов стрелковые батальоны двух полков вели штурмовые бои за каждое инженерное сооружение, каждую отсеченную позицию, каждый блиндаж, укрепленный дом. В бою за опорный пункт особо отличились стрелковые роты капитанов М. Готовцева, А. Хлусова, В. Брехова, Власова, Потапчука, Шевелева, командир артбатреи 859-го артполка капитан Гиренко,

командиры полковых минбатарей капитаны Е. Алешин и Н. Леонов, командир противотанковой батареи капитан Мельников, командир огневого взвода полковой противотанковой батареи ст. лейтенант А. Рогожин, командир батареи 82 мм минометов капитан Н. Шляхтин.

К полудню 18 июля 1944 г. опорный пункт Янувка пал. Не давая противнику передышки, командир дивизии приказал 1079-му и 1081-му стрелковым полкам продолжать наступление. Батальоны майоров В.И. Фроловского (1079-й сп) и Н. Шадрина (1081-й сп) выбили противника из Урочища Берестыня и вплотную подошли к Осеребы.

Одновременно на всем фронте наступления дивизии активно действовали разведгруппы 205-й отдельной разведроты дивизии под командованием ст. лейтенанта Виктора Мартынушкина, которые захватом “языков” установили, что в районе Осереба сосредотачивается большая группа пехоты противника с танками и артиллерией из мотодивизии СС “Викинг”.

Все теснее сжималось кольцо вокруг Осеребы. Полки дивизии при поддержке танков и артиллерии в течение четырех часов 18 июля вели ожесточенный бой, в ходе которого группа противника в районе Осеребы была разгромлена. В рощах и перелесках горели танки и штурмовые орудия, напоминая о только что закончившемся жарком сражении.

Успешным боевым действиям 312-й Смоленской стрелковой дивизии в значительной мере способствовали решительные действия соседей справа - 370-й стрелковой дивизии.

Стремительные наступательные действия двух дивизий 91-го стрелкового корпуса, начавшиеся с прорыва обороны противника на рубеже “Бюфаль”, лишили противника возможности в полной мере использовать подготовленные позиции, а подошедшие главные силы 69-й армии расширили к концу дня 18 июля прорыв до 9 км по фронту и начали успешное продвижение к Западному Бугу к государственной границе Советского Союза с Польшей.

Июльская ночь коротка, не заметишь, как одна заря сменит другую. Охваченные наступательным порывом бойцы прославленной сибирской дивизии забыли о том, что не спали уже три ночи. Всеми владела только одна мысль: “Вперед, к границе!”

Как только смерклось, передовой отряд дивизии внезапно напал на боевое охранение противника на опушке леса, смял его и открыл путь в глубину лесной пуши. И тот час же вперед пошли разведчики дивизионной роты под командованием старшего лейтенанта Виктора Марткнущкина, а за ним разведка полков и головные походные заставы, и стрелковые полки. Успех ночной операции во многом зависел от разведки и головных походных застав полков, которые возглавляли не раз испытанные в боях командиры: ст. лейтенант А. Хлусов в 1079-м стрелковом полку, ст. лейтенант Е. Сарапулов в 1083-м стрелковом полку и автор этих строк - в 1081-м стрелковом полку.

Помня строжайший приказ комдива не обнаруживать себя в ночном рейде, разведка и заставы, умело маневрируя, по лесным тропам обходили заслоны и заставы врага, ведя за собой передовые отряды стрелковых полков.

В 4 часа утра 20 июля 1944 г. головные походные заставы вышли в точно определенных боевой задачей пунктах: погранзнак №376, Бережцы, Воликов Перевоз, железнодорожный мост через р. Западный Буг на магистрали Любомль-Хелм.

Из наградного листа на командира 4-й стрелковой роты 1081-го стрелкового полка 312-й Смоленской стрелковой дивизии капитана Хлопина Германа Прокопьевича:

“Капитан Хлопин Герман Прокопьевич в 4 час. 30 мин. 20 июля 1944 г. под сильным минометным огнем противника первым переправил роту через пограничную реку Западный Буг в районе погранзнака №376, которая смело и стремительно напала на врага в районе господствующей над Бугом высоты 179,4 и нанесла ему большое поражение.

При отсутствии средств противотанковой обороны, рота капитана Хлопина, отразив две контратаки немцев, поддержанных “Фердинандами”, прочно закрепила плацдарм за Бугом.

Выбрав удачный момент, капитан Хлопин обошел с ротой с юга первый на территории Польши крупный населенный пункт Дорохуск, уничтожил два фланкирующих пулемета противника, прикрывающих с юга подходы к Дорохуску – ключевой позиции, запирающей выход на шоссе, ведущее к г. Хелму обеспечил успешное продвижение основных сил батальона в наступлении на Дорохуск.

Капитан Хлопин достоин правительственной награды ордена “Александра Невского”.

Подписано:

26.07.44 г. командир 1081-го стрелкового полка подполковник М. Шевченко.

29.07.44 г. командир 312-й Смоленской стрелковой дивизии генерал-майор А. Моисеевский.

30.07.44 г. командир 91-го стрелкового корпуса 69-й армии генерал-лейтенант Ф. Волков.

01.08.44 г. командующий 69-й армии генерал-полковник В.Я. Колпакчи” (Архив М.О. СССР, ф.426, оп. 10747, д.32, л.302)”.

Светало. Сквозь расступившуюся стену леса блеснула тихая гладь реки Западный Буг, над которой стлался туман. В отблесках занимавшейся утренней зари все отчетливее открывался взору крутой косогор за Бугом и широкая, километра два - два с половиной, долина, заканчивающаяся окраиной первого на территории Польши селения Дорохуск, утопающего в яркой зелени вишневых садов. На этом пограничном рубеже теперь не было никаких знаков, указывающих, что здесь проходила граница Советского Союза с Польшей. Но перед нами протекала река Западный Буг - реальный ориентир границы, и наши сердца переполнялись чувством величавшей радости и гордости, что мы первые стоим на этом священном рубеже, что свершилось, наконец, то, о чем мы мечтали долгих три года войны,

шагая с кровопролитными боями по огненным дорогам войны и теряя дорогих для нас боевых товарищей и друзей.

Хорошо просматриваемое селение Дорохуск, по данным разведки, являлось сильным опорным пунктом противника на армейской оборонительной полосе и ключевой позицией, расположенной на магистрали Любомль – Хелм (Холм), прикрываемое со стороны реки господствующей на местности высотой с отметкой 179.4, - было неприступным. Не было никакого сомнения, что противник будет держаться за него зубами и когтями, чтобы воспрепятствовать нашему прорыву на шоссе, ведущее к первому на территории Польши г. Хелму.

Головная походная застава 1081-го стрелкового полка – 4-я стрелковая рота с ходу вброд форсировала реку и напала на дремавшее в траншее на косогоре боевое охранение противника. В столь ранний час, да еще в то время, когда арьергардные части противника вели бои в 20 км от р. Западный Буг, никто здесь не ожидал появления русских, и наша внезапная атака ошеломила противника. В считанные минуты косогор был захвачен, а оставшиеся в живых из боевого охранения гитлеровцы в панике бежали к высоте 179.4, где наблюдатели противника уже ракетами сигнализировали о нападении, и мы отчетливо увидели, как в сторону реки опускаются длинные стволы зенитных орудий. Еще мгновение, и с шипением пролетел первый снаряд, и над Бугом разорвалось облачко бризантного снаряда. Следующими выстрелами батарея уже накрыла косогор, с которого мы успели выйти на равнину, и снаряды стали то догонять цепь роты, то разрываться впереди. От неминуемого поражения нас спас эскадрон кавалерийского корпуса, действовавший в эту ночь в полосе рейда дивизии, который, форсировав Буг, в конном строю из-за левого фланга роты пошел в атаку на высоту. Для гитлеровской зенитной батареи такая цель оказалась более опасной, и батарея перенесла огонь на разведэскадрон, вынудив кавалеристов спешиться и действовать как пехота. Но этой паузы для нас оказалось дос-

таточно, чтобы успеть преодолеть значительную часть луга и выйти в густую траву. Высота 179.4 казалась уже близкой, как вдруг перед нами возник широкий ров, заполненный водой. Сооруженный противником как противотанковое препятствие и хорошо маскируемый густой высокой травой, он оказался серьезным препятствием и для пехоты.

Противник воспользовался нашим замешательством, перенес огонь по скоплению пехоты у рва. Появились первые убитые и раненые. Выручила солдатская смекалка. Из солдатских ремней хорошо плавающие натянули своеобразный канат по свайному основанию, и солдаты, подбадривая друг друга, преодолев ров, удерживаясь за канат, повели стремительное наступление на высоту.

Вперед вырвался стрелковый взвод старшего лейтенанта Сиддикова, в цепи которого особенно выделялась статная фигура помкомвзвода старшины Ведерникова. Сквозь распахнутый ворот его гимнастерки виднелась полосатая матросская тельняшка, а из вещмешка за спиной торчал гриф мандолины.

Уйдя однажды с корабля в морской десант, старшина так и закрепился в пехоте. Весельчак и лихой плясун, любитель “потравить”, он и сейчас подбадривая бойцов, кричал: “Полный вперед, братва!”

И бойцы, прибавив ходу, в пудовых от прилипшей глины сапогах, в намокшей одежде, полукольцом охватывают с юго-востока высоту 179.4 и атакуют засевших там гитлеровцев. Первый, ворвавшийся на высоту - пулеметчик ефрейтор Горбунов, которого природа не обделила ни физической силой, ни ростом, перекинув ремень ручного пулемета через плечо, очередями косил гитлеровских артиллеристов, а бегущие за ним солдаты забрасывали гранатами сбившуюся в группы пехоту.

Атака, поддержанная стрелковыми взводами старших лейтенантов Захарчука и Юрия Казакова с перехватом отделением разведки роты под командованием сержанта Г.Глушок хода сообщения с высоты в Дорохуск, поставили противника в безвыходное положение. Потеряв возможность на отход в опорный пункт и на-

дежду на немецкую помощь из Дорохуска, гитлеровцы с отчаянием обреченных яростно сопротивлялись. Ожесточенные схватки завязывались у каждого блиндажа, на каждом повороте траншеи, у каждой пулеметной площадки. Бойцы автоматными очередями и гранатами выкуривали гитлеровцев из нор и убежищ.

Через час ожесточенного боя господствующая над Бугом позиция была полностью в наших руках, и батальоны полка, форсировав реку, повели наступление на юго-восточную окраину Дорохуска.

В наступившем коротком затишье со стороны железнодорожной станции и Дорохуска стали доноситься орудийные выстрелы и сильная пулеметная стрельба. Там завязал бои 1083-й стрелковый полк под командованием Александра Крайнова, вступившего в командование полком накануне прорыва севернее Дольска после гибели комполка В. Казино.

У А.Крайнова был большой опыт командования стрелковыми батальонами. “Белые дьяволы”, как окрестили гитлеровцы лыжников в белых халатах, его отдельного лыжного батальона, в боях под Москвой наводили ужас и сеяли панику на противника в тылу врага. И в это июльское утро, выведя полк к реке Западный Буг, он с ходу стремительно передовым батальоном капитана Третьякова напал на охрану единственного в районе боевых действий дивизии моста через р. Западный Буг. Внезапная атака противника была столь неожиданна для роты охраны моста в 120 человек, что в панике бегства она не успела даже подорвать мост, в который было заложено до 300 фугасов.

Одновременно реку Западный Буг в районе Бережцы форсировал и 1079-й стрелковый полк под командованием майора В. Лихотворика. В дивизии об этом кадровом пограничнике в прошлом ходили легенды. 13 лет службы до войны на границе были для Владимира Лихотворика участием в операциях и схватках с врагом на дальневосточной и южной границах: разгром белогвардейских банд в Спасском районе Дальнего Востока, белокитайских под Фукденом и Лахосом на реке Сунгари, банд Маслякова и Боженко в 1936 г., а так же постоян-

ная борьба на южной границе с разного рода контрабандистами, террористами, басмачеством, за что еще до войны он был награжден орденом Красной Звезды.

Одно его появление в боевых порядках полка вызвало у личного состава прилив мужества и отваги, и полк вырывал победу там, где ее казалось добыть и невозможно.

Осуществив форсирование реки, он ротой старшего лейтенанта А. Хлусова овладел господствующей высотой 169.8 в районе Бережцы, и, отразив более пяти контратак противника, развил наступление на восточную окраину Дорохуска.

Тяжелые, кровопролитные бои завязались на всем фронте форсирования реки дивизией. Для более оперативного управления боем комдив выдвинул свой наблюдательный пункт на западный берег реки и приказал начальнику артиллерии дивизии полковнику Г. Ульянову прикрыть только что захваченный 1083-м стрелковым полком мост.

Тем временем, развивая наступление, 1083-й стрелковый полк овладел железнодорожной станцией Дорохуск, а с овладением Дорохуск полк вырвался на шоссе Дорохуск - Хелм и оседлал его. Подошедшими из Хелма резервами мотопехоты и танков противник контратаковал полк и вышел ему в тыл. Немецким танкам удалось ворваться на железнодорожную станцию и в Дорохуск. Особенно интенсивному обстрелу они подвергли ратушу, где заняли оборону штаб полка и подразделения тыла и охраны.

За короткое время обстрела было ранено и убито около половины командиров и бойцов, а враг все наседал и наседал. И хотя немцы потеряли здесь два "Фердинанда" и до полусотни солдат, начальник штаба майор И. Малюкевич понимал, что силы слишком не равны, и без артиллерии и резервов врага не сдержать, и принял решение отойти к Бугу. Сняв с древка боевое знамя полка, он обернул его вокруг себя и, собрав оставшихся в живых, садами-огородами пробился к мосту и организовал его оборону.

Батарейю 76-мм пушек капитана Михаила Каспрова,

прикрывавшую батальон капитана Третьякова, контратаковало 12 танков противника. Метким огнем артиллеристов удалось подбить три машины, и атака врага была сорвана.

Во второй половине дня 20 июля гитлеровцы возобновили атаки. Девять танков и четыре САУ “Фердинанд”, нанося удар вдоль шоссе Дорохуск - Хелм, приблизились к позициям передового батальона полка до 200 метров. Каспровцы подбили еще три танка и одну САУ и уничтожили до полуроты солдат. Но враг продолжал наступать. Танки и самоходки вновь приблизились к позициям батальона, в боевых порядках которого находился НП комполка.

Прикрывавший своим орудием наблюдательный пункт, старший сержант Алексей Ковалев вступил с ними в неравный бой. Тяжелораненый он подбил три самоходных орудия “Фердинанд”. Последнюю самоходку он, истекая кровью, подбил, наводя орудие через ствол (прицел был разбит), он уже не видел результата своего выстрела, так как потерял сознание. Отважный артиллерист стал первым в дивизии Героем Советского Союза на польской земле.

Наградной лист

1. Фамилия, имя и отчество: Ковалёв Алексей Фёдорович.
2. Звание: старший сержант.
3. Должностн. часть: командир орудия батареи представляется к званию “Герой Советского Союза”.
4. Год рождения: 1913.
5. Национальность: украинец.
6. Партийность: чл. ВКПб с 1943 г. № 5459614.
7. Участие в гражданской войне, последующих боевых действиях по защите СССР и отечественной войне (Где, когда) Отечественная война ранен. С 1941 г. Запф, ЮЗФ, 2 Прибф, 1 Белф.
8. Имеет ли ранения и контузии в отечественной войне: ранен 16. 11. 41 г. в р-не г. Тула. 18.12.42 г. в р-не г. Майкоп.

9. С какого времени в Красной Армии: с 24 июня 1941 г.

10. Каким РВК призван: Дворческим РВК Харьковской области.

11. Постоянный домашний адрес представляемого к награждению и адрес его семьи: Харьковская обл., Дворечанский р-н, с. Токарёвка. Жена - Ковалёва Варвара Ивановна.

Краткое конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг.

В бою за д. Радищево Смоленской области 19 июля 1943 г., будучи наводчиком 45-мм пушки во 2-й гвардейской стрелковой дивизии, Ковалёв принял на себя неравный бой с танками противника, оставшись один у орудия, не щадя жизнь, стал в упор бить по танкам, обходящим с трёх сторон бесстрашного воина, видя трудное положение, решил биться до последней капли крови, и, не оставив орудия, уничтожил 7 немецких танков. При прорыве обороны противника в р-не Корманово Смоленской обл. с прямой наводки уничтожил две пушки 57-мм.

В бою за высоту 206,9 Волынской области 18 июля 1944 г. уничтожил один немецкий тяжёлый танк, форсируя реку Западный Буг 20 июля 1944 г., презирая смерть, первый со своим орудием переправился через реку, огнём своего орудия, поддерживая переправляющиеся подразделения, уничтожил три немецких самоходных пушки "Фердинанд".

Достоин присвоения звания "Герой Советского Союза".

Командир 1083-го стрелкового полка майор Крайнов.
25 июля 1944 г.

Копия.

Потеряв надежду раздавить 1083-й стрелковый полк, противник перегруппировался и перешел в контр-

атаки против 1079-го и 1081-го стрелковых полков, находящихся в основании клина, вбитого дивизией в оборону врага, намереваясь срезать его под основанием и таким образом ликвидировать плацдарм за Бугом. Его особенно яростные контратаки обрушились на 1081-й стрелковый полк под командованием майора М. Шевченко.

В течение дня 20 июля и ночи 21 июля 2-й стрелковый батальон этого полка под командованием майора Новикова, сражавшийся на высоте 179.4, отразил до десяти контратак пехоты и танков противника. В одной из таких контратак большая группа гитлеровских автоматчиков ворвалась в траншею 4-ой стрелковой роты. Завязался тяжелый яростный бой. Положение особо осложнилось, когда противник пустил на траншею самоходное орудие “Фердинанд”, которое огнем прямой наводки и болванками разрушило ход сообщения, идущий в Дорохуск, завалив грунтом раненых и убитых взвода Захарчука, державшего здесь оборону.

Положение стало безвыходным, когда “Фердинанд” стал карабкаться на высоту. Еще мгновение и он навалится на траншею и начнет давить защитников высоты, а вслед за ним автоматчики начнут расстреливать оставшихся без патронов бойцов.

В это мгновение со связкой гранат из траншеи поднялась коренастая фигура парторга роты сержанта Михаила Кравчука. Со связкой гранат и возгласом: “За Родину!” - он бросился под “Фердинанда”. Ценой собственной жизни он сорвал контратаку врага. Опытные воины были потрясены бесстрашием своего политрука, как они любовно его называли. В рукопашной схватке на высоте погиб и командир взвода старший лейтенант Захарчук.

Оба героя были представлены к орденам Отечественной войны I степени (посмертно).

При отражении контратаки тяжелое ранение в голову получил командир взвода старший лейтенант Сиддигов. Оставшийся с одним глазом, истекая кровью и временами теряя сознание, он отказался покинуть поле боя.

“Позади нас граница нашей Родины и отступать нельзя. Прощения не будет”, - сказал он поднявшим его бойцам, чтобы увидеть поле боя.

И его несгибаемая воля и мужество вселяли в защитников высоты новые силы, новые надежды на победу.

В схватке в траншее и от огня “Фердинандов” погибли расчеты минометного взвода, которым командовал парторг роты Кравчук, большинство расчетов противотанковых ружей, ручных и станковых пулеметов. В стрелковом взводе Ю. Казакова целиком сформированного из азербайджанцев - сильных, молодых и горячих парней, в живых осталось только двое - комвзвода и его помощник старшина Азизов.

Из 160 человек полного состава роты более 50 человек было убито. Удержать высоту было уже невозможно, но и до темна подкрепления ждать было неоткуда, так как вся долина Буга вдоль и поперек простреливалась противником. И когда гитлеровские автоматчики вновь появились перед высотой с криками: “Русо капут! Сдавайс!”, - раненый старшина Ведерников, собрав последние силы и скинув с себя гимнастерку, выскочил наверх траншеи в тельняшке и, потрясая автоматом, закричал: “Полундра! Вперед, братва!”

Солдаты в миг поняли маневр бывшего моряка, и подхваченный им грозный клич покотился по высоте. Как пулеметная очередь, он хлестнул по гитлеровцам, и цепь их качнулась, дрогнула и рассыпалась в густой поросли пшеничного поля.

Панику врага усилили залпы минометных батарей из-за Буга, огонь которой вызвал ее комбат капитан Николай Шляхтин ракетами.

Солдатская смекалка и необычайная смелость Ведерникова оказались для немцев страшнее пулеметов. Видно, среди немецких вояк были еще такие, кто не забыл лихих атак матросов-десантников и их грозного “Полундра!”

После несмолкаемых от восхода до заката солнца разрывов снарядов и мин, трескотни пулеметных и автоматных очередей, разрывов гранат и истощных кри-

ков, по высоте вдруг поползла тяжелая тишина.

Медленно спускавшийся за горизонт медно-бронзовый диск солнца багровым закатом озарил поле боя, покрытое трупами немецких солдат, впереди которых на гребне высоты чадила смрадным дымом солярки зловещая громада стальной крепости “Фердинанда”, под днищем которого тлели тела и одежда не сумевших спастись через аварийный люк гитлеровцев.

Наступившая ночь прошла в тревоге. Противник с разных направлений прощупывал нашу оборону, обстреливал ее из артиллерии и минометов. За ночь удалось эвакуировать раненых и пополнить боеприпасы, за исключением 1083-го стрелкового полка. Саперы заканчивали сооружение перехода через ров. До самого рассвета дивизионные разведчики Виктора Мартынушкина лазили по дорогам и тылам немцев, фиксируя их маршруты движения и сосредоточения. Данные разведки говорили, что противник на направлении шоссе и западного сектора располагается компактно, а это означало только одно: он готовится к наступлению. И действительно, противник с рассветом 21 июля ротой мотопехоты с четырьмя танками двинулся на позиции батальона Полюшко. Огнем двух минометных рот пехоту удалось остановить, и танки вынуждены были вернуться на исходные позиции. Вместо молниеносного удара бой принимал затяжной характер. Однако враг, усиливая натиск, ворвался все же в первую траншею, и обе роты батальона, в которых осталось 23 человека и один офицер, вынуждены были отойти.

В полку почти иссякли боеприпасы, сели аккумуляторы радиостанций. Положение наступило критическое, и комдив принял решение 1079-м и 1081-м стрелковыми полками атаковать Дорохуск.

В 12.00 21.07.44 г. полки при поддержке танков и САУ перешли в атаку и в коротком бою очистили его от врага. Обогнав пехоту и обойдя Дорохуск, танки и САУ стали охватывать противника в западном секторе в клещи, и он, опасаясь окружения, начал стремительный отход на г. Хелм.

Вырвавшись от главных сил на многие километры

вперед, дивизия не имела теперь ни справа, ни слева соседей, и дальнейшее продолжение наступления с открытыми флангами грозило ей контрударами противника по флангам. И все же комдив, оценив складывающуюся обстановку и возможность разрушения немцами г. Хелма, принял решение преследовать противника и на его плечах ворваться в город.

Передовой подвижный отряд дивизии - усиленный стрелковый батальон капитана Пянова - десантом на танках 68-й отбр и 12-й сабр под общим командованием майора Григория Васильевича Егорова, заместителя командира 1079-го стрелкового полка по строевой части, с 13.00 21.07.44 г. перешел в решительное преследование противника, и, сбивая его заслоны, к концу дня ворвался в г. Хелм.

Появление в Хелме танкового десанта было столь стремительным, что многие подразделения гарнизона в панике отступления бросили в блиндажах, дотах, казармах не тронутые термосы с горячим ужином. Но там, где только было возможно, враг оказывал яростное сопротивление.

Головной танк десанта, в котором находился командир десанта майор Егоров, уже в центре города Хелма был подбит вражеской артиллерией и окружен гитлеровцами. Не приняв ультиматум о сдаче в плен, экипаж вместе с командиром продолжал сражаться до последнего снаряда и геройски погиб в пылающем танке.

Если бы это случилось в нашем городе, давно бы на таком месте был поставлен на пьедестал вечной славы танк. Нарастив удар по гарнизону г. Хелма, командир дивизии ввел в бой подошедшие десантом на танках 68 отбр и самоходно-артиллерийского полка 1-го Польского Корпуса, а так же - форсированным маршем, главные силы дивизии. К 23.00 21 июля 1944 г. сопротивление врага было сломлено, и г. Хелм был полностью освобожден от гитлеровских захватчиков.

Жители г. Хелма, от мала до велика, вышли на улицы города и встретили своих освободителей хлебом-солью и цветами, угощая молоком и спелыми вишнями. То было незабываемое ликование, многие плакали от

счастья. На зданиях Хелма появились Советские и Польские государственные флаги.

Какая то старушка встала на улице на колени перед остановившейся машиной командира дивизии генерала Моисеевского Александра Гавриловича и заплакала. Комдив, соскочив с “Виллиса”, поднял ее и сказал: “Не плачьте, мамо! Плохое все кончилось и больше вам не придется мучиться...”

23 июля дивизия сбивает противника с высот западнее Хелма и с открытым левым флангом решительно продвигается в сторону Люблин.

На марше к майору Лихотворику, следовавшему с авангардным батальоном, подскочил на взмыленном коне посыльный из взвода полковой разведки. Едва сдерживая дыхание, он доложил, что в 3-4 километрах от деревни Каршемка наперерез движению полка выдвигается большая танковая колонна с мотопехотой противника.

“Алексей Иванович, немедленно направьте офицера штаба полка с донесением командиру дивизии. Передайте командирам батальонов приказ развернуть подразделения фронтом на юг и приготовиться к отражению атаки танков и мотопехоты противника. Полковую 76-мм и 57-мм противотанковую батарею выдвинуть на прямую наводку. Роту противотанковых ружей – в батальон Фроловского. Я - с батальоном Фроловского.” - обратился командир полка к начальнику штаба майору Дудченко.

Полк еще только заканчивал маневр, как показалась танковая колонна. До двух батальонов пехоты на машинах, 40 танков и самоходно-артиллерийских установок насчитал в ней командир полка.

Полковая артиллерийская батарея с ходу открыла огонь по головным машинам. Одновременно по колонне ударили гаубицы. Это командир дивизии генерал-майор А. Моисеевский, следовавший с оперативной группой в колонне 1074-го стрелкового полка отдал по радио приказ на открытие огня 859-му арtpолку дивизии с марша принявшему боевой порядок.

Вражеская колонна стала развертываться в боевой

порядок, почти не снижая хода. Мотопехота, на ходу спешиваясь и развертываясь в цепи, устремилась за танками.

Ведя на ходу огонь из пушек и пулеметов, танки на больших скоростях устремились к шоссе. Не обращая внимания на подбитые и подожженные нашей артиллерией машины, части гитлеровских танкистов удалось прорваться через шоссе и отрезать полк от основных сил дивизии.

Майор Лихотворик в этой исключительно тяжелой обстановке не потерял управление и продолжал руководить боем.

На небольшом участке равниной местности разгорелся ожесточенный бой. Несмотря на прорыв вражеских танков, стрелковые батальоны продолжали стойко удерживать занятый рубеж обороны и задержали продвижение пехоты противника.

“Товарищ майор, вас вызывает на связь “Букет”!” - доложил радист.

““Радуга”, “Радуга”!” - услышал свои позывные командир полка, и вслед за ними отчетливо и как всегда спокойно звучал голос комдива:

“Смело и грамотно действуете, Владимир Степанович,” - передал по радио генерал Моисеевский, продолжавший развертывать дивизию.

“Стойко удерживайте рубеж, не давайте пехоте противника прорваться к шоссе. Артиллеристы подошедшего истребительного противотанкового дивизиона уже бьют танки врага у вас в тылу”.

“Я, “Радуга”, понял! Приказ будет выполнен.” - ответил майор Лихотворик.

Противник обнаружил наблюдательный пункт командира полка и обстрелял его из танковых пушек. Разорвавшимся вблизи снарядом майор Лихотворик был ранен и потерял сознание. Находящаяся вблизи медсестра комсомолка Дуся Храмцова вытащила майора Лихотворика из-под обстрела, подняла на повозку и оказала первую помощь.

Не успела повозка тронуться с места, как очередной снаряд угодил в нее, разорвав и коня, и повозку. Взва-

лив раненого командира полка себе на спину, Дуся Храмцова вынесла его из-под обстрела.

Придя в сознание, майор Лихотворик отказался покинуть полк и продолжал руководить боем.

Командир дивизии за отважные действия Дуси Храмцовой по спасению командира полка наградил ее орденом Красной Звезды. В дальнейших боях отважная комсомолка погибла.

В непродолжительном сражении с контратакующим противником, но с острыми, неожиданно драматическими ситуациями, было подбито 14 танков, 2 - "Фердинанда" и уничтожено до 500 гитлеровских солдат и офицеров. Разгромив противника, полк вместе с другими частями дивизии вступил в первый крупный польский город Люблин.

Выписка из письма ЦАМО

№ 181719

От 17.01.89г

В приказе главнокомандующего от 20.07.44 г. сообщалось, что войска 1-го Белорусского фронта, перейдя в наступление из района г. Ковель, прорвали сильно укрепленную оборону немцев и за три дня наступательных боев продвинулись вперед на 50 км.

В числе отличившихся назван и командующий 69-й армии генерал-полковник В.Я. Колпакчи, командир 91-го стрелкового корпуса 69-й армии генерал-лейтенант Ф.А. Волков. Столица нашей Родины Москва 20.07.44 в 22.00 салютовала 20-ю артиллерийскими залпами из 224-х орудий.

Указом ПВС СССР от 09.08.44 г. 312-я Смоленская стрелковая дивизия за прорыв обороны южнее г. Ковель, форсирование реки Западный Буг награждена орденом Красного Знамени.

Вся страна, затаив дыхание, слушала сообщение диктора Всесоюзного радио Ю. Левитана о том, что наши войска вышли по Западному Бугу на государственную границу Советского Союза с Польшей – на ту черту, с которой немецко-

фашистская Германия напала на нашу страну, развязав самую из страшных войн.

Граница нашей Родины навсегда прочно закрыта.

“По архивным документам ЦАМУ установлено, что г. Хелм (Холм) был освобождён 22.07.1944 года войсками 1-го Белорусского фронта в ходе Люблинской операции.

В освобождении города участвовали: 69 А – 312 сд, 91 ск, 68 отд. тбр, часть сил 12 САБР, 8 ИПТАБР, в ночь на 22.07.44 года овладели городом Холм”.

Основание: ЦАМО Ф. Оп 2356, д. 164, л. 431.

Из журнала боевых действий 312-й стрелковой дивизии:

“Части 312 сд, преследуя противника, на плечах его с ходу ворвались в город Холм”.

Основание: ЦАМО Ф. 233 оп. 59740с., д. 10, л. 11, л. 12.

Обязанности военного коменданта г. Хелм исполнял заместитель командующего 69-й армии генерал-полковник Т.И. Труфанов, вошедший с 312-й Смоленской стрелковой дивизией в г. Хелм, а комендатуру возглавлял начальник разведотдела дивизии с разведчиками разведроты майора Федора Казачка.

Дорогой, очень дорогой ценой жизнью многих и многих солдат и офицеров оплачена эта победа 312-й Смоленской стрелковой дивизии, и нас радует, что время не властно над этой исторической страницей летописи ВОВ в истории возрождения Польши, и что уже в третьем поколении поляков живёт память об этом. Свежим свидетельством этого служит опубликованное в 5 номере журнала “Советская Литература” (на ПНР) за 1987 год письмо польской учительницы из Дорохуска пани Ванды Зур, повествующее о том, с какой заботой харцеры школы ухаживают за могилами героев, павших на польской земле и захороненных в Дорохуске.

Ветераны дивизии, оставшиеся в живых, благодарны им за то, что они помнят о подвигах этих людей.

Глава 3. Форсирование Вислы. Взятие крепости Яновец.

Оставив позади освобожденный Люблин и продолжая стремительное преследование отходящего противника, части 312-й Смоленской стрелковой дивизии к 1 августа 1944 года вышли в район польских городов Казимеж и Пулавы на восточный берег полноводной реки Вислы. Стояла удивительная тишина теплого августовского утра.

На той стороне реки, по западному обрывистому и поросшему лесом берегу, виднелась тянувшаяся вдоль Вислы дамба, инженерные сооружения и огневые точки Зависленского оборонительного рубежа противника, но в траншеях будто все вымерло.

Внезапно утреннюю тишину разорвали снаряды, обрушившиеся на районы сосредоточения передовых батальонов.

Стрельба велась с высокого и обрывистого мыса, огибаемого с севера и юга стремительно несущей свои воды Вислой.

Там на каменном мысу высились полуразрушенные белые стены средневековой крепости Яновец, на сторожевых башнях которой засели немецкие корректировщики.

Господствующая позиция гитлеровских войск за Вислой, в 100 километрах южнее Варшавы, давала противнику широкий обзор не только на Пулавы и Казимеж, куда вышли передовые батальоны дивизии, но и на десятки километров на запад, вплоть до гор Сандомирских.

Никто из нас тогда еще не думал, что через несколько дней захваченный там плацдарм так круто изменит оперативную обстановку и даст имя знаменитому Пулавскому плацдарму на Висле, с которого в январе 1945 года войска 69-й армии нанесут сокрушительный удар на Радом, Лодзь, Познань и выйдут в районе

Франкфурта-на-Одере, в 70 километрах от центра фашистского логова - Берлина.

Гитлеровское командование, хорошо понимая, что эта позиция - ключ к Висле, усилило крепость мощным гарнизоном и держалось за мыс зубами и когтями. Набив сторожевые башни замка артиллеристами-корректировщиками всех систем, держало под губительным артиллерийским огнем восточный берег Вислы и зеркало реки.

Под шквальным огнем несли большие потери передовые части гвардейской дивизии, вторые сутки штурмующие неприступные стены крепости.

“Гитлеровцы любой ценой будут удерживать и этот мыс и эту крепость.” - говорил заместитель командующего 69-й армией генерал Труфанов Н.И. специальному корреспонденту Центральной прессы Жукову Ю.А., побывавшему затем в одном из передовых батальонов дивизии под командованием майора Дауда Нехая, солдаты которого первыми ворвались в, казалось бы, неприступную крепость. Но это было потом.

В ночь с 3 на 4 августа 1944 года после тщательно проведенной рекогносцировки и мощной артиллерийской подготовки передовые части дивизии начали форсирование Вислы.

Над рекой висел густой туман. Под непрекращающимся артиллерийско-минометным обстрелом районов переправ и пулеметным обстрелом зеркала реки, на старых рыбацких лодках, наскоро сбитых плотиках, способных держать легкую технику на воде, на плащ-палатках, набитых сеном и просто на бревнах, начали переправу батальоны 1079-го и 1081-го стрелковых полков.

В свете непрерывно кидаемых ракет противника, высвечивались лодки и плотики, вокруг которых поднимались высокие столбы воды от разрывов снарядов и мин.

Тяжело было видеть, как гибли наши люди, тонули лодки и плоты. В насквозь прошитых пулемётными очередями лодчонках солдаты изо всех сил гребли саперными лопатками к берегу, огрызавшемуся шкваль-

ным огнём. Майор Лихотворик плыл в одной из таких лодок вместе с людьми из батальона капитана Пянова.

Комполка пользовался среди личного состава репутацией командира, способного выполнить любую задачу, и бойцы, видя его первым, ступившим на изрытый воронками, вдоль и поперёк простреливаемый клочок земли над Вислой, приободрились и уверенно обживали эту узкую полосу берега, таившего в себе неизвестность и опасность.

Высланная майором Лихотвориком вперёд полковая разведка не заставила себя ждать долго. Разведчикам повезло.

На наблюдательный пункт командира полка, расположенный на дамбе, доставили по всем правилам классической разведки, с кляпом во рту и с верёвкой на шее, пленного. Перепуганный до смерти, он долго не отвечал на вопросы переводчика, а затем рассказал, что после ночного несения дежурства на позиции, основная масса солдат 174-го резервного дивизиона противника на направлении действия спит, не ожидая наступления русских. Лишь отдельные парные дозорные несут охранение в траншеях.

Командир полка, ознакомив с обстановкой вызванных на НП командиров батальонов капитана Пянова и майора Фроловского, спросил их, как бы они поступили в таком случае.

“Надо атаковать противника, пока ещё не рассвело!” - отвечали оба комбата.

“Правильное решение, - одобрительно кивнул командир полка. – Подойти скрытно и внезапно, без криков “ура” навалиться на спящего противника. Действовать надо решительно и быстро, пока он не опомнился”.

Без артиллерийской подготовки батальоны скрытно подошли к траншеям противника и внезапно ворвались в них. Застигнутый врасплох спящий противник, не оказывая сопротивления и бросая оружие, обратился в паническое бегство, а большая часть сдалась в плен.

Полк, почти без потерь, менее чем за час продвинулся до четырех километров и отрезал гарнизон противника в крепости Яновец от основных сил.

Почти одновременно приступил к форсированию Вислы и 1083-й стрелковый полк под командованием 25-летнего майора Александра Крайнова, вступившего в командование полком после гибели его командира под Ковелем. Как и каждый командир, он вначале чувствовал себя в новой должности не вполне уверенно, но большой опыт командования отдельным батальоном в боях под Москвой и в дивизии дали ему возможность не только быстро освоиться, но и проявить незаурядные способности своего военного таланта и личную храбрость при форсировании Западного Буга и при освобождении Хелма.

Продолжая пристально изучать ломаную линию сплошных траншей перед крепостью, командир полка, рассматривая маячившие в глубине обороны контуры надолб и ежей, за которыми тянулись сплошные леса с белевшими домиками безлюдных польских деревень, неотступно думал над ответом пленного и над сказанными перед форсированием Вислы словами командира: «Ищите момент атаки на крепость. Тут нужны и внезапность, и исключительная дерзость. По противнику необходимо ударить в тот момент, когда он меньше всего будет ожидать этого».

«Если противник не ждёт сейчас нашей атаки, - размышлял командир полка, - это значит, самое время атаковать его. Это и есть в данной ситуации тот момент, о котором говорил генерал Моисеевский».

И, как бы проверяя правильность своего решения, командир полка спросил у прибывших на НП командиров батальонов капитана Третьякова и майора Д. Нехая о том, как бы они поступили в данной обстановке.

«Надо атаковать противника, раз он не ожидает нашего наступления!» - уверенно ответили оба комбата.

«Правильное решение», - кивнул командир полка.

Ровно в 7 утра батальон сметливого адыгейца Дауда Нехая, скрытно приблизившийся на 200 метров к противнику, внезапной атакой, без единого выстрела, сделал рывок и захватил первую траншею. Не останавливаясь, батальон ворвался во вторую траншею, и на плечах бегущих в панике гитлеровцев, вошёл в местечко

Яновец, прикрывающее крепость с Вислы.

Большая группа отступавших гитлеровцев пыталась задержать наступление батальона Нехая в центре Яновца, в районе костела, но стремительным натиском стрелковых рот старшего лейтенанта Евгения Сарапулова и старшего лейтенанта Александра Стученко была разгромлена. До взвода гитлеровцев было взято в плен в этой короткой, но жестокой схватке.

Остатки уцелевших гитлеровцев в панике отступили в крепость Яновец, где укрылись за толстыми 10-12 метровыми стенами замка.

Воспользовавшись замешательством противника, Александр Крайнов вводит в бой батальон капитана Третьякова, который захватом скатов высоты, левее замка, отрезал путь подхода подкрепления противника в крепость.

Успешная атака батальона Д. Нехая, окрылила бойцов, и они, подбадривая друг друга, начали взбираться по отвесному обрыву к белым стенам крепости.

По шаткому цепному мосту, ведущему, через глубокий ров, к подножию сторожевой башни и сквозь бреши и проломы в стенах замка, пробитых артиллерией тяжелого калибра, солдаты Нехая проникли внутрь крепости и выбили противника из двух сторожевых башен и захватили одно здание. В жестоком часовом бою было перебито 70 и взято в плен 20 гитлеровцев.

Во втором часу дня противник засек командный пункт командира 1083-го полка майора И. Крайнова, который с невероятной быстротой обрастал стереотрубами, радиостанциями, телефонными проводами командующего артиллерией дивизии полковника Григория Ивановича Ульянова и представителей армейской артиллерийской группы. С опушки роци из самоходно-артиллерийских установок гитлеровцы обстреляли командный пункт командира полка.

Одновременно артиллерия противника нанесла из глубины обороны мощный огневой налет по открытым участкам крепости, за которым последовала решительная контратака против батальона Нехая все ещё многочисленного гарнизона крепости, ушедшего в подвалы

крепостных сооружений, и начавших выходить на поверхность. Кроме того, на помощь оборонявшим крепость гитлеровцам рвались силы противника, находящиеся за пределами крепости. Для батальона Нехая создалось критическое положение.

В этот критический момент командир 1081-го стрелкового полка подполковник Михаил Шевченко, завершивший разгром противника в опорных пунктах Барычка и Яновец вблизи крепости, отдал приказ командиру 2-го стрелкового батальона майору Александру Умнову подняться к крепостным стенам замка и помочь 1083-му стрелковому полку в отражении контратаки накапливающегося в нескольких сотнях метров от замка и рвущегося в крепость врага. Дружным огнем стрелковых подразделений, поддержанных артиллерией с того берега Вислы, контратака врага на крепость была отбита.

Батальон успешно осуществил этот маневр и оставил контратакующую пехоту, однако группе противника удалось прорваться в крепость.

Командир 1083-го стрелкового полка майор Крайнов вводит в бой резерв – роту автоматчиков. Огонь 200 автоматчиков с близкой дистанции заставил залечь прорвавшихся в крепость вражеских автоматчиков и вышедших из подземелий остатков гарнизона крепости.

Одновременно выходящие из подвалов башен, по приказу командира полка, подразделения майора Нехая уже отрезали пути отхода проникшим в крепость гитлеровцам.

Под сводами замка немцев косил огнём парторг батальона старшина Рыков, бойцы Ивко, Брызгунов, Овсянников, раненые пулемётчики Иванченко и Торбеев. Видя безвыходное положение, прорвавшиеся гитлеровцы стали сдаваться в плен.

Потеряв надежду на деблокирование, остатки гарнизона крепости, оставшиеся в подвалах двух дальних сторожевых башен, выбросили белый флаг и капитулировали вместе с комендантом крепости.

Неожиданно командир полка был вызван на прямой провод командующего 69-й армии генерал-полковника В.Я. Колпакчи¹. В боевой обстановке случаи, когда командующий говорит с командиром полка по телефону крайне редки, но это был тот случай, когда командующий, придавая исключительно важное значение операции по овладению крепости, сам желал из первоисточника получить данные об обстановке.

В телефонной трубке майор Крайнов услышал голос командующего: “Слышал от комдива, что ваш полк ворвался в крепость Яновец. Доложите обстановку!”

Командир полка доложил, что полчаса назад отбита контратака противника на крепость, а остатки гарнизо-

---

¹ Колпакчи Владимир Яковлевич (1899-1961 гг.), советский военачальник, генерал армии, Герой Советского Союза. Член КПСС с 1918 г. В Советской армии с 1918 г. Окончил военную академию им. М.В. Фрунзе, Высшие академические курсы при Военной академии Генштаба.

С 1928 г. командир стрелкового полка, затем начальник штаба 2-й стрелковой дивизии, командир и комиссар 8-й стрелковой дивизии, с 1936 г. зам. Начальника штаба белорусского военного округа. В 1936-38 гг. сражался на стороне республиканских войск в Испании. По возвращении на родину командовал 12-м стрелковым корпусом, а с декабря 1940 г. начальник штаба харьковского военного округа. В начале Великой Отечественной войны Колпакчи - начальник штаба 18-й армии. В 1942-45 гг. командующий 18, 62, 30, 69-й армиями на Южном, Брянском, Юго-Западном, Калининском, Сталинградском, Донском, Центральном, 2-м и 1-м Белорусском фронтах. Войска армии под его командованием участвовали в обороне Донбасса, Москвы, Сталинграда, а также в Ржевско-вяземской, орловской, Брянской, Люблин-Брестской, Висло-Одерской, Восточно-Померанской и Берлинской операциях. Особенно отличились под командованием Колпакчи войска 63-й армии при форсировании р.Десна (1943) и 69-й армии в боях при за овладение города Хелм (Холм), Ландсберг, Мезеритц, Калиш, Швибус. За успешное проведение войсками армии Радомской операции (1945 г.), в ходе которой была прорвана укрепленная долговременная оборона немецко-фашистских войск и разгромлена сильная группировка противника, а также за форсирование с ходу р. Одер Колпакчи присвоено звание героя Советского Союза. В Берлинской операции 69-я армия под руководством Колпакчи во взаимодействии с другими армиями прорвала оборону противника, прикрывавшую Берлин с востока, затем участвовала в завершении окружения и разгроме франкфурт-губенской группировки противника.

на вместе с комендантом капитулировали.

В трубке вновь раздался голос командующего: “Крайнов, трудно поверить, чтобы полк мог взять крепость, обороняемую большим гарнизоном. А где лично сам находишься?”

“В левофланговой башне, если смотреть от вас”, - доложил командир полка.

“Хорошо, прикажи для проверки дать серию зелёных ракет со своей башни”, - запросил командующий.

Сигнал был немедленно подан и принят на КП командующего.

“Поздравляю, Крайнов, Вас, весь личный состав полка с большой победой! Теперь окончательно решён вопрос с плацдармом и круглосуточной переправой. Немедленно начнём ставить понтонный мост. Главное сейчас закрепиться! Поздравляю вас с присвоением очередного воинского звания подполковника и награждением орденом Красного Знамени”, - закончил командующий.

Весть о том, что сам командующий интересовался операцией по захвату и удержанию крепости, быстро облетела весь личный состав полка, вызвав необычайный подъём.

Вторая половина дня четвёртого августа сложилась для батальонов полка в крепости исключительно тяжёлой. Противник продолжал атаковать замок Яновец со всех сторон.

Тяжёлое положение сложилось в батальоне капитана Третьякова, прикрывавшего подступы к крепости с запада. Батальон был дважды контратакован превосходящими силами противника. Третьей атаки противника с танками батальон сдержать не мог и начал отход к крепости.

Подошедший по приказу командира дивизии на помощь 1-й батальон 1081-го стрелкового полка майора Ивана Шадрин преградил путь атакующему противнику, а затем сам, перейдя в контратаку, отбросил его в исходное положение.

В пятом часу большая группа атакующей пехоты противника вновь появилась вблизи стен крепости, но

встреченная заградительным огнём всей артиллерии дивизии и армейской артиллерийской группы была буквально сметена огнём шквалом.

Больше противник не предпринимал попыток подойти к крепости. Вечером к командиру полка прибыла делегация поляков из местечка Яновец во главе с ксендзом и благодарила русских солдат за освобождение от гитлеровской оккупации. Поляки устроили обед в честь освобождения, и командир полка направил на него делегацию полка во главе с офицером.

В то же время артиллерия противника нанесла из глубины полевой обороны мощный артиллерийско-миномётный огонь по передовому батальону 1079-го стрелкового полка, продвинувшегося до 5 километров и обходящего крепость с запада. Со стороны лесного массива и полевой обороны слышался приглушённый гул моторов.

Светало. Туман уплывал, и справа стали отчётливо вырисовываться белые стены крепости Яновец, а прямо за грунтовой дорогой, пересекающей полосу наступления полка и ведущую в крепость, виднелся лесной массив, откуда доносился нарастающий шум моторов.

Владимир Степанович Лихотворик вскинул бинокль к глазам и стал пристально осматривать опушку леса. Шум моторов всё усиливался, и на равнину один за другим стали выезжать вражеские танки.

“Пять, восемь, двенадцать...” - продолжал считать он вражеские машины, не отрывая глаз от бинокля, а танки все продолжали выезжать из леса.

Старый солдат, полжизни которого прошло в схватках с врагом на границе и за плечами которого уже четвертый год непрерывных боёв Великой Отечественной, невольно содрогнулся.

“С двумя батареями артиллерии, только что переправившихся за Вислу, да с ротой бронебойщиков не удержать эту лавину, не устоять”, - подумал он, и всё же, не теряя присутствия духа, отдал приказ капитану Смирнову встретить танки врага прямой наводкой, а бронебойщиков бросил на фланги.

Танки, набирая скорость, развёртывались в боевой

порядок, а вслед за ними на равнину бежали гитлеровские автоматчики.

“Не меньше двух батальонов”, - прикинул командир полка.

“С ними-то мы должны справиться”, - твёрдо бросил он.

Обстановка с каждой минутой становилась всё более грозной. Лавина танков, а за ней цепи автоматчиков всё ближе приближались к позициям полка.

Артиллеристы капитана Смирнова подбили и подожгли три танка. Батарея противотанковых орудий с прямой наводки подбила ещё один танк, но это не остановило атаку гитлеровских танкистов и пехоты.

В центр позиции обороны полка, туда, где находился на НП командир полка, прорвалась численностью до 40 человек группа вражеских автоматчиков. Не раздумывая, командир взвода лейтенант Широкий поднял взвод в атаку. Рукопашная схватка была жестокой.

“Неужели это конец?” - подумал Владимир Лихотворик и содрогнулся от этой мысли, продолжая ждать у радиции позывные комдива.

“”Радуга”, “Радуга”, я – “Небо””, – услышался, наконец, в эфире знакомый голос генерала Моисеевского. И тогда командир полка доложил комдиву: “Обстановка критическая! Большая группа, свыше 30 танков и до полка пехоты противника рвется к Висле. Часть танков осуществляет маневр в сторону крепости Яновец. Прошу артогня по квадрату 19-24”. “Но это же ваши координаты, Владимир Степанович, - взволнованно произнес комдив, - что же тогда будет с вами?”

“Мы успели зарыться в землю и должны выстоять. Прошу огонь...”- услышал комдив.

И в это мгновение осколком снаряда разбило радиостанцию. В подтверждении просьбы “о вызове огня на себя” с НП командира полка взлетела серия сигнальных ракет. И вслед за ней со стороны Вислы раздался залп “Катюш”. Это по приказу комдива начальник артиллерии дивизии полковник Ульянов только что переместившийся на башню в крепость и вышедший в эфир, дал команду об открытии огня всеми средствами артил-

лерии.

Стена сплошного заградительного огня смешала боевой порядок гитлеровских танков, а пехота, укрывавшаяся за их броней, хватаясь за головы, обратилась в паническое бегство. Оставив на равнине более половины машин и сотни трупов, враг приостановил контратаку против 1079-го стрелкового полка и попытку прорваться в крепость.

Вторая половина дня 4 августа сложилась для батальонов, овладевших крепостью, исключительно тяжелой. Противник продолжал атаковать замок Яновец со всех сторон.

Тяжелое положение сложилось в батальоне капитана Третьекова, прикрывавшего подступы к крепости с запада. Батальон был дважды контратакован превосходящими силами противника. Третьей атаки противника с танками, рвавших любую цену в крепость, батальон сдержать не мог и начал отход на замок. Связь с батальоном прервалась.

Подошедший на помощь батальон майора Шадрин преградил путь атакующей пехоте противника, затем, перейдя в контратаку, вынудил его отойти в исходное положение.

В пятом часу дня большая группа атакующей пехоты противника вновь появилась вблизи стены замка. Встреченная заградительным огнем всей артиллерии дивизии и армейской артиллерийской группы вражеская пехота в панике отступила. Артиллерийский шквал буквально смел обезумевших гитлеровцев. Пулеметчик Середа с фланга косил вражеских автоматчиков, отсекая их от танков. На бронейщика казаха Жантубетова шел, не сбавляя скорости, "Тигр". Едва он успел убрать с позиции противотанковое ружье и броситься на дно окопа, как "Тигр" навалился на позицию, смял окоп, засыпав бронейщика.

"Жаль, погиб отважный воин", - с болью в сердце подумал командир полка.

Но что это? Как только "Тигр" перевалил окоп, от туда показалась каска, а затем и голова бронейщика. Он стремительно поднялся из окопа и со всей силой

кинул противотанковую гранату на жалюзи на мгновение сбавившего ход “Тигра”. Раздался взрыв, и стальная громада встала, окутавшись дымом и пламенем. Пытавшийся уйти через аварийные люки, экипаж танка был уничтожен огнем наших автоматчиков.

Сосед Жантубетова Архипов ударил по второму, вышедшему на позицию бронбойщиков, танку и поджег его. Но силы были слишком не равны!

В батареях выбыло из строя большинство расчетов, поредели ряды бронбойщиков, смолкли станковые пулеметы.

В разгар боя ранило в плечо командира полка, но он продолжал руководить боем.

Военфельдшеру Найдич никак не удавалось остановить кровь, и она предложила командиру полка отправку за Вислу в госпиталь.

“Не может командир полка в критический момент боевой обстановки покинуть своих солдат”, - спокойно ответил Владимир Лихотворик. “Наложите еще повязку, постарайтесь остановить кровь”, - успокаивал он фельдшера Найдич, словно ранение получил не он, а кто-нибудь другой.

А тем временем лавина огня и брони продолжала катиться к Висле и казалось вот-вот раздавит отважных защитников огненной земли.

Уходя на следующий день из крепости, солдаты полка подполковника Александра Крайнова под сводами парадного въезда в замок, где висел железный щит с изображением рыцаря в латах, и вырисовывалась потускневшая в веках письменная вязь о том, что “сей замок, построен в 1537 г. Петром Костеленом Висленским”, написали: “Сию крепость взяли штурмом 4 августа 1944 года советские солдаты Сибирской дивизии!”

Осуществив переправу артиллерии за Вислу, дивизия вновь переходит в наступление и встает крупными опорными пунктами противника за Вислой: Облясы Дворске и Войшинске, взломав дверь на второй позиции его обороны.

В результате этого смелого маневра был окружен и полностью уничтожен 32-й отдельный резервный ба-

табьон гитлеровцев: 300 - убитых, 85 - пленных. Захвачено 22 орудия, 2 минометных батареи, 37 пулеметов.

В течение августа, продолжая бои за расширение плацдарма, дивизия разгромила шесть батальонов гитлеровцев, подбила 41 танк и САУ, взяв в плен 200 человек.

Ежедневно части дивизии отбивали по 3-4 контратаки пехоты и танков, поддержанные авиацией противника.

В ожесточенных августовских боях 312-я Смоленская Краснознаменная дивизия захватила самый большой в 69-й армии плацдарм, глубиной в 11 км и по фронту - 18 километров. Блестящая победа Сибирского соединения вошла яркой страницей в летопись Великой Отечественной войны.

Захват 312-й Смоленской стрелковой дивизией ключевых и господствующих над Вислой позиций гитлеровских войск - крепости Яновец и Войшиньске, в 100 километрах южнее столицы Польши Варшавы, не только нарушил прочность обороны гитлеровских войск завиелинского оборонительного рубежа, но и круто изменил оперативную обстановку на этом участке 1-го Белорусского фронта, создав для наших войск возможность нанесения дальнейшего удара на города Радом, Лодзь, Познань с выходом на Берлинское стратегическое направление.

Все это вызвало серьезную тревогу у гитлеровского командования, которое начало спешную переброску в этот район резервов с целью восстановления утраченных позиций, и усилило его активность в обороне.

Ежедневно его авиация днем и ночью группами по 30-40 самолетов бомбит боевые порядки дивизии, а артиллерия ведет ураганный огонь по переднему краю. Его разведывательные группы совершают ночные вылазки, пытаясь нащупать слабые места в обороне дивизии.

Пристально осматривая в стереотрубу опушку леса, вплотную подходящую вытянувшимся языком к левому флангу дивизии, и ломаную линию сплошных траншей

обороны противника, с маячившими за ними контурами ежей и надолб, за которыми раскинулись сплошные леса, с белевшими домиками безлюдных польских деревень. Командир дивизии генерал А. Моисеевский, не столько думал об укреплениях противника, сколько о подходящем вплотную к флангу дивизии вытянутом языке лесного массива, по которому противник мог скрытно подвести резервы и ударить по левому флангу дивизии.

Оторвавшись от окуляров стереотрубы и повернувшись к находящемуся на КП дивизии начальнику разведки, генерал спросил майора Казачка: “Какими сведениями о противнике по этому наиболее угрожающему и скрытому от наших глаз району располагает разведка дивизии?”

Опустив бинокль, майор Казачек с загадочным выражением глаз ответил, что на этот счет у командира разведроты дивизии имеются интересные наблюдения.

Чутьем бывалого разведчика находящийся на КП командир 205-й отдельной разведывательной роты дивизии старший лейтенант В. Мартынушкин понял это как приказ доложить обстановку.

“Вот уже несколько дней, товарищ генерал, мои разведчики ни днем, ни ночью не спускают глаз с этого района и нацелились на позиции двух ручных пулеметов в 150 метрах от блиндажа боевого охранения противника у лесного фольварка юго-западнее опорного пункта Пискарово. Будем там брать “языка””.

“Неплохо работает разведка”, - оживился вдруг генерал, но тут же строго предупредил, что весь ход операции вначале следует проиграть детально до мелочей на местности, сходной с объектом ночного поиска, которую оборудуют саперы дивизии на восточном берегу Вислы.

Неудача исключена, так как противник усилит бдительность на этом участке, а “язык” нам нужен только из этого района и непременно живым.

Выполняя приказ комдива, саперы дивизии под командованием майора В. Мулындина соорудили оборонительный участок сходный с участком боевого охра-

нения противника юго-западнее Пискарово, куда и вышла для отработки созданная лично командиром разведроты поисковая группа.

В разведгруппу вошли самые испытанные, самые смелые и находчивые разведчики: коммунист сержант Иван Подольских, комсомолец рядовой Алексей Маслов, помощник командира отделения разведки младший сержант Николай Карманов, рядовые Александр Федулов, Василий Дементьев и Иван Кобанько.

Командиром поисковой группы был назначен один из известных в дивизии разведчиков помощник командира взвода разведки, коммунист, сержант Михаил Хохлов, сочетавший в себе исключительную отвагу, точный расчет и величайшую выдержку.

Все семеро неоднократно выходили за передний край, и имели на своем счету не одного “языка”. Не менее опытными и отважными были и саперы из взвода инженерной разведки под командованием 19-летнего москвича сержанта Сергея Трушкина, обеспечивавшего в предстоящем ночном поиске проделывание проходов в заграждениях противника. Сержант Трушкин не только сам хорошо разбирался в устройстве вражеских мин и обладал завидным холоднокровием, но и взял с собой в разведку самых испытанных и смелых своих боевых товарищей-минеров, не раз ходивших с ним на боевые задания и выручавших разведгруппы в самых трудных боевых ситуациях.

Начало сентября на Висле выдалось теплым, но дыхание осени уже тронуло золотом кроны деревьев и кустарников. По утрам от Вислы стлались молочно-белые туманы, быстро таявшие под лучами еще горячего дня солнца, и дни становились такими же теплыми, как летом.

Восемь, десять километров от переднего края, удивительная тишина, настоящая на крепком аромате цветов и трав, как бы на время отодвинула войну, но разведчики ни на минуту не забывали, зачем они вышли в такой, по их понятию “глубокий тыл”.

Чередую наблюдение за объектом нападения с действиями поисковой группы, ночью они поэтапно отра-

батывали приемы выдвижения к объекту нападения, действия по захвату “языка”. Причем при отработке действий объект нападения постоянно находился в готовности обнаружить и отразить нападение. Функции противника в боевом охранении на объекте нападения были обозначены разведчиками, не участвовавшими в ночном поиске, которые бодрствовали с наступлением сумерек и до рассвета. И только когда контрольные действия инженерной разведки по разминированию проходов и резке проволочных заграждений не были обнаружены разведчиками, обозначившими противника, а о действиях разведгруппы Хохлова “противник” не успел даже просигнализировать - подготовка к операции была признана законченной.

В ночь на 4 сентября поисковая группа сержанта Хохлова и группа инженерной разведки сержанта Трушкина в полной боевой экипировке, в масках выступила на передний край. Вечер выдался теплым, и небо, затягивающееся облаками, предвещало дождик, и это радовало разведчиков. Небольшое ненастье и густой туман над Вислой способствовал скрытности операции.

Внешне разведчики были спокойными, только в глазах каждого затаилось глубокое раздумье. С того момента, как они сдали старшине свои документы, письма, фотографии, ордена и медали, а парторгу роты - партийный или комсомольский билеты, они как бы уже не имели имени и полагались только на самих себя, добровольно отказавшиеся от всех человеческих установлений, от своего прошлого, храня все это только в памяти своих сердец.

Каждый из них знал, что там за передним краем на каждом метре ничейной земли их подстерегает смертельная опасность, что, быть может, для каждого из них встреча с сильным и коварным врагом может оказаться последней.

В этот момент их мысли и чувства на мгновения уносились к дому, семье, родным, любимым и близким, и только теплый ветер, легко гнавший по равнине поземку из шуршавших медно-бронзовых листьев, был их

мысленным собеседником и бодрил их задумчивые лица.

Но, невзирая на глубокое раздумье, семерку смелых и отважных разведчиков и группу обеспечения Трушкина, разных по возрасту и характеру, объединила одна господствующая мысль, одна цель: во что бы то ни стало выполнить поставленную боевую задачу взять “языка”, и при том - только живым!

От этого, быть может, зависел успех в отражении возможного удара противника, удержание захваченного плацдарма.

На командном пункте командира 1-го стрелкового батальона 1079-го стрелкового полка дивизии майора В. Фроловского разведчики и саперы вновь придирчиво осмотрели друг друга. Попрыгали, проверяя, не гремит ли что в экипировке, и стали неторопливо уточнять мельчайшие детали операции, весь ход поиска, распланированный и отработанный по минутам.

Еще раз уточнили сигналы взаимодействия между собой, группой саперов и минометной батареей, поддерживающей их на случай боя во вражеской траншее и отхода по завершению операции.

Не спеша, разведчики докурили папиросы, выданные старшиной роты по случаю особого боевого задания и прошли в блиндаж для того, чтобы присесть для минутного молчания перед дальней дорогой, как по русскому обычаю заведено.

В этот час ночи передний край продолжал жить своим обычным ночным ритмом. С обеих сторон в небо взлетали осветительные ракеты, которые, выхватив во тьме кусок равнины нейтральной полосы, с шипением падали вниз. Дробно постукивали пулеметы, посылая на встречу друг другу огненные трассы пуль.

Где-то в глубине обороны изредка раздавались оружейные выстрелы и снаряды, с шипением проносились над головами разведчиков, неторопливо начавших выдвижение к месту выхода за передний край.

Наши дежурные пулеметные расчеты и парные дозорные, патрулирующие в траншеях, с нескрываемой завистью и теплотой провожали отважную семерку, с

которой сдружились за время их работы на переднем крае, и разведчики, чувствуя это напутствие удачи, молчаливыми взглядами благодарили их за поддержку.

Первым во тьму ночи ушел со своей группой сержант Сергей Трушкин. Прижимаясь к земле, он уверенно пополз по начиненному смертью ничейному полю. Руки безошибочно находят мины. Сержант, работая, споро откапывал очередную мину, и замедлял темп, когда пальцы нащупывали взрыватель. Даже дыхание сдерживал. Один только раз обнаружил он не извлекаемую мину. Рисковать не стал, обошел. Также скоро и привычно работали и остальные минеры.

С чувством исполненного долга наблюдали они за разведчиками бесшумными тенями как ночные призраки проскользнувшими мимо них. Мысленно они пожелали им удачи.

Каждый метр продвижения разведчиков сокращал расстояние до объекта нападения, и постепенно их глаза привыкли к темноте и стали различать очертания траншей противника, из которых доносились приглушенные разговоры вражеских пулеметчиков.

Плотно припадая к земле в момент взлета осветительных ракет, они видели слабые отблески торчащих над бруствером пулемета позиций очертания касок пулеметчиков, казавшихся почти рядом. Затаив дыхание, они напряженно следили за их действиями и своим командиром, рывок которого должен был послужить сигналом к броску.

После падения очередной ракеты прошло ровно столько времени, сколько потребовалось глазу вновь увидеть каски гитлеровских пулеметчиков в темноте ночи, и сержант Михаил Хохлов рванулся к позиции левого пулемета противника.

В мгновение, достигнув ее, он сильным ударом сапога в голову сбивает гитлеровского пулеметчика с ног и подминает под себя. С сержантом Подольских, подоспевшим к нему на помощь, они засовывают ему в рот кляп, и накидывают на шею веревку.

Одновременно с ними на позиции пулемета напал и рядовой Кобанько, который сильнейшим ударом ножа

замертво уложил второго номера пулеметного расчета и вывел из строя пулемет.

На правый пулеметный расчет гитлеровцев, словно снег на голову свалились Дементьев с Федуловым и в молниеносной схватке уложили наводчика пулемета. Напарника наводчика заколол ударом ножа младший сержант Карманов, а Маслов в это время успел вывести из строя пулемет.

Схватка с противником была настолько мгновенна, что ни один из гитлеровских пулеметчиков не успел даже просигнализировать о наступлении, а боевое охранение, не подозревая о наступлении, продолжало постреливать. Им еще было невдомек, почему оба пулемета умолкли.

Не теряя времени, вся поисковая группа вместе с языком выбралась из траншеи и ползком стала отходить к проходу в заграждениях, где их ожидали саперы-разведчики Трушкина, которые после их прохода сразу же закрыли - заминировали проход.

Вся группа благополучно достигла своих траншей. И только здесь сержант Хохлов, окинув привычным взглядом разведчика взятого "языка" заметил, что у того из кармана шинели торчит длинная ручка гранаты. В спешке борьбы у разведчиков не было времени обыскать "языка", а тот, перепуганный насмерть, и не помышлял ею воспользоваться.

Противник опомнился только тогда, когда разведчики с "языком" двигались по траншее в направлении командного пункта командира дивизии. На первом же допросе пленный показал, что против левого фланга дивизии сосредотачиваются крупные силы противника для нанесения контрудара.

Учитывая эти сведения, командование 69-й армии усилило 312-ю Смоленскую стрелковую дивизию тремя полками артиллерийской дивизии, тремя артиллерийско-противотанковыми полками, двумя полками РС М-8 и нацелило для действий в полосе дивизии части мехкорпуса генерал-майора Лощука.

И когда в один из еще теплых дней сентября противник из района Пискарово нанес удар по левому флангу дивизии силою до полка пехоты с 40 танками и,

потеснив подразделения 1979-го стрелкового полка, стал обтекать фланг дивизии - комдив ввел в дело сосредоточенные против этого направления резервы.

Противотанковые полки с открытых огневых позиций, открыли огонь по атакующим танкам, а гвардейские минометные части “Катюши” накрыли уничтожающим огнем густые цепи пехоты врага. Два часа продолжался ожесточенный бой, в котором противник, потеряв 17 танков и до двух рот только убитыми, вынужден был откатиться в исходное положение и больше на этом участке не пытался повторить наступление.

Сразу же после боя командир дивизии вручил семерке отважных медали “За отвагу”.

Выписка из наградного листа. Указ ПВС СССР от 6.04.45 г.

Моисеевский Александр Гаврилович. Генерал-майор. Командир 312-й Смоленской стрелковой дивизии.

Во время боёв 91-го стрелкового корпуса за расширение плацдарма на западном берегу р. Вислы в ночь на 4 августа 1944 года умело на подручных средствах переправил два полка на западный берег южнее г. Казимеж и развил стремительное наступление в стык между полками 214-й пехотной дивизии противника. В результате дивизия овладела крепостью Яновец – центральной господствующей позицией противника, что обеспечило прикрытие переправы от фланкирующего огня противника.

В боях 15, 20, 26 августа 1944 г. А.Г. Моисеевский умелым руководством обеспечил выполнение задач по расширению плацдарма в глубину до 11 км и прочно закрепил участок от Радомского шоссе до Игнацув, отразив все попытки противника сбросить части дивизии с плацдарма.

“14 января 1945 г. умело руководил боем дивизии, развивал успех в направлении главного удара 91-го стрелкового корпуса, умело прорвал первую и вторую позицию противника у Радомского шоссе западнее г. Пулавы и к концу дня овладел второй полосой обороны

противника в районе Полична севернее г. Зволень. Преследуя противника, дивизия вышла на р. Радомка С.В.Ч. Радом, настигла и уничтожила два тех. б-на 45 п.д., отходящих в направлении севернее Козенице.

29 января 1945 г. в упорных боях овладел западным сектором г. Познань, нанеся большой урон противнику. Прорыв обороны 14.01.45 г. с Вислинского плацдарма в первый день наступил – 18 км., 3-й день на р. Радомка у г. Радом”. (ЦАМО. Ф. 312 с.д. опись 1, дело 2, л 36).

Глава 4. В Радом–Лодзинской операции.

Сложившаяся к началу 1945 года обстановка на советско-германском фронте благоприятствовала проведению крупной наступательной операции Советской армии на Берлинском стратегическом направлении.

Гитлеровское командование, предвидя это, планировало на 1945 год ведение стратегической обороны на этом направлении, и наиболее выгодным считало для установления позиционного фронта реку Висла для создания могучего оборонительного рубежа на ней. Тем самым рассчитывало стабилизировать свой фронт на Востоке, чтобы затянуть войну и добиться заключения сепаратного мира с США и Англией.

В этих целях на берлинском стратегическом направлении между Вислой и Одером гитлеровским командованием было создано семь оборонительных рубежей на глубине в 500 км, обороняемых 9-й немецкой армией, состоящей из 46-го и 56-го танковых корпусов 8-го армейского корпуса, насчитывающего семь пехотных дивизий, две отдельные бригады и семнадцать отдельных батальонов.

Вероятным противником для этой группировки гитлеровское командование считало войска 69-й армии, прочно удерживающих плацдарм на реке Висла в районе Пулавы-Яновец, на которых центральную позицию обороняли части 312-й Смоленской стрелковой дивизии.

Военно-экономическое значение Радом-Лодзинского направления в случае перехода в наступление войск 69-й армии с Пулавского плацдарма оценивалось гитлеровским командованием как одно из важнейших в обороне Германии на Восточном фронте.

Пулавский плацдарм имел размеры по фронту 30 км, в глубину от 2-х до 10-ти км с общей площадью 145 кв. км. Перед Пулавским плацдармом оборонялся 56-й танковый корпус. Входившие в его состав 17-я и 214-я пехотные дивизии в августе 1944 года участвовали в ожесточенных боях юго-западнее Пулавы против войск 69-й армии.

17-я пехотная дивизия, оборонявшаяся на 15 км фронта перед Пулавским плацдармом, имела со средствами усиления 9 батальонов, 294 орудия, 118 минометов, 62 танка и штурмовых орудия, 585 пулеметов, что создавало тактическую плотность на глубину главной полосы обороны на 1 км фронта: 0,6 пехотного батальона, 27 орудий и минометов, 4 танка и штурмовых орудий, до 40 пулеметов.

Главная полоса обороны 17-й пехотной дивизии состояла из 2-х позиций, отсечных позиций и отдельных опорных пунктов глубиной 5-7 км и проходила по ряду господствующих высот, с которых плацдарм просматривался на глубину в 5-7 км.

Основная масса огневых средств располагалась во 2-й и 3-й траншеях.

Передний край проходил по линии Коваля, Янув, Лавецко-Нове, Гурна и далее по западному берегу Вислы. Перед ним сплошные проволочные заграждения из спирали Бруно в 2-3 ряда и впереди их сплошная полоса минных полей шириной до 100 м.

На танкоопасных направлениях между 1-й и 2-й позициями тянулись противотанковые рвы шириной 5-8 м и глубиной 2-3 метра, и расположенные в глубине главной полосы населенные пункты были превращены в сильные опорные пункты.

Вторая полоса в 12-15 км от переднего края проходила по рубежу Козенице, Грудек-Стары, Полична, Зволень, которые были опоясаны несколькими линиями траншей. Ключевой позицией на ней был опорный пункт Полична, в котором располагался штаб 17-й пехотной дивизии.

Чтобы прорвать такое мощное оборонительное поле, а противник ожидал удара, и внезапность была затруднена, 312-я Смоленская стрелковая дивизия была выведена в конце декабря 1944 г. на левый берег Вислы. Инженерными войсками армии было построено пять мостов через Вислу, но во время осеннего паводка с ледоходом начался размыв дна, что в конце декабря привело к разрушению 4-х мостов. С учетом этого началась подготовка нескольких переправ по льду.

312-я Смоленская стрелковая дивизия в течение нескольких январских ночей конца первой и начала второй декады января 1945 г. готовила ледовую переправу для дивизии через Вислу, намораживала ее поливом воды и сборами значительно выпавшего снега. Такая ледовая дорога выдерживала нагрузку не только стрелковых частей, но и артиллерии дивизии.

В ночь на 12 января 1945 г. дивизия по ледовой переправе вышла на плацдарм и сосредоточилась в лесу северо-западнее Садловице, а в ночь на 13 января произвела смену частей на участке прорыва.

Избранный участок прорыва 69-й армии находился в центре Пулавского плацдарма, проходил по наиболее прочному участку обороны противника и плотно занятому войсками, что обеспечивало выход группировки армии кратчайшим путем к крупным опорным пунктам обороны противника городам Зволень и Радом в районах, которые предстояло разгромить, а также позволяло ударной группировке обойти с юга крупный лесной массив, расположенный северо-восточнее Едльня-Летниска.

Решение командира 91-го стрелкового корпуса заключалось в нанесении главного удара силами 312-й Смоленской стрелковой дивизии в направлении Теодорув, Чарноляс, Полична с задачей прорвать оборону на участке фронта Янув-Курышув, овладеть рубежом ближайшей задачи Каетанув Ляс, Геленув и к исходу первого дня наступления выйти на рубеж Гневошув, Сарнув, Чарноляс обеспечив правый фланг армии от возможных контрударов противника со стороны Сарнув, Гербатка-Летниско, Полична.

Глубокий боевой порядок 312-й Смоленской стрелковой дивизии в два эшелона и выделения 312-й Смоленской стрелковой дивизии значительных средств усиления (на 1 км фронта прорыва в ее полосе привлекалось 294 орудия и минометов, 42 танка и самоходно-артиллерийских установок) позволяло ей развить высокие темпы наступления в направлении Полична, разобить части 17-й пехотной дивизии противника и быстро

разгромить их.

Противник ожидал удара 69-й армии, большинство своих сил держал в тактической глубине обороны, приблизив к ней оперативные резервы. Словом, предпочитал упорно обороняться в тактической зоне.

И наш успех определялся в быстроте его разгрома в тактической зоне.

Получив боевой приказ командира 91-го стрелкового корпуса на смену части дивизии на участке прорыва 312-й Смоленской стрелковой дивизии, комдив генерал-майор Александр Моисеевский в ночь на 13 января 1945 г. с оперативной группой выдвинулся на передовой наблюдательный пункт дивизии на направлении главного удара передового батальона под командованием майора Дауда Нехая и лично осуществил руководство занятием батальоном исходного положения для прорыва обороны противника.

Сплошная облачность и низко нависшие облака вызвали особую озабоченность комдива, ибо вражеская оборона перед участком переправы просматривалась с трудом, а начало прорыва без прикрытия с воздуха многократно увеличивало и без того колоссальные нагрузки и степень риска для многих и многих участников ударного эшелона дивизии уже в первые же часы прорыва обороны противника.

Форсированная подготовка к началу прорыва Вислинского оборонительного рубежа и та степень напряжения риска оказались высокой ценой оплаты союзнического долга.

В 8 часов 30 минут утра 14 января 1945 г., за полтора часа до восхода солнца, внезапным мощным 25-минутным огневым налетом всей артиллерии, 69-я армия возвестила о начале одной из самых мощных наступательных операций победного 1945 года в Великой Отечественной войне.

Огонь нашей артиллерии обрушился на противника в тот момент, когда он переводил свою пехоту из первой и второй траншей в третью.

Однако противнику не удалось осуществить этот маневр, так как одновременно все три траншеи были

подвергнуты артналету.

Ударный эшелон дивизии - 1-й стрелковый батальон 1083-го с.п. под командованием лихого адыгейца майора Дауда Нехая, усиленный ротой танков, двумя батареями 76 мм орудий, батареей 45 мм орудий и саперной ротой через 25 минут после начала артналета перешел в атаку - все три стрелковые роты в линию.

Впереди пехоты шли танки. Овладев первой траншеей, батальон ворвался во вторую, но встретил здесь сильное огневое сопротивление из опорного пункта Курошув. Тогда комбат приказал 3-й стрелковой роте капитана Стученко обойти опорный пункт с севера.

Под огнем противника рота решительно совершила маневр, обошла Курошув и ворвалась в третью траншею противника. Командир пулеметного расчета роты младший сержант Тесленко Д.И. уничтожил в этой схватке с врагом огнем из пулемета 10 немецких солдат.

В связи с выбытием из строя командира взвода, он взял на себя командование взводом и умело руководил им в бою до выполнения боевой задачи, за что был награжден орденом Красного Знамени.

Враг, ощутив обходный маневр роты Стученко, дрогнул, и тогда комбат Нехай усилил натиск с фронта. Истребив гитлеровцев в третьей траншее, батальон майора Нехая к 10 часам утра завершил прорыв первой позиции обороны противника.

Выйдя к восточной окраине Леокадьев Дужи и встретив здесь ожесточенное сопротивление противника со второй позиции, батальон майора Нехая закрепился. Главная задача, установить, не отвел ли противник свои части в глубину обороны, была выполнена, что подтвердил захват пленных из 17-й пехотной дивизии.

Комдив генерал-майор Александр Моисеевский доложил командиру 91-го стрелкового корпуса генерал-майору Ф. Волкову о прорыве передовым батальоном дивизии первой позиции главной полосы обороны противника и просил согласия на ввод в прорыв главных сил дивизии.

Генерал-майор Ф. Волков, поздравив личный состав дивизии и ее командира, дал согласие на продолжение наступления главными силами дивизии.

Густой туман и низко нависшие тучи ограничивали видимость до 300-400 метров и затрудняли использование артиллерии и других родов войск. Однако, после 15-минутного огневого налета всей артиллерии армии по второй позиции обороны противника 312-я Смоленская стрелковая дивизия с 10 часов утра 14 января 1079-м и 1081-м стрелковыми полками пройдя через боевые порядки ударного эшелона и отдельный штрафной роты (понесших потери на обратных скатах высоты от внезапно оживших фланкирующих пулеметов) атаковала вторую позицию обороны противника.

Ошеломленный мощью нашего артогня и непрерывностью атаки на расширяющемся фронте прорыва, противник, не выдержав стремительного тарана наших танков и пехоты, сопровождаемых орудиями прямой наводки всех калибров, стал отходить, укрываясь в рощах, перелесках, опорных пунктах, переходя частью подходящих резервов в контратаки.

Подавленная с начала наступления артиллерия противника, сменив огневые позиции, вновь активизировалась и массированным огнем поддерживала контратакующих.

В связи с расширением фронта наступления дивизии с 1 км до 4 км и для отражения контратак противника 1979-й и 1081-й стрелковые полки дивизии вынуждены были ввести в бой вторые эшелоны.

Продолжая упорно продвигаться вперед, и успешно отражая контратаки, дивизия к 18 часам вышла на рубеж южной окраины Грудек Стары, Грудек Чарноляс и продвинулась на 12 км, полностью выполнив задачу дня.

Глубокое вклинение 312-й Смоленской стрелковой дивизии в оборону противника разобщило части 17-й пехотной дивизии и способствовало ускорению их разгрома.

Используя успех 312-й Смоленской дивизии, перешла в наступление и 117-я стрелковая дивизия 91-го

стрелкового корпуса. Продвигаясь на восьмикилометровом участке фронта, и преодолевая упорное сопротивление противника, дивизия вышла на рубеж Ковалья, южная окраина Марковоля, и к середине дня разрыв между 117-й стрелковой дивизией и 312-й стрелковой дивизией составил уже более четырех километров, что создало угрозу контрудара противника с севера в сторону открытого правого фланга ударной группировки 91-го стрелкового корпуса.

С целью снятия такой угрозы командир 91-го стрелкового корпуса ввел в образовавшийся разрыв свой второй эшелон – 370-ю стрелковую дивизию.

Не получив на усиление танков и не имея достаточного количества артиллерии 370-я стрелковая дивизия начала наступление только одним 1234-м стрелковым полком и сразу натолкнулась на упорное сопротивление противника из Зволя Стара. Только с вводом в бой главных сил 370-й стрелковой дивизии удалось сломить сопротивление противника и только к 18 часам, выйдя на рубеж Сарнув, роща севернее Чарноляс, дивизия надежно прикрыла с севера ударную группировку, что сняло угрозу удара по открытому правому флангу 312-й стрелковой дивизии.

День 14 января 1945 г. закончился большой победой, но обстановка на участке прорыва осложнялась.

Поздно вечером на КП командира полка, расположенном в полуразрушенном нашей артиллерией блиндаже противника в 400 м позади стрелковых батальонов прибыл комдив генерал А. Моисеевский.

Внимательно выслушав доклад командира полка об обстановке, он поздравил его и весь личный состав с успешным выполнением задачи дня, но тут же сообщил, что времени на ночной отдых не будет, и пригласил командование полка ближе к тускло освещавшей блиндаж коптилке из снарядной гильзы.

“Михаил Никитич, посмотрите, пожалуйста, вот сюда, - указал генерал на очерченные жирными цветными линиями квадраты развернутой топографической карты. - Это населенные пункты Полична и Светликова Воля, расположенные на второй полосе обороны про-

тивника. Они опоясаны линиями траншей, подступы к ним сильно минированы и преграждены противотанковым рвом. Это ключевые позиции противника на второй полосе его обороны. В Полична, кроме этого, расположен штаб 17 пехотной дивизии противника, а в Светликова Воля и в лесу, восточнее, - тылы дивизии и артиллерийские позиции.

По сведениям разведки противник перебрасывает сюда резервы и попытается, удерживая эти сильно укрепленные позиции, остановить продвижение дивизии на второй оборонительной полосе.

Создавшаяся обстановка требует использования наступающей ночи для глубокого прорыва обороны противника и разгрому его подходящих резервов в этих опорных пунктах. Вашему полку, Михаил Никитич, - продолжал генерал, - надлежит ночным ударом прорвать оборонительную позицию противника перед опорным пунктом Светликова Воля, разгромить затем там его гарнизон и нанести удар по тылам и артиллерийско-минометным позициям в лесу восточнее Светликова Воля и воспрепятствовать переброске резервов из этих районов в Полична, который атакует ночью ваш сосед, 1079-й стрелковый полк.

Задача трудная, но от ее выполнения зависит во многом успех боевых действий всей дивизии. Внезапность ночного удара и ваш большой опыт ведения ночных операций помогут Вам в выполнении возлагаемой на Вас задачи. Если вопросов не будет, желаю удачи”, - закончил командир дивизии.

За час до полуночи полк с ротой танков, батареей самоходно-артиллерийских установок 1206-го самоходно-артиллерийского полка при поддержке пяти дивизионов артиллерии решительно контратаковал противника на оборонительной полосе перед опорным пунктом Светликова Воля.

Мощный огневой налет артиллерии ошеломил противника, и он вынужден был начать отход с рубежа обороны, прикрывающего опорный пункт Светликова Воля.

Стрелковые батальоны полка, на плечах отходящего

противника, успешно преодолели противотанковый ров и через проходы в минных полях, по которым отходил противник, стремительно достигли первой траншеи, опоясывающей опорный пункт с фронта, и в короткой ночной схватке очистили ее от гитлеровцев.

Но вскоре противник опомнился. Из леса восточнее Светликова Воля артиллерийские и минометные батареи начали сильный обстрел подходящих к Светликова Воля и лесу батальонов полка. Снаряды и мины стали рваться и вблизи командного пункта командира полка.

“Михаил Никитич, может быть на период обстрела спуститься в блиндаж?” - осторожно спросил командира полка адъютант капитан Павел Бутнев.

Словно не замечая разрывов мин и снарядов, командир полка напряженно вслушивался в нарастающий гул артиллерии и минометов противника. Так же внезапно, как начавшийся артналет, заговорили впереди наши и немецкие пулеметы. “Похоже, противник перешел в контратаку”, - вслушиваясь в нарастающий шум боя, произнес командир полка, и, желая определить, не ошибся ли он в своих предположениях, попросил адъютанта вызвать на связь комбата майора Ивана Шадрина.

Настойчивый зуммер телефона из блиндажа опередил распоряжение командира полка.

Возбужденным голосом, раздававшимся из телефонной трубки, майор Шадрин докладывал: “Противник силой до батальона с самоходными орудиями перешел в контратаку из Светликова Воля. Стрелковые роты, остановленные заградительным огнем артиллерии, ведут огневой бой с контратакующей пехотой. Дотроты автоматчиков обходят батальон с левого фланга. Прошу огня по батареям противника в лесу и прикрыть фланг батальона”.

“Удерживайте захваченный рубеж. Фланг батальона прикроет рота автоматчиков полка. Примите меры к установлению локтевой связи с ней. В Ваше распоряжение поступает полковая противотанковая батарея. Выдвигайте орудия на прямую наводку в боевые порядки батальона”, - спокойно ответил командир полка.

Не раздумывая больше, подполковник Шевченко

незамедлительно ввел в бой свой резерв - роту автоматчиков полного состава, не задействованную еще в прорыве оборонительной полосы противника.

Огонь двухсот автоматов, внезапно обрушившийся на обтекающий фланг полка противника, вызвал замешательство атакующего врага, но части его пехоты все же удалось прорваться в образовавшийся разрыв, и во мгле ночи она устремилась в Полична.

“Анатолий Васильевич, - требовательно бросил командир полка командиру роты связи, старшему лейтенанту Рожкову, - как скоро Вы сможете выйти на связь с “Букетом””.

““Букет” уже на связи”, - радостно воскликнул радист.

Стремительно подойдя к рации, командир полка открытым текстом доложил комдиву: “Полк контратакован превосходящими силами противника на направлении Светликова Воля и из леса, расположенного восточнее. Батальоны, сдерживая натиск пехоты и самоходных установок, ведут ожесточенный огневой бой в 300-350 метрах от опорного пункта. Части вражеской пехоты удалось прорваться на левом фланге полка в направлении Полична”.

После непродолжительного молчания генерал Моисеевский запросил: “Что Вы намерены, Михаил Николаевич, предпринять, чтобы свести к минимуму угрозу выхода прорвавшегося противника на тылы Вашего соседа, ведущего бой в Полична”.

“Предполагаю одним батальоном с батареей самоходно-артиллерийских установок контратаковать прорвавшегося противника, а остальными силами удерживать захваченный рубеж и не допускать подхода резервов на усиление прорвавшегося противника к Полична”, - твердо доложил командир полка.

“Решение правильное”, - ответил комдив. “Для усиления удара Ваш сосед из Полична одним батальоном навстречу Вам контратакует прорвавшегося противника. Сигнал к атаке по радио - позывной “Тайфун”. Будьте на связи и действуйте решительно”, - закончил генерал Моисеевский.

Бой продолжался уже не менее часа. По бесснежной равнине мимо КП командира полка по одиночке и группами стали проходить раненые. Тяжелораненых санитары тащили на плащ-палатках. Многие из них стонали и метались в бреду. Там в передовой линии лицом к огню они сделали все, что только было в их силах. Некоторые из тех, кто шел сам, находясь все еще под впечатлением ожесточенного боя, тихо перебрасывались в ночи отрывочными фразами: “Хорошо мы рванули! Но и фрицы тоже здесь сильны! Наверно, больше роты прорвалось к Полична! Далеко не уйдут! Ребята Прокудина там на них навалились!”

Командир полка понял, что раненые говорят об отважном командире взвода из роты автоматчиков старшине Прокудине, ребята которого всегда там, где решается судьба боя.

Глядя на продолжавших идти в тыл раненых, Михаил Никитич думал не только о том, сколько времени потребуется, чтобы снова вернуть их в строй, или когда им выпадет возможность поехать на побывку в родные края. Он поймал себя на мысли, что думает с болью о тех, кто уже никогда не поднимется, о тех, кто лежал неподвижно там, где их настигли пули, или осколок мины снаряда.

Прорывая оборонительный рубеж перед деревней, все они дорогой ценой собственных жизней заплатили за эту победу. Было трудно свыкнуться с мыслью, что эти солдаты еще час тому назад двигались, дышали, надеялись. У каждого из них дома оставалась жена, дети, матери или невесты. И никому из них не хотелось умирать. Но нужно было встать из окопов, сделать шаг вперед, который и стал для них последним в жизни.

За спиной командира полка загрохотала артиллерия. Это по приказу комдива дивизионная артиллерия начала обработку леса, откуда били вражеские батареи. Равнинный характер местности позволял противнику держать под огнем нашу пехоту, и гитлеровские батареи после первых наших залпов все еще огрызались. Но постепенно их артогонь стал стихать и, наконец, вовсе умолк.

“Соедините меня с майором Шадриным”, - бросил начальнику связи полка подполковник Шевченко.

“Готовьте батальон к контратаке по прорвавшейся к Полична группе гитлеровцев, - коротко сказал комполка, услышав в трубке голос майора Шадрина. - Сигнал две красных и одна зеленая ракета. Действуйте смелее”.

Обращайте пристальное внимание на фланги, так как соседей не будет. С фронта Ваш участок прикроет 7-я рота, а навстречу Вам из Полична контратакует прорвавшегося противника батальон капитана Пянова из 1079-го стрелкового полка”.

Около часа ночи радист полка принял многократно повторяющийся позывной “Тайфун”, и с КП командира полка взлетели две красных и одна зеленая ракеты - сигнал к атаке.

Батальон полка под командованием майора Ивана Шадрина, перестроивший боевой порядок, решительно пошел на сближение с противником, проникшим до двух километров в разрыв с 1079-м стрелковым полком и вышедшим на его тылы в Полична.

Сплошная темнота ночи затрудняла продвижение стрелковых рот, но уже через полчаса они настигли подразделения 17-го фузилерного батальона, которые оказали ожесточенное сопротивление.

Исход боя решил обход противника 3-й батареей 1206-го самоходно-артиллерийского полка, осуществленный по приказу подполковника Шевченко.

Батарея, ворвавшаяся в гущу заметавшихся по полю гитлеровцев, за несколько минут уничтожила более взвода вражеских солдат и 2 самоходные пушки, открывших огонь по нашей пехоте.

Согласованный стремительный удар стрелкового батальона и батареи самоходной артиллерии внес замешательство в стане врага, и уже через полчаса батальон майора Ивана Шадрина, соединившись с батальоном капитана Пянова из 1079-го стрелкового полка, завершил разгром прорвавшегося противника.

Оставшиеся в живых из подразделений 17-го фузилерного батальона сдались в плен.

По представлению командира полка подполковника

М. Шевченко офицеры самоходной артбатареи лейтенант Сосин М.И и младший лейтенант Горбунов А.П., а также весь личный состав артиллерийских расчетов были награждены орденами Красного Знамени.

Попытка врага ударами 95-го пехотного полка и 17-го фузилерного батальона задержать 1081-й полк перед Светликова Воля и разгромить ворвавшейся в Полична соседний полк дивизии окончились провалом.

Глубокой ночью 15 января после артиллерийского налета противник частями, переброшенными ко второй полосе обороны 19-й танковой дивизии и отдельных батальонов, противник вновь перешел в атаку против 1079-го и 1081-го стрелковых полков, пытаясь повторить маневр по прорыву на тылы 1979-го стрелкового полка в Полична, чтобы вернуть утраченные на второй после обороны ключевые позиции. (ЦАМО. ф.528 оп. 82357, д. 14, л. 152).

Вторичная атака гитлеровцев не оказалась для подполковника Шевченко неожиданной, но обстановка перед фронтом дивизии за ночь осложнилась. Через полосу ее наступления на направлении боевых действий полка начался интенсивный отход в леса Радом-Лодзинского направления различных частей противника, отступавших под ударами подвижных войск фронта с Вислинского оборонительного рубежа.

В момент контратаки 95-го пехотного полка на занятые 1081-м полком позиции несколько таких колонн силой до двух батальонов с артиллерией и обозами плотным боевым походным порядком пытались проскочить мимо рубежа, удерживаемого полком.

Одна колонна прямо по бездорожью по промерзшей бесснежной равнине, сделав крутой поворот и не развертываясь в боевой порядок, пыталась проскочить у открытого фланга полка, который прикрывала по приказу командира полка 4-я стрелковая рота 2-го батальона, усиленная двумя артиллерийскими, одной минометной батареей и пулеметной ротой.

Наличие стрелковой роты, усиленной артиллерией, на открытом фланге полка подтвердило не только правильность решения подполковника Шевченко о при-

крытии фланга, но и сыграло немаловажную роль в отражении контратаки противника в условиях неожиданного многочисленного отхода частей в полосе наступления полка.

Хорошо замаскированные в траншеях второй полосы обороны противника, орудия прямой наводки батарей старшего лейтенанта Мельникова и капитана Гиренко неожиданно для противника ударили по его артиллерии и обозам.

Одновременно с высоты, по скатам которой в только что отбитой у противника траншее заняла оборону четвертая рота, была ракетами освещена низина, на которой огнем была застигнута прорывающаяся колонна противника. Сравнительно быстро ее пехота стала рассредоточиваться, но попытки орудийных расчетов отцепить и развернуть орудия оказались напрасными. Снаряды артиллерийских батарей и 82 мм минометов батареи капитана Шляхтина опередили их. Противник, бросая орудия и обоз, заметался по полю и попал под прицельный огонь наших станковых и ручных пулеметов. В ночи, разбуженная грохотом артиллерии и минометов, колонна была разгромлена.

Но перед фронтом полка противник подразделениями 95-го пехотного полка 17-й пехотной дивизии с самоходной артиллерией в боевых порядках продолжал яростно контратаковать. На участке батальона майора Ивана Шадрина ему удалось разобщить боевые порядки полка. Командир батальона, находясь в боевых порядках первой стрелковой роты под командованием старшего лейтенанта Шевелева, оказался отрезанным от полка.

Сомкнув фронт обороны с 4-й стрелковой ротой, прикрывавшей открытый фланг полка, майор Шадрин продолжал руководить боем по удержанию захваченного рубежа противника на второй полосе его обороны и отражению контратак. Он направил на связь с командиром полка опытного воина из взвода старшего лейтенанта Юрия Казакова - сержанта Алиева. Гитлеровские автоматчики заметили одинокую фигуру, передвигающуюся по низине, и, открыв по нему огонь, ранили его

в руку. Истекая кровью, боец успел проползти несколько десятков метров и почти на виду у вражеских автоматчиков провалился, как сквозь землю. Оказалось, что он полз по намерзшей над кюветом дороги ледяной корке и, провалившись в него, успел вползти под ледяной покров и затаился там.

Когда, наконец, шаги гитлеровских автоматчиков, безуспешно искавших нашего солдата, затихли, отважный воин с обмороженной раненой рукой и ослабленный от потери крови выполз из спасающего его укрытия, преодолел равнину и доставил донесение командиру полка.

Подполковник Михаил Шевченко наградил находчивого и храброго воина орденом Славы.

Ожесточенный ночной бой продолжался уже около двух часов, но противник так и не смог вернуть свою утраченную позицию на второй полосе обороны. Потеряв до 400-х человек, только убитыми (ЦАМО, ф.426, оп. 97685, д. 52, л-9), противник вынужден был прекратить атаки против полка и остатками 95-го пехотного полка начал отход в опорный пункт Светликова Воля и лес, расположенный восточнее этого населенного пункта.

Обдумывая свое решение на атаку опорного пункта, командир полка вновь и вновь перечитывал скупые строки полученного от майора Шадрина донесения, в котором тот сообщал, что в 150-200 метрах от фланга полка, где заняли оборону подразделения под его командованием, проходит грунтовая дорога к опорному пункту Светликова Воля и что по ней под покровом темноты через рощу можно незаметно подойти к противнику и атаковать его с фланга.

Командир батальона сообщил, что создал десантную группу автоматчиков во главе с командиром 4-й стрелковой роты, которая на рассвете на упряжках батальонной противотанковой батареи атакует по этой дороге противника с фланга, а вслед за ней перейдут в атаку по сигналу серии красных ракет остальные подразделения.

Если эта атака будет поддержана полком с фронта,

то противнику опорный пункт не удержать...

“Грамотный командир батальона и хорошо ориентируется в боевой обстановке”, - обращаясь к начальнику штаба полка майору Гукову, одобрительно произнес командир полка. “Наша рекомендация на выдвижение его на должность заместителя командира полка по строевой части вновь подтверждает его боевые качества”, - закончил подполковник Шевченко, давая понять начальнику штаба, что решение комбата им одобрено.

“Петр Федорович, подтвердите серией зеленых ракет получение донесения от Шадрина и одобрение его решения”, - поручил он помощнику начальника штаба майору Савченко, готовящему распоряжение на атаку Светликова Воля.

В предутреннем рассвете в дымке еще стелящегося по равнине тумана артиллерийская батарея с десантом автоматчиков на рысях преодолела полукилометровое расстояние и неожиданно для противника ворвалась в центральную часть опорного пункта с востока и, развернувшись, открыла беглый огонь по занявшим позиции гитлеровцам. На площади Светликова Воля артиллерия расстреляла прислугу минометной батареи, а автоматчики разгромили охрану штаба 95-го пехотного полка.

Неожиданное появление артиллерии и автоматчиков в центре опорного пункта вызывали панику гарнизона Светликова Воля, и это ускорило его захват атакующими с фронта подразделениями полка. Захватив 42 пленных, обоз противника, много артиллерийских орудий и минометов, полк завершил захват опорного пункта противника на второй полосе его обороны.

Отходя на оборонительный рубеж Стоки - Едльня, Летниско, Клонув, противник, около 10 часов утра из населенного пункта Франкуф силою до батальона пехоты с 10 танками вновь контратаковал полк, пытаясь приостановить его успешное продвижение.

Танки противника, набирая скорость и развертываясь в боевой порядок, еще с дальней дистанции, открыли огонь из пушек по передовому батальону полка. Однако их огонь был мало прицельный, рассчитанный

больше на создание паники, и не причинил батальону потерь, тем более, что роты успели укрыться на отсечной позиции второй полосы обороны противника.

Командир полка подполковник Михаил Шевченко, следовавший с оперативной группой за передовым батальоном, доложил по радиации командиру дивизии о контратаке противника и приказал командиру дивизиона пушечной артиллерии выбить танки противника, а командиру полковой минометной батареи старшему лейтенанту Алешину накрыть пехоту противника, бегущую за танками.

С первых же залпов артиллеристы подбили два танка,двигающихся в центре боевого порядка, однако остальные, не сбавляя скорости, продолжали сближаться с позициями батальона.

Занявшие огневые позиции в боевых порядках пехоты противотанковые батальонная и полковая артиллерийские батареи старшего лейтенанта Мельникова и капитана Уханова вступили в борьбу с вражескими танками. Прямым попаданием артиллеристы капитана Уханова подбили еще один танк противника, но гитлеровские танкисты, обнаружив орудие батареи, подбившее танк, открыли по нему из двух левофланговых машин беглый огонь, прямым попаданием были убиты трое из расчета. В живых остались только командир орудия секретарь комсомольской организации батареи старший сержант Алексей Отрошенко и заряжающий Петров. Полуоглохшие от разрядов снарядов, они продолжали сражаться и подбили самоходное орудие, поддерживающее огнем танки из боевых порядков атакующей пехоты, и два пулемета.

Мощный заградительный огонь пушечного дивизиона и двух противотанковых батарей вынудил гитлеровских танкистов замедлить продвижение и нарушить их боевой порядок. Укрывшись в складках местности, противник продолжал вести методический обстрел боевых порядков батальона. В помощь ему загрохотали артиллерийские батареи. Артиллерийский обстрел усиливался, и его огневой вал шагнул за боевые порядки батальона, туда, где начинал разворачиваться подошедший

батальон майора Ивана Шадрина.

Подполковник Шевченко доложил комдиву о начавшемся сильном обстреле и готовящемся к контратаке противнике и запросил генерала Моисеевского о нанесении ответного удара по батареям врага.

Вскоре послышался знакомый скрип “Катюш”, и в лесу за Франкуф раздались тяжелые взрывы наших снарядов. Огонь вражеских батарей прекратился.

Воспользовавшись этим, подполковник Шевченко перебросил на фланг батальона самоходно-артиллерийскую батарею и танковую роту. И когда вражеские танки и пехота возобновили атаку, они попали под фланговый огонь самоходной артиллерии и танков, которым удалось подбить еще две машины.

Теперь у противника оставалось только пять танков, но гитлеровские танкисты продолжали атаковать, ведя на ходу огонь из пушек и пулеметов. За ними вновь перешли в движение цепи автоматчиков. Уже отчетливее стали видны их лица, и тут заработали во всю мощь наши станковые и ручные пулеметы, отсекая гитлеровскую пехоту от танков... Одновременно за боевыми порядками батальона появились машины противотанкового дивизиона, подошедшие по приказу комдива. Расчеты на ходу отцепляли орудия и, развернув их, порудийно вступили в бой с вражескими танками.

По равнине стала продвигаться стена заградительного огня, от которой атакующие танки заметались, подставляя под огонь противотанковых орудий уязвимые места. В короткое время с вражескими танками было покончено. Они горели или дымились в 300-350 метрах от позиций батальона. Оставшись без прикрытия броней и огня танков, цепи гитлеровских автоматчиков дрогнули и, неся потери от сильного пулеметного и минометного огня батальона, поспешно бросились назад к населенному пункту.

Видя замешательство врага, командир полка поднял батальон Умнова в атаку и на плечах в панике отступающего противника, в сопровождении танков и самоходных установок овладел Франкуф.

Выйдя на противоположную окраину населенного

пункта, батальоны полка вновь подверглись огневому воздействию противника. Особенно сильному пулеметному обстрелу из крупнокалиберных зенитных пулеметов подверглись стрелковые роты 2-го батальона.

Вырвавшаяся вперед 5-я стрелковая рота этого батальона под командованием старшего лейтенанта Крутикова, оказалась прижатой к земле и несла потери.

Позиции зенитных пулеметов противника находились в полукилометре от населенного пункта и держали дорогу, уходящую на Пионки, и равнину под губительным огнем.

Рассматривая в бинокль заслон противника, командир полка сразу оценил уязвимость его позиций. Расположенные на недостроенной оборонительной полосе они не были соединены сплошной линией траншей, и это их изолировало на местности. Но жесточенность, с которой зенитные расчеты поливали огнем дорогу и равнину, говорили за то, что прикрытие это неслучайное, тем более, дорога на Пионки была единственной, по которой отходили разбитые части 17-й пехотной дивизии и ее штаб.

“Еще каких-нибудь полчаса такого обстрела и люди 5-й стрелковой роты навсегда останутся на равнине”, - пронеслось в сознании подполковника Шевченко.

“Капитан Алешин, - обратился командир полка к командиру 120 мм минометной полковой батареи, - дайте несколько залпов по позиции зенитных пулеметов врага, да так, чтобы от них мокрого места не осталось”.

В считанные минуты огонь батареи обрушился на недостроенные блиндажи, где засели заслоны гитлеровцев. И сразу наступила тишина. Командир полка смотрел на поднявшиеся цепи 5-й стрелковой роты, и тяжелое чувство возможной гибели сотни солдат вдруг куда-то отошло.

Оставшиеся с десятков живых солдат вражеского заслона показали, что по приказу командования 17-й пехотной дивизии, отошедшей на Пионки, была сформирована группа из расчетов зенитных пулеметов и автоматчиков, которая должна была стоять до последнего

солдата, прикрывая отход штаба дивизии.

С полудня полк перешел к преследованию разгромленных вражеских частей и за день 15 января продвинулся до 22 километров. В этот день полк вплотную подошел к оборонительному рубежу противника Стоки, Едльня-Летниско, Козлув, в 10 км северо-восточнее г. Радом и у лесного массива перехватил шоссе Едльня-Летниско, отрезав пути отхода остаткам частей 45-ой пехотной дивизии противника, прорывающейся на усиление гарнизона г. Радом.

Блестящий маневр 312-й стрелковой дивизии в значительной степени ослабил гарнизон г. Радом и содействовал главной группировке 69-й армии в ночь на 16 января 1945 г. ворваться в г. Радом.

Город с населением свыше 100000 человек и многочисленными промышленными предприятиями был спасен от разрушения и в этом не малая заслуга воинов 312-й стрелковой дивизии.

Приказом Верховного Главнокомандования 312-й Смоленской стрелковой дивизии за успешные боевые действия по овладению г. Радом была объявлена благодарность. Многие солдаты, сержанты и офицеры удостоены наград: орденов Красного знамени, Александра Невского, Красной Звезды, Славы. Командиру батальона 1083-го стрелкового полка майору Нехаю Д.Э. было присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

С 9 часов утра 16 января дивизия возобновила наступление, имея задачу обеспечения фланга ударной группировки 69-й армии в обход г. Радом.

Преследуя противника в направлении Пестув, Козенице части дивизии встретили сильное сопротивление противника в районе Ясштембля, где во взаимодействии с частями 370-й стрелковой дивизии в коротком сражении разгромила 238-й охранный батальон противника, прорывавшийся на юго-запад.

По выходу из лесного массива западнее Едльня Летниско в районе Козлув противник двумя батальонами 45-й пехотной дивизии вновь контратаковал 1081-й и 1079-й стрелковые полки, но был остановлен и вынужден был отступить.

Продолжая наступление, дивизия к исходу дня 16 января продвинулась на 25-30 км, вышла на рубеж Гудзек, Натали и полностью выполнила задачу дня.

17 января с 8 ч. утра наступление дивизии возобновилось. Впереди на удалении 10-15 км наступал передовой отряд дивизии – 24-й стрелковый батальон 1081-го стрелкового полка, а главные силы шли свернутые в колонны. За сутки продвижение составило до 30 км, и дивизия полностью выполнила поставленную задачу.

На рубеже Кльвув, Кадзь, Русинув встретив сопротивление значительных сил противника, отошедшего из районов Глогув, Мнишек, Плец, части дивизии не смогли с ходу овладеть переправами на р. Джевичка.

Наступая в трудных условиях лесисто-болотистой местности, полкам дивизии в течение дня пришлось выдержать ряд трудных напряженных боев с отдельными сильными группами отходящего противника. Отброшенные в леса Радом-Лодзинского направления ударами подвижных войск фронта, наступавших правее и левее 69-й армии, разбитые части 6-й, 17-й, 45-й пехотных дивизий, 19 и 25 танковых, 10 моторизованной и отдельных батальонов оказались в полосе 69-й армии и это серьезно осложнило действия и 312-й стрелковой дивизии, наступавшей на правом фланге 69-й армии.

Сломив в ночном бою сопротивление противника, и преодолев оборонительный рубеж по р. Джевичка, дивизия с девяти часов утра успешно продвинулась на запад к оборонительному рубежу противника по р. Пилице. Противник оказывал слабое сопротивление, большая его часть сдавалась в плен.

К исходу дня, продвинувшись на 25 км, части дивизии сосредоточились в Мыслековицах.

В течение дня 19 января, встречая слабое сопротивление мелких групп противника, дивизия продвинулась до 35 км и вышла в Михалув, Мосты.

Утром 20 января дивизия в колоннах вступила в г. Лодзь и к исходу дня сосредоточилась в Александрув, Константинув.

В Радом-Лодзинской операции 312-я Смоленская стрелковая дивизия продвинулась до 180 км, выполнив

поставленную задачу вместо 12 дней - за 7 дней со среднесуточным темпом продвижения вместо запланированного: 15-20 км – 26 км, являющимися наивысшими в Великой Отечественной войне.

Из Александров, Константинув дивизия в колоннах, не встречая сопротивления противника, за пять дней совершает двухсоткилометровый переход и к исходу дня 25 января выходит к городу-крепости Познани, поступив в составе 91-го стрелкового корпуса в оперативное подчинение 8-й гвардейской армии.

Глава 5. Штурм Познани.

К 22 января 1945 года войска 1-го Белорусского фронта вплотную подошли к Познаньскому оборонительному рубежу. Тяжелые ожесточенные бои продолжались здесь в течение трех дней и отличались яростным сопротивлением противника, а к 24 января наши войска полностью окружили крепость Познань с 62 тысячным гарнизоном гитлеровцев.

Город раскинулся с севера на юг по западному берегу реки Варты. С востока к городу подходили три шоссейных и две железнодорожных дороги, на запад из города уходили три железных и четыре шоссейных дороги.

Основные коммуникации 1-го Белорусского фронта – двухколейная железная дорога Варшава – ст. Репен протяженностью 482 километра и железная дорога Демблин-Кюстрин проходили через Познань, и поток воинских грузов для войск на Одерском плацдарме нуждался в скорейшем сквозном сообщении через Познань. По подсчетам военных специалистов способность этих дорог могла достичь сорока пар поездов в сутки.

По замыслу гитлеровского командования город-крепость должен был привлечь к себе не менее двух общевойсковых армий, ослабить силы советских войск выходящих к Одеру и сорвать снабжение наших войск на плацдармах в районе Кюстрина и Франкфурта в 60-

70 километрах от центра фашистского логова Берлина.

Старинный красивый город с широкими улицами и площадями с остроконечными шпилями костелов, высокими современными каменными строениями и старыми кварталами с узкими улочками, новейшими мостами над широкой и полноводной Вартой – был превращен гитлеровцами в неприступную крепость, изрыгающую огонь и смерть. Крепость, которую гитлеровцы рассчитывали удерживать, по меньшей мере, пять месяцев.

По окраинам Познани проходил пояс внешнего оборонительного обвода города с развитой системой траншей и ходов сообщения, деревоземляных огневых точек, с каменными зданиями и фабрично-заводскими сооружениями. На главном – восточном направлении, город был прикрыт минно-взрывными и проволочными заграждениями.

Оборону города усиливал внутренний оборонительный обвод из 18 фортов и 54 дотов, прикрывающих подступы к мостам через Варту, к центру города-крепости “Цитадель” и идущие через город шоссейные и железные дороги.

Гарнизон каждого из фортов достигал 250-300 человек. Доты, сооруженные между фортами, обеспечивали не только круговую систему огня, но и простреливали промежутки между ними. В случае блокирования такого форта, он мог вызвать огонь на себя из других фортов и крепости “Цитадель”, эвакуировать раненых и получать подкрепление из главной крепости по подземным ходам.

Город опоясывал противотанковый ров, шириной 6-8 метров и глубиной 4 метра, прикрывая подступы к фортам и дотам.

Оборону города усиливали хорошо укрепленные жилые кварталы, фабрично-заводские сооружения и отдельные ключевые каменные здания.

Мосты, пересекающие основные магистрали города с юга на север и с востока на запад, были подготовлены к длительной обороне с мощной огневой системой их прикрытия.

Насколько серьезное значение гитлеровское коман-

дование придавало удержанию города-крепости Познань, видно из листовки с воззванием Гитлера, попавшей в руки наших воинов:

“Мои дорогие солдаты и бойцы крепости, упорно и твердо держитесь вы за каждый дом и каждый горящий и разрушающийся квартал. Сколько есть внутренней силы и стойкости – проявляйте в этой борьбе. Вы знаете сами, здесь в г. Познани вы защищаете ваших матерей, жен и Великую Германию!” (ЦАМО, ф.345 оп.5489 д. л.4,5)

Наступавшая ночь 30 января не ослабила огневое воздействие со стороны восточного сектора обороны г. Познань. Особенно яростный пулеметный огонь противник вел со стороны кладбища, где за плитами гранитных памятников, надгробий и старинных фамильных склепов засели многочисленные группы пулеметчиков и метателей ранее не встречаемого в ближнем бою ручных снарядов значительной разрушительной силы и поражения.

Усиленная батареей 57 мм орудий батальонной артиллерии капитана Мельникова и минометной батареей 82 мм минометов под командованием капитана Н. Шляхтина, штурмовая группа под командованием капитана Германа Хлопина из передового батальона 1081-го стрелкового полка дивизии, зацепившегося за восточную окраину кладбища, вынуждена была рассредоточиться в лабиринте памятников, фамильных склепов и, отвечая огнем автоматов и пулеметов, стала вытеснять боевые группы противника и вышла к широкой аллее, идущей от костела, расположенного вблизи окраины жилого квартала Гурчин, откуда противник огнем артиллерии и минометов прикрывал засевшие в лабиринтах кладбища и храма боевые группы обороны восточного сектора Познани.

Усиливая натиск и маневрируя в запутанном лабиринте кладбища, штурмовая группа подразделениями капитанов Юрия Казакова, Александра Копылова и Василия Масловского к середине ночи вплотную подошла вдоль аллеи к площади, окружающей храм кладбища, с колокольни которого беспрерывно неслись пулеметные

очереди крупнокалиберных пулеметов, создающие плотную огневую завесу перед костелом.

Находившейся во время ночного боя в самой гуще штурмовой группы заместитель командира 1081-го стрелкового полка по политчасти майор Борис Сазонов, в прошлом кадровый военный Красной Армии, участник боев у озера Хасан в 1937 г., не только одним своим присутствием поднимал дух и решительность штурмовой группы, но и влиял своим боевым опытом на принятие решения командира штурмовой группы. Вслушиваясь в шум боя, он, как и командир штурмовой группы, заметил ослабление огня противника со стороны не только Гурчина, но и колокольни, где по нашим наблюдениям находился центральный наблюдательный командный пункт обороны не только кладбища, но и восточного сектора обороны, и этим объяснялось то упорство, с каким боевые группы удерживали в этом секторе оборону.

Поняв с командиром штурмовой группы, что наступил на какое-то мгновение спад огневого воздействия противника, они молниеносно принимают решение совместно с разведгруппой старшего сержанта Сильчева сделать рывок и ворваться в костел, а штурмгруппой Ю. Казакова и А. Копылова молниеносно охватить кольцом костел и окружающую его территорию.

Все произошло мгновенно, и вот мы уже в храме. Наше появление в костеле оказалось столь неожиданным, что молящийся на амвоне храма ксендз вначале не понял, что произошло, и продолжал молебен.

Майор Сазонов, держа паузу внезапности, стремительно приблизился к амвону и, обращаясь к ксендзу, принес извинение за вынужденное вторжение и, представившись, быстро объяснил настоятелю храма кто он и почему эти военные с ним здесь.

Дав возможность священнослужителю освоиться с нашим появлением в храме, он попросил ксендза подняться на колокольню и передать находящейся там группе офицеров прекратить сопротивление, спуститься с колокольни в храм, где им, как военнопленным, наше командование гарантирует жизнь, и добавил, что мы не

хотим допустить, чтобы в стенах храма пролилась кровь.

Все это было высказано быстро, но в спокойном тоне и на языке хорошо понятным ксендзу. Майор Сазонов по происхождению грек (по матери), и его лицо южанина и свободное владение языком, как бы гипнотизировало настоятеля храма, и он согласился подняться на колокольню и передать все, что услышал от этого внушающего доверия офицера.

Ответ не замедлил ждать, и вскоре на выходе из башни костела показалась группа офицеров немецкой армии, впереди которой шел крепко сложенный, но уже в годах, в морской форме старший офицер с кортиком, спускающимся к бедру, а вслед за ним шла много моложе его женщина в морском бушлате и несколько боевых офицеров.

При кратковременном их допросе выяснилось, что все они являлись командой передового командно-наблюдательного пункта восточного сектора обороны г. Познани, а мужчина и женщина, державшиеся вместе в бою, составляли боевой расчет крупнокалиберного пулемета МГ-34 и являлись мужем и женой.

Какими судьбами они оказались на этом вспомогательном НП для нас осталось не ясным. Подробные данные о военнопленных, коими они уже стали, были не в нашей компетенции.

Принявший из рук старшего чина кортик, майор Сазонов признал этот жест, как знак добровольной капитуляции, передав его позднее прибывшему комполка полковнику Михаилу Шевченко в качестве военного трофея, с которым через два месяца в звании Героя Советского Союза он и закончил войну, и еще долгие годы службы и жизни в Москве он хранил его, как боевой трофей капитулировавшего адмирала.

Выполненная старинной готической вязью надпись на кортике адмирала гласила: "Германия - превыше всего".

Начавшийся вдруг интенсивный обстрел костела и продолжение выполнения боевой задачи по штурму Гурчина потребовали от нас новых усилий и железной

воли, штурм “Цитадели” только что начался, и мы все были вновь готовы продолжать его.

Покидая площадь костела, мы с замкомполка майором Б. Сазоновым обратили внимание на убитых в минувшем ночном бою немецких солдат, прижимавших к себе трубки похожие на те, из которых вокруг выложены штабеля, а рядом цилиндрические конической формы наконечники.

Гибкий ум кадрового военного, хорошо знающего все виды вооружений, натолкнули его на мысль, что это какое-то оружие, тем более, что многократное в течение ночного боя забрасывание нас какими-то сильными взрывными устройствами, как бы подтверждало наше предположение.

А тем временем, смекалистые разведчики Глушко уже вертели в руках эти трубки, отгибая планки с прорезью и прилаживая в трубки цилиндрические наконечники.

Присоединившийся к ним инженер полка капитан Малявкин, который, как и замкомполка, всегда там, где горячее и опаснее всего в бою, окончательно собрал этот ручной снаряд и изготовился к его броску, поставив с подсказки замкомполка на плечо эту трубку. Прицелиться в откидную планку и нажать на спусковое устройство было уже просто.

Не было сомнения, что это и есть то новое оружие, о котором гитлеровцы в период оборонительных боев на Висле вещали через усилитель и с помощью листовок, сбрасываемых ими с “Рамы” (самолет-разведчик с бронированным низом), страшали нас.

Дело оставалось теперь за немногим - внедрить это новое оружие и не только против пехоты и при штурме укреплений, но и танков, САУ, так как, по мнению капитана Малявкина, наконечник должен обладать кумулятивной силой.

В боевой обстановке решения принимаются мгновенно, если рядом гибкий ум, солдатская смекалка, отвага и дерзость. Благо таких штабелей оказалось много и повсюду в Познани.

В то время, когда 1081-й стрелковый полк завязал штурмовые бои в районе кладбища и костела, 1079-й стрелковый полк под командованием полковника Владимира Лихотворика завязал тяжелые штурмовые бои в юго-западной части Познани в Рудниках-Юниково, пробиваясь в срединном направлении, имея границей то слева, то справа р. Варта.

Складывающаяся новая обстановка в боевых действиях по штурму Познани изменила боевую задачу 312-й Смоленской стрелковой дивизии. Завязавшийся штурмовой бой на внутреннем оборонительном обводе Познани активизировал боевые действия дивизии.

Командир 312-й Смоленской стрелковой дивизии блестяще осуществил в ходе боевых действий маневр дивизии, развил наступление дивизии в направлении Юниково, Гурчин и к юго-западной части Познани. 29 января части дивизии овладели юго-западной частью Гурчин и р. Варта. 1081-й стрелковый полк 29 января 1945 г. получил приказ форсировать р. Варта и овладеть станцией Староленко.

Созданная в полку усиленная штурмовая группа под командованием командира 4-й стрелковой роты капитана Германа Хлопина с батареей 82 мм минометов капитана Н. Шляхтина, пулеметным взводом пулеметной роты 2-го стрелкового батальона, взводом ПТР и взводом саперов вошли в первый эшелон форсирования р. Варта для захвата плацдарма на ее восточном берегу в районе оборонного завода Тукал, прикрытого наземно-подземными сооружениями из железобетона и стали с мортирами и крупнокалиберными пулеметами.

Ограниченность светового дня и тронувшийся в этот момент лед на р. Варта ставили выполнение боевой задачи под угрозой. Для командира первого эшелона нужна была особая воля, быстрота и необычайная дерзость, граничащая с риском для жизни, чтобы начать форсирование реки под непрерывающимся артиллерийско-минометным обстрелом.

Было принято решение форсировать р. Варта одним эшелоном, используя все, что может держаться на воде. Маневрируя, между громоздящими друг на друга льди-

нами и отыскивая разводы, с ходу приступили к выполнению боевой задачи.

Личный состав штурмовой группы знал, что мне еще в юности не раз приходилось мериться с силами с грозными явлениями на могучей северной Двине у Белого моря, и улавливая маневр идущего впереди, верили в успех боевой операции.

Искусно маневрируя с незначительными потерями, штурмовой отряд высадился в сгущавшихся сумерках на восточный берег р. Варта и без паузы стремительно атаковал укрепления перед заводом Тука и, забрасывая на ходу гранатами огневые точки, ворвался на территорию завода.

Наше появление и атака завода оказались столь неожиданными для противника, что он не смог организовать серьезного сопротивления и частично был уничтожен, частично - захвачен в плен, а часть гарнизона обороны завода в панике бежала в центральную часть города.

Захватив плацдарм, штурмовой отряд обеспечил форсирование реки Варты 1081-м стрелковым полком. Командир дивизии генерал-майор Александр Моисеевский, наращивая силы, расширяет плацдарм, тесня противника 1079-м стрелковым полком полковника Лихотворика В.С. с железнодорожной станции Староленко, юго-восточной частью Познани открыв путь дивизии в тыл и к юго-восточным фортам города, а это была уже большая победа.

Однако противник, обеспокоенный таким глубоким прорывом, подтянул к этому району силы из главной крепости "Цитадели" и перешел к яростным контратакам.

Командир дивизии генерал-майор Александр Моисеевский вводом 1079-го стрелкового полка полковника Владимира Лихотворика развивает наступление к западу от парка Виктория, где встретил сильное огневое сопротивление противника из подземных укреплений, сливающихся под маскировочными сетями со снежным полем.

Командир передового батальона майор Фроловский

поставил задачу командиру штурмовой группы москвичу капитану Александру Хлусову разведать систему огня замаскированного сооружения, определить его уязвимые места и штурмом овладеть им.

В боях за город Познань даже командиры полков не только не имели подробных планов фортов внутреннего оборонительного обвода, но даже планов межфортных укреплений типа средних фортов, сооруженных до предвоенной реконструкции крепости.

Перед капитаном А. Хлусовым оказалось сооружение, как потом выяснилось - форт среднего типа. Опытный офицер двумя разведгруппами обошел это подземное сооружение и приблизился к тыльной его стороне, прикрытой большой белой маскировочной сетью, сливающейся со снежным покровом. Маскировочная сеть поднималась во время открытия огня и маневров живой силы гарнизона.

Разгадав этот секрет, капитан Хлусов скрытно сосредоточил основные силы штурмовой группы и, поймав момент подъема маскировки, внезапной атакой головной штурмовой группы атаковал с тыла выходной ход и ворвался в подземелье – казематы, из бойниц которых гитлеровцы и атаковали батальоны Фроловского.

И хотя появление русских оказалось неожиданным, гарнизон этого укрепления, насчитывающий до 100 человек, оказал ожесточенное сопротивление. Своевременный ввод основных сил штурмовой группы и стремительные ее действия сломили сопротивление гарнизона и вынудили его капитулировать вместе с комендантом.

Капитан Хлусов принял у коменданта капитуляцию. Вскоре таким же приемом принудили к капитуляции и второй форт среднего типа. Оба эти форта были обозначены на карте, как форты № 1 и 1а.

Наращивая натиск, и обретя опыт ведения штурмовых боев, 312-я Смоленская стрелковая дивизия овладевает районами города: Зегерже, Иоганн, Мюлле, Гловно, Наромовице.

Тяжелые штурмовые бои разгорелись у стадиона, расположенного за зданием института, за промышлен-

ные объекты.

Упорное сопротивление противник оказал на направлении продвижения 1083-го стрелкового полка под командованием подполковника Александра Крайнова.

Из сильного опорного пункта в кирпичном многоэтажном доме с толстыми стенами, прикрытого уличной баррикадой, гитлеровцы шквальным огнем крупнокалиберных пулеметов поставили непреодолимую стену огня.

Сдерживая продвижение подразделения полка к району Ратай, центральному району Познани, гитлеровцы готовили контратаку с целью попытаться вытеснить подразделения полка из захваченных уже позиций.

После сильного артиллерийского и минометного огня, противник, силою до роты, ворвался с двух направлений на первый этаж углового дома, захваченного через подвал нашими штурмовыми группами 2-го стрелкового батальона. Для обороняющихся подразделений создалась чрезвычайно тяжелая обстановка, тем более, что атакующий противник усилил свои силы подходом резервов.

Контратака противника началась, когда комполка находился на своем наблюдательном пункте на четвертом этаже этого здания. Не теряя присутствия духа, он отдал приказ подразделениям полка отойти на верхние этажи и продолжать удерживать здание, несмотря на яростные атаки гитлеровцев.

С наступлением темноты к противнику подошло подкрепление, и он усилил натиск. Нескольким штурмовым группам удалось прорваться на второй этаж. Нашим бойцам все труднее и труднее приходилось удерживать свои позиции. Росло число убитых и раненых. Боеприпасы были на исходе. Помощи было ожидать неоткуда, так как противник в полосе наступления дивизии все время наращивал силы и, опираясь на укрепление этого сектора обороны, яростно контратаковал все полки дивизии.

Группа гитлеровцев, вооруженная фауст-патронами, начала штурмовать лестницы, стремясь прорваться на верхние этажи. Командир полка бросил свой небольшой

резерв из роты автоматчиков, который на время приостановил атаки противника.

Но гитлеровцы вновь возобновили натиск. Тогда командир полка приказал пропускать рвущиеся наверх группы врага, а там из засад уничтожать их и, забирая у них оружие и боеприпасы, продолжать оборону.

К середине ночи на последнем этаже дома, где оставалось до взвода резерва командира полка, началась сильная автоматная перестрелка, и слышались взрывы гранат.

Командир резерва доложил командиру полка, что немцы по пожарной лестнице пробрались на чердак и захватили последний этаж.

Собрав оставшихся в живых автоматчиков, саперов, охрану штаба, телефонистов и связных, командир полка повел их на уничтожение противника на верхнем этаже и чердаке.

Но силы были слишком неравны. Удалось очистить от гитлеровцев только часть этажа, и действия врага на какое-то время были скованы.

Используя свое численное превосходство, гитлеровцы возобновили натиск. Им удалось овладеть этажом и частично просочиться на четвертый этаж.

У командира полка с небольшой группой бойцов оставались в руках только средние этажи. Положение создалось критическое. Сил для контратак не было, и защитники дома перешли к жесткой обороне, экономя каждый патрон, каждую гранату.

Подполковник Александр Крайнов принадлежал к числу таких офицеров, которых мужество и решимость не покидают даже в самой тяжелой обстановке.

Связавшись по радио с командиром дивизии и доложив обстановку, он передал, что будет сражаться до последнего солдата. И они сражались еще целый час.

Подошедший резерв командира дивизии решительно атаковал блокировавших дом гитлеровцев. Противник не ожидал такого поворота событий, и в его рядах наступило замешательство. Используя это, комполка лично повел бойцов в контратаку.

Не выдержав двойного натиска сверху и снизу, гит-

леровцы дрогнули и стали сдаваться в плен. Более сотни солдат и офицеров сложили оружие и были под конвоем наших автоматчиков направлены в тыл.

Полк, приведя себя в порядок и эвакуировав в тыл раненых, с рассветом вновь перешел в наступление в центральном секторе города.

Противник, однако, не отказался вернуть утраченные позиции, а также продолжал попытки остановить продвижение частей дивизии в центральные районы Познани, и вновь, под прикрытием артиллерии и минометов, усилил сопротивление.

Начавшееся было дальнейшее наступление соседнего 1081-го стрелкового полка штурмовым батальоном майора Шадрина было остановлено. События развивались стремительно. Командира 1081-го стрелкового полка полковника М. Шевченко особо беспокоило отсутствие телефонной связи со штурмовым отрядом майора Шадрина, вклинившегося вглубь расположения противника в тыл внутреннего оборонительного обвода.

Доносившаяся со стороны тыла батальона интенсивная стрельба наших и немецких пулеметов и автоматов говорила о том, что противник контратакует подразделения батальона с тыла.

“Сумеет ли Шадрин своими силами удержать рубеж и не допустить выхода вражеских групп на тылы полка, подтягиваемые для закрепления уже захваченных участков в предместьях города?” - эта мысль неотступно держалась в сознании командира полка.

Все попытки начальника связи полка капитана Якова Хаймзона восстановить проводную связь со штурмовым отрядом успеха не имели. Ни один из вышедших на линию связистов не возвратился.

Капитан Хаймзон, понимая, что дальнейшее промедление грозит самыми неожиданными изменениями обстановки полка обратился к полковнику Шевченко с просьбой выйти на линию лично.

Командир полка медлил с ответом, обдумывая последствия такого шага. Седьмая рота, резерв командира полка, была задействована еще с утра для прикрытия открытого правого фланга полка. В резерве оставалась

только рота автоматчиков и принять решение о направлении ее на участок действия батальона Шадрина, не зная точно там обстановки, командир полка воздерживался.

Наконец с каким-то отеческим оттенком в голосе он сказал: “Хорошо, Яков, идите, только помните, что мне нужна не только связь с Шадриним. Без начальника связи мне будет тоже нелегко. Штурмовые бои в городе только еще начинаются, а до главной крепости “Цитадель” еще далеко”. Взяв с собой одного из лучших связистов с аппаратом и катушкой кабеля, капитан Хаймзон удачно преодолел простреливаемый минометным огнем участок местности и скрылся в ближайших строениях квартала.

Идя по кабелю, они проделали почти половину пути, как были обнаружены просочившимися в тыл батальона Шадрина вражескими автоматчиками, которые открыли по отважной двойке, приблизившейся к перекрестку, беглый огонь.

Двигавшийся впереди капитан Хаймзон с первых же очередей упал и, маневрируя, ползком успел преодолеть простреливаемый перекресток, но бегущего за ним связиста за смертью скосила автоматная очередь. Нечего было и думать о том, чтобы до темна добраться до катушки с кабелем и аппаратом. И капитан Хаймзон, не раздумывая, продолжал осторожно продвигаться вперед в готовности вступить в бой с могущим неожиданно встретиться противником.

Опытный глаз связиста быстро отыскал кабель, тянувшийся в батальон, но, не пройдя по нему и двухсот метров, он обнаружил в нем обрыв метра в полтора длиной. Видневшиеся рядом воронки от снарядов говорили о том, что данный участок местности подвергнется артобстрелу и обрыв кабеля не что иное, как результат такого обстрела.

Помня только об одном, что командиру полка нужна связь с батальоном Шадрина, он взял концы разорванного провода руками и, прижавшись к земле, замкнул цепь.

На КП командира полка раздался настойчивый зум-

мер телефона, и телефонист радостным от волнения голосом воскликнул: “Есть связь с Кленом”.

Полковник Шевченко, взяв трубку, услышал уставший голос майора Шадрин: “Батальон остановлен сильным огнем из двух дотов и одновременно контратакован несколькими группами вражеских автоматчиков с тыла, видимо проникших через канализацию.

Двумя ротами удерживаю захваченные позиции по фронту ротой старшего лейтенанта Пустыльника, ведущей бой с автоматчиками противника с тыла. Есть раненные и убитые. Боеприпасы на исходе. Прошу помощи по ликвидации автоматчиков, нападающих с тыла”.

“Закрепите захваченный рубеж. Обозначьте фронт обороны роты Пустыльника ракетами. Два взвода роты автоматчиков выходят вам на помощь”, - спокойно ответил командир полка.

Атаку автоматчиков возглавил помощник начальника штаба полка капитан Иван Букреев. Обойдя несколько разбросанных строений, автоматчики начали прочесывание квартала, захваченного батальоном Шадрин. И обнаружили капитана Хаймзона.

Видавшие виды автоматчики были поражены мужеством этого скромного, похожего на учителя, молодого человека, пролежавшего под обстрелом в течение почти двух часов и, рискуя своей жизнью, обеспечившего связь батальона с полком.

Капитан Хаймзон участвовал еще во многих штурмовых боях за город-крепость Познань и погиб, сраженный очередью вражеского самолета в момент штурма полком аэродрома в Познани.

Истекая кровью на руках своего друга Ивана Букреева, он успел тихо прошептать: “Ваня, напиши маме, как я погиб”.

В ожесточенных боях за предместье Стараленко дивизия овладела заводским районом и, наращивая удары в направлении Ротай, Местечко, Шрудка, Наромовице и центральным фортом Познани, встретила ожесточенное сопротивление из форта “Пратвиц”, прикрывавшее центральное направление обороны г. Познани.

Все попытки 1083-го стрелкового полка дивизии

атаковать форт фронтальной атакой не давали результатов. Кроме того, атаке с фронта препятствовали пулеметчики, перемещавшиеся по канализационной системе с крупнокалиберными пулеметами, приспособленными для ведения огня из канализационных колодцев.

В моменты подготовки атаки с фронта огнем артиллерии и минометов, гитлеровские пулеметчики опускались в колодцы и накрывались крышками люков, а с переходом штурмовых групп в атаку поднимали крышки люков, выставляли пулеметы и ураганным огнем блокировали атаку.

Командир полка подполковник А. Крайнов, разгадав хитрый прием противника, принял решение штурмовать форт под прикрытием дымовой завесы и приказал начхиму полка капитану Занченко подготовить её к моменту перехода в атаку штурмгруппы.

Капитан Занченко с саперами подготовили катящиеся цилиндры со множеством отверстий, в которые заложили дымовые шашки.

К моменту штурма, команда химиков и саперов, используя уклон в сторону форта, пустила катящиеся цилиндры с зажженными дымовыми шашками. А несколько катящихся цилиндров запустили одновременно в ложных направлениях.

Густой дым окутал подходы к перемещающимся пулеметчикам и к форту. Под его прикрытием штурмовые группы обошли форт с флангов и решительно атаковали огневые прикрытия. Путь к воротам был открыт, и вскоре штурмовой отряд ворвался в форт, гарнизон которого, не выдержав стремительного натиска, вскоре капитулировал.

Высокое боевое мастерство маневрирования штурмовыми группами в тяжелых уличных боях за г. Познань проявил прославленный командир батальона 1083-го стрелкового полка Герой Советского Союза майор Д. Нехай. Только в боях за восточный сектор города, его штурмовой отряд освободил 36 кварталов. В одном из таких кварталов разгорелся бой за дом, в котором гитлеровцы укрылись на верхних этажах. Штурмовые группы, ворвавшиеся на нижние этажи, предложили гитлеровцам сдаться, но те отказались. Сержант И. Максимов, ст. сержант П. Обухов и рядовой Б. Цура поднялись по лестнице и стали забрасывать врага гранатами. Противник, занимая выгодную позицию, продолжал оказывать

ожесточенное сопротивление, надеясь на помощь. Тогда майор Д. Нехай приказал поджечь дом. Огонь постепенно достиг лестницы, и гитлеровцы попытались спастись бегством, но, попав под губительный огонь штурмовой группы, были частично уничтожены, частично - захвачены в плен. После форсирования Варты, взятия Староленка и выхода дивизии в тыл самых мощных фортов на внутреннем оборонительном обводе в Центральной части Познани борьба за такие форты приобретала новое значение.

После падения седьмого форта, а затем и форта "Притвиц" приказано было взять форт "Радзивилл", опоясанный противотанковым рвом глубиной 8 метров и шириной 10 метров с возвышающейся на земляном валу железной решеткой 2-3 м высотой. Громоздящие вокруг каменные глыбы и кустарник являлись естественной маскировкой форта и делали его практически невидимым.

Командованием полка и дивизии было поручено овладеть этим фортом, да еще в минимально короткий срок, чтобы открыть путь дивизии в глубину центральной крепости "Цитадель", опытному в тактическом отношении и решительному в бою майору Д. Нехаю.

Форт "Радзивилл", 2-3 этажное сооружение с подземными структурами, кирпичными стенами толщиной в 2-3 метра, толщиной сводчатых перекрытий 1.5-2 м и земельной обсыпкой 3-4 метра, имел форму многоугольника, площадью 4500-8000 кв. метров, располагался на основном, ведущем в центральную часть города, направлении.

На внешней стороне форта располагалось 12-15 бойниц, в изломах рва - боевые казематы с бойницами для кинжального огня. На поверхности - 4-5 бронеколпаков с пулеметными площадками и минометными позициями.

Гарнизон форта, численностью от 150 до 500 человек, имел большой запас питания, воды и автономную систему вентиляции и рассчитывал на длительную осаду в полной блокаде.

Батальон был усилен батареей большой мощности и 152 мм орудием, пулеметной ротой, саперной ротой и взводами саперов-дымовиков и огнеметчиков.

Майор Д. Нехай, проведя ранее штурм двух фортов, уже имел представление о таких наземно-подземных соору-

жениях и особенно об их прикрытии дотами, и первое, что он предпринял - это тщательное обнаружение всех систем возможного прикрытия.

Командирам всех трех разведвзводов, приданных штурмовому отряду: лейтенанту Петухову - полковой взвод, старшему сержанту Гогошену - взвод отдельной 205-й разведроты дивизии и батальонным разведчикам, он поставил задачу: выявить не только системы огневого прикрытия форта, но и системы огня самого форта, а также подхода к нему.

Он приказал командиру саперной роты дивизии капитану Виктору Мулындину с наступлением ночи скрытно выдвинуться к форту, выставить на удлинённых зарядах не менее пятидесяти килограммов взрывчатки и взорвать амбразуру, а, прикрывающему саперов, штурмовому взводу - ворваться после взрыва и уничтожить оставшихся там гитлеровцев.

Одновременно командиру батареи большой мощности майору Д. Нехаю он приказал открыть огонь на подавление амбразур форта и расчистить подход к главным его воротам, а 152 мм орудие - прямой наводкой по доту ослеплять огневую точку, чтобы уменьшить воздействие огня из дота на выдвигающихся саперов.

По сигналу трех красных ракет в середине ночи прогремел могучий взрыв дота, и это послужило сигналом к началу штурма форта. Были заложены фугасы у основания здания, в углах главных ворот, и одновременно на крышу форта выдвинулся отряд химиков-дымовиков капитана Зинченко с горючей смесью и взрывчаткой. Огонь батареи большой мощности по форту не прекращался и отмечал подходы к нему штурмовых групп.

Подрыв дота и уничтожение его гарнизона обеспечили подход саперов, взорвавших основания главных ворот, а снаряды батареи большой мощности проделали в них разрывы для просачивания штурмовой группы в форт.

Оказывая огневое сопротивление, гарнизон форта отошел на центральный ярус обороны, оставив часть личного состава удерживать верхний ярус. Тогда, по команде Зинченко, были сброшены в вентиляционные колодцы пакеты со взрывчаткой, а затем туда закачали горючую смесь, которая вызвала не только пожар в верхнем ярусе форта, но и взрывы бое-

припасов.

Комендант форта, видя бесполезность дальнейшего сопротивления, выбросил белый флаг и капитулировал.

Командир штурмового отряда отдал приказ коменданту форта вывести наружу и построить гарнизон. 150 человек во главе с комендантом, под дулами автоматчиков усиленной охраны, были отправлены в тыл.

В наградном листе к приказу войскам 69-й армии № 0118/н от 02.04.45 г., по которому капитан Хлопин Герман Прокопьевич 1922 г.р. награжден орденом Красного Знамени, командиром 4-й стрелковой роты 1081-го стрелкового полка 312-й Смоленской стрелковой дивизии записано:

“В боях за г. Познань (Польша) с 28.01.45г. по 23.02.45г. успешно организовал и лично руководил штурмовыми группами по захвату сильно укрепленных зданий и фортов.

После лично проведенной разведки и установления скрытых подступов, с незначительными потерями личного состава, быстро форсировал уже тронувшуюся р.Варта и штурмом ворвался в расположенный на восточном берегу завод Тукач, где было уничтожено более 15 солдат и офицеров противника, захвачены большие трофеи.

14.02.45г. штурмом овладел сильно укрепленным фортом “Раух” в районе железнодорожной станции Староленка, где было уничтожено 2 огневых точки противника, 2 мортиры для бросания фауст-патронов, взято в плен 29 немецких солдат и офицеров и освобождено из плена 20 человек мужчин польского населения”.

Основание: ЦАМО РФ ф.33. оп. 686196 д. 1883. л.198

Выписка сделана с соблюдением текста Каблуковой и заверена зав. архивохранилищем Брилевым.

Особое значение командование крепости придавало форту Раух, прикрывавшему взорванный железнодорожный мост через Варту. Фашисты стремились воспрепятствовать его восстановлению и тем самым лишить обеспечения наши войска, ведущие тяжелые бои на подступах к Берлину.

Форт, под которым размещались цехи военного завода по производству узлов самолетов-снарядов и фаустпатронов ново-

го немецкого оружия, впервые примененного в боях за Познань, представлял собой мощное фортификационное сооружение тяжелого типа. Кирпичные стены толщиной в два-три метра, сводчатые двухметровые перекрытия и земляная обшивка делали форт практически неуязвимым для артиллерийского огня и штурмовой авиации.

Со стороны главных и выходных ворот, сквозь которые проходила железнодорожная ветка от основной магистрали, форт, как могучим щитом, прикрывался броневыми затворами, которые не пробивали снаряды артиллерии большой мощности. Бойницы в стенах, боевые казематы в толще подземелий, глубокий ров с металлическими решетками, опоясывающий форт, делали его неприступным и для пехоты.

Большие запасы продовольствия, питьевой воды, боеприпасов и автономная электростанция позволяли гарнизону из трехсот человек выдержать длительную осаду. Враг оказывал нам ожесточенное сопротивление, выполняя приказ коменданта крепости Познань удерживать форт до последнего солдата. Из форта били пушки, крупнокалиберные пулеметы. Сплошная стена шквального огня стояла перед мостом, не давая возможности подразделениям инженерно-строительной части приблизиться к нему.

А между тем обстановка на Одерском плацдарме требовала незамедлительного восстановления прямого железнодорожного сообщения наших войск с тылами. Командование 1-го Белорусского фронта отдало приказ о незамедлительном штурме форта "Раух".

Выполнение этой чрезвычайно важной боевой задачи было возложено на 1081-й стрелковый полк 312-й Смоленской стрелковой дивизий, участвовавшей в штурме шести из восемнадцати фортов Познани, в том числе таких мощных, как "Радзивилл" и "Притвиц".

Полк усилили артиллерией большой мощности, огнеметным подразделением и авиагруппой. На наблюдательный пункт командира полка подполковника М. Шевченко, находящийся на пятом этаже здания, расположенного в 300 метрах от форта, и только что взятого штурмом, прибыл начальник политотдела 69-й армии генерал-лейтенант Галаджев. После скрупулезной рекогносцировки объекта атаки он провел беседу с командирами штурмовых групп о важности боевой

задачи и дал указание заместителю командира 1081-го стрелкового полка по политической части майору Б. Сазонову усилить их коммунистами и комсомольцами из числа наиболее опытных воинов. Учитывая предложения начальника инженерной службы дивизии майора В. Мулындина и командира авиагруппы, командир полка принял решение: перед началом штурма со стороны главных ворот нанести бомбовый удар по крыше форта и сбросить в образовавшиеся проломы контейнеры с горючей смесью.

На всякий случай выдвинули на прямую наводку батарею большой мощности и произвели несколько пробных выстрелов по главным воротам из прочной стали. Но снаряды не могли пробить их, отлетали в сторону рикошетом. Командир полка решил разбить стены форта у основания ворот, а ночью заложить в выбоины фугасы и подорвать их в момент нанесения бомбового удара.

Для овладения фортом была создана усиленная штурмовая группа, командовать которой было поручено автору этих строк. Усиленная группа состояла из трех подгрупп. Их возглавляли старшие лейтенанты Ю. Казаков, А. Копылов и В. Масловский. На штурм форта командованием отводилось двое суток. И хотя в течение светлого времени первого дня подходы к форту и сам форт с внешней стороны были хорошо изучены, с наступлением ночи наблюдение за ним не прекращалось. В его сторону от всех подгрупп были высланы разведотделения. Наибольшая удача выпала разведчикам отделения старшего сержанта Г. Глушка.

Воины вплотную приблизились к форту. Оставаясь незамеченными, они с близкого расстояния в течение ночи наблюдали за противником и обнаружили, что бронеколпаки в верхней части имеют люки. Через них утром вышло вражеское охранение, а в сторону "Цитадели" отправилась группа разведчиков.

Не обнаружив себя, не ввязавшись в схватку с гитлеровцами, наши разведчики возвратились в расположение штурмгруппы.

Получив свежие данные, я доложил о них начальнику штаба капитану В. Князеву. У нас созрел новый план действий: напасть на охранение противника у люков бронеколпаков, захватить его и штурмовать форт не с главных ворот, а с

крыши. План был одобрен командиром полка, а успешной его реализации способствовало одно важное обстоятельство. На рассвете в расположение штурмового отряда пришел патриот из польского сопротивления гитлеровскому режиму и привел с собой двух поляков, ранее работавших в форте “Раух” на подземном заводе.

Партизаны-поляки набросали схему верхнего яруса форта со всеми коммуникациями, казематами, отсеками и цехами завода и вызвались быть проводниками в наших штурмовых группах.

Чтобы избежать ненужного кровопролития и напрасного разрушения цехов завода во время боя в глубине форта, командир полка решил направить коменданту ультиматум о капитуляции, предполагая передать его с немецким офицером, только что обнаруженным в подвале одного из домов в штатском костюме.

Вначале офицер наотрез отказался идти в форт. Но когда командир полка заявил, что, согласно Женевской конвенции, пленный может быть расстрелян, как шпион, схваченный в расположении чужих войск, он согласился. Вновь облаченный в мундир, офицер с белым флагом в одной руке и ультиматумом в другой направился в форт. По радио передавался призыв к гитлеровцам принять парламентария.

Однако фашисты, подпустив офицера вплотную к главным воротам, сразили его длинной пулеметной очередью, показав тем самым, что ультиматум отвергнут.

С наступлением темноты разведывательные группы под командованием старших сержантов Г. Глушка, Д. Долженко и Горбунова скрытно выдвинулись на разведанные минувшей ночью позиции и приготовились к нападению. Как только люки бронекорпусов были открыты для вентиляции, и возле них расположилось охранение, разведчики молниеносно напали на него и овладели лазами на верхний ярус форта.

Вслед за ними в люки спустились штурмовые группы старших лейтенантов Ю. Казакова и А. Копылова вместе с проводниками-поляками. Воины ворвались в каземат охраны центральной части верхнего яруса форта. Застигнутая врасплох немногочисленная охрана не смогла оказать серьезного сопротивления и в короткой схватке была частично уничтожена, а частично взята в плен. Но в форте уже объявили тре-

вогу, и гитлеровцы, отключив освещение верхнего яруса, активизировались во фланговой его части, имеющей сообщение с глубинными казематами и цехами завода.

Для развития успеха на верхнем ярусе в форт спустилась третья штурмовая группа старшего лейтенанта В. Масловского. Следуя с группой управления, я нацелил ее на овладение оставшейся в руках гитлеровцев части верхнего яруса форта. Схватки с противником завязались на каждом повороте сложного лабиринта ходов верхнего яруса, казематов, многочисленных бойниц.

Исключительную находчивость проявил помощник командира штурмовой группы старший сержант Щербинин. Обнаружив в отсеке прожекторную установку на тележке, он, маневрируя ею, ослеплял огневые точки гитлеровцев, а бойцы открывали по ним огонь из пулеметов и автоматов, забрасывали их фаустпатронами, которых в форте были целые штабеля.

Не выдержав стремительного натиска наших воинов, гитлеровцы оставили верхний ярус форта и отступили на средний. Это послужило сигналом к началу штурма с главных ворот и нижнего яруса.

Через образовавшиеся проломы в стенах форта вперед решительно устремились штурмовые группы отряда под командованием майора А. Умнова. Под огнем противника воины преодолели глубокий ров, опоясывающий форт за главными воротами, и ворвались в нижний его ярус. Гарнизон форта упорно оборонялся, контратакуя на отдельных участках и маневрируя в лабиринтах отсеков, тоннелей, казематов. Кровавопролитные схватки завязывались повсюду и шли в течение всей ночи.

Под утро остатки гарнизона во главе с комендантом форта вынуждены были оставить и центральную его часть. Гитлеровцы ушли подземным тоннелем на окраину Познани, взорвав за собой вход в тоннель. Но скрыться им не удалось. Они попали в организованную командиром полка засаду, были разгромлены ротой автоматчиков. Комендант форта застрелился.

После несмолкаемой всю ночь трескотни пулеметов и автоматов, взрывов гранат и фаустпатронов наступила тяжелая тишина. Лишь раздавались стоны раненых. Польский патриот

вновь оказал нам неоценимую услугу. В лазарете форта среди раненых гитлеровских солдат и офицеров он столкнулся с вражеским минером. Тот рассказал, что форт заминирован, и что взрыв должен произойти в ближайшее время.

Штурмгруппы отряда были немедленно выведены из форта на поверхность. Начальник инженерной службы дивизии, начальник штаба штурмового отряда, инженер полка капитан Малявкин, переводчик полка спустились в глубину подземелий форта. Впереди шли саперы, неся на носилках раненого немецкого минера, который показывал путь к отсекам со взрывчаткой.

Пройдя нелегкий путь в извилистых лабиринтах подземелий форта, мы, наконец, увидели в толще глубинных казематов несколько боковых тоннелей, заполненных взрывчаткой, снарядами и фаустпатронами. В глубокой тишине был слышен звук часового механизма. Часы были остановлены, когда до взрыва оставались считанные минуты.

Необычайно дерзкая и рискованная операция закончилась полным успехом воинов 1081-го Краснознаменного полка. А через день, в канун праздника Красной Армии, капитулировала и главная крепость Познани “Цитадель”. Мост через Варту был восстановлен, и по нему нескончаемым потоком хлынули на Одерский плацдарм войска, техника, боеприпасы, горючее, продовольствие.

Вскоре все командиры штурмовых групп, участники штурма верхнего яруса форта и начальник штаба отряда капитан В. Князев были награждены орденами Красного Знамени, а солдаты и сержанты - орденами Славы. Командиру полка М. Шевченко было присвоено высокое звание Героя Советского Союза. Всему личному составу полка, участвовавшему в подготовке и проведении операции, командующий фронтом объявил благодарность. Польский патриот был награжден медалью “За боевые заслуги”.

Комендантом форта назначили меня. В течение нескольких дней я знакомил прибывающих сюда различных представителей 8-й гвардейской и 69-й армий, управлений 1-го Белорусского фронта с инженерными особенностями форта. Ведь на подступах к Берлину имелось немало укреплений такого типа.

Отважный комбат Дауд Нехай, горец-адыгеец, уже после полной капитуляции города-крепости Познань при построении батальона к маршу на Одер, получил тяжелое ранение в ноги, его конь в темноте ночи попал на мину.

Один из древнейших городов Польши, залечив раны войны, выглядит помолодевшим, но память о тех февральских днях 1945 г. до сих пор жива среди жителей города над Вартой.

По склонам невысоких холмов, те, кто помнят это героическое время, идут к строгому 22-х метровому обелиску с высеченным золотом названием частей освобождавших Познань, среди которых и 312-я Смоленская Краснознаменная ордена Суворова 2-й степени и два ее Познаньских полка: 859-й Краснознаменный ордена Богдана Хмельницкого артиллерийский полк и 1083-й Краснознаменный стрелковый полк — получившие эти почетные наименования по приказу Верховного Главнокомандующего.

4887 советских воинов пали, освобождая этот древний город от гитлеровских оккупантов.

Около крепости “Цитадель” благодарные жители города Познани заложили парк Памяти.

Среди некогда неприступных бастионов располагаются аллеи с тысячами сортов роз присланных со всей Польши.

А в одном из залов музея висит увеличенная медаль: “Медаль памяти благодарности”, а среди 22-х советских воинов, удостоенных высокого звания Герой Советского Союза, высечено и имя командира стрелкового батальона 1083-го Познаньского стрелкового полка майора Дауда Эриджабовича Нехая за участие в штурме Цитадели.

Из наградного листа Д.Э. Нехая, майора, командира стрелкового батальона 1083-го Познаньского стрелкового полка.

Краткое изложение личного боевого подвига или заслуг:

В боях за город и крепость Познань действовал умело и мужественно. 8 Января 1945 года после перегруппировки умело организовал наступление подразделений батальона в предместье Гурчин города Познань. В результате умелого руководства подразделениями батальона способствовал содействию частям 312-й Смоленской стрелковой дивизии к 14:00 29 января овладеть юго-западной частью города - от Гурчин до Вар-

ты, и наращивая удары, овладеть заводским районом и предместьем Староленка, а затем двумя юго-восточными фортами.

В следующих боях штурмом овладел частью укреплений в предместьях: Ратай, Местечко, Шрудка, Хвалинево и центральными фортами Раух, Радзивилл и Притвиц.

Из наградного листа на А.Г. Моисеевского, генерал-майора, командира 312-й Стрелковой Смоленской Краснознаменной ордена Суворова дивизии.

Краткое изложение личного боевого подвига или заслуг:

В боях за город и крепость Познань действовал умело и мужественно. 28 января 1945 г. после перегруппировки умело организовал наступление дивизии на предместья Гурчин, Юниково и далее за юго-западную часть города Познань. В результате умелого руководства части дивизии за полтора суток боя к 14.00 29 января овладели юго-западной частью города от Гурчин до ул. Буковского.

После этого организовал и настойчиво провел форсирование реки Варта частью дивизии от парка Виктория с запада в тыл юго-восточным фортам крепости. Наращивая удары, овладел заводским районом (объекты 118, 119, 121 и 122) и предместьем Староленка, а затем двумя юго-восточными фортами (№1 и № 1-а) и рядом межфортовых укреплений.

В последующих боях овладел предместьями: Ратай, Местечко, Шрудка, Хвалинево, Радзивилл и Притвиц и центральными фортами Раух, Радзивилл и Притвиц. В этих боях под руководством генерала Моисеевского дивизия захватила пленных 1944, лошадей 130.

Уничтожила и захватила: орудия разного калибра 127, танков и самоходных орудий 2, миномётов 114, пулемётов 616, винтовок и автоматов 2922, автомашин и тягачей 1036, мотоциклов и велосипедов 1389, заводов с оборудованием 42, разных складов с боеприпасами и продовольствием 105.

За проявленное умение и мужество в управлении дивизией в боях за город и крепость Познань достоин награждения орденом “Красное Знамя”.

Командир 91 стрелкового краснознаменного
корпуса генерал-лейтенант Волков.
7 марта 1945 года

Глава 6. У ворот Берлина.

В ночь на 12 апреля 1945 года 312-я Смоленская стрелковая дивизия, как одно из наиболее боеспособных ударных соединений 69-й армии, имевшее большой опыт по взламыванию мощных укрепленных оборонительных рубежей и развитию высоких темпов наступления на открытых флангах, получила последний, но самый главный приказ командования - переправиться на Одерский плацдарм на открытый левый фланг 1-го Белорусского фронта и изготавиться к наступлению на юго-западную окраину Берлина. Командование 69-й армии, которой в Берлинской операции отводилась особая роль - прикрытия главной ударной группировки 1-го Белорусского фронта в наступлении на Берлин с юга, возлагало на 312-ю Смоленскую, решающую задачу в прорыве Oderского оборонительного рубежа на открытом фланге фронта, вблизи города-крепости Франкфурта, остававшегося в руках противника за Одером.

Выход на плацдарм был не менее сложным и опасным, чем овладение им или уход с него, т.к. немецкая авиация разрушила центральную часть низководного моста через Одер, и переправа начиналась только с наступлением темноты, когда заводился маскируемый днем в плавнях Одера заново сооруженный центральный пролет.

Выход на мост, несмотря на непрекращающиеся налеты немецкой авиации на район переправы и артиллерийских обстрелов из Франкфурта, начался синхронно с заводом катерниками центрального пролета.

Передовой батальон дивизии, в котором мне довелось идти с головной ротой, вступил на качающийся мост в тот момент, когда катерники только что причалили пролет, а саперы начали его крепить. Расчет был выдержан буквально по минутам, несмотря на то, что вокруг моста непрерывно взрывались снаряды, выпущенные из орудий, расположенных во Франкфурте.

Всего несколько десятков метров оставалось до противоположного берега Одера, в темноте которого маячили руины мертвого города Лебус, через который

пролегал путь на передний край, как прямым попаданием снарядов разбивают обширный участок моста и в путину Одера срываются кони артиллерийской упряжки.

Даже минутная задержка в такой ситуации грозит пробкой и действовать приходится мгновенно и решительно. Вместе с саперами перебрасываем через бурлящий проем запасные прогоны и, балансируя по скользким брускам, и, подбадривая друг друга, стремительно преодолеваем проломы, удерживаясь за переброшенный канат.

Артиллерийский ураган забушевал и в самом Лебусе, и шагнуть в узкий огненный коридор означало только гибель, и я принимаю решение обойти его кромкой Одера, рискуя подорваться на своем же минном поле. Однако, нет худа без добра.

Командование сменяемой нами дивизии, предвидя такую ситуацию, заранее выставило маяки, которые и обеспечили обход Лебуса без потерь. Смену обороняющихся на плацдарме произвели с ходу; снимали боевой расчет, и его место занимали наши боевые расчеты, готовые с ходу вступить в бой. Не проводилась в эту ночь только смена боевого охранения, чтобы противник не смог заметить смену оборонявшихся на переднем крае.

Занятый ударным батальоном боевой участок в окрестностях мертвого города Лебуса, вблизи города-крепости Франкфурт, где в марте 1945 года дивизия удерживала плацдарм, гудел в грохоте артиллерийской канонады, минометных налетов, ночной бомбардировки немецкой авиации и освещенный десятками осветительных ракет напоминал извержение вулкана. Узкая полоска плацдарма, позади которой был только широкий Одер, просматривалась вдоль и поперек с Зееловских высот и г.Франкфурта, в котором на высоких фабрично-заводских трубах засели корректировщики огня пяти полков тяжелой артиллерии, на выбор выбирающие цели.

Во Франкфурте оборонялась полнокровная дивизия и многочисленные резервы, непрерывно подходящие из

Берлина, и командование армии и фронта, учитывая возможность контрудара на открытом фланге, вело непрекращающуюся разведывательную деятельность.

В полночь на командном пункте роты раздался пронзительный зуммер полевого телефона. Это был начальник штаба ударного батальона капитан Виталий Князев.

““Дуб 04” на связи”, - ответил я, взяв протянутую мне телефонистом трубку полевого телефона, и услышал очень короткую информацию о том, что на боевой участок вышел офицер связи “сверху”, и я должен немедленно выполнить боевое задание, о котором меня проинформирует этот офицер связи. Общая боевая задача на плацдарме была уже поставлена, и потому дополнительная, да еще выраженная даже без намеков на ее содержание, заинтриговала, тем более, что с начштаба за полтора года участия в боях мы крепко сдружились и секретов друг от друга у нас не было.

Все прояснилось с прибытием офицера связи разведотдела фронта, а вместе с ним специальной команды в камуфляже и с особой тщательностью сберегаемой от повреждения аппаратурой, которую необходимо было прикрывать даже своим телом в моменты обстрела боевого участка минометным огнем противника.

Офицер связи (по подписке о неразглашении) сообщил, что прибывшая с ним спецкоманда будет выполнять особое боевое задание по перехвату полевых телефонных переговоров противника перед открытым левым флангом фронта, и передал приказ: обеспечить выход на нейтральную полосу передового боевого поста спецкоманды, оборудования для него боевой позиции и круглосуточное охранение, исключаящее захват поста разведкой противника.

В условиях максимальной близости соприкосновения с противником на этом боевом участке, такое задание было чрезвычайно сложным и рискованным, т. к. активность противника здесь была наиболее высокой.

Но на войне ничего невозможного нет! И как только саперы подготовили тропу через минное поле и проделали проход в заграждениях противника на выбранном

мною боевом участке роты, за передний край с передовым постом спецкоманды вышла разведгруппа роты во главе со старшим сержантом Григорием Глушко, на груди которого в числе многих наград за боевые заслуги были два ордена Красного Знамени и орден Богдана Хмельницкого 3-й степени.

Разведчики Глушко не только скрытно сумели оборудовать боевую позицию передового поста на нейтральной полосе, в непосредственной близости от переднего края противника, но и выдвинуть на специальном удлиненном металлическом шесте, с кабелем внутри, прямо под бруствер первой траншеи противника, приемно-аккумулирующее устройство, через которое на центральный приемный пост, расположенный на КП роты, начался перехват полевых переговоров противника.

В первую же ночь, из телефонных переговоров противника стало известно, что на переднем крае солдатам и офицерам противника зачитано воззвание Гитлера, в котором приказывалось стойко оборонять рубежи перед Берлином, также Гитлер приказывал расстреливать семьи тех, кто покинул позиции без приказа. Ночь прошла в тревоге за открытый фланг боевого участка, где близость с противником не только создавала угрозу действиям разведгрупп, но и предоставляла возможность контрудара со стороны Франкфурта.

Наступивший рассвет не принес затишья. Просматривая плацдарм с высоких фабрично-заводских труб Франкфурта, противник держал передний край под непрекращающимся артиллерийско-минометным огнем. Возрастало его огневое воздействие по нашим позициям и со стороны Зееловских высот.

С выходом на плацдарм командиры ударных рот получили разведывательные карты с масштабом: 1 см на карте – 500 метров на местности, на которых с помощью аэрофотосъемок была показана вся система оборонительных укреплений противника на глубину в 60 км, вплоть до Берлина. Анализируя по карте обстановку, мы убедились, что наибольшую трудность при прорыве оборонительной системы составят первые десять километров главной полосы обороны с начинающимися в

полосе прорыва Зееловскими высотами с крутизной скатов в 35 градусов, непреодолимые не только для танков, но и для пехоты. Множество промежуточных и отсечных позиций в глубине обороны с превращением населенных пунктов в опорные с круговой обороной, а так же наличие густой сети каналов и озер создавали особые трудности при бое в глубине обороны, и поэтому мы решили уже сейчас вопросы взаимодействия с поддерживающими нас танками, САУ, артиллерией сопровождения пехоты и другими средствами усиления, продолжили интенсивную работу по уточнению переднего края обороны противника, системы его огня и заграждений.

К середине дня 12 апреля 1945 года, когда рекогносцировка даже рассредоточенными группами стала блокироваться немецкими снайперами, и создавалась угроза жизни любому из офицеров, рискнувшему поднять голову из траншеи, командование дивизии направило на боевой участок роты подразделение снайперов из отдельной армейской женской снайперской роты. Девчата в возрасте 20-22 лет, накопившие большой опыт снайперской стрельбы, мгновенно перехватили инициативу у немецких снайперов, загнали их в укрытия и норы, парализовав их действия до начала наступления.

Противнику не удалось сорвать нашу рекогносцировку, и мы продолжили подготовку к прорыву, используя наблюдательные пункты артиллерийских батарей, которые на боевом участке роты исчислялись десятками.

К исходу дня 13 апреля, несмотря на непрекращающиеся воздействия противника всеми видами огня, мы наметили проходы в заграждениях противника не только для пехоты, но и для танков, САУ, и артиллерии сопровождения (для каждого взвода, отделения).

Каждое отделение взвода знало не только свой маршрут продвижения к проходу и направление атаки, но и номера танков, САУ и даже фамилии и имена их командиров, с которыми успели сдружиться.

Каждый час приближал начало штурма, и в ночь на 16 апреля 1945 года саперы под командованием дивизи-

зионного инженера майора Виктора Мулындина приступили к разграждению перед своим передним краем. Приняв отчет о разграждении последнего прохода в заграждения противника, я собрал на КП всех тех боевых офицеров, которые вместе с ударной ротой должны пойти на штурм в наступлении на Берлин. Это были высоко опытные и испытанные в боях офицеры: командиры взводов старшие лейтенанты Александр Копылов и Василий Масловский, Т. Матвеев, командиры минометных батарей - капитаны Николай Шляхтин и Евгений Алешин, командир дивизионной артиллерии 76 мм орудий капитан Николай Гиренко, командир противотанковой батареи капитан С. Мельников, командиры танковой роты и САУ, ПТР, станковых пулеметов и саперов. В разгар совещания тревожно запел зуммер полевого телефона. ““Клен 04” на связи”, - ответил я, взяв протянутую мне телефонистом трубку, и услышал далеко не командирский тон начштаба ударного батальона капитана Виталия Князева, обратившегося ко мне по имени: “Герман, к тебе направились с офицером связи представители прекрасного пола, надеюсь на твое особое внимание, и постарайся быстро и надежно обустроить их”.

Присутствие на переднем крае женщин военных специальностей дело обычное, но когда уже объявлена готовность к штурму и когда боевые расчеты по нормам наступления, интригующая информация Виталия была неожиданной.

Не прошло и получаса, как на КП роты стремительно, как неожиданный приятный вихрь, ворвалась статная лет двадцати, миловидная фигура в погонах старшего лейтенанта. Каким-то шестым чувством, с ходу определившись, кто на боевом участке старший (а все мы были в камуфляже), и как-то элегантно взметнув руку к пилотке, бог весть каким чудом удерживающейся на черной, как смоль копне волос, представилась командиром женского подразделения прожекторных установок и доложила, что прибыла для выполнения специального боевого задания командования фронта.

Внимательно наблюдая за нашей реакцией, она для

большого эффекта удержала паузу в расшифровке задания. Однако бывалых фронтовиков ничем невозможно удивить, заинтриговать. Мы уже вычислили задание и делали вид, что с нетерпением ожидаем расшифровки спецзадания.

Интригу разрешил офицер связи, сообщив официально, что через каждые 150 метров по всему фронту прорыва устанавливаются прожектора, которые в момент атаки внезапно ударят по противнику, осветят проходы в заграждениях, вызовут панику в стане врага, и будут сопровождать лучами продвижения пехоты и танков на всю глубину ближайшей задачи до 5 километров. Боевой участок роты был настолько утоплен огневыми средствами, различного подчинения и калибра, что потребовалось переместить несколько орудий, чтобы установить прожекторы.

Боевое задание в непосредственной близости с противником, когда над головой свистят пули, а на бруствере разлетаются осколки мин и снарядов, прожектористкам пришлось выполнять впервые, но их самообладанию могли позавидовать и бывалые солдаты, с энтузиазмом принявшиеся помогать в оборудовании позиций. Наблюдая за их действиями, я невольно подумал, что в момент включения прожекторов на их головы обрушится огонь на подавление, и им нельзя будет уйти в укрытие, и сердце содрогнулось от мысли, что они “камикадзе” и немногие из них могут уцелеть. И действительно, после окончания войны, когда через мое подразделение в дивизии проходили демобилизацию женские подразделения 69-й армии, среди многих я не встретил никого из отдельной прожекторной роты. Все они или оказались в госпиталях, или погибли.

Была глубокая ночь 16 апреля 1945 года, когда в самом большом блиндаже ударной роты собрался актив подразделения, на котором заместитель командира полка майор Борис Сазонов зачитал обращение Военного совета фронта, в котором говорилось:

“От имени Родины и всего советского народа войскам нашего фронта приказано разбить противника на ближних подступах к Берлину, захватить столицу фа-

шисткой Германии и водрузить над ней Знамя Победы. Кровью завоевано это право. Вперед на Берлин!”

Затем майор Сазонов пронес с ассистентами Боевое Знамя полка вдоль траншеи, и каждый поклялся перед ним с честью выполнить приказ Родины

Близость Победы и страстный призыв Военного Совета с клятвой под Боевым Знаменем вызвали небывалый подъем среди личного состава, и эта атмосфера величайшего подъема запала в сердце каждого из участников Берлинского сражения.

Последние минуты до атаки тянулись мучительно медленно. Нужно было ослабить напряжение цепко державшее нас всех. И тогда капитан Гиренко расчехлил аккордеон, предусмотрительно доставленный его ординарцем с огневых позиций, прошелся по клавишам, и мелодия из любимого нами перед войной кинофильма “Большой вальс” неожиданно коснулась наших напряженных сердец, и мы, подхватив ее сначала сдержанно, а затем с упоением, отдались ей, почувствовав, как тает то величайшее напряжение и усталость нескольких дней и ночей, как появляется новый прилив жизненных сил.

В это мгновение в небе послышался нарастающий гул моторов. Женский авиаполк ночных бомбардировщиков или “ночные ведьмы”, как их окрестили немцы, вышли на бомбежку переднего края противника и под их гул и разрывы смертельного груза мы, не остерегаясь быть услышанными противником, запели во весь голос, и “Синий платочек” мысленно уплыл в то прекрасное время рассвета молодости, мечты и надежды.

Наше вдохновение прервали зуммеры полевых телефонов, сигналы раций и все как по команде впились в циферблаты часов синхронно тикающих с биением наших сердец.

5 часов 30 минут 16 апреля 1945 года показывали наши часы (по Московскому времени, по Берлинскому времени это была глубокая ночь - 3 часа 30 минут), и тут раздались мощные залпы артиллерии и минометов всех систем и калибров, и от их силы качнулась земля под ногами. Все засвистело, загрохотало с такой силой,

что наши барабанные перепонки с трудом выдержали этот страшный скрип и гул. Артиллерия, как тяжелый молот, крушила укрепления врага, перепахивала окопы, траншеи.

Плотно-серая пелена закрыла все впереди, затем на вражеских позициях забушевало море огня. Артподготовку такой силы мы видели впервые за всю войну, и невозможно было представить, что сейчас придется подняться из траншей и сделать в атаке шаг навстречу смерти.

К концу артподготовки из темноты возник вертикаль-луч прожектора. Это был один из трех таких лучей, служивших сигналом для включения всех прожекторных установок. И мощные лучи, пробив сплошную завесу порохового дыма и пыли, внезапно ударили по противнику и ослепили его.

Одновременно они высветили в минных полях и проволочных заграждениях противника проделанные ночью проходы для танков и самоходно-артиллерийских орудий, за которыми рванулась в атаку на вражеские позиции рота.

Огненный смерч, страшной разрушительной силы, буквально перепахал первую траншею противника, которой с ходу овладела рота. Там не осталось ничего живого. Повсюду виднелись засыпанные землей и заваленные вздыбленными перекрытиями блиндажи, трупы гитлеровцев, исковерканные пулеметы, раскиданные и искореженные артиллерийским ураганом колеса и стволы вражеских орудий.

По мере продвижения роты вперед и ослабления света лучей прожекторов, сплошная завеса порохового дыма и пыли заволокла все вокруг, не позволяя даже на расстоянии в сотню шагов разглядеть очертания предметов в глубине обороны противника. Дышать становилось нечем. Дым застилал глаза. Время двигалось к рассвету, но казалось, что ночь еще продолжается. В сплошной тьме рота продвигалась по ходам сообщений и, вытаскивая из нор и укрытий уцелевших и обезумевших гитлеровцев, пробивалась к третьей траншее и, овладев ею, встретила сильное сопротивление против-

ника.

Эти преодоленные ротой полтора километра, перевернутой вверх дном небывалой силы огненным ураганом вражеской обороны, были для нас действиями в кромешном аду, в преисподней.

Сильное фронтальное огневое сопротивление противника и ураганный фланкирующий огонь его артиллерии из г. Франкфурта приостановили дальнейшее наступление роты и вынудили нас перейти к обороне на третьей траншее.

В наступавшем полумраке можно было разглядеть сплошную гряду обрывистых скатов Зееловских высот, с которых противник обстреливал занятую нами траншею.

Тянувшаяся впереди высот насыпь железной дороги, вдоль которой виднелись искореженные железобетонные колпаки с амбразурами, была оставлена противником, и я, со взводами старших лейтенантов Александра Копылова, Василия Масловского и ячейкой управления, выдвинулся туда. Сюда же переместились и командиры поддерживающих и приданных артиллерийских и минометных батарей, танкисты и самоходчики.

Связисты подали кабель связи в железобетонную трубу, проходящую под полотном железной дороги. Она же послужила нам и укрытием от артиллерийского и минометного огня противника.

За полотном железной дороги вплоть до крупного населенного пункта с каменными постройками, что северо-западнее 5-6 км от Лебуса, тянулась на 500-600 метров равнина, насквозь простреливаемая пулеметным огнем противника, и которую нам теперь предстояло преодолеть. На равнине ни деревца, ни кустарника, ни бугорка.

Командир полка Герой Советского Союза полковник Шевченко Михаил Никитич вместе со своим адъютантом старшим лейтенантом П.Г. Бутневым переместил на насыпь железной дороги свой НП. Это и был тот особый случай, когда командир полка должен был видеть объект атаки и осуществлять на местности руково-

дство боевыми действиями передового батальона.

“Вот где проходит основной оборонительный рубеж противника, - указал он на гряды Зееловских высот, не отрывая, глаз от бинокля. - Без артиллерийской обработки и помощи авиации нам его не одолеть”. Он видел, что опытные солдаты не без тревоги смотрят на равнину, перед высотами вспарываемую во всех направлениях пулеметными очередями противника, и, обдумывая свое решение, не торопился с приказом на дальнейшее наступление.

Но приказ комдива: “Вперед и только вперед”, вынудил его отдать распоряжение наступать по этой равнине на населенный пункт у подножия Зееловских высот без поддержки авиацией.

Мощный пятнадцатиминутный артиллерийско-минометный огневой налет всей артиллерии дивизии /до 140 орудий/ по высотам и опорному пункту вынудил противника прекратить обстрел равнины, и батальон пошел вперед.

Первые полтора метра рота преодолела быстро, но противник, придя в себя, вновь открыл ураганный пулеметный огонь, который не давал поднять головы. Во взводах появились раненые и убитые.

“Из-под такого огня, - сказал находящийся в боевых порядках роты заместитель командира полка по политчасти подполковник Сазонов Б.И., - не только вперед, но и назад ходу не будет”. “Думай командир, как сберечь людей, нам ведь до Берлина идти”, - обратился ко мне замкомполка, тронув меня за плечо.

Подаю команду окопаться, но мысль о том, что противник не замедлит накрыть нас на открытой равнине минометным и артиллерийским огнем и уничтожит роту, заставляет меня принять единственное решение: отойти перегруппироваться к правому флангу и оттуда атаковать. Замкомполка одобрил решение и, вызвав ракетой артогонь, под его прикрытием начал отход обратно за железную дорогу.

Только там, осмотрев друг друга, мы увидели, что ватники на наших с замкомполка спинах сплошь испорты пулями.

“Видать в рубашках мы с тобой родились, комроты”, - заметил подполковник Сазонов. Потеряв более десяти человек ранеными и убитыми, рота перешла к правому флангу полка, где на стыке с соседней дивизией сопротивление противника было слабее и местность менее открытая.

После новой, но мощной 20 минутной артиллерийской подготовки по позициям противника, командир полка вводит из-за правого фланга в первый эшелон отдельную седьмую роту полка полного состава, не участвовавшую в прорыве первой линии обороны противника.

Но вновь оживают огневые точки противника, и губительный пулеметно-минометный огонь прижал роту к земле. Рота, неся потери, по приказу командира полка отходит в исходное положение. День клонился к полудню. Сопротивление противника нарастало. Над насыпью железной дороги появились вражеские самолеты и на бреющем полете стали штурмовать боевые порядки полка. Одновременно самолеты стали сбрасывать раскрывающиеся в воздухе контейнеры, из которых сыпались на расположение рот сотни противопехотных мин, сбрасывались и просто пустые бочки, издававшие страшный пронзительный вой. Позднее мы видели их на земле.

Под прикрытием артогня и штурмовой авиации до батальона пехоты противника перешло в контратаку по флангу полка.

Открытая равнина, на которой враг сдержал наше продвижение, обернулась для самих же гитлеровцев ловушкой.

Подошедшие к насыпи железной дороги на 300-350 метров гитлеровские цепи были встречены заградительным огнем полковой артиллерийской группы /до 70 орудий – 5 артполков/ и дружным огнем нашей пехоты. Не многим из контратакующих гитлеровцев удалось вернуться в исходное положение. Равнина была сплошь усеяна трупами вражеских солдат.

К концу дня на участок прорыва полка прибыл с оперативной группой командир дивизии Герой Совет-

ского Союза генерал Моисеевский А.Г. Он неторопливо двигался по траншее, в которой сосредоточилась рота, и ободряюще смотрел в почерневшие от дыма и пыли лица усталых солдат.

Спокойное, как всегда, слегка улыбающееся лицо генерала, говорило за то, что есть хорошие вести. С какой-то особой чуткостью он сказал: “Не надо ничего докладывать, все видел, все знаю. Молодцы! Дивизия на участке прорыва сковала крупные силы противника, не дав ему возможности перебросить их к правому флангу корпуса, где наметился успех ввода в прорыв подвижной группы армии. Держите крепко отвоеванный рубеж! С наступлением темноты перегруппируемся к правому флангу и ударим фрицам во фланг, и затрещит этот мощный рубеж обороны. Берегите людей, а всех отличившихся представить к награждению”.

Спокойствие комдива и хорошие новости приободрили солдат, вселили в них новые силы и уверенность в предстоящей ночной операции. Ключевой позицией в системе обороны противника оставалась вторая оборонительная позиция, проходящая по Зееловским высотам, и с наступлением темноты полк, совершив маневр к правому флангу дивизии и продвинувшись на 1-2 км за железную дорогу, изготовился для удара по флангу в обороне противника южнее Вюсте Кунерсдорф. Противник продолжал оказывать сильное огневое сопротивление с Зееловских высот, и для подавления его системы огня нужна была новая артподготовка. Ночь прошла в напряжении, так как противник отдельными группами с разных направлений контратаковал полк. Несколько таких контратак отбила рота в течение ночи, прочно удержав занятый рубеж для наступления. При отражении контратак и непрекращающегося минометного и артиллерийского огня противника вновь были убиты и ранены.

День быстро угасал переходя в вечер, и под покровом темноты, оставив заслон, имитирующий занятость рубежа, батальоны, совершив маневр, продвинулись по пересеченной местности еще до километра и овладели важной позицией противника в 800 метрах южной Вюс-

те Кюнерсдорф, охватив опорный пункт большой дугой с фланга. (В 1759 г. под Кюнерсдорфом русские под командованием Суворова разбили прусаков. И вот мы вновь под Берлином).

В 10 часов 30 мин. утра 17 апреля после 30 минутной артподготовки рота в составе батальона под командованием майора Александра Умнова перешла в наступление.

Противник оказал яростное сопротивление, с упорством удерживая каждую позицию на второй полосе обороны, куда ворвалась рота. Тяжелые ожесточенные схватки завязались у каждой пулеметной площадки, каждого блиндажа, в траншеях и ходах сообщения. Повсюду трещали автоматные очереди, рвались гранаты, неслись крики и стоны раненых.

В таком бою все решала инициатива командиров отделений, мужество, отвага и находчивость каждого бойца.

Помощник командира третьего взвода старшина Щербинин с двумя отделениями взвода раньше всех пробился во вторую траншею второй полосы обороны, но был отрезан от роты группой вражеских автоматчиков, проникшей из бокового хода сообщения.

Оказавшись между двух огней, опытный командир, на счету которого бывали уже такие трудные ситуации боя и в уличных боях в Познани и на Висленском плацдарме, около часа отбивался от наседавших со всех сторон гитлеровцев.

Молодой командир первого взвода лейтенант Матвеев, для которого участие в этой операции было первой боевой проверкой его командирских и личных качеств, вывел по моему приказанию взвод из траншей и под огнем противника обошел и отрезал теснивших группу Щербинина гитлеровских автоматчиков.

В коротком бою гитлеровские автоматчики были полностью уничтожены, и рота закрепилась на захваченном рубеже.

Противник, отойдя на новый оборонительный рубеж, открыл ураганный артиллерийский огонь по нашим позициям. Точность огня говорила за то, что ос-

тавленные им траншеи были заранее пристреляны. Одним из таких налетов противник накрыл мой НП и передовые пункты управления огнем, поддерживавших роту артиллерии.

Погибли находящиеся на НП последние из моей ячейки управления сержанты Сильчев и Евсеев, прошедшие через многие бои. Я каким-то чудом уцелел, оказавшись отброшенным взрывной волной в находящийся в траншее котлован, под блиндаж. Тяжело ранен был командир минометной батареи капитан Шляхтин, погибли многие артиллеристы передовых НП. Гибель самых отважных, а порой и незаменимых в бою, тяжело переживали все, кто продолжал сражаться до последних дней Берлинской битвы.

Только лишь к концу дня, продвинувшись до двух километров, мы выполнили задачу, намеченную на 16 апреля. И так было во всех полках дивизии.

В течение ночи на 18 апреля мы закрепились на достигнутом рубеже и вели разведку позиций противника. Всю ночь по захваченным нами позициям противник с большой точностью вел сильный артиллерийско-минометный обстрел, так как занятая нами линия обороны была им хорошо известна, но мы, прячась в построенных самим же противником укрытиях, имели лишь потери среди тех, кто нес ночное дежурство на позициях.

С утра 18 апреля после короткой, но мощной арт-подготовки по позициям противника, мы перешли в атаку, но были остановлены сильным пулеметным и минометным огнем гитлеровцев. Огневые точки, которые не были обнаружены нами в течение ночи и оказались не подавленными огнем нашей артиллерии и минометов, открыли губительный огонь по нашей пехоте и прижали ее к земле.

Остановив наше продвижение, противник яростно контратаковал нас, сопровождая свою пехоту танками и огнем артиллерии и минометов. Более десяти контратак отбила рота в течение дня. Только возросшая активность нашей авиации, наносившей удары по сосредоточениям подходящих резервов противника, ослабила си-

лу его контратак. И к середине дня он прекратил попытки окружить и уничтожить вклинившиеся глубоко в его оборону наши передовые батальоны, а к исходу дня сам перешел к жестокой обороне. Мы продвинулись в течение дня всего на один километр, но каких невероятных нечеловеческих усилий стоило это продвижение вперед и удержание уже захваченного рубежа.

В этом аду начавшегося наступления на Берлин, солдаты не спали уже три ночи и люди валялись от усталости, но рассчитывать даже на кратковременный отдых не приходило никому в голову.

Потери за эти три дня непрерывных боев были значительны. Были ранены или убиты многие расчеты ручных пулеметов. Вышла из строя почти третья часть сержантского состава. Большие потери были среди личного состава пульроты, минометной и артиллерийской батарей, поддерживающих роту, роты противотанковых ружей.

Танкисты, наступавшие в боевых порядках пехоты, также имели потери в людях и технике.

Но, несмотря на это, высокий боевой дух, уверенность в скорой победе не покидала нас.

Командование дивизии высоко оценило наше продвижение вперед в восточной части сильного опорного пункта Ниедер-Езара, и весь личный состав роты, а также поддерживающие его подразделения были представлены к правительственным наградам.

В ночь на 19 апреля стало известно, что противник начал выдвижение резервов из Берлина на третью тыловую полосу обороны, и мы хорошо понимали, какое сопротивление встретим с выходом на этот рубеж, но в то же время всех радовало, что это в какой-то степени ослабляет гарнизон логова фашизма, и это придавало бойцам силы в предстоящем дальнейшем наступлении.

С утра 19 апреля противник предпринял несколько контратак с танками на позиции полка. Успев закрепиться ночью на достигнутом рубеже, мы встретили атакующие цепи гитлеровцев дружным огнем. Поддержанные заградительным огнем артиллерии прямой наводки и пушечным огнем танков и самоходно-

артиллерийских установок мы вынудили контратакующего противника отойти на исходное положение.

Во второй половине дня наша авиация нанесла мощный удар по сильно укрепленному опорному пункту противника Ниедер-Езар, району сосредоточения подходящих резервов противника для нанесения контр-удара, сведя на нет его активность.

Воспользовавшись замешательством деморализованного противника, батальоны полка вновь перешли в наступление и продвинулись на 3-4 км, полностью прорвав вторую полосу обороны противника.

На следующий день 20 апреля 1081-й стрелковый полк продолжал вести упорные наступательные бои в глубине обороны Одерского оборонительного рубежа противника и, выйдя к первой промежуточной позиции, расположенной между 2-й и 3-й полосами обороны противника и подтянув артиллерию, прорвал ее.

Осуществив прорыв второй полосы Одерского оборонительного рубежа, 312-я Смоленская стрелковая дивизия 20 апреля 1945 года вплотную подошла к третьей - тыловой позиции обороны гитлеровцев. Находясь уже в 20-25 км от окраины Берлина, дивизия неожиданно получила приказ командующего 69-й армии изменить направление удара с западного на южное, выйти к городу Фюрстенвальде и овладеть им.

Расположенный на железнодорожной магистрали Франкфурт - Берлин, у кольцевой автострады "Берлинер-Ринг", Фюрстенвальде занимал ключевые позиции в системе оборонительного прикрытия Берлина с юго-запада.

Дивизия быстро осуществила маневр, но, продвинувшись в южном направлении до 2 км, встретила ожесточенное сопротивление противника в районе его оборонительных позиций Ениккендорф и Буххольц, прикрывающих Фюрстенвальде с севера. Оценив сложившуюся обстановку, командир соединения Герой Советского Союза генерал-майор А. Моисеевский решил фронтальным ударом одного стрелкового полка разобщить противника в опорных пунктах Ениккендорф и

Буххольц, а двумя другими стрелковыми полками охватить его с флангов и разбить по частям.

1081-й стрелковый полк под командованием Героя Советского Союза полковника М. Шевченко, действовавший в центре боевого порядка дивизии, прорвал оборону противника и продвинулся вперед до 2 км. Однако фланговые полки, встреченные плотным заградительным огнем из Ениккендорф и Буххольц, вынуждены были перейти к обороне, едва зацепившись за окраинные укрепления опорных пунктов. К полудню противник силами до батальона пехоты с 10-12 танками и штурмовыми орудиями начал их контратаковать.

Ожесточенные бои, исход которых в нашу пользу в большой степени преопределили смелые и решительные действия артиллеристов гаубичного и противотанкового дивизионов, выдвинувших орудия на прямую наводку в боевые порядки стрелковых батальонов, развернулись на всем фронте наступления дивизии.

Выбив у гитлеровцев танки и штурмовые орудия, фланговые полки во второй половине дня вновь перешли в наступление на Ениккендорф и Буххольц. Но фашисты в этих опорных пунктах были еще сильны и оказали упорное сопротивление. На участке правофлангового 1079-го стрелкового полка, которым командовал Герой Советского Союза полковник В. Лихотворик, они особенно яростно атаковали 2-ю и 3-ю стрелковые роты капитанов А. Хлусова и А. Савицкого. Положение этих подразделений становилось критическим, командир соседнего батальона майор П. Литвин решил помочь им: используя труднопроходимый участок местности, он ударил стрелковой ротой под командованием заместителя командира батальона старшего лейтенанта В. Мартынушкина в тыл противнику. Внезапная атака вызвала замешательство в гарнизоне Ениккендорфа. Не давая фашистам опомниться, командир полка ввел в бой свой резерв - 7-ю стрелковую роту, возглавляемую капитаном Нелюхиным, усилив ее самоходно-артиллерийской батареей. Совместным ударом с фронта и тыла сопротивление противника

удалось сломить, и вскоре гарнизон Ениккендорфа был разгромлен.

1081-й стрелковый полк к полудню продвинулся еще на 3 км.

Но при этом оголились фланги, чем не замедлил воспользоваться противник. До роты пехоты с тремя танками и двумя штурмовыми орудиями обрушились на левый фланг полка, где наступала 1-я стрелковая рота под командованием капитана Пустыльника, усиленная противотанковой батареей и артбатареей 76 мм орудий.

Действуя в отрыве от основных сил, офицер не растерялся. Развернув подразделение в боевой порядок, он умело организовал бой. Артиллеристы подбили два танка и одно штурмовое орудие, но гитлеровцы продолжали теснить роту. До двух взводов вражеских автоматчиков под прикрытием танка и штурмовых орудий появились в ее тылу.

Капитан Пустыльник с автоматом в руках занял место в цепи роты. Равняясь на командира, все раненые, способные держать оружие, открыли по врагу огонь. Подоспевший на помощь резерв командира полка сорвал контратаку гитлеровцев и ликвидировал угрозу с фланга. Но в этом жестоком бою героически погиб капитан Пустыльник, прошедший по дорогам войны с первого ее дня (он посмертно награжден орденом Отечественной войны I степени).

Наступившее затишье на участке 1081-го стрелкового полка было недолгим. Противник не отказался от попытки разгромить вклинившиеся в его оборону подразделения. До двух рот автоматчиков под прикрытием трех штурмовых орудий контратаковали наши 4-ю и 5-ю стрелковые роты. Командир батальона майор А. Умнов развернул батальон на юго-запад, прикрыл фланг полка и, перебросив сюда противотанковую батарею капитана Мельникова, остановил атаку самоходной батареи гитлеровцев. Она вынуждена была укрыться в складках местности. Оставшись без огневого прикрытия, вражеские автоматчики залегли, но судьба их была предрешена. Прибывший на НП батальона командир полковой минометной батареи капитан Е. Алешин уже отдавал

отдавал команды на открытие огня. Неся чувствительные потери, пехота противника стала поспешно отходить.

Трудная обстановка сложилась и на участке наступления 1083-го стрелкового полка под командованием подполковника А. Крайнова. Многократные попытки овладеть опорным пунктом Буххольц не приносили успеха. Тогда командир полка решил применить дымы.

Саперы, под командованием начхима полка капитана Зинченко, под непрерывающимся огнем гитлеровцев, зажгли дымовые шашки. Через несколько минут, плотная серая пелена закрыла опорный пункт, и тогда командир полка поднял батальоны в атаку. Ожесточенный бой длился около часа, и, наконец, опорный пункт противника прекратил сопротивление. Более 100 гитлеровцев было взято в плен.

Овладев опорными пунктами Ениккендорф и Буххольц и оседлав шоссе, идущее на Фюрстенвальде, дивизия вышла в тыл, проходящей здесь третьей оборонительной полосы фашистов, и практически оказалась в тылу 23-й моторизованной дивизии СС.

К середине дня 21 апреля 1081-й стрелковый полк подошел к Фюрстенвальде. Город был опоясан несколькими линиями траншей полного профиля. Гитлеровцы, огнем из пулеметов и 75 мм пушек прямой наводкой, остановили батальоны полка и взаимодействующие с ними танки и САУ, пытавшиеся с ходу прорваться через оборонительный пояс.

Гитлеровское командование, стремясь любой ценой удержать город, бросило для его прикрытия части 17-й пехотной дивизии, учебный полк “Фюрстенвальде”, многочисленные подразделения фольксштурма, различные полицейские части, зенитные и другие спецподразделения и даже отряды гитлерюгенда, спешно переброшенные из Берлина.

21 апреля ни одному из полков дивизии так и не удалось ворваться в город. С наступлением темноты активность врага заметно снизилась.

Взводу разведчиков во главе со старшиной Г. Глушок на участке 4-й стрелковой роты, которой довелось

мне тогда командовать, удалось пройти минное поле и проникнуть в траншею за шоссе, ведущее в город.

Обстановка требовала немедленных действий. Согласовав вопросы взаимодействия с командиром 5-й роты старшим лейтенантом Ю. Казаковым, я дал команду на переход шоссе. Застигнутое врасплох боевое охранение противника не оказало серьезного сопротивления, и мы без паузы атаковали дачный поселок.

Получив донесение о переходе шоссе и ночной атаке, командир батальона майор Умнов перебросил в дачный поселок основные силы батальона, а 1-й батальон полка прочно оседлал шоссе. Майор Умнов переместил свой наблюдательный пункт на НП 4-й стрелковой роты, разместившийся в двухэтажном коттедже дачного поселка, из которого хорошо просматривался Фюрстенвальде.

На совмещенном КП обосновались подразделения управления, радисты, телефонисты, связные. Красная черепица крыши зачернела проемами, заблестела стеклами биноклей и стереотруб и, конечно же, привлекла внимание противника.

Первым же снарядом разнесло часть крыши, затем снаряды стали рваться на чердаке, внутри дома, вокруг коттеджа. Появились убитые и раненые. Был тяжело контужен и командир батальона майор Умнов, он потерял речь и оглох. Как старший, командование батальоном принял я.

Осознавая возникшую угрозу в связи с потерей пригорода, противник перешел в контратаку. Танки с десантом автоматчиков стремительно приближались к поселку, охватывая его в клещи. Их атаку прикрывали штурмовые орудия.

В борьбу с ними вступили наши САУ, а также артиллерийская батарея 859-го артполка под командованием капитана Гиренко и противотанковая батарея капитана Мельникова. Однако двум вражеским танкам и одной самоходной установке удалось ворваться в поселок.

Исключительный героизм проявили артиллеристы, уничтожившие оба танка. Штурмовое орудие подбили

расчеты противотанковых ружей взвода старшего лейтенанта Северина. Гитлеровский десант вскоре был разгромлен взводами старших лейтенантов В. Масловского и А. Копылова.

Но обстановка продолжала оставаться сложной. Противник вновь обрушил артиллерийско-минометный огонь по поселку, а пехота при поддержке штурмовых орудий вторично перешла в контратаку. Она совпала с подходом с автостреды еще одной мотоколонны немцев, которая, развернувшись в боевой порядок, пыталась прорваться в город. Встреченная сильным заградительным огнем, мотоколонна была разгромлена, а остатки ее рассеялись по окрестным лесам. Перед поселком пылали подбитые самоходные артиллерийские установки врага.

312-я Смоленская стрелковая дивизия, взаимодействуя с танковыми частями и передовыми отрядами 2-го гвардейского кавкорпуса, перерезала все пути отхода противника через Фюрстенвальде и к полудню 22 апреля 1945 года завязала бои в городе, а к концу дня полностью овладела им.

Пути отхода противника из Франкфурта и Мюнхенберга в Берлин были прочно перекрыты. В этот же день были наведены переправы через р. Шпре, и по ним пошли на Берлин части 2-го гвардейского кавкорпуса.

Над окрестными лесами во всю ширь поднималось огромное зарево, освещаая на многие километры местность. Это горел Берлин.

При подходе к Бранденбургу, где еще шли ожесточенные бои, стало известно, что южнее города в обширном лесном массиве, изобилующем озерами и каналами, сосредотачивается группировка противника из разбитых, но еще боеспособных дивизий 12-й армии. Это создавало угрозу открытому флангу дивизии. Наиболее вероятным направлением вражеского удара являлась единственная дорога, проходящая через межозерное дефиле у крупного населенного пункта Ризен в 10-12 км от автостреды Берлин-Бранденбург.

Для парирования такого удара командир дивизии Герой Советского Союза генерал-майор А. Моисеевский принял решение подвижным отрядом опередить противника в овладении ключевой позицией в районе дефила и самим населенным пунктом Ризен, не допустить прорыва врага к автостраде.

Сформированный в ходе движения из наиболее боеспособных подразделений 1081-го стрелкового полка, отряд численностью до 200 человек, усиленный артиллерией и взводом саперов на автомашинах, выступил в направлении к межозерному дефила.

Мне, вступившему в командование подвижным отрядом, ранее уже не раз приходилось выполнять боевые задачи в отрыве от главных сил дивизии, но в этот раз действовать приходилось без соседей и без права отхода с занятого рубежа.

Разведка отряда под командованием старшины Григория Глушко, опытного разведчика, кавалера двух орденов Красного Знамени и ордена Богдана Хмельницкого, еще только входила на окраину Ризена, раскинувшегося двумя линиями каменных домов, разделенных узкой лентой дороги и двумя обширными озерами, а на той стороне по опушке лесного массива уже суетились группы солдат противника с самоходными орудиями, выдвигающимися на дорогу к дефила.

Наблюдая за действиями врага, я отдал приказ занять оборону на выгодных для наблюдения и обстрела позициях в каменных строениях и вокруг них, а также взять под прицел артиллерийских батарей горловину межозерного дефила.

Тем временем разведчики Глушко скрытно, по зарослям камыша, выдвинулись за эту горловину и прикрыли саперов, спешно минировавших дорогу, ее обочины и подходы к плавням.

Противник явно спешил. Несколько групп автоматчиков силою до роты уже вступили на дорогу, вскоре их начали обгонять мотоциклетный разведдозор и пара штурмовых орудий. Строжайшие меры маскировки и выдержка создавали у противника впечатление в том, что населенный пункт не занят. Прочесывая пулемет-

ным огнем прибрежные плавни, разведчики противника на мотоциклах стремительно летели к горловине дефи-
ле, где засели разведчики Глушко.

Опытный разведчик и в этот раз принял верное решение: не обнаруживая себя, пропустить разведдозор через горловину и дать возможность колонне противника со штурмовыми орудиями как можно глубже втянуться в дефиле. Дезориентированный таким приемом разведдозор врага, проскочив горловину дефи-
лел на окраину Ризена и, приглушив моторы, решил осмотреться.

Этого оказалось достаточно, чтобы автоматчики старшины Н. Щербины, внезапной очередью из трофейного пулемета по колесам мотоциклов, превратили их в обычных пехотинцев. Выскочившие из засады наши бойцы мгновенно принудили гитлеровцев к сдаче в плен.

Наступил момент, когда можно было создать пробку в горловине, и я дал команду командиру противотанковой батареи капитану Михаилу Каспрову выбить втянувшиеся в дефиле штурмовые орудия. Меткие выстрелы орудия, которым командовал сержант Николай Отрощенко, мгновенно поразили головную самоходку. Со второй также быстро управились другие расчеты. Выскочившие из пылающих самоходов экипажи были сражены меткими очередями разведчиков Глушко.

Следовавшая за штурмовыми орудиями пехота противника приняла боевой порядок и, рассыпавшись по обеим сторонам дороги вдоль зарослей камышей, продолжала движение.

В дело вступила наша батарея 82 мм минометов под командованием старшего лейтенанта Анатолия Воронова. Огонь минометов загнал вражескую пехоту в плавни, подходы к которым наши саперы успели заминировать. Неся потери на минах, противник начал отход из горловины и стал окапываться по обочинам дороги.

Однако враг не отказался от своей цели. Из леса вытягивалась новая колонна пехоты, позади которой медленно ползли еще несколько штурмовых орудий. Настало время нанести огневой удар не только по колон-

не, но и по опушке леса, чтобы дать почувствовать противнику прочность нашего рубежа. Огонь батареи 76 мм пушек капитана В. Гиренко вынудил штурмовые орудия, замыкавшие колонну, принять боевой порядок. Держась вблизи рассыпавшейся пехоты, они пушечным и пулеметным огнем старались поддерживать ее продвижение, но в самой горловине пехота вновь была вынуждена отступить под нашим огнем.

Солнце клонилось к закату, и бой постепенно затихал. Было ясно, что до наступления темноты противник не рискнет возобновить попытки прорыва. Отряд стал готовиться к ночному оборонительному бою. Я не исключал возможность того, что ночью враг попытается одновременно с атакой на дефиле форсировать озера, и выдвинул на фланги батареи Каспрова и Гиренко, оставив в центре противотанковую батарею. Контроль над левофланговым озером я поручил старшему лейтенанту Василию Масловскому, а над правофланговым - старшему лейтенанту Александру Копылову. Оба командира имели опыт ночных оборонительных боев, к ночи они усилили разведку берегов, подготовили материалы для костров на случай высадки вражеских десантов.

Когда стемнело, наша разведка обнаружила скопленные группы противника на опушке леса, а вскоре послышался и рокот двигателя. Штурмовое орудие нацелилось на растаскивание застрявших в горловине и создавших пробку двух самоходных орудий. Противотанковая батарея, пристрелявшаяся днем, открыла огонь, и противник отказался от своей затеи. Правда небольшой группе его автоматчиков удалось просочиться через горловину, однако вскоре она была рассеяна и частично уничтожена нашим огнем.

Перед рассветом Копылов и Масловский доложили, что противник на плотках и надувных лодках начал форсирование озер, и они огнем стрелкового оружия отражают десант. В тот же момент из лесного массива ударила артиллерия и минометы, а пехота противника пошла на прорыв. Нашим ответным огнем враг снова был отброшен.

При свете костров автоматчики старших сержантов А. Горбунова и Г. Сильчева отразили попытку врага высадиться на берегах озер.

К полудню противник решил идти напролом. Густые цепи автоматчиков при огневой поддержке штурмовых орудий вновь устремились к горловине, где за ночь их минеры проделали проходы. Несмотря на наш огонь и потери, фашистам удалось достичь горловины, но дальше они пройти не смогли, натолкнувшись на поставленные нами за ночь мины и плотный огонь всех видов оружия. Поняв, что дефиле прочно перекрыто, противник откатился и прекратил дальнейшие попытки прорыва. Во второй половине дня из леса с белыми флагами стали выходить группы немецких солдат и сдаваться в плен.

Наш отряд выполнил поставленную задачу и на рассвете 5 мая в трех километрах юго-восточнее Хоенварте присоединился к главным силам дивизии.

С 30 апреля 312-я Смоленская стрелковая дивизия наступает южнее Берлина в направлении г. Магдебург на Эльбе. Противник, не оказывая сопротивления, бежит на запад.

В Ведере взято в плен - 1980 человек, в том числе, 151 офицер. Освобождено военнопленных разных национальностей - 1600 человек. Взято раненых - 1700 человек. Захвачено автомашин - 1500, самолетов - 25, более 3000 лошадей, много различной военной техники.

В лесу в районе Фриденсад взят боевой лазарет с 250 человек ранеными и больными.

Части дивизии 5 мая 1945 года выходят на восточный берег реки Эльбы и встречается с союзниками – отдельными частями американской армии. На этом рубеже закончился боевой путь прославившей себя в годы Великой Отечественной войны Сибирской дивизии.

За образцовое выполнение заданий командования в боях с немецко-фашистскими захватчиками, за прорыв обороны немцев при наступлении на Берлин и ликвидации группы немецких войск юго-восточнее г. Берлина и проявленные при этом доблесть и мужество, Указом

Президиума Верховного Совета СССР 312-я Смоленская Краснознаменная, ордена Суворова II степени стрелковая дивизия награждается орденом Кутузова II степени.

12 мая дивизия совершает марш и сосредотачивается в Альтенграбов, а 7 июня 1945 года в районе Лептен Гросс Керес и Клейн Керес юго-восточнее г. Берлина дивизия расформируется. Весь рядовой, сержантский и офицерский состав передается в 23-ю гвардейскую дивизию. Командиры частей и штаб дивизии направляются в управление Кадров фронта.

Ряд офицеров дивизии были направлены для работы в Советской администрации и комендатуре г. Берлина.

Есть в жизни события, над которыми время не властно. Одним из таких событий для нас, ветеранов 312-й Смоленской стрелковой дивизии, над историей боевого пути которой я работаю, стала встреча передовых частей дивизии со 120-м пехотным полком 30-й пехотной дивизии американской армии перед самым концом Великой Отечественной войны. Вот как это было.

1 мая 1945 года 312-я Смоленская стрелковая дивизия, завершив тяжелые кровопролитные бои в юго-западных пригородах Берлина, получила последний приказ командования 69-й армии - на прорыв на Эльбу и соединение с частями американской армии.

Изрядно обескровленная в трехнедельных непрерывных боях под Берлином, но сохранившая высокий боевой дух и веру в победу, дивизия в течение четырех дней с многочисленными боями пробивалась на соединение с союзниками.

5 мая 1945 года передовые части дивизии вышли на восточный берег Эльбы (округ Магдебург) и, отразив яростные атаки противника, установили контакт с 120-м пехотным полком 30-й пехотной дивизии американской армии.

Когда ветераны дивизии уже обменивались приветствиями и рукопожатиями с солдатами и офицерами американской армии, мне, в то время командиру подвижного отряда, прикрывавшего при прорыве к Эльбе

открытый левый фланг дивизии в межозерном дефиле, еще пришлось вести последний бой в трех километрах от Эльбы и Фриденсада с большой группой эсэсовцев.

Когда мы узнали о происшедшей встрече, ликования не было границ. И наши солдаты, и американцы выражали тогда надежду на долгий и прочный мир на земле, на продолжение дружественных отношений.

Чувство союзнического долга и взаимопомощи наши воины проявляли и до исторической встречи на Эльбе. Вспомним дни, когда над нашими союзниками по антигитлеровской коалиции нависла серьезная угроза в Арденнах. Именно тогда, в начале января 1945 года, выполняя свой союзнический долг, мы перешли в решительное наступление ранее намеченного срока, без поддержки - из-за нелетной погоды - с воздуха и оттянули на себя отборные немецкие дивизии из Арденн.

Во время этого наступления я командовал усиленной стрелковой ротой ударного эшелона прорыва дивизии и хорошо помню заснеженную равнину за Вислой, покрытую сотнями тел наших солдат и офицеров, сделавших свой шаг навстречу смерти в атаке, ставшей для каждого из них последней в жизни.

Память до сих пор хранит слова американского президента Франклина Д. Рузвельта о том, что и после окончания войны мы будем так же упорно трудиться ради укрепления мира и взаимопонимания между нашими державами, как упорно сражались на полях сражений с фашистской Германией.

Работая над историей боевого пути дивизии, я узнал о приказе командующего 69-й армией генерал-полковника Героя Советского Союза В.Я. Колпакчи о награждении командования американской 30-й пехотной дивизии, офицеров, сержантов и рядовых этой и других дивизий боевыми орденами нашей страны.

Орденом Красного Знамени были награждены командир 30-й дивизии генерал-майор Л.С. Геббс и помощник командира бригадный генерал У.К. Гаррисон. Орденом Отечественной войны - начальник штаба дивизии полковник Р.В. Стефенс и командующий артиллерией дивизии бригадный генерал Дж.М. Льюис. Ор-

деном Александра Невского - командир 117-го пехотного полка полковник Дж.М. Джексон, командир 119-го пехотного полка полковник Р.А. Беккер, командир 120-го пехотного полка полковник Р.П. Бурдья. Орденами Славы 3-й степени были награждены капрал 120-го пехотного полка Т.С. Пруит, сержант 1 класса 120-го пехотного полка Дж.Л. Нилланд, сержант 119-го пехотного полка Р.Дж. Уильямс, сержант 119-го пехотного полка Л. Роберто, а медалью “За отвагу” - рядовые 1 класса 117-го пехотного полка Дж.М. Бродерик и Р. Дж. Эверхардт. Я поздравляю сегодня американских ветеранов с Днем Победы над фашистской Германией.

Глава 7. Парад Победы в Берлине.

“Возвратись после Парада Победы из Москвы в Берлин, мы предложили американцам, англичанам и французам провести парад войск в честь победы над фашистской Германией в самом Берлине. Через некоторое время был получен положительный ответ. Парад советских войск и войск союзников было решено провести в сентябре в районе рейхстага и Бранденбургских ворот, где проходили завершающие бои при взятии советскими войсками Берлина 1-2 мая 1945 года.

Согласно договоренности парад войск должны были принимать главнокомандующие войсками Советского Союза, США, Англии и Франции...

Советские войска провели тщательную подготовку. На парад мы старались пригласить, прежде всего, солдат, сержантов, офицеров и генералов, особо отличившихся при штурме Берлина и его главных очагов сопротивления - рейхстага и Имперской канцелярии”.

Так пишет в своих воспоминаниях Маршал Советского Союза Г. Жуков о подготовке к состоявшемуся 60 лет тому назад, 7 сентября 1945 года, Параду Победы союзных войск в Берлине. Автору этих строк, в то время начальнику штаба мотострелкового батальона 18-й механизированной дивизии, довелось участвовать в этом параде. Сегодня я хочу поде-

литься с читателями своими воспоминаниями о нем. Думается, что сейчас, когда человечество стремится объединить свои усилия в борьбе против нового мирового зла - международного терроризма, есть все основания для того, чтобы вспомнить об этой яркой и убедительной демонстрации боевого содружества армий ведущих стран антигитлеровской коалиции.

Тот субботний сентябрьский день выдался в Берлине теплым и ясным. Ранним утром подразделения и части, представлявшие на параде армии Советского Союза, США, Великобритании и Франции, построились на одной из центральных магистралей Берлина - Шарлотенбургштрассе. По обе стороны сразу же за Бранденбургскими воротами встали ряды советских тяжелых танков "Иосиф Сталин". Длинные, слегка приподнятые стволы танковых пушек создавали впечатление их соединения над этой широчайшей улицей.

Экипажи грозных машин, лучшие из лучших мастеров боевого маневра и огня, участвовавшие во многих решающих сражениях Великой Отечественной войны, стоят у своих танков. Громкоговорители радиотрансляционной сети на русском, английском и французском языках рассказывают зрителям о многих из них. У головного танка - его механик-водитель гвардии старшина Константин Маслов - бывший тракторист из Чувашии, герой форсирования Десны, Одера и уличных боев в Берлине. Командир второго танка - бывший крестьянин из Башкирии лейтенант Илья Григорьев, дравшийся с гитлеровцами в Сталинграде, на Курской дуге, на подступах к Берлину и на его улицах. У третьего танка - бывший учитель из Тамбовской области гвардии старший лейтенант Иван Черенков, освобождавший Белоруссию, Польшу и участвовавший в окружении Берлина.. Под стать им и другие танковые асы.

Далее выстроились американские танки. Их экипажи с боями прошли от Нормандии через Францию и Западную Германию до берегов Эльбы в 120 км от Берлина.

Рядом с американскими стоят французские бронемашины. Танкисты Франции защищали честь своего свободолюбивого народа в Тунисе, сражались на родной земле, громили врага у берегов Рейна, в Баварии и в Тироле.

На броне английских машин изображения “крыс пустыни”. Эти бронетанковые части сражались с фашистами в Африке, а затем и на европейском континенте.

Ближе к трибунам стоят в готовности к торжественному маршу сводные пехотные полки американской, французской, английской и советской армий.

Трибуны Шарлотенбургского шоссе и прилегающие к нему улицы украшены флагами Объединенных Наций, гостевые трибуны заполнены генералами и старшими офицерами союзных армий. Здесь же большая группа членов американского конгресса. Широко представлены печать и радио. Парад привлек внимание местных жителей - его смотрели около двадцати тысяч берлинцев.

Ровно в 11 часов к трибунам подъезжает Маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков. На его парадном мундире блестят на солнце три Золотые Звезды Героя Советского Союза, горят бриллианты двух орденов “Победы”, сияют многочисленные ордена и медали - заслуженные награды Родины.

Не прошло и недели со времени капитуляции Японии, а над миром уже стали ощущаться “сквознячки” холодной войны. “Накануне парада, - вспоминал Маршал Советского Союза Г. Жуков, - мы были неожиданно предупреждены о том, что по ряду причин главнокомандующие союзными войсками не могут прибыть в Берлин на парад и уполномочили своих генералов принять в нем участие. Я тот час же позвонил И. Сталину. Выслушав мой доклад, он сказал:

- Они хотят принизить значение Парада Победы в Берлине. Подождите, они еще не такие будут выкидывать фокусы, не обращайтесь на отказ союзников и принимайте парад сами, тем более, что мы имеем на это прав больше, чем они”.

В сопровождении союзных комендантов Берлина маршал Жуков объехал выстроившиеся для парада войска и поднялся на центральную трибуну, где его приветствовали видные военачальники Великой Отечественной войны: маршалы бронетанковых войск С. Богданов, П. Ротмистров, Я. Федоренко, генерал армии В. Соколовский, генерал-лейтенант К. Телегин, генерал-полковник авиации С. Руденко, генерал-полковник М. Катукон, советский комендант Берлина генерал-полковник А. Горбатов. Маршал Жуков обратился к участникам парада с речью:

“Боевые друзья, соратники по оружию, солдаты, офицеры и генералы оккупационных войск США, Советского Союза, Соединенного Королевства и Французской Республики!

Через четыре месяца после безоговорочной капитуляции Германии, разбитая наголову на морях и на суше, признала себя побежденной и сложила оружие милитаристская Япония. Последним решительным и мощным ударом великих союзных держав закончилась Вторая мировая война. Отныне человечество всего мира избавилось от угрозы немецкого нашествия на западе и японского разбоя на востоке.

Наша победа является торжеством невиданного в мире боевого содружества демократических государств. Отныне люди, которым дороги свобода и честь, будут вечно благодарны великим народам Америки, Англии, Советского Союза, Французской Республики и Китая, их доблестным солдатам, которые в тяжелую годину военных испытаний подали друг другу руки помощи, объединились, чтобы одержать победу над общим врагом, чтобы завоевать долгожданный мир на земле.

В этот торжественный день мы сердечно приветствуем всех тех, кто не терял веры в наше правое дело. Мы склоняем наши боевые знамена в память о тех, кто отдал свои жизни Родине, великой победе над черными силами агрессии.

Армии союзных государств окончательно уничтожили два очага мировой агрессии. Теперь нам предстоит закрепить победу установлением прочного, длитель-

ного и справедливого мира во всем мире. Эти солдаты сумеют выполнить волю своих правительств, выраженную в решениях Берлинской конференции!”

Через радиотрансляционную сеть речь маршала Жукова передавалась на русском, английском и французском языках.

В наступившей тишине до трибуны доносится твердый шаг - под звуки старинных русских маршей парад открывают части Красной армии, завоевавшей право на это решающим вкладом в разгром общего врага. Вдали, у колонны Победы, алеют Боевые Знамена. К их древкам прикреплены ленты орденов Красного Знамени, Суворова, Кутузова, Богдана Хмельницкого... Несут знамена самые заслуженные из заслуженных воинов, кавалеры орденов Ленина, Красного Знамени, Отечественной войны, Красной Звезды, Славы. Шеренга за шеренгой, с винтовками – “на руку” идут части прославленных гвардейских дивизий, боевых Берлинских полков. Во главе колонны - Герой Советского Союза полковник В. Лепень. Одобрительным гулом встречают собравшиеся этот марш.

Почти без паузы к трибуне приближается колонна французской пехоты. Легким свободным шагом с винтовками “на плечо” проходят в ее рядах юноши Парижа, солдаты Марсея, испытанные бойцы - зуавы. Парадную колонну ведет полковник Ж. Плесье.

Размеренным строгим маршем шагает английская пехота. В составе сводной колонны английской армии под командованием полковника В. Бренца идут подразделения Королевской гвардии, части, сражавшиеся с немцами в Африке, в Италии, парашютисты, первыми приземлявшиеся на нормандских плацдармах.

Парад пехоты замыкает колонна американских войск, которой командует полковник Д. Тукер. Мерно колышутся штыки над ее четкими рядами.

Не успели скрыться за поворотом последние шеренги пехотинцев, как с востока к трибунам двинулись бронетанковые части английской армии. Свежевыкрашенные средние и легкие танки, а также бронемашины

по четыре в ряд проносятся перед трибунами. Командиры экипажей салютуют маршалу Жукову.

После короткой паузы к трибунам так же стремительно мчатся американские бронетанковые подразделения. Впечатляют их подвижность и вооружение.

Вновь пауза, на этот раз более продолжительная, и вот с востока нарастает мощный гул моторов. Из-за широкого основания колонны Победы появляются первые танки “Иосиф Сталин”. Обтекая колонну с обеих сторон, наращивая скорость, по три в ряд они приближаются к трибунам. В открытом люке головного танка - Герой Советского Союза гвардии генерал-майор К. Абрамов. Над его головой развевается Боевое Гвардейское Знамя с орденами Ленина, Красного Знамени, Суворова и Кутузова - наградами за беспримерные подвиги танкистов в боях под Москвой, Сталинградом, Берлином. За танками ИС идут легендарные “тридцатьчетверки” и самоходные артиллерийские установки. Армада советских танков заполняет Шарлотенбургштрассе. Экипажи ведут свои грозные машины в безукоризненном строю, убедительно демонстрируя их несокрушимую боевую мощь.

По единодушной оценке всех присутствовавших, наши войска прошли безупречно. Особо внушительное впечатление произвели танки и самоходная артиллерия. Что же касается союзников, то среди них лучшей строевой подготовкой выделялись английские войска. Авиация в параде не участвовала.

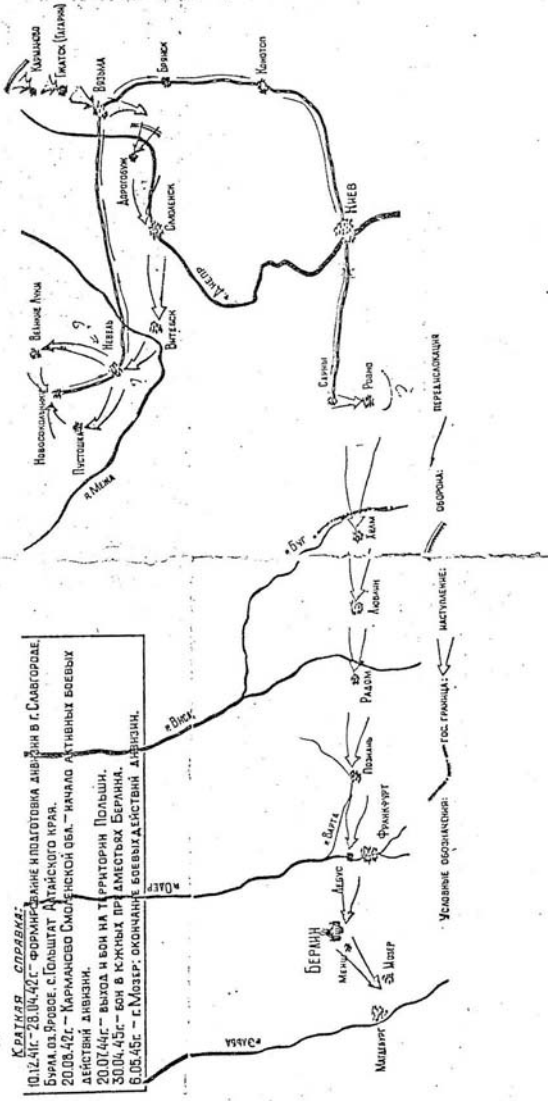
Когда смолк гул моторов и грохот гусениц, раздались величественные звуки Государственного гимна Советского Союза. Затем прозвучали гимны Французской Республики, Великобритании и Соединенных Штатов Америки. Так завершился этот Парад Победы и боевого содружества в столице поверженного фашистского рейха.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Документы из архива ЦАМО.
Фотографии.

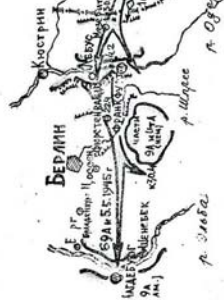
БОЕВОЙ ПУТЬ

312-й СМОЛЕНСКОЙ КРАСНОЗНАМЕННОЙ, ОРДЕНОВ СУВОРОВА И КУТУЗОВА СРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ.

БОЕВОЙ ПУТЬ 69-й АРМИИ ЧАСТНО В ОПЕРАЦИЯХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

БЕРЛИНСКАЯ ОПЕРАЦИЯ
(апрель - нач. мая 1945 г.)

БОЕВОЙ СОСТАВ 69-й А:

- 25 СК (77 в., 4 сд);
- 61 СК (394, 247, 274 сд);
- 91 СК (41, 312, 370 сд); 117 283 сд;
- 68 ТЕР; 12 САБР; 3 ЧИЖОВ; 1096, 1096, 121 САП;
- 12 ААД; 62 АБАР; 5, 59 ИТАЛСР; 41, 24 ВР;
- 42 ЖИЛА; 333 АВАД; 594 ЖИЛА; 57 ИСЕР;
- 35 ИСЕР; 154, 800, 351 ТП; 137 ТП; 1096, 1096, 1096;

ВЫСОКО-ОДЕРСКАЯ ОПЕРАЦИЯ
(январь - нач. февраля 1945 г.)

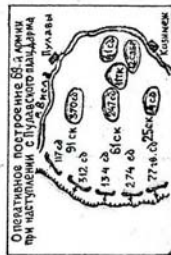
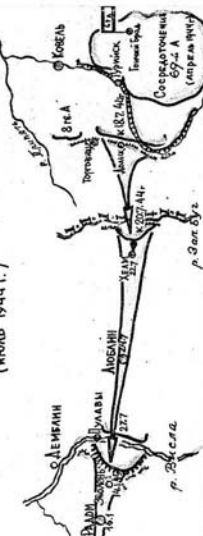

БОЕВОЙ СОСТАВ 69-й А:

- 25 СК (77 в., 4 сд);
- 91 СК (134, 274, 247 сд);
- 62 ИАВР; 250 ИМП; 22 ИТАЛП;
- 594 ЗСНАП; 27 ИСЕР;
- УСЛОВИЕ: 41 в.; 68 в.; 12 в.; 12 в.; 12 в.;
- 18 ЗНАП; 12 САБР; 11 ААД; 91 ПАВ;
- 33 ААД; 4, 8, 19 ИТАЛСР; 32 СК ПАВ;
- 22 ИТАЛП; 256 ИАВР; 25-4 ТП; 24 САП;
- 35 ИСЕР; 154, 800, 351 ТП; 137 ТП; 1096, 1096, 1096;

**СОСРЕДОТОЖЕНИЕ И ВХОЖДЕНИЕ 69-й АРМИИ
В СОСТАВ 1-го БЕЛОРУССКОГО ФРОНТА (апрель 1944 г.)**

**БЕЛОРУССКАЯ ОПЕРАЦИЯ 1-го БЕЛОРУССКОГО ФРОНТА
ЛЮБЛИН-БРЕСТСКАЯ НАСТУПАТЕЛЬНАЯ ОПЕРАЦИЯ
ВОЙСК ЛЕВОГО КРЫЛА 1-го БЕЛОРУССКОГО ФРОНТА
(ноябрь 1944 г.)**

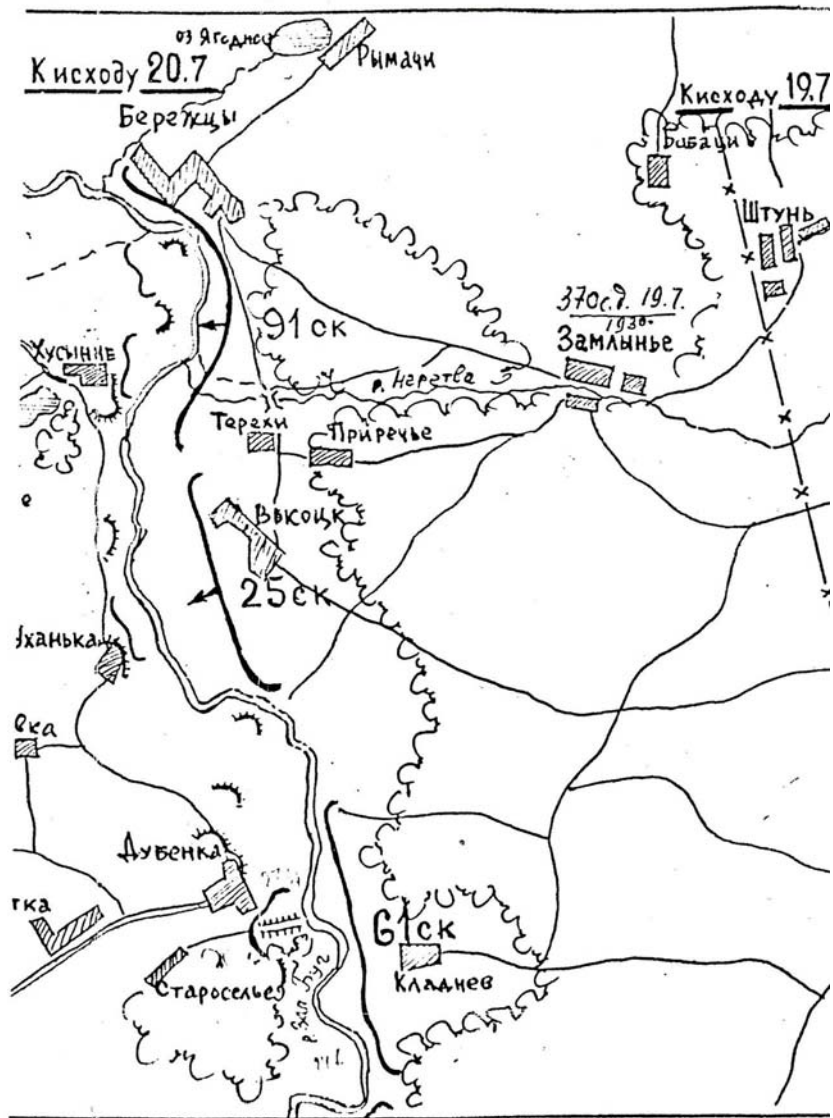

БОЕВОЙ СОСТАВ 69-й А:

- 25 СК (4, 41 сд, 77 в сд);
- 61 СК (394, 247, 274 сд);
- 91 СК (117, 312, 370 сд);
- 4, 8 ИТАЛСР; 68 ТЕР; 12 САБР;
- 22 ИТАЛП; 256 ИАВР; 57 ИСЕР; 4 ВР;

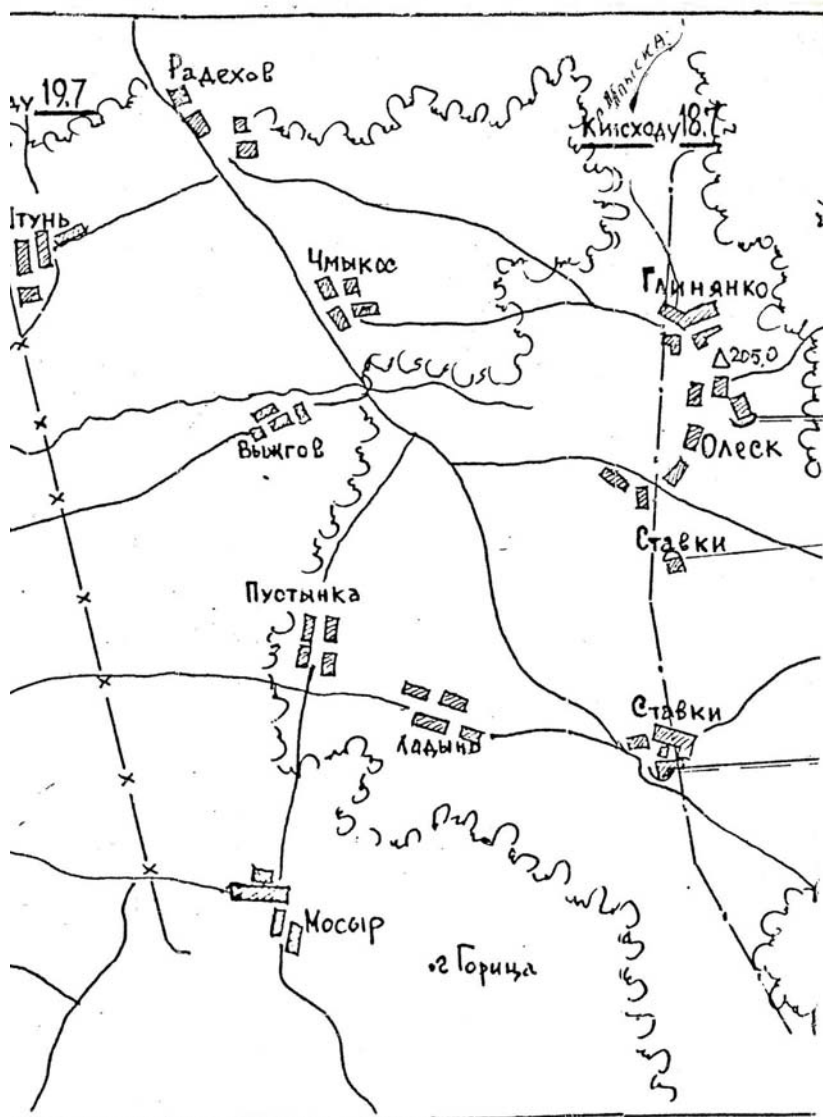
КОМАНДУЮЩИЕ 69-й АРМИИ:

1. ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ (генерал-армия) КАЗАКОВ, Михаил Иванович (09.09.1900) - 22.02.1947
2. ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ КРОУПЕНСКИЙ, Василий Дмитриевич (08.08.1898) - 22.02.1947 - 24.04.1947
3. ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИК (генерал-армия) КОЛПАКОВ, Владимир Яковлевич (03.09.1868) - 14.04.1947 и до конца войны.

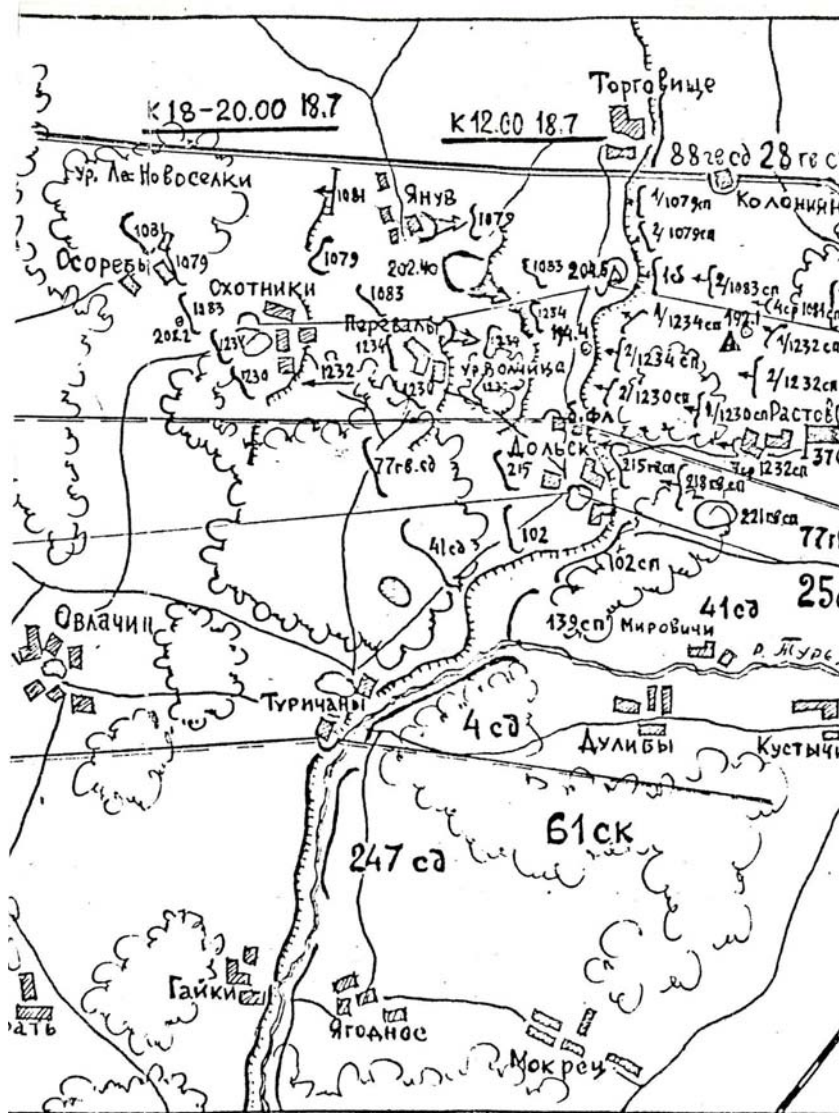

Прорыв обороны противника соединениями 69-й армии южнее Ковеля 18 июля 1944 г. (левая часть карты). К главе 2.

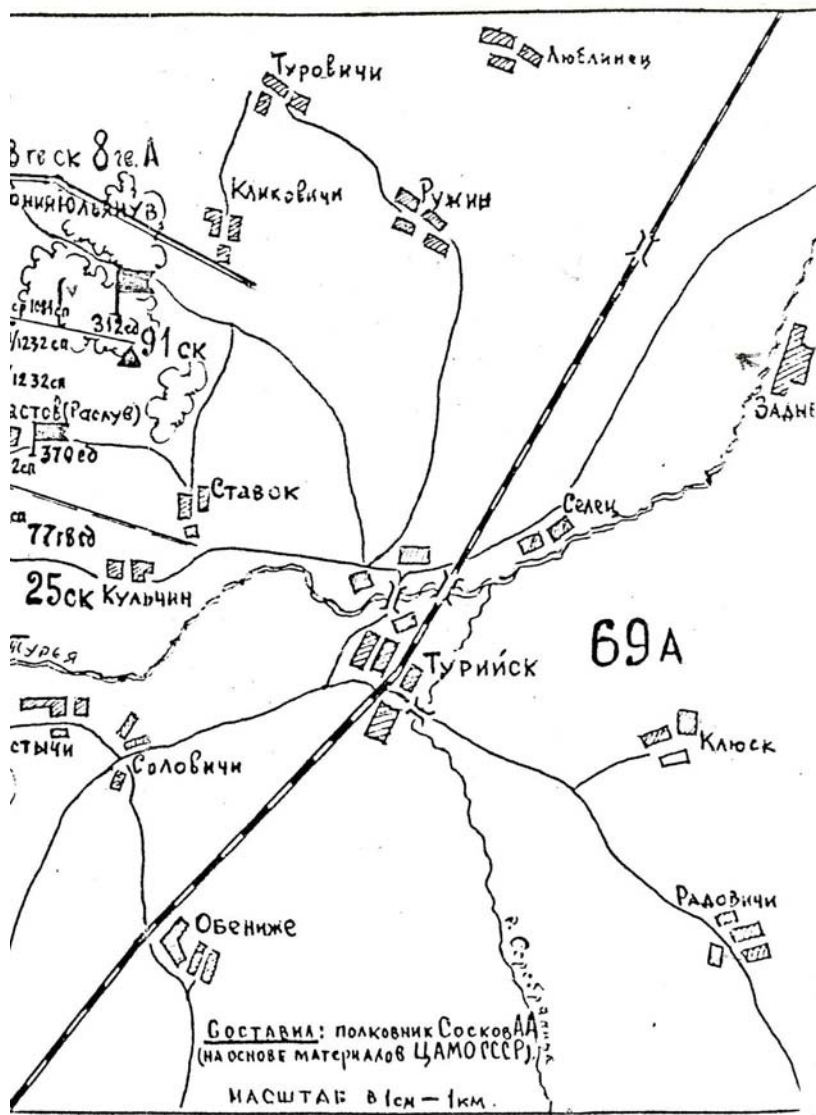

Прорыв обороны противника соединениями 69-й армии южнее Ковеля 18 июля 1944 г. (центральная часть карты, её левая сторона). К главе 2.

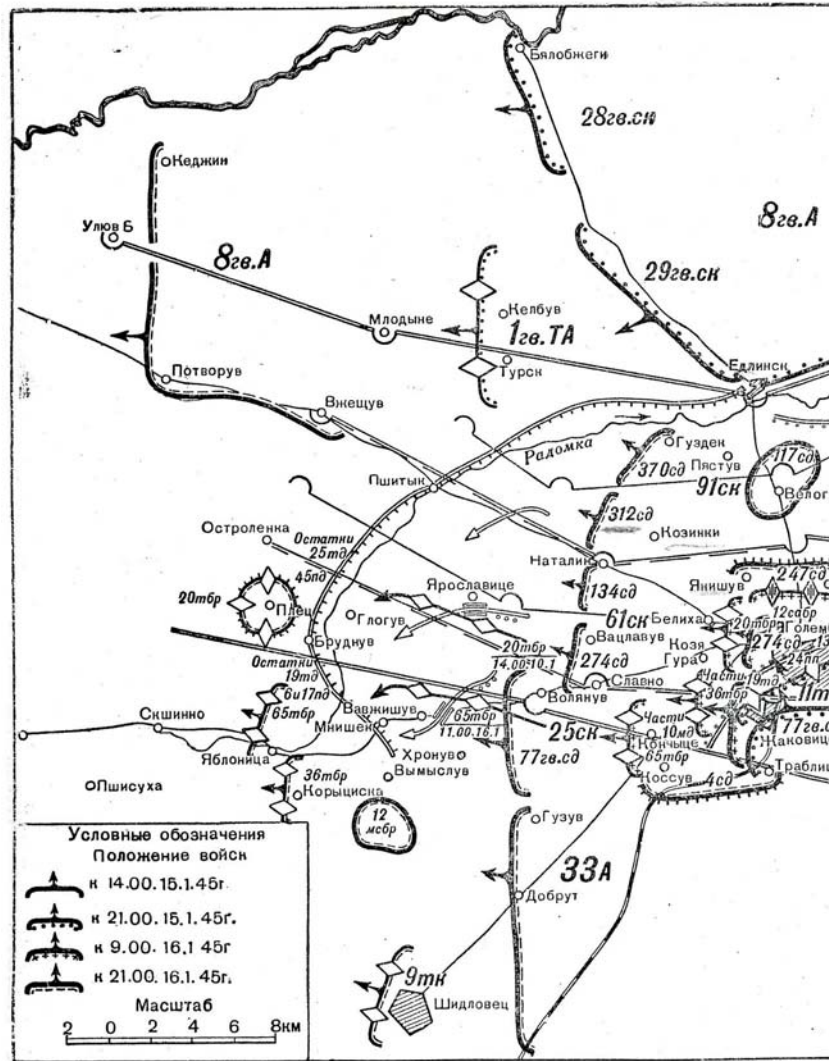

Прорыв обороны противника соединениями 69-й армии южнее Ковеля. 18 июля 1944 г. (центральная часть карты, её правая сторона). К главе 2.

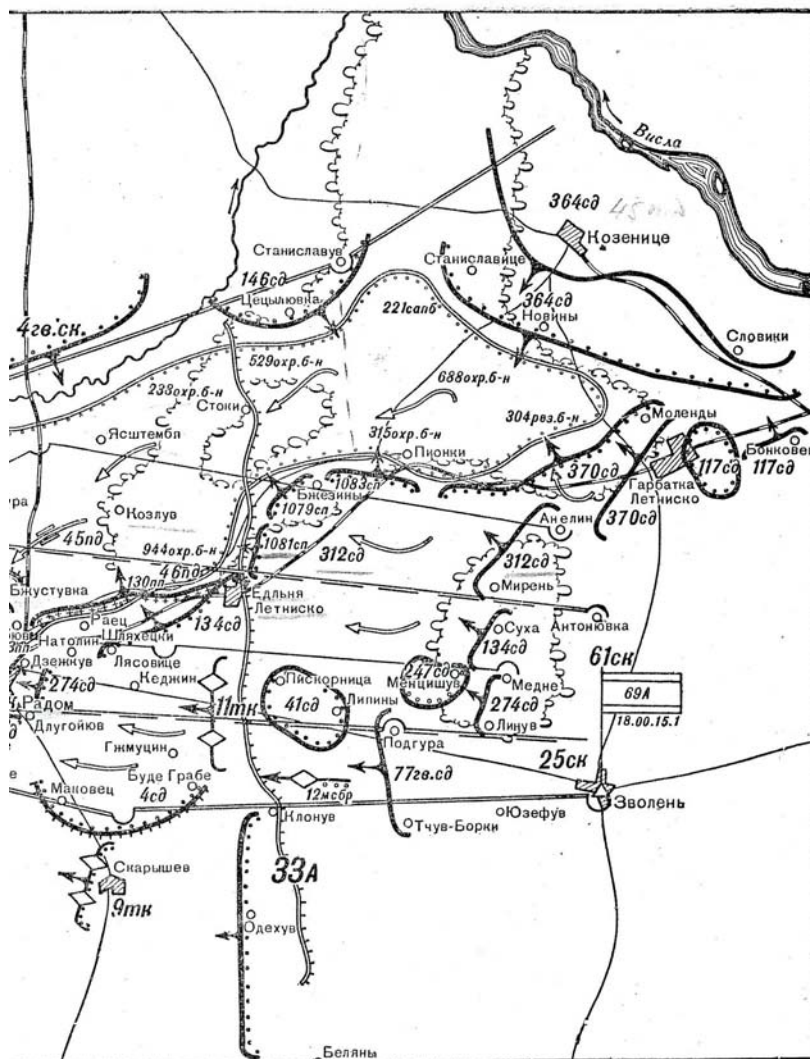

Прорыв обороны противника соединениями 69-й армии южнее Ковеля. 18 июля 1944 г. (правая часть карты). К главе 2.

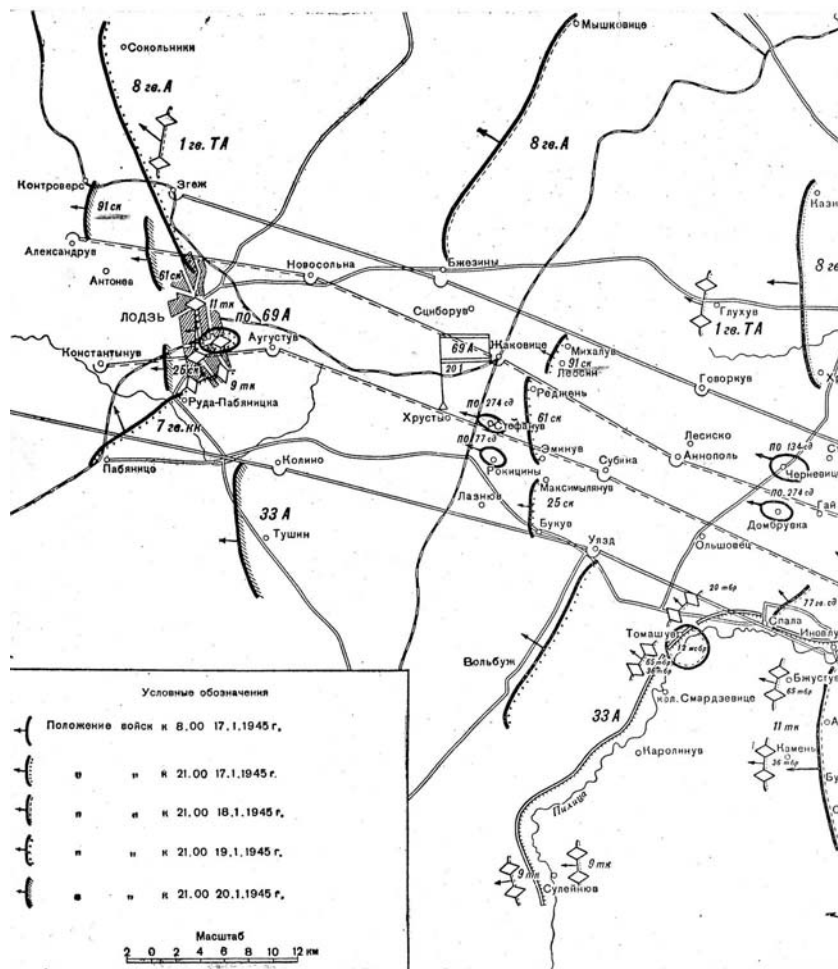

Прорыв тактической зоны обороны противника войсками 69-й армии - первый этап Радом-Лодзинской операции (14-15 января 1945 г.) (левая часть карты). К главе 4.

Прорыв тактической зоны обороны противника войсками 69-й армии - первый этап Радом-Лодзинской операции (14-15 января 1945 г.) (правая часть карты). К главе 4.

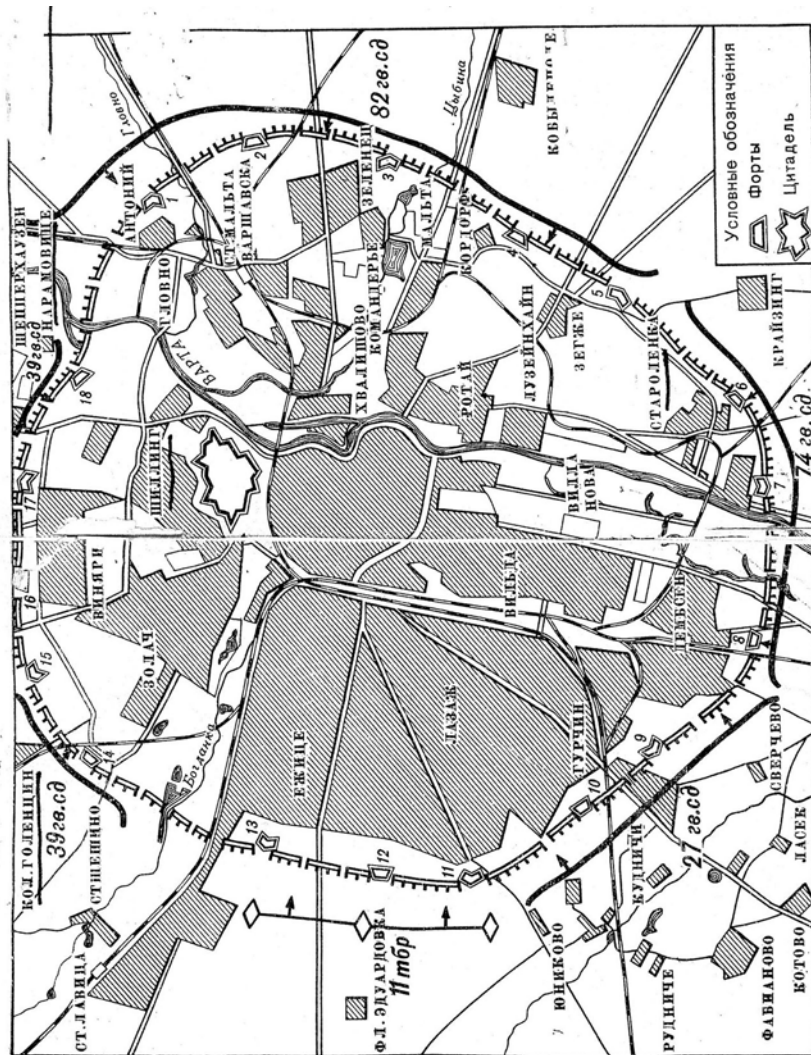

Ход боевых действий войск 69-й армии на третьем этапе Радом-Лодзинской операции (17-20 января 1945 г.) (левая часть карты). К главе 4.

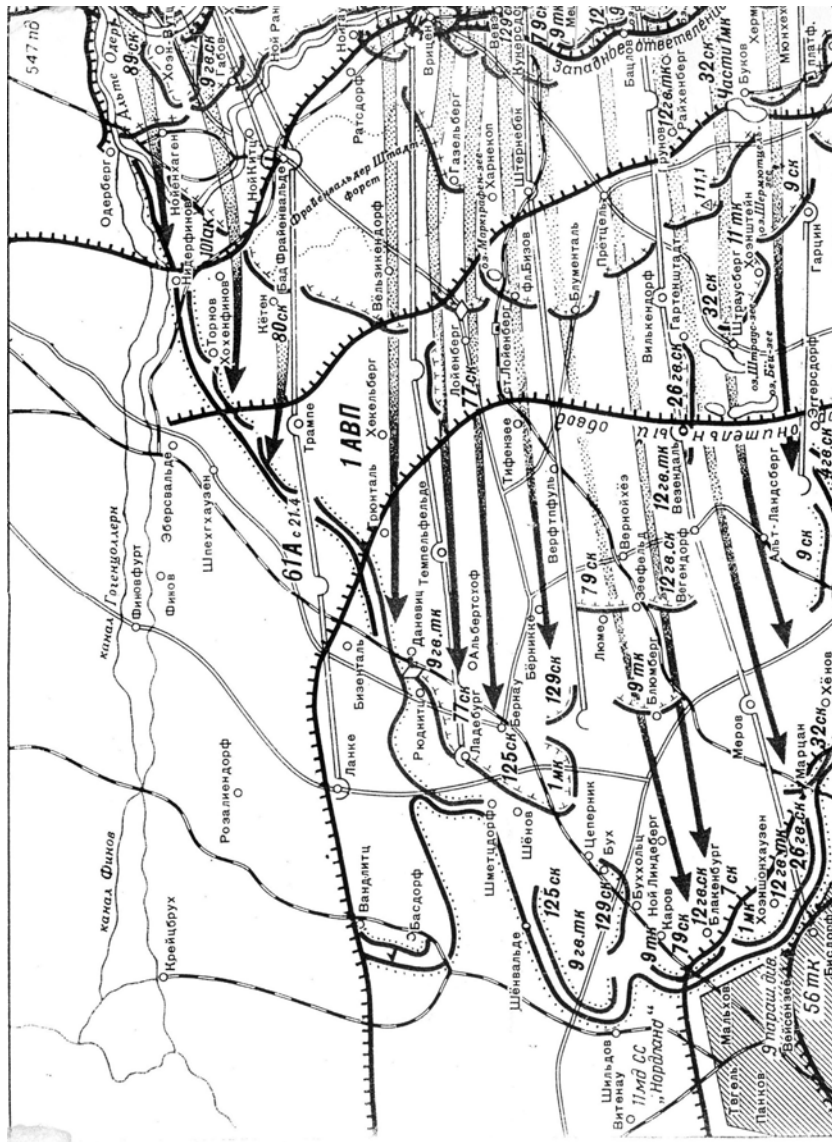

Ход боевых действий войск 69-й армии на третьем этапе Радом-Лодзинской операции (17-20 января 1945 г.) (правая часть карты). К главе 4.

Положение частей 29-го гвардейского стрелкового корпуса перед штурмом. К главе 5.

Карта боевых действий в апреле 1945 г. Наступление на Берлин (верхняя левая часть карты). К главе 6.

Карта боевых действий в апреле 1945 г. Наступление на Берлин. (нижняя правая часть карты). К главе 6.

Смоленск. Площадь Смирнова. 1943 г.

Жители г. Хелма встречают воинов-освободителей 312-й Смоленской стрелковой дивизии

Жители Познани встречают советские войска. Февраль 1945 г.

В освобожденном Кракове.

Маршал Советского Союза К.К. Рокоссовский (слева) беседует с жителями Люблина. 1944 г.

Советские войска в освобожденном Люблине. Август 1945 г.

На Берлин!

Офицеры 1081-го стрелкового полка у стен Рейхстага. Май 1945 г. В первом ряду (слева направо): Горбатенко, Царьков, Бочаров, Савченко, Хлопин, Беспалов, Назаров.

У бункера Гитлера 5 мая 1945 г. В первом ряду (слева направо): Савченко П.Ф., Князев В.Л., Хлопин Г.П., Шляхтин Н.Е., Уханов.

Так выглядела имперская канцелярия в мае 1945 г.

Командный состав 312-й Смоленской стрелковой дивизии. Верхний ряд (слева направо): подполковник Зуев - командир 859-го артиллерийского полка; Герой Советского Союза полковник Шевченко Михаил Никитич - командир 1081-го стрелкового полка; Герой Советского Союза полковник Лихотворик Владимир Степанович - командир 1079-го стрелкового полка; подполковник Крайнев Александр Иосифович - командир 1083-го стрелкового полка; адъютант командира дивизии (фамилия неизвестна).

Нижний ряд (слева направо): полковник Сабуров Яков Николаевич - начальник штаба дивизии; генерал-майор Писарев - заместитель командира дивизии; Герой Советского Союза генерал-майор Моисеевский Александр Гаврилович - командир дивизии; полковник Бадун - начальник штаба артиллерии дивизии; майор Замкин Иван Иванович - начальник политотдела дивизии; майор Энкин Д.С. - начальник тыла дивизии.

Сабуров Яков Николаевич,
начальник штаба 312 сд

Замкин Иван Иванович, на-
чальник политотдела 312сд

Герой Советского Союза
Моисеевский Александр Гав-
рилович, командир 312 сд

Князев Виталий Лаврентьевич,
начальник штаба 2 сб 1081 сп

Герой Советского Союза
Крайнов Александр Иосифо-
вич, командир 1083 сп

Герой Советского Союза
Латухин Семен Николаевич,
1081 сп, 312 Смоленской сд

Герой Советского Союза
Шевченко Михаил Никитович,
командир 1081 сп

Герой Советского Союза
Нехай Д.Э., командир стрелко-
вого батальона 1083 сп

Герой Советского Союза
Лихотворик Владимир
Степанович, командир 1079 сп

Ленов, командир 76-мм
орудий 1081 сп

Хлусов Алексей Михайлович,
участник парада Победы

Герой Советского Союза
Ковалев Алексей Федорович

Родин, зам. командира 1079 сп

Колпакчи В.Я., командую-
щий 69-й армии

Воины 2-го стрелкового батальона: сержанты Анохин, Долженко, Саакян.

Командир минометной батальонной батареи Воронов Анатолий Александрович (слева) и командиры взводов батареи 1081 сп

Отличившиеся в боях за Смоленск: командир минометных расчетов гв. сержант Иван Шульгин (слева) и гв. сержант Николай Белов.

Встреча с воинами-пограничниками. В центре ветераны: Мартынушкин В.Я., Сосков А.А., Хлопин Г.П.

На встрече со школьниками в музее боевой славы Любомльского погранотряда и 312-й Смоленской сд в селе Дольск Волынской области.

М.Я. Романов

**224-я штурмовая. История авиационной
дивизии.**

Романов Михаил Яковлевич

От автора

Эта книга о боевом пути 224-й штурмовой авиационной дивизии (шад). В основу книги положены факты и оценки боевых действий, изложенные в альбоме-дневнике 224-й шад, который по заданию командования очень добросовестно и профессионально писал в годы войны офицер штаба дивизии капитан Николай Иванович Смирнов, умерший в 1986 году в г. Орше БССР. Поэтому, отмечая его большой фронтовой труд, оказавший большую помощь в создании данной книги, выражаю признательность его творческому подвигу и благодарность его светлой памяти.

В данной книге использованы также издания, архивные документы и воспоминания участников Великой Отечественной войны, однополчан, за что приношу им сердечную благодарность. Особенно благодарю за помощь Ю.Н. Жданова, М.М. Котельникова (посмертно), В.А. Леонова, А.А. Мостинского (посмертно), В.Н. Платонова, О.С. Куклина, В.Т. Руденького и К.М. Чернова (посмертно). За набор текста на компьютере – П.А. Соснового и А.А. Романова, М.А. Соснового и распечатку – А.М. Романова.

“Тот, кто силен в воздухе,
тот вообще силен”.
И.В. Сталин

Глава I. В боях под Москвой на Западном фронте.

1. Рождение 224-й штурмовой авиационной дивизии.

224-я штурмовая авиационная дивизия (шад) родилась, как и многие другие дивизии Красной Армии, в начале Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Этот факт свидетельствует о том, что инициатором этой войны был не Советский Союз, а фашистская Германия. Если бы агрессором был СССР, как об этом утверждает Суворов (Резун) и ему подобные фальсификаторы истории, то советские авиадивизии должны были бы быть созданы до начала войны, а не после ее начала. Война была нам навязана, и мы были вынуждены защищаться.

Особенностью этой войны было то, что она являлась по существу продолжением Октябрьской революции 1917 года и Гражданской войны в России, т.е. она была классовой войной. Целью ее было уничтожение Советского государства иностранной буржуазией, физическое истребление активной части населения и превращение в рабов остальных граждан страны. Эта угроза родила на фронте и в тылу массовый героизм советского народа. В результате враг был остановлен, разгромлен и уничтожен. О том, как это происходило и свидетельствует боевой путь 224-й штурмовой авиационной дивизии, которая была частицей в формированиях Красной (Советской) Армии, одержавшей Победу над фашистской армией.

В начале войны авиационных дивизий и армий не было. Были только авиационные полки, входившие в подчинение общевойсковых соединений. Полки формировались молодыми летчиками-сержантами, окончившими аэроклубы и военные летные школы и училища. До 1940 года из летных школ выпускали командиров экипажей самолетов, как правило, в звании “младший лейтенант”. И каждому выпускнику выдавалась красивая униформа.

25 февраля 1941 года ЦК ВКП (б) и СНК СССР приняли постановление “О реорганизации авиационных сил Красной

Армии”. Намечалось в течение года сформировать 25 управлений авиационных дивизий, свыше 100 новых авиационных полков и 50 % из них вооружить новыми типами самолетов.¹ Чтобы выполнить это постановление, новый нарком обороны СССР маршал С.К. Тимошенко своим приказом отменил униформу и установил для выпускников авиационных школ и училищ воинское звание “сержант”. Это мероприятие позволяло удвоить количество выпускников на одни и те же деньги.

Тяжелая обстановка на фронте в начале Отечественной войны требовала от воинов Красной Армии максимального напряжения всех сил и возможностей, чтобы остановить зарвавшихся немецких захватчиков, вырвать у них инициативу и мощными ударами сломать “непобедимый” дух их армии. Для этого в 1942 году на базе ВВС фронтов было создано 17 воздушных армий фронтовой авиации, сыгравших важную роль в наступательных и оборонительных операциях. К середине лета 1943 года советские ВВС прочно завоевали стратегическое господство в воздухе.²

224-я шад (штурмовая авиационная дивизия) была создана приказом народного комиссара обороны СССР от 26 мая 1942 года в селе Подкопаево Калужской области. Командиром авиадивизии был назначен полковник В.М. Филин, военкомом – полковник Суслов, начальником штаба – полковник Миньков и старшим инженером дивизии – капитан технической службы С.Д. Рахманин. В состав дивизии входили следующие авиационные части: 565-й шап (штурмовой авиационный полк) (6.42 – 5.46 г.), 571-й шап (6.42 – 5.46 г.), 611-й шап (6.42 – 11.42 г.), 639 шап (6.42 – 11.42 г.), 289 шап (до 5.3.43 г.), 566-й шап (10.42 – 9.43 г.), 996-й шап (3.43 – 5.46 г.), 513-й иап (истребительный авиационный полк) (1 – 9.43 г.). С 20 июня 1942 года по 13 августа 1943 года 224-я шад входила в состав 1-й воздушной армии Западного фронта.

О том, как формировались и воевали штурмовые авиационные полки, как это было в человеческой жизни того тяжелого времени в начале Великой Отечественной войны, рассказывают участники В.А. Леонов, В.Н. Платонов и К.М. Чернов.

Ныне доктор медицинских наук, профессор, почетный работник науки и образования Курской области Владимир Афанасьевич Леонов вспоминает.

1 сентября 1941 г. после окончания 4 курса Курского медицинского института я вместе со своим однокурсником был мобилизован в ряды Красной Армии и получил назначение на должность старшего врача сформированного 565-го штурмового авиаполка. Он один из первых получил на вооружение в Воронеже замечательные советские самолеты Ил-2.

В это время сложилась очень напряженная обстановка на дальних подступах к Москве – в районе Вязьмы. На данном участке фронта немецкое командование создало мощную ударную группировку “Центр” для решающего наступления на Москву. Здесь фашисты сосредоточили более половины всех танков, действовавших на советско-германском фронте, и почти всю авиацию. Таким образом, они имели в этом районе подавляющее преимущество в живой силе и технике. В связи с создавшимся напряженным положением под Москвой, наш полк в первой половине сентября был срочно переброшен в район Вязьмы и с ходу приступил к выполнению боевых заданий.

В конце сентября колонны немецких танков и мотомеханизированных частей двинулись к Москве. Надо было любой ценой задержать стальную лавину. В этой ситуации самолеты Ил-2 сыграли неоценимую роль. Здесь, под Вязьмой, фашисты, пожалуй, впервые испытали на себе всю огневую мощь наших “летающих танков” – самолетов Ил-2. Летчики проявили исключительную отвагу и героизм, штурмовали колонны фашистов на бреющем полете, нанося огромный урон живой силе и технике противника, сея ужас и панику среди врагов. К сожалению, силы были неравные, и многие летчики не возвращались с боевого задания. Нелегко было и техническому персоналу. Подвергаясь частым налетам авиации противника, техники днем и ночью ремонтировали поврежденные самолеты и готовили их к боевым заданиям.

Мне несколько раз доводилось вытаскивать летчиков из подбитых самолетов, которые садились, а точнее сказать – плюхались у аэродрома. Скажу честно, не очень простое занятие. Представьте себе горящую машину, которая того и гляди, взорвется...

Особенно тяжелая обстановка сложилась в начале октября 1941 г. Немецкие войска, прорвав нашу оборону в нескольких местах, стали обходить с флангов и окружать наши войска

плотным кольцом в районе Вязьмы.

Однажды после очередного налета вражеских самолетов на наш аэродром в результате разрыва бомбы несколько человек оказались засыпанными землей в крытой щели. В это время было получено сообщение о том, что к нашему аэродрому приближается колонна немецких танков. Почти весь личный состав и самолеты срочно покинули аэродром, а мне с группой однополчан было приказано остаться для спасения людей, засыпанных землей. Нам удалось это сделать, но на опушке леса появились немецкие танки, и мы попали в окружение. Лишь несколько дней спустя мне и еще двум однополчанам вместе с группой пехотинцев удалось выйти из окружения и вернуться в свой полк.

За месяц, проведенный под Вязьмой, я многое пережил и был свидетелем героической борьбы наших воинов, сражавшихся в окружении. Солдаты и офицеры проявили стойкость и выдержку, бесстрашие и непоколебимую волю к победе, массовый героизм и самопожертвование. Советские воины мысленно перешли линию между жизнью и смертью и старались, как можно дороже отдать жизнь за свою Родину. Отступить было некуда, дальше была Москва.

К осени 1943 г. из летного состава нашего полка, принимавшего участие в боевых операциях под Вязьмой, никого не осталось. Часть летчиков погибла вместе со своим командиром В. Володиным в Сеще, остальные – под Ленинградом и на других участках советско-германского фронта. Память о них священна. Их подвиги останутся навечно в памяти народной.

Два сохранившихся моих письма к маме и бабушке свидетельствуют о том тяжелом времени.

“Дорогие мама и бабушка! Сейчас я в Москве. Был в районе Вязьмы, теперь не знаю куда попаду. Жив и здоров. За последние дни очень много видел и пережил. Пока, всего хорошего. Целую крепко. Володя. Привет всем. 10/X-41 г.”

“Дорогая мама! Пишу без всякой надежды, что ты получишь письмо, даже не надеюсь, что существует дом № 58. Что было бы за счастье, если бы ты была жива и здорова. Я жив и здоров, служу врачом в авиационном полку. Жду ответ с нетерпением. Мой адрес: ППС 2090, часть 132, Леонову В.А. Не подумай, что я забыл о бабушке. Привет всем, целую, Володя. 12.02.43 г.”³

В своих воспоминаниях бывший летчик 565-го шап Константин Михайлович Чернов рассказывает.

Весной 1939 года, после обучения в Горьковском аэроклубе, меня направили по комсомольской путевке в военную школу летчиков. При этом, пришлось прервать учебу в авиационном техникуме. И вот, я - курсант Энгельской военной авиационной школы пилотов. Заканчиваю курс обучения на прославленном в то время самолете СБ (скоростном бомбардировщике). Кончились последние учебные полеты. Сданы государственные экзамены. И вот, 22 июня 1941 года, как снег на голову в летнее время, немецкие фашисты вероломно напали на нашу Родину. Началась Великая Отечественная война. Патриотизму нашему не было предела. Молодой задор, слитый воедино с любовью к Родине, требовали быстрее вступить в единоборство с коварным врагом. Однако командование нас отправлять на фронт не спешило. И мы беспокоились, что не успеем выполнить свой гражданский долг. Но, увы, война по началу сложилась для нас неудачно. Гитлеровские полчища двигались к Москве. На подступах к столице они были остановлены, разгромлены и отброшены от нее на сотни километров.

Началась большая организаторская работа ГКО (Государственного Комитета Оборона) по разгрому и изгнанию врага. Потребовалось создание мощных танковых и авиационных сил на базе современной техники. В результате появился новый самолет штурмовик Ил-2, который стал настоящей грозой для фашистов. И они дали ему страшное название – “Черная смерть”. Самолетов Ил-2 было еще мало, но первые штурмовые авиационные полки уже начали формироваться. И одним из первых, 3 сентября 1941 года, был сформирован 565-й шап. Командиром полка был назначен майор Василий Сергеевич Володин, опытный летчик, имеющий боевой опыт по предыдущим войнам в Испании и Финляндии.

Боевое крещение полк получил в боях под Вязьмой и на Волховском фронте, где была очень тяжелая обстановка. В начале 1942 года, после реформирования в Кинеле Куйбышевской области, полк прибыл на аэродром Дядьково, что под г. Дмитровом, на канале Москва-Волга, в резерв ГКО. Сюда-

то, после переучивания на самолете Ил-2 в г. Люберцах, я и прибыл с группой молодых летчиков для прохождения боевой дальнейшей службы.

К этому времени командир 565-го шап майор В.С. Володин уже прочно завоевал у старожилов полка почетное звание – “Наш Батя”. И мы, молодые летчики, прибывшие в его распоряжение, при первом же знакомстве убедились в справедливости этого звания командира. С первых минут собеседования мы почувствовали отеческую заботу о нас, “птенцах”. Так любовно командир называл молодое пополнение.

Незамедлительно началось обучение по курсу ввода молодых летчиков в строй полка. Особое внимание при этом уделялось обучению “выживания” в любом боевом вылете. Наш Батя, перво-наперво, обучал нас таким жизненным правилам, которые мы никогда не должны были забывать. Вот эти правила: “Сам погибай, а товарища выручай”, “Разумный риск в сочетании с мужеством и героизмом – залог успешного выполнения любого боевого задания”, “Осмотрительность в воздухе – это жизнь для летчика не только на боевом задании, но и при любом полете, и на земле”, “Здравая осторожность и внимание не должны покидать летчика никогда”, “Любой полет заканчивается только тогда, когда поставишь самолет в “нишу”, выключишь мотор и вылезешь из кабины”. Подобных наставлений мы услышали от Бати множество. Он сумел своим душевным внушением глубоко заложить их в наши молодые и неопытные головы. Для некоторых из нас, правильно воспринявших эти наставления, они сослужили доброе дело, сохранили жизнь во время боевых вылетов в тяжелые дни 1942 года. И очень быстро наказывались смертью те летчики, которые пренебрегали наставлениями командира.

В мае 1942 года 565-й шап из резерва Государственного Комитета Обороны вводится в состав 224-й шад 1-й воздушной армии Западного фронта. Линию фронта от Ржева до Брянска после зимнего отступления от Москвы фашисты сумели стабилизировать и сильно укрепить.

Тщательно подготовив весь личный состав полка, особенно летные экипажи, наш Батя отлично провел перебазирование самолетов и технического персонала на полевой аэродром вблизи деревни Гаврики, что 80 км западнее города Калуги.

2. Помощь кавалеристам.

Содействие 1-й кавалерийской группировке генерала Белова в выходе из окружения в районе г. Кирова (20 – 31 июня 1942 г.)

Тяжелая обстановка на фронтах Отечественной войны - враг рвется к Кавказу, не смолкают день и ночь ожесточенные бои под Сталинградом.

В этой чрезвычайно сложной и тяжелой обстановке вновь созданным воинским соединениям приходилось действовать в срочном порядке, что называется прямо “с колес”. Летчики 224-й штурмовой авиационной дивизии быстро изучили по картам район предстоящих боевых действий. Техники подготовили самолеты и материальную часть аэродромов к интенсивной фронтовой работе. Но еще не было закончено формирование личного состава, не хватало офицерского состава. Но время не ждет, надо работать и работать, чтобы выполнить призыв Родины: “Все силы на разгром врага!” И выполняя приказ командования 1-й воздушной армии, дивизия в начале второй половины июня 1942 года вступила в полосу напряженных боевых действий.

Вот как это началось.

“Всеми исправными с утра 20.6 всемерно содействовать выходу из окружения группировки генерала Белова” - так гласит боевой приказ командующего 1-й воздушной армии генерал-майора авиации Худякова. Преданные Родине бойцы и офицеры дивизии, устремились на выполнение приказа. День и ночь на аэродромах и в штабах шла напряженная работа. Прорвавшись через линию фронта и точно определив место расположения оказавшихся в окружении конников, летчики-штурмовики сбрасывали им боеприпасы, медикаменты, продовольствие, в которых остро нуждались измученные непрерывными боями войска генерала Белова. Освободившись от груза и презирая опасность от фашистских истребителей и зениток, штурмовики атаковывали немецкую пехоту и огневые точки. Израсходовав боеприпасы, летчики возвращались на свой аэродром. И так, изо дня в день, до 1 июля штурмовала дивизия вражескую пехоту, артиллерию и танки, сжимавшие вокруг гвардейцев-кавалеристов железное кольцо окружения.

Искреннюю и глубокую благодарность получил коллектив дивизии от генерал-лейтенанта Белова за помощь, оказанную штурмовиками при выходе его войск из окружения.

3. Ни минуты покоя врагу.

Содействие наступлению 16-й армии на Жиздринском и 61-й армии на Болховском направлениях.

После разгрома немцев под Москвой зимой 1942 г. удар за ударом наносили врагу армии Западного фронта, не давая немцам ни покоя, ни отдыха. 5 июля перешла в наступление 61-я армия на Болховском направлении. 6 июля, поддерживая соседку слева, развернула наступательные действия 16-я армия.

224-й шад была поставлена ответственная задача: бомбардировочно-штурмовыми ударами по переднему краю и тылу противника содействовать наступлению войск 16-й и 61-й армий.

“32 - исправных, 2 - требуют ремонта, товарищ полковник!” - доложил оперативный дежурный командиру дивизии.

“Маловато! Но ничего, воюют не числом, а умением, и этими зададим жару фрицам”, – произнес вслух командир дивизии Филин.

Утром 5-го, чуть свет, началась напряженная боевая работа. Группа за группой уходили штурмовики обрабатывать заданные цели. И так два дня с раннего утра до сумерек, не покидая самолетов, работали экипажи. По 4-5 вылетов делали они в день. Ни яростный огонь зениток в Черном потоке и Шемардино, ни черные стаи истребителей, не могли остановить штурмовиков. 240 боевых вылетов – результат работы двух дней. 900 солдат и офицеров не досчитались немцы в своих рядах. 150 автомашин, около пятидесяти орудий и пятнадцать танков уничтожили штурмовики дивизии (см. рис.1).

В выполнении этой боевой задачи принимали участие командиры полков: майоры Володин Василий Сергеевич и Домущей Николай Кузьмич, зам. командира полка старший лейтенант Зацепа Лев Григорьевич; командиры авиационных эскадрилий: капитаны Выхор Иван Григорьевич и Корниенко,

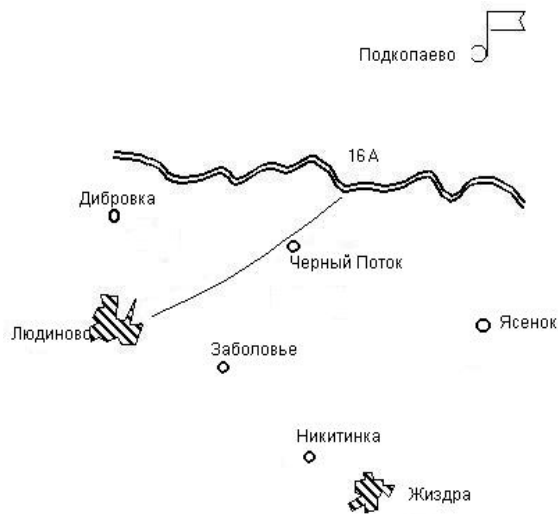

Рис.1

старшие лейтенанты Мачнев Афанасий Гаврилович, Зинченко Николай Григорьевич и Ермолин Федор Филиппович, Качковский Николай Павлович, Поздняков Яков Миронович и лейтенант Фигачев Петр Сергеевич; командиры авиазвеньев: лейтенанты Безух Михаил Иванович, Быков Михаил Семенович, Дегтярев Василий Леонтьевич, Иванов Владимир Иванович; летчики: младшие лейтенанты Демидов Николай Васильевич, Загороднюк Валерий Сергеевич, Старченков Иван Сергеевич, Чернов Константин Матвеевич, летчики-комсомольцы: Павел Федеровский, Георгий Хевсуриани, Иван Сычиков, Петр Калачев, Виктор Калинин, Василий Носов, Валентин Седых и другие.

В зависимости от складывающейся оперативной обстановки 224-ю шад перебрасывали с одного участка Западного фронта на другой, где было “горячее”.

4. В боях под Ржевом и Вязьмой.

Содействие наступлению 31-й армии на Ржевско-Зубцовском направлении (первая половина августа и октябрь – ноябрь 1942 г.)

Произведя перегруппировку, 31-я армия в конце июля 1942 года перешла в наступление на Ржевско-Зубцовском направлении. 224-я шад, перебазировавшись на аэроузел совхоза Красновидово, бомбардировочно-штурмовыми ударами по артминпозициям, узлам сопротивления и оборонительной системе противника, помогла пехоте и артиллерии 31-й армии взламывать оборону противника. А также расчищала путь подвижной мотомехгруппы Армана, введенной в образовавшуюся брешь в результате прорыва линии фронта. Действуя по узлам сопротивления, танкам и живой силе врага, штурмовики содействовали продвижению наших танков и мотопехоты в глубине обороны противника (см. рис.2).

5 августа 1942 года молодой летчик 639-го шап лейтенант Сорокин, производя разведку, обнаружил на шоссе Вязьма - Гжатск мотомехколонну немцев. Сделанная доразведка подтвердила наблюдения лейтенанта Сорокина. Убедившись в достоверности данных, командир дивизии принял решение разгромить эту колонну. Через несколько минут шестерки "Илов", одна за другой, поднимались в воздух. Весь день кипел бой. Штурмовики, спускаясь до бреющего полета, в упор расстреливали немцев, уходя с поля боя только после полного расходования боеприпасов. Произведенное на следующий день фотографирование показало, что вся дорога, протяженностью свыше 30 км, завалена разбитыми автомашинами, танками, трупами солдат и офицеров противника.

Так была разгромлена мотомеханизированная дивизия "СС", перебрасываемая немецким командованием из Франции для поддержки Ржевско-Зубцовского участка фронта. За разгром этой колонны маршал авиации Новиков объявил личному составу дивизии благодарность и "подарил" дивизии 20 новых самолетов Ил-2.

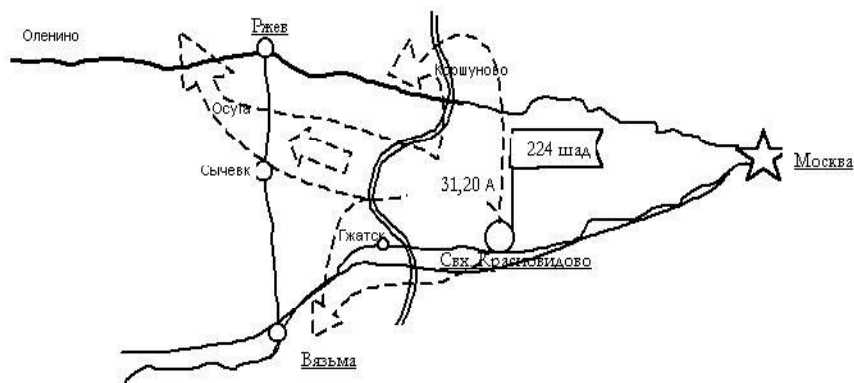

Рис.2

5. Бои под Козельском.

Содействие наземным войскам левого крыла Западного фронта в отражении наступления противника на Козельско-Сухиническом направлении (конец августа 1942 г).

Сосредоточив в районах Колосово, Перестряж, Дебри, Сорокино крупные силы танков, артиллерии и живой силы, фашистское командование решило в целях отвлечения наших сил с Ржевско-Зубцовского направления нанести удар на участке Колосово, Сорокино, прорвать оборону наших войск и овладеть городом Козельском.

Но прошло то время, когда немцам это легко удавалось. Замысел фашистского командования был своевременно раскрыт. Советское командование сумело в короткий срок принять необходимые контрмеры. В числе других соединений дивизия, по приказу командующего 1-й воздушной армии, в срочном порядке, была переброшена на Подкопаевский аэроузел.

Наши наземные войска, поддержанные с воздуха самолетами-штурмовиками, не только выдержали огневые налеты и

яростные атаки фашистов, но и мощными контратаками отбросили врага. Ни истребители противника, ни зенитная артиллерия не могли помешать интенсивному воздействию наших “Илов” на боевые порядки и на подходящие резервы врага. Задача, поставленная командованием, была выполнена.

Вот как запомнились эти события их участнику, лейтенанту К.М. Чернову.

Проводилась летняя Ржевская операция. 18 августа наш 565-й шап был срочно переброшен на новое место базирования, аэродром Гаврики. Причиной этого была угроза прорыва немцев на Козельско-Калужском направлении.

Перебазирование полка необходимо было произвести в спешном порядке с условием, что после перебазирования - немедленно приступить к выполнению боевых вылетов. Этого требовала обстановка, создавшаяся в тот момент в районе г. Белева на рубежах р. Жиздры. И тут наш Батя проявил незаурядные способности и смекалку. Чтобы полк после преобразования немедленно приступил к боевой работе, надо было на одноместных самолетах Ил-2 захватить с собой необходимый обслуживающий персонал: механиков, мотористов, оружейников и часть командного состава. И наш Батя решает – механиков, мотористов и оружейников разместить в бомболоках самолетов Ил-2. Получились для них не очень “комфортные” условия, но создавшаяся обстановка заставила прибегнуть к этому варианту. Риск был несомненный, но разумный, требующийся в данной обстановке. Правда, перелет не обошелся и без казусов.

А казус получился, в частности, со мной. Подлетая к аэродрому базирования Гаврики, я почувствовал в кабине самолета запах гари. При взгляде на приборы обнаружил предельные показатели температуры масла и воды. Мотор начал давать перебои в работе и сбавил обороты винта. Мелькнула мысль, что, очевидно, придется садиться на вынужденную посадку, на “живот” самолета. Но, ведь, в бомболоках четыре человека, которые при этом могут погибнуть. Впереди я увидел посадочное поле своего аэродрома и, не теряя самообладания и спокойствия, принял решение – садиться с ходу, по направлению ветра, с противоположной стороны посадочного

“Т”, навстречу заходящим на посадку самолетам. Выпускаю шасси и, немного отвернувшись от посадочной полосы, чтобы избежать столкновения с самолетом, идущим на посадку, по диагонали посадочной полосы произвожу благополучную посадку. При этом выкатываюсь за границу взлетно-посадочной полосы. А руководивший посадкой полка наш Батя, определив опытным глазом неблагоприятие с моим самолетом, успел запрещающей посадку ракетой дать команду идущему на посадку самолету уйти на второй круг. Так, неминуемое ЧП (чрезвычайное происшествие) было предотвращено. Остальные самолеты были благополучно посажены на аэродроме Гаврики.

Полк почти в полном боевом составе с обслуживающим персоналом был готов к выполнению боевого задания. После приземления всех самолетов по окончании перелета из-под Можайска, самолеты немедленно снаряжались для совершения боевых вылетов. Но, несмотря на отсутствие свободного времени, наш Батя объявляет построение всего личного состава полка. Все в недоумении о причине построения. Полк построен. Перед строем командир полка благодарит весь личный состав, участвовавший в этом ответственном перелете, и просит выйти из строя меня, рядового летчика, старшего сержанта Чернова. И я из его уст слышу: “За хладнокровное спокойствие и принятие правильного решения при создавшейся сложной ситуации в полете и благополучную посадку самолета в аварийной обстановке, объявляю старшему сержанту Чернову благодарность!” Я отрапортовал: “Служу Советскому Союзу”, и хотел встать в строй. Но тут, Батя подошел ко мне, крепко обнял и, поцеловав, сказал: “Молодец, сынок!” И вот тут-то я окончательно понял, за что весь личный состав полка называет своего командира гордым домашним именем “наш Батя”.

Последовала команда готовить немедленно самолеты к боевым вылетам. Время 6:00. Самолеты четверками брали боевой курс на переправу через реку Жиздра около города Белева, где немцы еще накануне пытались переправить танки для удара по нашим войскам в направлении г. Козельска. В этот день была напряженная боевая работа по наземным целям. Жаркие бои в воздухе с истребителями противника, которые все время “висели” над переправой. Мы, летчики, за

день успели сделать по 3-4 боевых вылетов. Оперативно полком руководил наш Батя, делая сам с нами боевые вылеты. Он давал конкретные указания, как действовать на переправе, как обороняться от истребителей противника, так как с нашей стороны прикрытие истребителями было недостаточное.

День подошел к концу. Фашисты не смогли переправить свои танки через реку Жиздра. Их прорыв захлебнулся. Противник был задержан на прежних рубежах, потеряв много техники и живой силы. Не обошлось без потерь и в наших рядах. Погиб наш любимец – младший лейтенант Жора Хевсуриани. Были ранены Ваня Морозов и я. Получили повреждение несколько самолетов Ил-2.

Осенняя распутица замедлила наступление наших наземных войск на Ржевско-Зубцовском направлении, поэтому второй этап наступления 31-й армии проходил в октябре-ноябре 1942 года. 224-я шад была опять переброшена на этот участок фронта с базированием на Пашковском аэроузле. Противник был встревожен и поспешно подтягивал свежие резервы в район боевых действий. Железная и шоссейная дороги от Вязьмы до Ржева были забиты транспортом с войсками и техникой врага.

Командующий 1-й воздушной армии генерал-лейтенант С.А. Худяков поставил дивизии задачу: систематическим воздействием с воздуха парализовать работу дорог на данном участке. Выполняя приказ командующего, штурмовики 224-й шад, не взирая на интенсивную деятельность истребителей и зенитной артиллерии противника, группами по 2, 4 и 6 самолетов, каждый день взрывали железнодорожное полотно и штурмовали вражеские эшелоны. Энтузиазм, мастерство и настойчивость личного состава обеспечили успешное выполнение приказа. Железная дорога на участке Осуга-Новодугинская в течение трех суток не действовала, ни один эшелон не прошел по ней.

Следует отметить, что задача по срыву железнодорожных и автогужевых перевозок противника, часто ставилась командованием перед личным составом 224-й шад. Это объяснялось тем, что противник, располагая резервами и большим количеством транспорта, в необходимые для него моменты производил интенсивный маневр техникой и живой силой. Штурмо-

вики, выполняя приказы командования, громили вражеские эшелоны, автоколонны с живой силой и техникой, взрывали мосты и железнодорожное полотно, склады с горючим и боеприпасами.

С ноября 1942 года по первую половину февраля 1943 года для 224-й шад было относительно затишье.

6. Затишье.

Ноябрь 1942. Первая половина февраля 1943 г.

Зима. У стен Сталинграда идет жесточайшее сражение. Взоры всего мира обращены туда. На Западном фронте затишье. Все силы, все усилия прикованы к Сталинграду. Да и понятно, там, на берегу великой русской реки Волги, у этого красного “Вердена”, решался вопрос: быть или не быть свободным русскому народу.

Используя создавшуюся оперативную паузу, войска Западного фронта готовились к генеральным решающим сражениям. Готовилась и 224-я штурмовая авиационная дивизия. В дивизию приходили новые части, новые самолеты, летчики, техники, воздушные стрелки. Личный состав усиленно изучал современную тактику боя, коварные приемы врага, новую материальную часть, театр боевых действий. Одновременно с этим воздушные разведчики дивизии каждый день следили за действиями врага.

На основании распоряжения командующего 1-й воздушной армией 224-я шад с 18 по 24 ноября 1942 года проводила реорганизацию частей на новые штаты, с двух на трехэскадрильный состав. В результате этой реорганизации 611-й из 639-й шапы были расформированы, а материальная часть и личный состав их переданы в 565-й, 566-й и 571-й шапы.

Временно приданные 179-й, 594-й шапы и 814-й иап, с пятью самолетами Як-1, еще раньше, 5 ноября, были выведены из состава дивизии. Материальная часть 814-го иап в количестве пяти самолетов Як-1 была передана 513-у иап. 5 марта 1943 года был выведен из состава дивизии 289-й шап.

В декабре из ЗАПов (запасных авиационных полков) прибыло 20 молодых летчиков. Таким образом, к концу марта 1943 года дивизия представляла собой вполне мощную и ор-

ганизованную силу. Включала в свой состав 565-й шап, имеющий на вооружении 20 самолетов Ил-2, 566-й шап - 20 Ил-2 (полк прибыл в дивизию 14.10.42 г.), 571-й шап - 26 Ил-2, 996-й шап - 31 Ил-2 (только что прибыл), 513-й шап - 8 Як-1 и Управление 224-й шад - 2 Ил-2.

Приказом командующего 1-й воздушной армии, командиром 224-й штурмовой авиационной дивизии вместо полковника Филина был назначен бывший командир 571-й шап, заместитель командира дивизии полковник Котельников Михаил Васильевич. На должность начальника штаба прибыл полковник Карякин Георгий Максимович.

Для быстрейшего ввода в строй прибывших из ЗАПов молодых летчиков, приказом командующего 1-й воздушной армии, по инициативе командира дивизии, при 224-й шад был создан учебный центр. Центр просуществовал до апреля 1943 года. За 4 месяца работы учебный центр произвел 6115 полетов, налет при этом составил 1072 часа. Из общего числа, 4522 полета было выполнено на самолете По-2 с налетом 746 часов, 1439 полетов - на самолете УТ-2 с налетом 114 часов, 551 полет - на самолете УИл-2 с налетом - 74 часа, 603 полета - на самолете Ил-2 с налетом - 1402 часа. За это время Учебный центр обучил и выпустил 34 подготовленных летчика, способных выполнять боевые задания.

Заместителем начальника по политчасти учебного центра был капитан Быков Василий Степанович. Он погиб 23 февраля 1943 года выполняя боевое задание в районе Жиздры. Инструктором на самолете Ил-2 был младший лейтенант Чернов Константин Матвеевич, который до этого был командиром звена во 2-й авиационной эскадрильи 565-го шап. Механик самолета Левин Григорий Тимофеевич был переучен на летчика самолета Ил-2. Пройдя все командные ступени, в конце войны он стал капитаном, командиром эскадрильи, Героем Советского Союза.

О том, где и как формировался, участвовал в боях в начале войны 611-й шап, и как он был включен в 224-ю шад, рассказывает в своих воспоминаниях техник по радио полка Виктор Николаевич Платонов.

В июне 1940-го года я был призван в армию вместе с дру-

гими десятиклассниками, только что окончившими школу. В паспорте поставили штамп: “Призван в РККА”.

В июле вызвали вторично в военкомат, где сказали: “Мы направляем вас в самое лучшее военное училище страны – Московское Краснознаменное военное авиационное техническое училище. Сдадите экзамены, станете людьми, а не сдадите, пеняйте на себя” – отчеканил военком.

Нас было трое. Приехали мы на Петровско-Разумовскую аллею, сдали документы, вошли в училище и впервые почувствовали, что такое военная дисциплина, строгость, четкость и выправка. После обеда нас собралось сто человек. Вечером медицинская комиссия. Во время прохождения данной комиссии была отсеяна половина поступающих, а после экзаменов и мандатной комиссии поступающих стало еще меньше. 5 июля я был зачислен курсантом на специальность “самолетное радиооборудование”. Так началась моя военная служба, трудная и напряженная. Подъем в 6:00, физзарядка, туалет, осмотр, зарядка по слуху (прием и передача на азбуке Морзе), завтрак в 8:00, по 50 минут занятия, обед, строевая прогулка – 1 час, чистка и осмотр оружия, ужин, самоподготовка и консультации – 3 часа, личное время 20 минут, отбой в 11:00. В выходные дни зимой лыжные кроссы на 10, 20, 30 километров с полной выкладкой. Готовились к войне. Уже в феврале 41-го года нам было известно, что у наших границ сосредоточено 170 немецких дивизий.

В июне 41-го мы были в лагере под Каширой. Уже тогда нас часто поднимали по тревоге прочесывать леса. В тех местах появились диверсанты. 22 июня почему-то долго не будили, мы хорошо позавтракали, и лишь после выступления по радио Молотова, нам была дана команда: “В ружье”. Построили, выдали боевые патроны и объявили: “Товарищи! Настал час, когда Вы должны выполнить свой священный воинский долг. На нашу землю вторгся враг”.

Через несколько минут появились машины, на которых мы поехали в Москву нести караулы. Страшная была ночь: Москва погрузилась во мрак ночи. Только вопли и плач, щемящие сердце, были слышны на улицах. 28-го мы вернулись в лагерь. Режим еще больше стал напряженным. Мы занимались 15 часов в сутки. В конце июля состоялся выпуск. Нам было тогда присвоено звание “сержант” по приказу 0362. Я

получил назначение в Воронеж, 5-й дальнебомбардировочный запасной авиационный полк (ДБЗАП). Из него я попал в 7-й ДБЗАП. Там была сформирована ночная эскадрилья, которая вошла в состав 223-й ДБАП (дальнебомбардировочный авиационный полк).

Мне была поручена подготовка стрелков-радиостов. Радиосвязь в то время работала плохо, хотя на самолетах ДБ-3 ДБ-3-Ф (Ил-4) устанавливалось вполне совершенное радиооборудование. Поэтому я сам начал летать, проверять радиооборудование в воздухе. Приборов для проверки и отработки радиооборудования тогда не было. Но я хорошо знал всю схему РСБ, которую инструктор-преподаватель в училище заставил меня вы зубрить. И дело у меня стало налаживаться.

Осенью 1941 года, когда начало складываться тяжелое положение под Москвой, меня вызвал командир полка полковник Кузьмин. “Сейчас достанется мне на орехи. Чего же натворил?” - подумал я. Но полковник, вежливо, как-то потечески, отнесся ко мне и спросил: “Как Вы себя чувствуете?”

“Нормально, хорошо”, – ответил я.

“Тогда слушай внимательно, – продолжал он. - Положение очень серьезное, новой материальной части нет, промышленность едет на Восток. Сейчас принято решение: восстанавливать старую материальную часть. Вы, кроме всего, рабочий человек, работали на авиационном заводе, поэтому мы направляем Вас в город Чкалов (Оренбург), в авиационную школу. Там формируются ночные полки на самолетах Р-5. Подучитесь и на фронт. Это военная тайна. Говорите, что едете учиться. Если плохо себя чувствуете, “Никогда, нигде и ни за что!” – ответил я.

Когда я вышел, у дверей стоял мой друг, старший приборист Костя Смирнов. Мы вместе поступали в училище. Костя подошел с улыбкой и сказал: “Едем вместе! В Первую Чкаловскую школу”. На следующий день поехали в город Чкалов.

“Какие вы счастливые, уезжаете учиться!” – говорили, прощаясь со слезами, наши друзья.

В Первой школе формировался 593-й авиаполк, но в нем мы оказались сверх штата. Тогда нас перевели во Вторую школу летчиков-наблюдателей. Здесь формировался 611-й ночной легкомобардировочный авиаполк, который потом

стал штурмовым и вошел в состав 224-й авиационной дивизии.

Состав полка был укомплектован грамотными и опытными летчиками-инструкторами, штурманами, техниками, механиками и младшими специалистами. Командиром полка был подполковник Троян. Начальником штаба капитан Секерш, преподаватель тактики. Командиры эскадрилий: капитаны Рачков, Ляленко, Абдрашитов. Командиры авиазвеньев: лейтенанты Выхор, Ефанов, Алейниченко, Кузовков, Кутузов. Штурманы: лейтенанты Коваленко, Ташлыков, сержанты: Печников, Бакулин Саша и мой любимый старший лейтенант Светлов. Инженер полка капитан Токмачев. Инженеры эскадрилий: Миронов, Кузнецов. Техники звеньев: Прокопцев, Прищепа, Поляниченко, Стукалюк, Напольнов, Модин, Шостак, Дейхин. Механики: Колпаков, Садов и др.

В короткий срок, в течение октября 1941 года, полк закончил ночную подготовку. И в ноябре месяце, как раз в разгар немецкого наступления на Москву, прибыл на фронт. Начал боевые действия на Тульском направлении, где наступала танковая армия Гудериана.

Ночные удары наших самолетов для немцев были неожиданными и ощутимыми. Но и у нас появились потери. Не вернулся с задания лейтенант Ефанов со штурманом лейтенантом Ташлыковым, моим начальником связи. Две недели они выбирались из немецкого тыла. Ташлыков там заболел воспалением легких и просил: “Иван Иванович, ты иди, а меня оставь. Я чувствую свой конец”. Но Ефанов не бросил товарища, а на своих плечах вынес его через линию фронта и отправил в госпиталь. Ташлыков выжил.

В конце ноября полк разделился на две части. Одна эскадрилья поддерживала 50-ю армию, а другая – 1-й гвардейский кавалерийский корпус П.А. Белова. Она базировалась на аэродроме Озеры. В начале декабря полк собрался на аэродроме Дединово (Луховицы). Находясь в составе 50-й армии, одновременно поддерживал наступление корпуса Белова.

Когда фронт ушел за Калугу (она была освобождена 30 декабря 1941 г.), полк начал перебазироваться на аэродром Грабцево. Четыре самолета перевозили технический состав в первых числах января 1942 года (Калужская операция проходила с 17.12.41 по 05.01.42 гг.). Последний рейс делали к ве-

черу. При посадке разыгралась драма: над аэродромом появились два “Мессершмидта”, и все четыре наших самолета были сбиты. Люди выпрыгивали на ходу и получали разной степени тяжести ранения. Младший лейтенант Поликарпов успел нормально высадить людей и взлетел обратно, но был сбит. Летчик был ранен в живот, посадил самолет в поле и умер в кабине.

А через неделю на аэродроме находилось много народу и около 50 тяжелых самолетов ТБ-3 и Ли-2. Готовился десант для подкрепления группы генерала Белова, окруженной во время боев за Вязьму. И когда все было готово, ожидали наступления ночи, чтобы начать операцию. Но внезапно налетела десятка “Юнкерсов-88”, затем другая. Аэродром горел, самолеты рвались, огонь пожирал все. Очевидно, действовал наводчик. Видимо наша разведка недоработала.

Из Грабцево, под Калугой, в Хомяково, под Тулой, мы перебазировались пешком. Там, в Хомяково, у нас уже было шесть самолетов, которые успели перелететь из Грабцево, и они уцелели. Удалось эвакуировать из Грабцево самолет летчика Поликарпова. Другой самолет, который раньше был сбит и поврежден, каким-то чудом также перегнал летчик Олейниченко. В таком составе полк еще продолжал действовать. Но случилась беда, младший лейтенант Лощанавский со штурманом Савченко потеряли один самолет. Они попали в туман и врезались в дом на окраине Калуги.

В феврале 1942 года началось наступление на Вязьму. В это время полк был придан 5-й армии Западного фронта. Часть полка с оставшимися самолетами была переброшена на аэродром Ватулино, под Рузой. А другая часть, оказавшаяся без самолетов, осталась под Тулой, в селе Слободка, в ожидании матчасти. Послали в Оренбург просьбу об оказании помощи, но оттуда дали только один самолет.

В конце февраля нам пришло печальное извещение: под Вязьмой полк потерял всю матчасть. Погибли лейтенант Кутузов и штурман эскадрильи старший лейтенант Светлов, отец троих детей, всегда вспоминавший о них, как они там с матерью живут без него в далеком Оренбурге.

Война - это не развевающиеся по ветру знамена и не призыв горниста на утренней заре, – как писал Анри Барбюс в своем романе “В огне”. Война – это трупы, торчащие из зем-

ли, грязь и нечистоты. И такое тогда можно было видеть всюду под Москвой. Землю, изрытую снарядами и бомбами, сгоревшие дотла деревни и села, разрушенные города, людей, лишенных крова, и трупы женщин, стариков и детей, лежавших с распростертыми руками у своего разрушенного дома.

В первых числах марта остатки полка были собраны в Ватулино. На аэродроме мы увидели что-то новое: истребители И-16 с установленными на них реактивными снарядами, самолеты У-2 (По-2) с подвешенными бомбами – ночные бомбардировщики. Там же стоял полк самолетов Р-5, в который мы сдали последний самолет, собранный нами еще в Дединово по принципу: из двух - один. Самолет младшего лейтенанта Поликарпова продолжал воевать. А мы ожидали своей участи, которая решалась в Москве. Прошла неделя, началась другая. Наконец из Москвы пришел приказ: полк не расформировывать, а направить в Люберцы на переобучение на самолеты Ил-2.

Утром 10 марта полк построили, произвели проверку. Был короткий митинг. Отдали последние почести погибшим. После обеда на трех машинах мы отправились в Люберцы. Дорога была трудная. К Москве добрались только к вечеру. В Кунцево нас остановили. Над Москвой сплошной огонь, бьют зенитки – очередной налет вражеской авиации на Москву. Ждали четыре часа. Наконец разрешили въезд в город. Меня назначили проводником. Решили выехать на Садовое кольцо, далее, на Таганку и Рязанское шоссе. На площади Восстания путь был перекрыт - упала бомба, кипела работа. Тут нас направили в какой-то темный переулок и приказали ждать. Под прикрытием ночи нам удалось выехать на Таганку. Было уже полночь, когда мы прибыли в Люберцы. В казармах холод. Через неделю начались занятия. Люберецкий аэродром тогда назывался АСН – аэродром специального назначения. Там стояли истребители ПВО – ЛАГГ-3. Налеты на Москву были частыми, и летчики-истребители несли постоянное дежурство, сидели в кабинах, готовые взлететь по первому сигналу. Самолеты связи также находились в постоянной готовности. А 765-й штурмовой авиационный полк, был действующий, участвовал в боях под Москвой. Он пополнялся и стоял в ожидании летчиков и самолетов. В этом полку в то время служил капитан Сериков Владимир Иванович, под руководством ко-

торого в течение двух месяцев наш 611-й шап прошел курс боевой подготовки на самолетах Ил-2.

В фильме “Битва под Москвой” в этом полку был снят эпизод, в котором перед строем полка один капитан получает орден. Как мы узнали впоследствии, им оказался старший инженер 224-й шад инженер-майор Рахманин.

В то время к нам в полк прибыл из запаса старшина Денежкин, который также быстро вошел в строй и вырос к концу войны до майора и штурмана авиационного полка. Прибыл новый командир полка майор Тягунов и комиссар полка Тютюнник. В конце апреля 1942 г. полк получил новые самолеты Ил-2. В течение двух недель наши летчики прошли курс бомбометания и воздушной стрельбы на полигоне.

В начале мая 1942 г. над группой войск генерала П.А. Белова, действовавшей в тылу противника юго-западнее Вязьмы, нависла серьезная опасность. Немецкое командование предприняло решительную попытку - уничтожить эту группировку, поскольку она сковывала их силы на Московском направлении. И в это время 611-й шап, еще полностью не закончивший курс боевой подготовки, по личной просьбе П.А. Белова, был переброшен на аэродром Инютино, под Боровском, а с него - на аэродром Сляднево, под Калугой. В двадцатых числах мая полк начал боевые действия. Бои были тяжелыми. Не было случая, чтобы самолеты возвращались без пробоин. Однажды без пробоин вернулся капитан Рачков – командир 1-й авиационной эскадрильи.

“Как же так, выходит дело, я и в бою не был?” – говорил он.

Через два дня, под командованием командира 2-й авиационной эскадрильи капитана Абдрашитова, вылетела пятерка самолетов на боевое задание и не вернулась. Лишь спустя две недели, нам стало известно, что старшина Денежкин из этой пятерки находится в другом полку. Командиром 2-й авиационной эскадрильи стал старший лей-

тенант. Чрезвычайные происшествия стали нас посещать часто. Взорвался прямо над аэродромом самолет лейтенанта Коровова, летчик погиб и был похоронен в Сляднево. Не вернулись с боевого задания старшие лейтенанты Кузовков и Привалов. Капитан Ляленко сел на вынужденную посадку в расположении войск Белова. Старший лейтенант Ефанов посадил

самолет на “живот”, так как не выпускались шасси. Но техник-лейтенант Стукалюк за три дня сумел восстановить этот самолет.

В 1941 г. из авиационных школ и училищ начали выпускаться сержанты, поэтому в боевых авиационных частях начала ощущаться нехватка средних командиров. Мне, в то время старшему сержанту, пришлось нести оперативное дежурство на командном пункте полка. Несколько раз 611-й шап перебазировался с аэродрома Сляднево на аэродром Кожухово и обратно. Причем, приходилось летать техническому составу в бомболоках и на подкосах шасси. Мне тоже пришлось испытать это “удовольствие”. Меня продуло насквозь, и я заболел. Лейтенант Олейниченко на самолете По-2 перевез меня в Сляднево. Было утро. На командный пункт прилетел капитан Треус и сообщил, что наш полк теперь входит в состав 224-й шад. Это было 8 июня 1942 года. Через несколько дней полк перебазировался окончательно в Кожухово. Туда же прибыл и новый 639-й шап. Вместе с этим полком (611-й шап был ведущим) мы продолжали оказывать помощь группировке Белова, которая после ожесточенных боев вышла из окружения в районе города Кирова.

Затем последовала наступательная операция под Москвой. Её целью было - не дать противнику перебросить резервы из-под Сталинграда. В результате данной операции было освобождено 600 населенных пунктов, а также города Погорелое Городище и Зубцов. В это время полк, совместно с 571-м шап, действовал с аэродрома Глазово, севернее города Можайска. Здесь мы потеряли любимцев полка, старшего лейтенанта Ефанова и лейтенанта Колпакова. Может быть, это ему был поставлен памятник на станции Кардымово, на котором написано: “Кто этот неизвестный герой?”

Из Глазово полк перебазировался в Симбухово, а затем снова вернулся в Кожухово. 18 августа 1942 года из двух полков (611-го и 639-го) была собрана сводная группа из восемнадцати самолетов под командованием капитана Ляленко для штурмовки аэродрома противника в Сеще. В тот момент, когда проводилась дозаправка самолетов перед стартом, над аэродромом появился немецкий разведчик “Юнкерс-88”. Сделав круг, он полетел обратно на Запад. Через несколько минут наши самолеты взлетели. С этого задания из восемнадцати

самолетов домой, на свой аэродром, вернулось только пять. Причем, во время посадки самолет старшего лейтенанта Выхор начал разваливаться. С крыла слетела обшивка, мотор остановился, в баках ни капли горючего. Самолет этот списали и разобрали на запчасти.

В сентябре полк с четырьмя самолетами перебазировался на аэродром Волынцево, под Тулой. Туда прибыла группа молодых летчиков, только что окончивших летные училища. Нам была поручена дальнейшая подготовка этих летчиков, и ввод их в строй. В октябре 1942 года полк перебазировался на аэродром Полошково, где мы приняли самолеты другого полка и привели их в порядок. В этом полку механиками самолетов были женщины. Их матчасть пришла в полную непригодность. Видимо, все-таки, работа авиационного механика это не женская специальность.

В ноябре 1942 года проходила реорганизация авиационных полков: они превращались из двухэскадрильных в трехэскадрильные. Самолеты и основная часть личного состава 611-го шап была передана в другие полки дивизии.

19 ноября 1942 года вместе с другими товарищами, я прибыл в 565-й шап. В этот полк тогда прибыли: начальник штаба 611-го шап майор Секерш (до Христича), начальник связи капитан Панцияров (до Лифанова); техники-лейтенанты: Поляниченко, Стукалюк и Прищепа; техники авиазвеньев: Рыков, Напольнов и Дейхин; механики самолетов старшины Колпаков и Садов; приборист Барабошин, электрики Зигангиров и Федоров. Вместе с нами прибыли в 565-й шап молодые летчики из 611-го шап: Симонов, Зарецкий, Голяков во 2-ю авиационную эскадрилью; Ильющенко и Бондарев - в 3-ю авиационную эскадрилью, Кузнечик и Нечаев - в 1-ю авиационную эскадрилью. К сожалению, никто из них не дожил до Победы. Симонов, Зарецкий, Голяков погибли при штурмовке аэродрома Сеща. Кузнечик вернулся с боевого задания, но сорвался в штопор на аэродроме Зубово.

16 апреля 1943 года полк под командованием капитана Безуха наносил с аэродрома Мосольск удар по аэродрому Сеща, под прикрытием истребителей “Нормандия-Неман”. Тогда у них не вернулся один экипаж. Но, когда им сообщили, что у нас не вернулось пятнадцать, один француз пошутил, сказав: “Если так воевать, то через неделю от них ничего не останется”.

ся”.

Виктор Николаевич Платонов, заканчивая свой интересный рассказ, добавил:

В марте 1943 г. я был назначен на должность старшего техника 565-го штурмового авиационного полка по радио. И здесь мне повезло: инженером полка по оборудованию электросвязи был инженер-капитан Козлянинов Тимофей Петрович, призванный из запаса, отличный специалист по радио. Вместе с ним нам удалось поставить дело. Во время Орловской операции командир дивизии Котельников находился с радиостанцией на передовой. И уже тогда в нашей дивизии была создана служба радионаведения самолетов на наземные и воздушные цели. В то время прибыли из учебного центра дивизии летчики младшие лейтенанты: Левин, Ермаков и Червоноокий.

7. Снова в боях.

Содействие наступлению 16-й армии на Жиздринском и 49-й армии на Спас-Демянском направлениях (22.02.43г.-31.03.43г.)

Отгремел последний выстрел под Сталинградом, возвестив победу, честь и славу русскому оружию. Эхо этого выстрела раздалось и на Западном фронте. Войска фронта, то там, то здесь, наносили врагу довольно чувствительные удары.

С 22 февраля по 31 марта 1943 года проводилась Ржевско-Вяземская наступательная операция. На левом крыле Западного фронта в последней декаде февраля перешла в наступление на Жиздринском направлении 16-я общевойсковая армия. Штурмовики 224-й шад, вдохновленные славной победой наших войск под Сталинградом, выполняя приказ командующего 1-й воздушной армии, группами по 4-8 самолетов, громили боевые порядки и сооружения врага.

Ударами по колоннам, живой силе и технике не давали возможности подтягивать резервы из глубины обороны. В результате комбинированных ударов с земли и воздуха оборона противника была прорвана. 16 марта войска соседней 49-й армии также перешли в наступление на Спас-Деминском на-

правлении. Ударами с воздуха по переднему краю, огневой системе противника, штурмовики дивизии содействовали нашей артиллерии и пехоте по взламыванию вражеских укреплений и на этом участке.

Противник, чувствуя сложность создавшейся обстановки, спешно стал подтягивать из глубины к фронту свежие резервы. По железным и шоссейным дорогам потянулись автомашины, повозки, танки, артиллерия и пехота. Штурмовикам была поставлена задача: ударами с воздуха воспрепятствовать подходу вражеских сил к фронту. Несмотря на сильное противодействие истребителей и зенитной артиллерии противника, задача, поставленная штурмовикам, была выполнена. Летели под откосы воинские эшелоны, горели автомашины, так и не сумев оказать помощь, крепко поредевшим немецким частям. Не помогли немцам их меткие выстрелы зениток в районе населенных пунктов Занозная, Чипляево, Спас-Деменска и Аселье. Не помогли и черные истребители “мессера”. Штурмовики всегда с честью выполняли поставленные перед ними задачи (см. рис.3).

Вот как отражалась боевая жизнь личного состава в то время в документах: “Политдонесение... Начальнику (политотдела) 224-го шад. В течение 23.02.43 г., 565-й шап выполнял задачи: а) разведка аэродромов противника, б) разведка участка грунтовых дорог в районе Зикиево-Хвостовичи, в) уничтожение артбатарей, дзотов и подходящих резервов противника в районе рубежей с севера р. Ясенок до рубежа Жиздра-Зикеево.

Произведено 22 боевых вылета. По сообщению экипажей уничтожено 7 вагонов и создано 2 очага пожара. Потери: не вернулись с боевого задания капитан В.С. Быков и младший лейтенант Становой. Повреждено 6 самолетов, материальная часть которых пострадала от огня зенитной артиллерии и истребителей противника. Самолеты требуют ремонта силами ПАРМ-1 (полевые авиаремонтные мастерские) и техсостава.

При полете на боевое задание сел вынужденно в районе Мещевска с убранными шасси младший лейтенант Панченко. На аэродроме Зубово исправных Ил-2 – 10, неисправных – 10, У-2 исправный.

Зам. командира 565-го шап по п/ч (политчасти) полковник Меркулов”.⁴

Рис.3

В донесении за 26.02.43 года говорится: “Хорошие образцы в работе показывают Рыков (авиатехник), Казначеев, Садов и Шевченко (авиамеханики). Они заменили за 15 часов мотор на самолете № 19”.⁵

“Дислокация частей 224-й шад: 565-й шап - аэродром Зубово, 566-й шап – Кожухово, 571-й шап – Грабцево (предместье Калуги), 513-й иап - Шопино, звено командира дивизии (2 Ил-2) – Грабцево”.⁶

А вот как выглядела оперативная сводка штаба 224-го шад в 1-ю воздушную армию за 23 февраля 1943 года:

“565-й шап имел задачу вести наблюдение за полем боя, уничтожать выявленные цели в полосе: справа – Широковка, Верхняя Акимовка, Жиздра, слева – Высокая, Усты, Зикеево, до рубежа Жиздра-Зикеево. На выполнение поставленной задачи произведено 22 вылета, налет 19 час. 20 мин. Из них выполнило задание 13 экипажей, не выполнило задание 9 экипажей, по причине: 5 экипажей из-за неблагоприятных метеоус-

ловий в районе цели, 4 Ил-2 по неисправности мат части, один из них сел на вынужденную (посадку), 2 км ю-ю-в Мещевска. Израсходовано 28 ФАБ-100, 22 ФАБ-50 (фугасные авиабомбы), 4 АО-25 (осколочные авиабомбы), 35 РС-82 (реактивные снаряды), ШВАК и ВЯ-962 (снаряды 23 мм), ШКАС-1616 (пули 7,62мм). Уничтожено 7 товарных вагонов и создано 2 очага пожара на станции Зикеево, остальные бомбы сброшены по блиндажам и дзотам, артминпозициям и другим целям, результата не наблюдали. С боевого задания не вернулись: капитан Быков и младший лейтенант Становой В. И. №№ самолетов 1107 и 5501. Летчик младший лейтенант Панченко К.П. произвел вынужденную посадку на фюзеляж 2 км ю-ю-в Мещевска, самолет № 6002. На аэродроме Зубово исправных Ил-2 –10. Температура +2 - +3 С⁰” (см. рис.4).⁷

Характеристика воздушных боев: “В районе боевых действий чрезвычайно активно действовали группы истребителей противника по 6-8 самолетов типа Фв-190 и Ме-109. Из 15 групп вышедших на штурмовку в район боев наших наземных войск, 7 групп имели встречи с истребителями противника. Несмотря на противодействие противника, все Ил-2 задания выполнили”.⁸

“23.02.43 в 15:50 после атаки артминбатареи противника в районе Островская, Дубище, Жеребока группа 4 Ил-2 565-го шап, ведущий старший лейтенант Фортушный, была атакована шестью Фв-190. При выходе из атаки ведущий услышал по радио: “Истребители сзади”, сразу же группа встала в круг на высоте 300 м. В момент принятия боевого порядка ведущий был атакован двумя истребителями противника, атака была отбита ведомым младшим лейтенантом Голиковым. На ведущего второй пары были произведены две атаки двумя Фв-190. Первые атаки сверху и сзади, вторые снизу сзади. Группа (штурмовиков), построившись в боевой порядок “круг”, оттягивала (уходила) на свою территорию. Истребители попали в облачность. Старший лейтенант Фортушный увидел, как один Ил-2 с пикированием уходил от истребителя Фв-190, атаковавшего его. Фортушный пытался отогнать истребителя, но сам был в это время атакован другим Фв-190. Самолет Ил-2, пикировавший впереди, врезался в землю и взорвался. Группа после выхода из облачности уходила по одиночке с маневром по направлению (к своему аэродрому). Истребители (против-

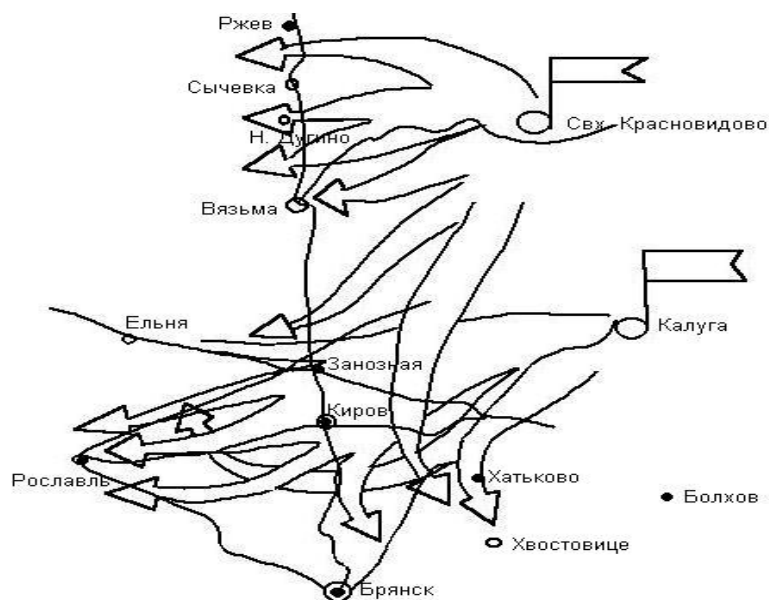

Рис.4

ника) также растерялись и по одиночке преследовали “Илов” до линии фронта”.⁹

“23.02.43, 9:45, высота 800 м, в районе Зикеево группа 6 Ил-2 была атакована 4 Фв-190. Истребители сделали 10 атак, которые отражались нашими стрелками и летчиками. Атаки были парами сверху, с обеих сторон, снизу, спереди. В результате боя 2 Фв-190 были подбиты”.¹⁰

“5 марта 1943 г. 565-й шап перебазировался с аэродрома Зубово на аэродром Красные Острова”.¹¹ “10 марта был сбит огнем ЗА младший лейтенант В.Н. Корязин. Самолет упал в районе Ясенок”.¹² “18 марта не вернулся с боевого задания старший лейтенант А.А. Дахновский, был сбит огнем ЗА и вынужденно сел возле станции Пробуждение”.¹³

Но самыми эффективными и драматическими были боевые вылеты на уничтожение самолетов противника на земле в период с 9 июля 1942 г. по 10 июня 1943 г.

8. Действия по аэродромам противника (3.7.42 г. - 10.6.43 г.).

Из пяти воздушных флотов, три флота немецкое командование сосредоточило на восточном фронте. Только перед одним левым крылом западного фронта на аэродромах: Брянск, Олсуфьево, Сеща, противник базировал по 150-250 бомбардировщиков и истребителей на каждом. Фашистские стервятники день и ночь бомбардировали наши наземные войска. Отсюда они делали налеты на столицу нашей родины – Москву. Эти же самолеты расстреливали мирное население сел, деревень и городов. Они же разрушали наши старинные города: Калугу, Козельск, Белев. Каждый вылет черных стервятников нес с собой смерть и разрушение русскому народу.

224-я шад, выполняя приказы и распоряжения командующего 1-й воздушной армии, содействовала наземным войскам в проводимых ими операциях и наносила мощные бомбардировочно-штурмовые удары по вражеским аэродромам: Совхоз Дугино, Сеща, Олсуфьево, Брянск, Лубинка и Озерская.

Несмотря на яростное сопротивление авиации противника и густую насыщенность аэродромов средствами ПВО, летный состав дивизии с каждым вылетом уменьшал счет вражеских машин и приобретал в жестоких сражениях богатый боевой опыт.

Действуя по вражеским аэродромам, дивизия в течение года произвела 240 самолето-вылетов. В это число входят 100 боевых вылетов на аэродром Сеща. Там было уничтожено и повреждено 200 самолетов. 95 боевых вылетов сделано на аэродром Брянск, где было уничтожено и повреждено 100 самолетов. 30 боевых вылетов выполнено на аэродром Олсуфьево, где было уничтожено и повреждено 30 самолетов. 15 боевых вылетов - на аэродромы Лубинка и Озерская, где было уничтожено около 15 самолетов. Таким образом, за период с 3 июля 1942 г. по 10 июня 1943 г. на аэродромах противника было уничтожено и повреждено более 345 самолетов противника (см. рис.5).

Громя вражескую технику, летный состав дивизии показывал образцы героизма, воюя не числом, а умением. Образцы высокого мастерства в налетах на вражеские аэродромы показал капитан Безух. Для этого воина никогда не было

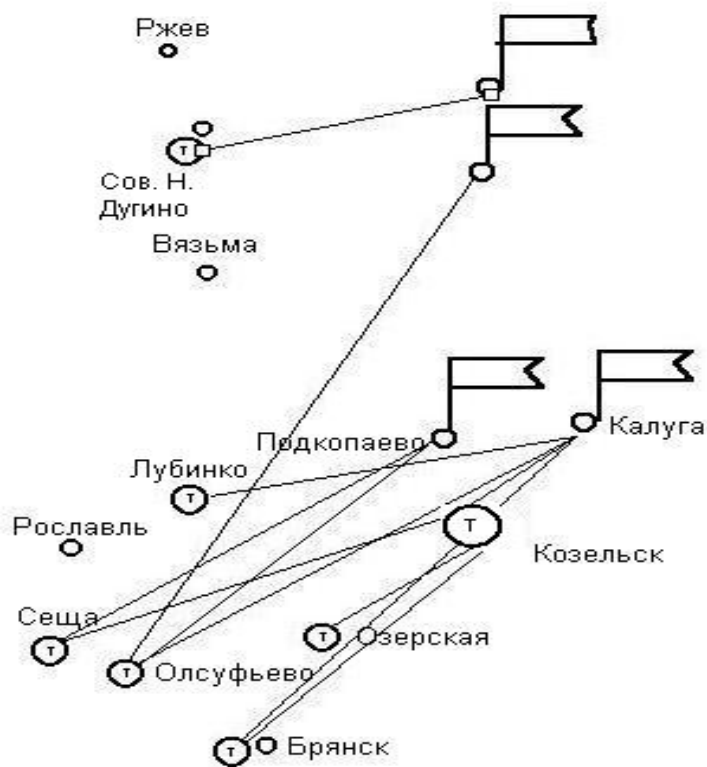

Рис. 5

невыполнимых задач. Как бы трудны они не были, он всегда их выполнял. Долго будут помнить фашисты раннее утро 24 апреля 1943 года, когда дерзкая пятерка “Илов” без прикрытия истребителей, как снег на голову, обрушила бомбовые удары и пушечные залпы на самолеты и головы, ничего не подозревавших фашистских авиаторов, на аэродроме Брянск. 22 фашистских самолета загорелись от удара этой группы. Фашисты даже не смогли, по-настоящему, и обстрелять группу. Внезапно, выскочив из-за леса, она, “погуляв” над аэродромом, все также внезапно скрылась за высоким берегом реки Десны, не получив даже пробоин. Попавшиеся группе на

обратном маршруте два ж.д. эшелона с горючим и боеприпасами вспыхнули ярким пламенем в результате точных попаданий снарядов штурмовиков. Командование 1-й воздушной армии высоко оценило этот боевой подвиг капитана Безуха, наградив его высокой правительственной наградой - орденом Красного Знамени.

Многие храбрые летчики-штурмовики своими героическими подвигами завоевали себе бессмертную славу. Никогда не забудут люди славных воинов, отдавших жизнь за освобождение нашей любимой Родины.

9 июля 1942 года во время штурмовки аэродрома Олсуфьево осколками снаряда вражеской зенитки был тяжело ранен командир эскадрильи лейтенант Дегтярев Василий Леонтьевич. Раненый, истекая кровью, он приземлился вынужденно на территории врага. Как алчные звери, предвкушая легкую победу, кинулись к машине солдаты фашистского батальона, обучавшиеся поблизости строевым наукам.

“Рус, сдавайся!” - кричали, подбегая к самолету, немцы. Но не тут-то было. Сердце советского воина еще продолжало жить, а в пушках и пулеметах еще были снаряды и патроны. Приподняв на миг окровавленную голову, лейтенант увидел толпу солдат, подбегавших к его машине.

“Не сдамся, гады!” – и, поймав в прицел первые ряды, лейтенант нажал на все гашетки. Вмиг заговорили пушки и пулеметы. Фашисты, отпрянув назад, побежали за помощью в деревню. Но вот кончились патроны и снаряды. Лейтенант, уловив момент, поджег самолет, под покровом дыма выбрался из него и пополз в кустарник. Заметив исчезновение летчика, фашисты кинулись искать его.

“Рус, сдавайся!” – заорали они, обнаружив в кустах воина. Но от метких выстрелов пистолета, замертво падали на землю. Один патрон остался в пистолете.

“Сдавайся, рус!” – опять загорлопанили, окружая, теперь беззащитную жертву немцы.

“Нет, не таков Дегтярев!” – произнес герой, выпустив последнюю пулю себе в сердце.

Пленные немцы, захваченные партизанами, показали, что они сами, хороня Дегтярева, назвали его русским Богатырем. Многих уложил лейтенант огнем пушек, пулеметов и пистолета. Таков итог бесстрашной и непосильной борьбы одного

русского Богатыря с целым фашистским батальоном.

21 августа 1942 года также смертью храбрых пал командир 565-го штурмового авиационного полка, трижды орденосец – майор Володин Василий Сергеевич.

Вот как запомнились эти боевые вылеты на авиабазу Сеща бывшему командиру звена 565-го шап К.М. Чернову.

Началась боевая работа полка по уничтожению техники и живой силы врага в районе линии фронта от Юханова - Кирова - Жиздра. Летный состав набирался боевого опыта и готовился к специальному, ответственному боевому вылету, на знаменитую в то время на нашем участке фронта авиабазу немцев, аэродром Сеща, находившуюся в тылу, 90 км от линии фронта. Самолетов на нашем фронте было еще мало, и немцы имели полное превосходство в воздухе. Считая, что наша авиация не в состоянии нанести какой-либо ощутимый урон их наземным войскам, тем более, сделать налет на их авиабазу, аэродром Сеща. Они были беспечны, и вели себя нахально. Чтобы доказать наглым фашистам, что у русских есть авиация, способная нанести чувствительный удар их хваленным в то время “Люфтваффе”, 565-му шап было приказано командованием 1-й воздушной армии и 224-й шад нанести штурмовой удар по авиабазе Сеща 26 июня 1942 года.

По разведанным было установлено, что к 15:00 каждого дня, на аэродроме собиралось до 250 самолетов различных марок и конструкций: бомбардировщиков Ю-87, Ю-88, а также истребителей Фв-190, Ме-109Ф и Ме-110, прибывающих с подлетных площадок от линии фронта для заправки и обеда летного состава. Кроме самолетов было много наземной техники и обслуживающего персонала. Одним словом, цель нанесения штурмового удара была стоящей и заслуживала самого серьезного внимания при всех сложностях ее поражения. А сложностей было более чем достаточно. По разведанным было известно, что авиабаза Сеща охранялась зенитными средствами в количестве 72 батарей или порядка 230 орудий различного калибра и дежурившими истребителями Ме-109Ф и Ме-110.

Исходя из этих трудностей, командование разработало план проведения боевой операции. По плану предусматрива-

лось совершить массированный налет всем составом полка. Время нанесения удара было назначено на 15 часов, самолетами Ил-2 без прикрытия истребителей. Следование к цели произвести по ломаному маршруту на бреющем полете. Цель атаковать после маневра “выход на горку” и поразить ее фугасными, осколочными и зажигательными авиабомбами разного калибра, реактивными снарядами типа “Катюша” и пушечно-пулеметным огнем.

На основании приказа высшего командования, наш Батя, со штабом полка, тщательно изучив предложенный план проведения этой сложной операции, конкретизировал его. Исходя из возможностей полка, составил оперативный план этого боевого вылета, по которому к его выполнению были допущены все имеющиеся экипажи исправных самолетов Ил-2. Их оказалось 15. Строй следования по маршруту: в колонне из трех групп по пять самолетов в правом пеленге с минутной дистанцией между группами. Ведущими групп были назначены командиры авиационных эскадрилий и их заместители. Ведущим всего полка был назначен командир 1-й эскадрильи капитан Денисюк, который хорошо знал расположение и подходы к этому аэродрому по довоенной службе на нем.

В назначенный день, 26 июня в 14 часов, полк вырулил для взлета на старт тремя пятерками. Произведя взлет и построившись в боевой порядок, мы от исходного пункта ложимся на разработанный боевой маршрут в логово фашистов, авиабазу Сеща. Перед линией фронта переходим на бреющий полет. Высота 15-20 метров. Строго выдерживаем ломаный курс полета и время. Полет идет без помех со стороны противника. Приближается цель для поражения. Скорость максимальная, за счет которой за километр до цели делаем маневр: максимальную “горку” до высоты 250-300 метров. Открылась панорама вражеского аэродрома Сеща, поразившая наш взор видом всего творившегося на аэродроме. Самолеты противника стоят один к одному в “линейках” и в беспорядке, обслуживающий персонал безмятежно перемещается по стоянкам аэродрома, готовя самолеты различных конструкций к полетам. Делаем первый заход в спокойной обстановке, сбрасываем бомбы, РСы и производим обстрел из пушек и пулеметов.

Я лечу в составе первой пятерки Ил-2. Зенитные средства молчат. Пытавшиеся взлететь самолеты, не смогли этого сде-

лать, так как взлетная бетонированная полоса была при первом заходе нашей пятерки выведена из строя. Для завершения нашего штурмового удара через минуту подоспела вторая пятерка Ил-2. Мы уже успели развернуться, чтобы сделать повторный заход на цель. Но фашисты к этому времени пришли в себя и открыли из всех зенитных средств ураганный заградительный огонь. К этому времени с некоторым опозданием вышла на цель наша третья пятерка, ведомая помощником командира эскадрильи младшим лейтенантом Ваней Сычиковым, который был сбит над аэродромом прямым попаданием зенитного снаряда. Получили повреждения самолеты и его ведомых, молодых летчиков, сержантов Петра Калачева и Виктора Калинина, младших лейтенантов Валентина Седых и Василия Носова, которые не вернулись с этого боевого задания. Остальные десять самолетов Ил-2 с пробоинами и повреждениями благополучно сели на свой аэродром Гаврики.

Потери в наших рядах были чувствительны, что мучительно переживал наш Батя, но его настроение буквально через два дня значительно улучшилось, когда была получена через Клетнянских партизан и подпольный комитет антифашистов информация об эффективности выполнения этого задания.

Результаты боевой штурмовки аэродрома Сеца оказались впечатляющими: было уничтожено и повреждено более 70 самолетов, много другой техники и обслуживающего персонала, взорван склад с горючим.

Так этим вылетом было доказано немцам, что русская авиация не уничтожена, а существует и может крепко действовать. За успешное выполнение ответственного задания – налет на аэродром Сеца, командующий 1-й воздушной армии генерал-лейтенант С.А. Худяков всему личному составу 565-го шап объявил благодарность и приказал отличившихся участников представить к награде.

Я за этот вылет был награжден орденом Красной звезды, младшие лейтенанты Николай Демидов и Георгий Хевсуриани были награждены орденами Красного Знамени, а молодые летчики – боевыми медалями.

Второй налет на авиабазу Сеца провели 21 августа 1942 года. На боевое задание вылетело 16 самолетов Ил-2. На сей раз вопреки запрету высшего командования, командир полка

В.С. Володин решил лично участвовать в боевом вылете, чтобы, как он говорил, посмотреть на работу “своих птенцов”. Цель представлялась такой же, как и в первом вылете. Но немцы, на сей раз, были начеку. Они открыли ураганный огонь из всех зенитных орудий. Но мы задание все же выполнили. Наши бомбы попали в цель, взорвали самолеты, разрушили взлетную полосу, ряд служебных и складских помещений. Сделав свое дело, штурмовики возвратились на свою авиабазу. Вот и родной аэродром. Один за другим заходят на посадку наши самолеты. Считаем. Пятнадцать Ил-2, избитых, израненных, вернулось домой. Не было шестнадцатого, того самолета, который вел наш Батя.

Начались мучительные минуты ожидания. Кончился лимит времени. Батя не вернулся. Мы так больше и не увидели его. Родным была отослана похоронка: “Майор Володин Василий Сергеевич не вернулся с боевого задания 21 августа 1942 года”. Весь личный состав тяжело переживал гибель любимого командира. В свои 38 лет он был жизнерадостен, любил жизнь, но не боялся отдать ее за Родину, во имя победы над врагом.

Уже после войны, спустя много лет, установлено показаниями очевидцев, крестьян деревни Сеща, что командир наш решил сделать второй заход над вражеским аэродромом, чтобы воочию убедиться в результатах работы своих “птенцов”. И этот, повторный заход, оказался роковым. Подбитый прямым попаданием зенитного снаряда, самолет командира упал в одном километре от летного поля врага, возле дома жителей Сещи по фамилии Энкины. Семья эта похоронила летчика-героя и ухаживала за могилой до времени обнаружения ее родственниками и боевыми друзьями

Сейчас могила Бати обнесена оградой, на ней поставлен памятник. За могилой тщательно ухаживают местные жители. Над могилой летчика Василия Сергеевича Володина, первого командира 565-го штурмового авиационного полка, награжденного орденами Ленина и двумя орденами Красного Знамени, шумят березы.¹⁴

9. Действия по железнодорожным и автогужевым перевозкам (1.8.42 – 13.5.43 гг.).

Наряду с поддержкой наземных войск, штурмовики дивизии выполняли множество разнообразных самостоятельных задач, в числе которых видное место занимает срыв железнодорожных и автогужевых перевозок противника. В данный период времени это была столь же ответственная задача, как и удары по аэродромам, ибо от этого зависел успех наземных операций. Противник, располагая резервами и большим количеством транспорта, в необходимые для него моменты, производил интенсивный маневр техникой и живой силой.

Каждый раз перед наступательными действиями наших войск, или перед наметившимся наступлением противника, командующий 1-й воздушной армии ставил дивизии задачу: срывать железнодорожные и автогужевые перевозки противника на том или ином участке. Штурмовики, выполняя поставленную задачу, громили вражеские эшелоны, автоколонны с живой силой и техникой, взрывали железнодорожные мосты, полотно, склады с горючим и боеприпасами. Много эшелонов, немецких солдат и офицеров остались в пути, их навсегда успокоили бомбы и снаряды штурмовиков дивизии.

Подводя итоги этому периоду, можно сказать, что, если в результате проведения Московской наступательной операции, с 5 декабря 1941 г. по 20 апреля 1942 г., фашистские войска были разгромлены и отброшены от Москвы на 150 – 400 км, то в результате Ржевско-Сычевской (с 30 июля по 23 августа 1942 г) и Ржевско-Вяземской (с 2 по 31 марта 1943 г.) военных наступательных операций линия фронта была отодвинута еще на 130 – 160 км от Москвы.¹⁵ В боях по разгрому немецко-фашистских войск и освобождению указанной территории принимал активное участие и личный состав штурмовых авиационных полков, вошедших в 224-ю шад. В этом их заслуга, честь им и слава. Образцы бесстрашия, отваги, героизма и самопожертвования проявил летно-технический состав дивизии в борьбе с лютым врагом, немецко-фашистскими захватчиками. Многие летчики, отдавшие жизнь за освобождение Родины, завоевали себе бессмертную славу.

Глава II. Участие в Курской битве.

1. Болхов - Орел – Брянск.

Потерпев второе серьезное поражение под Сталинградом, немецкое командование сделало очередную ставку на Орел, Курск, Белгород.

Сосредоточив на указанных направлениях массу технических и огневых средств, сотни самолетов, 5 июля 1943 года после ураганной артиллерийской канонады, фашистские “эсэсовцы”, прячась за броню “тигров” и “фердинандов”, полезли на советскую оборону. Стаи “юнкерсов” под прикрытием “мессеров” и “фоккеров”, обрушили тонны бомб на боевые порядки наших наземных войск. Советские воины с честью выдержали этот, невероятный по своей силе, напор врага. Проводившаяся до сих пор усиленная подготовка не пропала даром. То там, то тут от метких выстрелов и бомб горели “тигры” и “фердинанды”. Скошенные меткими очередями пулеметов, падали немецкие солдаты. 7 дней не прекращались эти жесточайшие бои, 7 дней перемалывалась фашистская техника и живая сила. Не выдержали “тигры” и “фердинанды”, не выдержали “юнкерсы” и “мессера”, не выдержали “эсэсовцы”, но зато выдержала советская оборона, выдержали русские чудо-богатыри. Горы обломков, танков, автомашин, самоходных орудий, да горы трупов, оставила немецкая армия в этом последнем наступлении.

Как пружина после сильного сжатия, отпущенная в необходимый момент, ударили по врагу, перейдя в контрнаступление, советские войска. Нарастив удары по врагу, Красная Армия от Белгорода до Белева перешла в решительное и всеокрушающее наступление.

12 июля 1943 года, содействуя Брянскому фронту, перешел в наступление левый фланг Западного фронта. Противник, потерпев неудачу в наступательных действиях, снова перешел к обороне. Именуя рубеж обороны “восточным валом”, немцы решили любой ценой удержать его.

Затаив дыхание, следили летчики и техники, весь личный состав дивизии за происходящими боевыми действиями на этом решающем участке советско-германского фронта. Темной июльской ночью, офицер связи вручил командиру дивизии боевой приказ командующего 1-й воздушной армией гене-

рал-лейтенанта авиации М.М. Громова. Дивизии приказывалось: мощными бомбардировочно-штурмовыми ударами с воздуха, содействовать 16-й наземной армии в прорыве обороны противника; содействовать развитию ее успеха, не допуская подхода резервов противника к полю боя; ударами по узлам и очагам сопротивления, обеспечить ввод в прорыв 5-го танкового корпуса и его эффективные действия в глубине обороны противника.

В полной боевой готовности, с неописуемым восторгом, встретили летчики-штурмовики дивизии этот долгожданный день – наступление наших наземных войск.

12 июля с рассветом операция началась. Пехота, используя дымовую завесу, созданную шестеркой самолетов 565-го шАП, на участке Глинная - Красный октябрь, перешла в атаку.

Группы штурмовиков по 6-8 самолетов Ил-2, под непосредственным прикрытием истребителей 303-й иад, бомбардировочно-штурмовыми залпами по огневой системе и живой силе противника, помогали нашей пехоте прорвать оборону врага. К полю боя стала подтягиваться наша артиллерия, боеприпасы, автомашины и другая боевая техника (см. рис.6).

Используя наспех подтянутые резервы, противник местами оказывал яростное сопротивление, а подчас, переходил в контратаки. Зенитки, истребители противника группами по 8-12 самолетов, хищными стаями нападали на группы наших штурмовиков. Несмотря на это, штурмовики как “черная смерть”, по мнению самих фашистов, появлялись на самых трудных и ответственных участках, беспощадно громя вражеские войска и технику.

Наконец сопротивление противника было сломлено. Не выдержав ударов наших войск, он шаг за шагом стал откатываться в Карачевско-Брянском направлении. Наши танки, войдя в прорыв, и, сокрушая на своем пути узлы и очаги сопротивления, стали преследовать отходящего врага. Штурмовики, взаимодействуя с танками, громили живую силу и технику отступающего противника. Наряду с выполнением обычных боевых задач, штурмовики выполняли специальные, чрезвычайно тяжелые задачи - налет на аэродром Брянск 22.07.43 г., удар по бронепоезду на участке Хотынец - Карачев 23.07.43 г., удары по отходящим колоннам живой силы и боевой техники противника.

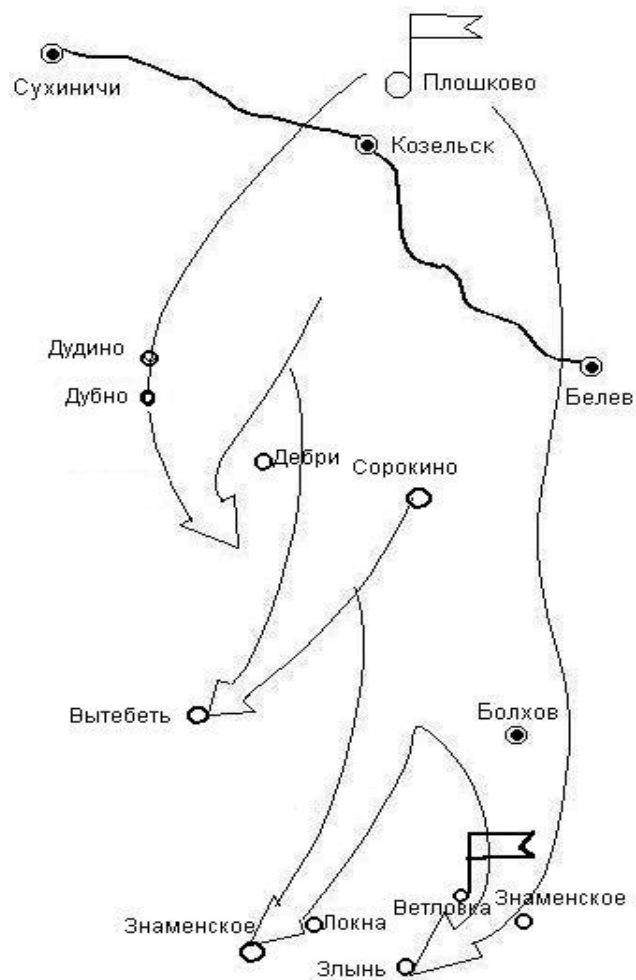

Рис.6

В этот период времени уже активно вел боевые действия 996-й шад, прибывший в состав 224-й шад 21 марта 1943 года. Этот полк был организован в августе 1942 года на полевом аэродроме Ак-Тепе, в 18 км от Ашхабада Туркменской ССР,

на самолетах У-2, как полк ночных бомбардировщиков. В октябре 1942 г. полк эшелонами прибыл в Ивановскую область, сдал самолеты У-2 и переехал в Москву, где изучал в заводских условиях новую материальную часть – самолет Ил-2. С 3 декабря 1942 г. по 20 марта 1943 года личный состав 996-го шап переучивался и проходил боевое применение на самолетах Ил-2 на аэродроме Борки Калининской области. Первым местом базирования 996-го шап в составе 224-й шад был аэродром Курово под Калугой, где он вступил в боевые действия. В апреле-мае летал с аэродрома Грабцево, затем – с аэродрома Рысня, рядом с г. Калугой. В июне-августе полк базировался на аэродроме Голодское, под городом Перемышль, Тульской области. Здесь, не вернувшись с боевого задания экипажи летчиков: Г. Калашникова, В. Конопелько, В. Лазоренко и П. Леонидова.

В Орловско-Брянской операции 224-я шад взаимодействовала с истребителями эскадрильи “Нормандия-Неман”. Вот один из примеров на Орловском направлении.

“С утра летчики “Нормандии-Неман” сопровождали штурмовиков 224-й штурмовой авиационной дивизии. Прикрываемые французскими летчиками группы самолетов Ил-2 успешно выполнили боевую задачу и возвратились без потерь. Попытки истребителей противника атаковать штурмовиков вовремя пресекались французскими летчиками.

12 июля 1943 г. восточнее Карачева разведчики обнаружили бронепоезд.

Уже солнце клонилось к закату, когда шестерка Ил-2 996-го штурмового авиационного полка, которую вел командир 3-й эскадрильи старший лейтенант Я.Е. Сусько, появилась над бронепоездом. В районе цели патрулировали немецкие истребители, но французские летчики, прикрывавшие штурмовиков, связали их боем, и штурмовики, обрушили град бомб на двигавшийся бронепоезд. Ведущий группы в первом же заходе удачно сбросил бомбы на железнодорожное полотно и застопорил движение бронепоезда. Неподвижную цель атаковать стало легче. И штурмовики поразили ее несколькими прямыми попаданиями бомб. Боевое задание было успешно выполнено, но группа штурмовиков оказалась в сложном положении. Когда был сделан последний заход на цель, солнце уже скрывалось за горизонтом. Истребители прикрытия, обра-

тив в бегство “фоккеров”, ушли несколько раньше и благополучно сели на своем аэродроме, а штурмовикам в наступивших сумерках пришлось садиться прямо в поле, в 30-ти километрах от своей базы. К счастью, все обошлось без происшествий. Командующий воздушной армией объявил благодарность обеим группам штурмовиков и истребителей. Отважный летчик-штурмовик Я.Е. Сусько, еще не раз летал на боевые задания под прикрытием летчиков “Нормандии-Неман”. И каждый раз он говорил: “Молодцы ребята, как львы дерутся”.¹⁶ 996-й шап на аэродроме Хатенки Тульской области в августе 1943 года базировался вместе с эскадрильей “Нормандия-Неман”.

В этот же день, 12 июля, в 996-м шап не вернулись с боевого задания экипажи младшего лейтенанта Ловчикова с воздушным стрелком сержантом Лях, и лейтенанта Никифорова с воздушным стрелком сержантом Ткаченко. Техник-лейтенант Холин, вылетевший на боевое задание в качестве воздушного стрелка с лейтенантом Калашниковым, погиб в воздушном бою.

15 июля 1943 г. над целью, вблизи г. Орла, погибли от огня истребителей противника лейтенант В. Шило и сержант В. Литвинов. В этом же районе от прямого попадания зенитного снаряда загорелся самолет, но летчику удалось дотянуть до нейтральной полосы, где, потеряв управление, самолет перевернулся на спину и упал, в результате чего младший лейтенант М. Гусак погиб, а воздушного стрелка А. Яроша удалось спасти танкистам передовой части. (1 мая 1943 г. Александр Ярош по личному рапорту был переведен командиром дивизии из мастеров по авиавооружению в воздушные стрелки, т.к. ему хотелось лично бить врага).

13 августа 1943 г. приказом командующего ВВС Красной Армии, 224-я шад была переведена в подчинение 15-й воздушной армии Брянского фронта. В тот же день Управление дивизии, 566-й шап, усиленный материальной частью других полков, совместно с 513-м иап, по приказу командующего 15-й воздушной армии перебазировались на Болховский аэроузел. В разбитой деревушке Ветловка, в маленькой деревянной избушке расположился штаб дивизии. Здесь получали боевые приказы, здесь отрабатывались и ставились частям боевые задачи (см. рис.7).

Противник поспешно стал откатываться за Десну, пытаясь водной преградой избавиться от преследования наших войск. Сотнями автомашин с артиллерией и живой силой были забиты дороги от Орла до Брянска. По 7 сентября, не считаясь с усталостью, яростным огнем зенитной артиллерии и хищными атаками фашистских истребителей, штурмовали экипажи скопище врага.

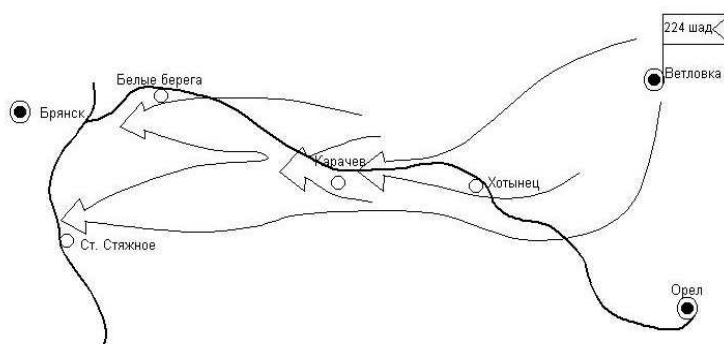

Рис.7

Образцы мужества и отваги показал летный состав в этих жесточайших сражениях. Вот один из ярких примеров героизма и отваги, который подтвердили наши истребители специальной телеграммой: “Из Фишер” (7-я гиад) “Весьма срочно”. “Жерло” (224-я шад) “Полковнику Котельникову. 19:15–20.05 2.8.43 г. по дороге Карачев - Хотынец Ваши самолеты Ил-2 штурмовали и обстреливали автомашины противника в районах: Калинино - Яковлево - Бугор. Экипажи наблюдали, как один Ил-2 был подбит огнем зенитной артиллерии, загорелся и горящий вышел на дорогу Карачев - Хотынец и продолжал обстреливать автомашины противника. Затем горящий самолет врезался в гущу автомашин противника в деревне Яковлево. Наши экипажи отмечают, что экипаж Ил-2 героически погиб. Старший группы – Хлуд”.

Кто это был? Это был рядовой воздушный боец. Не на

жизнь, а насмерть дрался с фашистами, очищая от них нашу Родину, и смертью храбрых погиб в этом жестоком бою, повторив еще раз бессмертный подвиг Гастелло. Фамилию этого героя так и не удалось установить: 4 экипажа не вернулось тогда с задания, но память об этом подвиге, о герое-штурмовике будет жить вечно.

Летчики дивизии в эту операцию произвели 839 боевых самолето-вылетов, в результате которых уничтожили, повредили и вывели из строя 200 танков, 1000 автомашин, 100 орудий, 4000 солдат и офицеров противника.

8 сентября 1943 г. по приказу командующего ВВС Красной Армии 224-я шад была выведена из боевых действий и из состава 15-й воздушной армии в Резерв Главного Командования. Сдав материальную часть соединениям армии, полки дивизии сосредоточились на аэроузле Перемышль.

С 20 по 24 сентября дивизия наземными эшелонами перебазировалась на аэроузел Степыгино Московского военного округа.

Больше года, в непрерывных и напряженных боях, не на жизнь, а насмерть, сражались отважные бойцы 224-й штурмовой авиационной дивизии с немецко-фашистскими захватчиками в составе 1-й и 15-й воздушных армий на Западном и Брянском фронтах. Там, где трудно, там, где складывалось критическое положение, командование Западного фронта перебрасывало дивизию с участка на участок. По артминбатареям, по оборонительным сооружениям, по автоколоннам, железнодорожным эшелонам, сосредоточениям живой силы и техники, по аэродромам противника – удар за ударом наносили штурмовики по ненавистному зарвавшемуся врагу.

Так прошла свой славный боевой путь на Западном и Брянском фронтах 224-я штурмовая авиационная дивизия, показав при этом следующие результаты эффективности своих действий. За 17 месяцев произведено 3684 самолето-вылетов, при этом, налет составил 4089 часов. Израсходовано боеприпасов: авиабомб – 1003 тонны, РС (реактивных снарядов) – 11918 штук, снарядов – 427138 штук и патронов – 989518 штук. Уничтожено и повреждено: танков – 502, автомашин – 3260, бронемашин и бронетранспортеров – 32, авто и ж.д. бензоцистерн – 77, орудий полевой артиллерии – 490, зенитных орудий и пулеметов – 565, различных огневых точек – 118,

живой силы (солдат и офицеров) – 14730, складов – 41, ж.д. полотна в местах – 122, ж.д. эшелонов – 45, паровозов – 23, вагонов – 762, самолетов на земле – 365, самолетов в воздухе – 38, переправ и мостов – 9, блиндажей, дотов и дзотов – 218, повозок – 1146.¹⁷

Награждено 295 человек, в том числе орденами: Ленина – 1, Красного Знамени – 44, Отечественной войны 1-ой степени – 4 и 2-ой степени – 6, Красной звезды – 94; медалями: За отвагу – 63, За боевые заслуги – 84.

Дивизия потеряла 167 самолетов, 154 летчика и 76 воздушных стрелков¹⁸.

2. Перевооружение (октябрь 1943 г. – январь 1944 г.).

Для более успешной борьбы с вражескими танками несколько дивизий в этот период времени перевооружались на самолеты с пушками ОКБ-16 (37 мм). Такая же задача была поставлена 224-й шад. Летный состав полков прямо из Перемышля убыл на аэродром Борки за получением новых самолетов. Перегнав самолеты, весь личный состав дивизии приступил к напряженной боевой учебе. 16-ти месячная фронтовая жизнь на некоторое время отходила в прошлое. Все внимание было уделено на организацию скорейшего переучивания на новую материальную часть, на ввод в строй прибывающего молодого летного состава и на изучение полученного боевого опыта.

Пополнение летчиков прибывало из разных летных школ и училищ.

Погожим октябрьским днем сорок третьего года группа, из одиннадцати молодых лейтенантов-летчиков, среди которых был и я, прибыла в Москву для получения направления на фронт. Штаб Военно-воздушных сил направил нас в 224-ю штурмовую авиационную дивизию.

До села Троицкого, где находился штаб дивизии, добирались мы сначала на электричке, потом на грузовой машине. В Троицком заночевали, а утром всю нашу команду распределили по четырем полкам упомянутой дивизии и отправили на полуполках на полевые аэродромы – места базирования штурмовых авиационных полков. Петра Абраменко, Ивана Белицкого и меня направили в 565-й шап, Григория Загурско-

го, Вениамина Казаева и Владимира Морозова – в 571-й шап, Николая Раковского, Овчинникова и других в 566-й и 996-й шапы.

Прибыли мы к месту назначения 20 октября. Стоял 565-й шап в селе Добрынихе, живописно раскинувшемся на месте старого монастыря. Всех троих нас определили во 2-ю авиационную эскадрилью, и сразу же, с самых первых дней мы почувствовали, что попали в очень хороший, дружный коллектив, способный выполнять сложные боевые задачи. Костяком его были обстрелянные в боях летчики командиры, офицеры штаба и опытные, знающие свое дело, офицеры, старшины и сержанты инженерно-технического состава. И вот сейчас, в эти не по-осеннему теплые дни, коллектив полка выполнял важную задачу – вводил в строй молодых летчиков, готовил их к предстоящим боевым действиям.

Командир 2-й авиационной эскадрильи капитан А.А. Дахновский, высокий, крепко и ладно скроенный человек, чуть прищурясь, внимательно разглядывает нас.

“Какую имеете военную летную подготовку?” - спросил он.

“Окончили Краснодарское объединенное военное авиационное училище командиров звеньев”, – хором отчеканила наша тройка.

“А где учились раньше?” - спросил командир.

“Ворошиловградская военная авиационная школа пилотов. Окончили в 1941 году”, – ответили Абраменко и Белицкий.

“А вы?” – обратился командир эскадрильи ко мне.

“ЭВАШП, Энгельскую”, - ответил я.

“Выпускались все из летных школ сержантами?” - уточнил командир.

“Так точно”, - ответили мы.

“Командование решило назначить вас пока на должности старших летчиков, - продолжил Дахновский, - так как опыта ведения боевых действий у вас пока нет. Возражения имеются?”

“Никак нет” – сказали мы.

Старший летчик - это ведущий пары самолетов, он является фактическим заместителем командира авиазвена на земле и в воздухе. Лейтенант Абраменко был назначен в звено

управления авиационной эскадрильи, я - в звено младшего лейтенанта И.Т. Ромашова, а лейтенант Белицкий - в звено младшего лейтенанта Г.Т. Левина.

Как и до войны оборудовались классы для занятий, полигон для бомбометания и воздушной стрельбы. Весь личный состав от моториста до командира дивизии садились за учебники, для изучения опыта Великой Отечественной войны. С 8 утра до 6 часов вечера в классах и штабах, на стоянках аэродрома кипела напряженная боевая учеба.

Осень между тем была уже на изломе, отчетливо чувствовалось приближение зимы. Летчикам выдали зимнее армейское и лётное обмундирование. К последнему относились: меховой комбинезон, шлемофон, унты, заячьи носки, краги и свитер. В такой экипировке нам были не страшны даже самые сильные морозы.

Почти каждый день мы ходили на свой аэродром, который находился в десяти минутах хода от нашей казармы. Стоянки самолетов располагались на опушке леса и были хорошо замаскированы. Новенькие штурмовики Ил-2, недавно полученные с авиационного завода, распределили между летчиками. Мне достался самолет с хвостовым номером 18. Его обслуживали авиамеханик старшина М.В. Смирнов, механик по авиавооружению старший сержант М.П. Жураков и воздушный стрелок сержант К.П. Краснопеев. Все вместе мы составляли боевой расчет "Ила".

Ил-2 – самолет, который успел уже прекрасно зарекомендовать себя в сражениях с врагом, грозная боевая машина, наводящая панический страх на гитлеровцев. Недаром ведь фашисты прозвали его "летающим танком" и "черной смертью". Первым познакомил нас с самолетом инженер-майор С.Т. Маслов. Вот что мы узнали из его рассказа:

"Работа над созданием штурмовика началась вестись еще во второй половине тридцатых годов. В 1936 – 1938 годах в конструкторском бюро Н.Н. Поликарпова были созданы опытные образцы "воздушных истребителей танков". Однако подлинными штурмовиками они стать не смогли из-за отсутствия маневренности и скорости. Были и другие разработки в этой области, в частности, модификации истребителей. Скоростью они обладали достаточной, однако огневой мощи им явно не хватало.

И все же советский штурмовик получил путевку в жизнь. Конструктору Сергею Владимировичу Ильюшину удалось выйти на оптимальный вариант сочетания важнейших характеристик штурмовика, и самолеты начали поступать на вооружение Красной Армии. А к 1943 году наша авиационная промышленность сумела приступить уже к серийному производству новых машин.

“Черная смерть”... Да, было фашистам, за что так называть Ил -2. Он мог поднимать и сбрасывать на врага с большой точностью от 400 до 600 килограммов авиабомб различного калибра и назначения: от двух килограммовых противотанковых (ПТАБов) и 15-25 килограммовых осколочных до 100 килограммовых фугасных. Кроме того, штурмовик мог нести под плоскостями до восьми реактивных снарядов – “эресов”. Он был вооружен двумя 37 или 23 мм автоматическими пушками и тремя скорострельными пулеметами; один из них охранял заднюю полусферу от нападения истребителей противника. Экипаж и все жизненно важные центры самолета Ил-2 – мотор, бензобак и маслобаки – были защищены прочной броней, которую не пробивали пули и осколки снарядов. Сконструирован штурмовик был очень компактно: размах крыльев имел 14,6 метра и длину фюзеляжа 11,6. Винт трехлопастный металлический с изменяемым шагом. Крепкие убирающиеся шасси. Красивая, как истребитель, машина с общим полетным весом до шести тонн, легко поднималась в воздух одним мотором Ам - 38Ф, имевшим мощность 1750 лошадиных сил. Самолет хорошо слушался рулей управления и мог в горизонтальном полете развивать скорость до 400 км/час. Гитлеровские “Люфтваффе” подобной машины не имели”.

Работа по вводу в строй молодых летчиков велась, как говорится, полным ходом. Каждый день – занятия по боевой и политической подготовке или полеты, во время которых мы тренировались, шлифовали технику пилотирования на взлете и посадке, летали на полигон бомбить и стрелять из пушек и пулеметов. Отрабатывать также полеты строем: парами и звеньями. Первоначально для нас немалую трудность представляло освоение района базирования. Дело в том, что в Московской области обилие лесных массивов, просек и полей создает при взгляде с высоты довольно пеструю картину, за-

трудняющую ведение визуальной ориентировки. И хотя штурман полка капитан Морозов, штурманы авиационной эскадрильи старшие лейтенанты Варников и Панченко, а также лейтенант Мокин очень много занимались с летчиками по изучению карты района базирования, все же отдельные случаи потери ориентировки в полете у нас были.

Наряду с техническими вопросами, глубоко и всесторонне рассматривались тактические приемы штурмовых ударов по врагу, воздушные оборонительные бои, примеры мужества и стойкости в боях из фронтовой жизни дивизии. В целях воспитания, особенно молодого пополнения летчиков, политотдел дивизии выпустил иллюстрированный альбом о героических подвигах летно-технического состава в минувших боях. Командиры и политработники в рассказах об этих боях укрепляли боевой дух и моральное состояние личного состава дивизии.

В альбоме “Героические подвиги 224-ой штурмовой авиационной дивизии в 1941-1943 гг.” политотдел дивизии в водной статье напоминал, что советский народ ведет войну освободительную, поэтому велика ответственность каждого воина перед народом. Многие летчики дивизии своими подвигами завоевали себе бессмертную славу. Народы Советского Союза вечно будут помнить стойких и мужественных борцов за свободу и независимость социалистического Отечества: Героя Советского Союза Лисконоженко, дважды орденосца Качковского, русского богатыря Дегтярева, дважды орденосцев Макарова, Безуха, Домущей, Выхор, трижды орденосца Корниенко.

И далее в альбоме помещены статьи о боевых подвигах 23-х летчиков. Вот их краткое содержание:

- Дегтярев Василий Леонтьевич – командир звена 1-й авиационной эскадрильи, лейтенант, воевал с 20 июня 1942 г. Погиб 9 июля 1942 г. при выполнении боевого задания. Представлен к званию Героя Советского Союза посмертно (его подвиг описан раньше);

- Качковский Николай Павлович – командир 2-й эскадрильи 513-го иап, старший лейтенант, воюет с первых дней войны, совершил 336 боевых вылетов, лично сбил 6 самолетов противника;

- летчик-штурмовик 611-го шап Павел Федеровский погиб

при выполнении боевого задания, направив свой горящий самолет в гущу врага;

- Фигачев Петр Сергеевич - командир эскадрильи, лейтенант, воюет с января 1942 г., сделал 76 успешных боевых вылетов, из них 53 – на самолете Ил-2. Уничтожил и повредил: танков – 13, автомашин – 33, мотоциклов – 6, повозок с грузом – 41, ж.д. вагонов – 15, орудий ЗА и ПА – 8 и минометов – 11;

- капитан Корниенко – командир авиационной эскадрильи летал на самолете У-2 разведать местонахождение танков противника. За мужество в боях с немецкими захватчиками награжден орденами Ленина и Красной Звезды;

- Михайлов Михаил Филиппович – воздушный стрелок, гвардии сержант, погиб при выполнении боевого задания 7 мая 1943 г., защищая самолет командира эскадрильи старшего лейтенанта Зинченко;

- Выхор Иван Гаврилович из бывшего 611-го шап, капитан, командир 3-й эскадрильи – прославился как опытный воспитатель (подготовил 40 летчиков), как храбрый летчик-штурмовик (уничтожил много живой силы и техники врага), как мастер воздушного боя (сбил 4 самолета противника);

- Загороднюк Валерий Сергеевич – старший летчик, младший лейтенант, на фронте с начала войны, дважды ранен, сделал 6 боевых вылетов, вел 6 воздушных боев с истребителями противника, 4 раза был сбит. Уничтожил 1 танк, 50 солдат и офицеров, 4 автомашины и 6 повозок. Он погиб в неравном воздушном бою;

- Мачнев Афанасий Гаврилович – командир эскадрильи, старший лейтенант, на фронте с октября 1942 г., сделал 103 боевых вылета на самолете Ил-2, уничтожил много живой силы и техники врага, сбил один Ме-109, за мужество и отвагу награжден дважды орденом Красного Знамени;

- Быков Михаил Семенович – заместитель командира, штурман эскадрильи, лейтенант, смело водит в бой группы самолетов, личным примером воодушевляет летчиков на подвиги и отвагу в боях с немецкими захватчиками, награжден орденами Красного Знамени и Отечественной войны II-й степени;

- Демидов Николай Васильевич – старший лейтенант, на фронте с марта 1942 г., сделал 50 боевых вылетов, вырос от

рядового летчика до командира авиационной эскадрильи. За успешное выполнение боевых заданий и проявленное мужество в боях награжден орденами: Красного Знамени, Отечественной войны II-й степени и Красной Звезды;

- Зацепа Лев Григорьевич – заместитель командира полка по воздушно-стрелковой службе, старший лейтенант. На войне с мая 1942 г., сделал 41 боевой вылет, волевой командир, умелый воспитатель, много уничтожил живой силы и техники врага, награжден орденом Красного Знамени;

- Домушей Николай Кузьмич – командир 566-го шап, майор, на фронте с 22 июня 1941 г., произвел 21 боевой вылет, из них три на аэродромы: Олсуфьево, Сеща и совхоз Дугино, остальные по переднему краю обороны противника, подходящим резервам и железнодорожным перевозкам. За это он награжден орденом Красного Знамени;

- Зинченко Николай Григорьевич – командир эскадрильи, старший лейтенант, на фронте с 22 июня 1942 г., имеет 2 тяжелых и одно легкое ранения, произвел 16 боевых вылетов, опытный летчик и хороший командир, награжден орденом Красного Знамени;

- Старченков Иван Сергеевич – командир звена, младший лейтенант, на фронте с августа 1942 г., произвел 28 боевых вылетов, уничтожил 4 танка, много другой техники и живой силы, награжден орденом Красной Звезды;

- Тимофеев Константин Константинович – механик по вооружению 3-й эскадрильи, старший сержант, на фронте с 20 мая 1942 г., обеспечил 720 самолетовылетов, в том числе, 128 боевых вылетов. Восстановил поврежденное в бою вооружение на 52 самолетах. Сделал 4 боевых вылета в качестве воздушного стрелка, отбил 13 атак истребителей противника. Недавно выдвинут на должность заместителя старшего техника 1-й авиационной эскадрильи по вооружению. За образцовое выполнение заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками награжден медалью “За отвагу”;

- Позняков Яков Михайлович – командир авиационной эскадрильи, капитан, на фронте с первых дней войны, в 513-м иап с июня 1942 г. произвел 180 боевых вылетов, участвовал в 12 воздушных боях, сбил 3 самолета противника, награжден орденом Красного Знамени;

- Ермолин Федор Филиппович – командир 2-й эскадри-

льи, лейтенант, на фронте с мая 1942 г., произвел 16 вылетов, уничтожил 3 танка, 52 автомашины, 14 повозок, 8 дзотов. 2 августа 1942 г. не вернулся с боевого задания;

Особенно яркие характеристики даны в описании подвигов молодых погибших летчиков-штурмовиков 224-й шад: Вани Морозова, Георгия Хевсуриани и Миши Николаева. В статье “Любовь к Родине” напечатано: “В феврале 1942 г. в 565-й шап прибыл совсем еще молодой летчик Морозов. Пройдя десятидневную тренировку на аэродроме Кряж, Куйбышевской области, он вылетел вместе с полком на Волховский фронт. Крепкие молодые руки вели могучую стальную машину. Зоркие глаза наблюдали за воздухом и землей. Появилась дымка: она все росла и росла, застилая путь молодому летчику. Вскоре пошел снег. Ветер с огромной силой крутил его и уносил в огромное небесное пространство. Все труднее и труднее было управлять машиной. Льдом покрывался козырек. Видимости совсем не было. Но молодое сердце, которое рвется на фронт, спешит на защиту своей любимой Родины, победило. Его самолет благополучно приземлился на своем аэродроме.

12 марта сержант Морозов получил первое боевое крещение. Он летел в звене, которое вел лейтенант Безух. Сердце радостно билось в груди. Цель с каждой минутой приближалась. Вот она, перед глазами, в прицеле. Град снарядов и пуль полетели поражать врага. Но вот появились три истребителя Ме-109, которые стали атаковать звено штурмовиков. По сигналу ведущего летчики выстроили самолеты в круг и приняли бой. Вскоре один Ме-109 загорелся и полетел вниз. Два “мессера” продолжали нападать. После одной из атак Морозов почувствовал боль в левой руке, в предплечье и левом боку, но, преодолевая сильную боль, он продолжал драться. Самолет становился непослушным. Мотор работал с перебоями, как будто какая-то сила трясла его. Атака отбита. Морозов развернул самолет, пролетел над линией фронта. Вот он, виден уже свой родной аэродром, но сил оставалось все меньше и меньше. В голове образовался какой-то туман. Глаза невольно закрывались, а кровь все текла и текла из пробитой руки. С большим трудом ему удалось посадить свою подстреленную стальную “птицу”.

Много раз Ванюша Морозов, как его любили называть в

полку, летал на штурмовку врага, был трижды ранен. За отличную боевую работу он награжден медалью “За отвагу”. В боях рос и мужал Морозов – вот он уже младший лейтенант и командир звена во 2-й эскадрильи старшего лейтенанта Безуха. За героическую борьбу с немецкими захватчиками Морозов был награжден орденом Красного Знамени. В свои 19 лет был принят кандидатом в члены партии большевиков. Он был одним из многих бойцов, которые беспредельно любят свою Родину, свой народ. Морозов трижды пролил кровь свою в борьбе с ненавистным врагом. Он отдал свою жизнь за честь, за свободу, за счастье народа”.

В статье “Бессмертный летчик “Хева”” также очень образно нарисована фронтовая жизнь грузина Хевсуриани Георгия Александровича, которого за веселый нрав ласково называли так в полку, а сельские ребята звали его просто дядя Хева. Вот как описан его 13-й боевой вылет: “4 апреля 1942 г. получено задание – нанести удар по скоплению пехоты и техники противника в районе ж.д. станции Бобынино; Хевсуриани получил дополнительную задачу прикрывать звено своих самолетов от истребителей и зенитного огня врага. Еще до вылета летчики шутили, говоря:

“Смотри Хева в оба, это у тебя тринадцатый вылет – чертова дюжина!”

И действительно, пришлось смотреть в оба. При подходе к цели нашу четверку самолетов атаковали 6 Ме-109. Наши истребители завязали с “мессерами” бой. Неожиданно из облаков вынырнули два “мессера” и начали пикировать на звено штурмовиков. Хевсуриани, летевший сзади группы, выпустил из пушек и пулеметов несколько очередей по атакующим истребителям, и они отвалили в сторону. В это время начала бить зенитка. Довернув самолет, он выпустил по ней пару РСов, и она замолчала. Но в этот момент летчик почувствовал удар снаряда в заднюю броню. Прицелившись, сбросил бомбы, но в этот момент почувствовал второй удар. Машина начала снижаться. После атаки цели и выравнивания получил третий удар. Над своим аэродромом пришлось вести бой с “гостями” - немецкими истребителями. После посадки на самолете Хевы были обнаружены следующие неисправности: отбит левый руль высоты, пробиты руль поворота, правая плоскость и фюзеляж. Насчитали более 150 пулевых и оско-

лочных пробоин. За отличное выполнение боевых заданий командования в борьбе с фашистскими захватчиками Хевсуриани награжден орденом Красного Знамени”.

В статье “Он любил жизнь” дана характеристика мастеру штурмовых ударов с бреющего полета Мише Николаеву и показана его героическая смерть. Однажды “...снаряд вражеской зенитки ударил в мотор. Напрягая все усилия, летчик тянул “раненую” машину, и когда мотор заглох, сел на нейтральной территории, между двумя “огнями”. Началась схватка между немцами и русскими за самолет и летчика. Немецкие солдаты приближались быстрее и были ближе к цели. Николаев бежал к своим, отстреливаясь из личного оружия. Убил 5 солдат, но и сам был ранен. Чтобы не попасть в плен, он выстрелил в себя и, падая, обхватил родную землю руками, за которую отдал свою молодую жизнь. Указом Президиума Верховного Совета СССР героически погибший Николаев награжден орденом Красной Звезды посмертно”.

Но особое и самое сильное впечатление на летчиков, прибывших из школ и училищ в 224-ю шад, производили боевые подвиги командира 2-й авиационной эскадрильи капитана Безуха. О своих боевых делах он, теперь уже заместитель командира 565-го шап по летной подготовке, майор М.И. Безух, рассказывал в душевных беседах с молодым пополнением лично, что вызывало повышенный интерес и эмоциональное волнение слушателей.

Михаил Иванович Безух родился в 1914 году в деревне на Белосарайской косе, русский, из крестьян, член КПСС с 1942 года. Будучи командиром авиазвена истребительного полка на Южном фронте, совершил 48 боевых вылетов. Безух прибыл в 565-й шап в сентябре 1941 года на должность командира авиазвена. Вскоре стал заместителем командира авиационной эскадрильи по штурманской подготовке, а затем командиром 2-й авиационной эскадрильи.

Являясь новатором по характеру и отличным летчиком, Михаил Иванович стремился использовать опыт и тактику истребительной авиации при выполнении боевых задач на самолетах-штурмовиках. Он смело вступал в бой на Ил-2 с истребителями противника. “Воздушный бой! Боем обороняться – это значит жить” – таков его девиз. Перед каждым вылетом вместе с летчиками Безух тщательно разрабатывает мельчай-

шие детали возможного воздушного боя, добивается четкого взаимодействия экипажей в полете. И это давало свои результаты. 14 марта 1942 года во время выполнения боевого задания на Волховском фронте, три самолета Ил-2 под командованием Безуха, были атакованы истребителями противника. Штурмовики не растерялись и вели воздушный бой на вираже, над территорией противника, в течение 28 минут, с пятью Ме-109. В результате этого воздушного боя было сбито два Ме-109, один из них сбил лично т. Безух. Штурмовики, сбив два истребителя противника, своих потерь не имели. За этот смелый подвиг, тогда еще старший лейтенант, М.И. Безух был награжден орденом Ленина.

А вот, что рассказал, заместитель командира авиационной эскадрильи Мокин, об одном из боевых эпизодов Безуха, более позднего периода.

24 апреля 1943 года проводилась операция по уничтожению самолетов противника на аэродроме Брянск. 565-й шап в это время базировался на аэродроме Зубово Западного фронта. Командующий 1-й воздушной армией генерал-майор авиации Худяков, назначив лидировать общую группу, в составе 24 самолетов Ил-2, капитана Безуха. Из-за сложных метеорологических условий (горизонтальная видимость была 1 км) из всей этой большой группы, внезапно, на бреющем полете, без прикрытия истребителей сопровождения, вышла на аэродром Брянск и нанесла бомбардировочно-штурмовой удар только первая шестерка Ил-2 во главе с ведущим лидером Безухом.

В результате этого налета было уничтожено 22 самолета противника на земле. При выходе из атаки группа Ил-2 была атакована четырьмя истребителями противника Ме-109. Командир решил принять воздушный бой. Передав по радио командование группой своему заместителю, он вместе со своим стрелком отражал атаки истребителей, и тем самым прикрыл выход из боя своих самолетов. Произвел посадку на свой аэродром, не имея потерь. За успешное выполнение этого боевого задания в присутствии всего руководящего состава авиачастей на разборе полетов командующий армии лично наградил Михаила Ивановича Безуха орденом Красного Знамени".

В наградном листе о боевых подвигах Михаила Ивановича

ча говорилось: “Лично майор Безух произвел 78 боевых вылетов. Он летал на штурмовку аэродромов Сеща, Брянск, Ново-Дугино. Имел три сбитых самолета противника. Группами, ведущим которых был Безух, уничтожено: 77 самолетов на аэродромах противника, 260 автомашин, 1800 солдат и офицеров, 30 танков, 7 батарей зенитной артиллерии, 6 батарей полевой артиллерии, 13 отдельных огневых точек; взорвано два склада с горючим и один склад с боеприпасами; разбито и повреждено 45 железнодорожных вагонов и один паровоз”. За эти подвиги М.И. Безух был представлен к званию Героя Советского Союза, которое было ему присвоено указом Президиума Верховного Совета СССР 1 июля 1944 года.

Много было рассказов о подвигах и других летчиков - ветеранов полка. Например, каждый летчик знал, как летом 1943 года Владимир Яковлевич Мокин, выполняя боевое задание на разведку противника, с бреющего полета на Брянском шоссе сфотографировал большую колонну, протяженностью до 12 км немецких танков, идущих к фронту. При выполнении этого задания Мокин был сбит орудием немецкого танка, но все-таки “перетянул” линию фронта и “плюхнулся” в расположение своих войск. Когда специалисты проявили пленку и отпечатали на бумаге, то на фотоснимках танки получились величиной со спичечную коробку, на которых ясно были видны фашистские кресты. За ценные сведения Мокин был награжден орденом Красного Знамени.

Много было совершено и других героических подвигов летным и техническим составом 224-й штурмовой авиационной дивизии. Пали смертью храбрых командиры авиационной эскадрильи Червоноокий и Цветков, летчики Калачев, Иванов, Сычиков, Николаев и другие. Поистине героические подвиги совершали в 1942-43 гг. техники авиазвеньев А.И. Шеянов, Н.М. Рыков и Д.П. Напольнов, механики самолетов В. И. Шевченко, И. И. Бондаренко, М. А. Габрусев, В.Н. Казначеев, М.В. Смирнов, Семен Зверев, Михаил Гречко, Ефим Садов, Михаил Илюшин, Новиков, Кинзебаев, механик по радио В.Н. Платонов и другие, которые совершали перелеты с одного фронтового (полевого) аэродрома на другой, в бомболоках и на подкосах шасси самолета Ил-2. Это делалось с целью быстрого обслуживания самолетов на новом месте. Техника выполнения этих рискованных полетов была следующая: в бом-

бомболюках размещали четыре человека, в отсеках шасси два человека и одного человека сажали в задний люк одноместного самолета, где стоял аккумулятор. Он был старшим этой десантной технической команды. В его обязанности входило всех посадить (разместить) и привязать, а при посадке самолета на новом аэродроме этот человек выскакивал из люка первым и помогал людям сняться с подкосов шасси и вылезти из бомболюков. При этом не обходилось и без серьезных происшествий и курьезов. Был случай аварии самолета с человеческими жертвами, после которого перевозить людей на подкосах шасси запретили. А в бомболюках продолжали летать. Однажды, при перебазировании техсостава таким способом, перетерся петрафлекс (лопнула масляная трубка) и находившийся в бомболюке Василий Иванович Шевченко был весь облит авиационным маслом. В результате простудился и целую неделю отмывался бензином и специальным мылом.

Все эти подвиги и факты говорят о том, что летчики, техники и весь личный состав беззаветно, самоотверженно сражались с лютым врагом, не щадя живота своего.

Такой богатый боевой опыт командно-летного и технического состава дивизии, вселял в молодых летчиков, чувство гордости за свою воинскую часть и уверенность в победе над заклятым врагом. Одновременно с этим, овеянные славой в боях за нашу Советскую Родину, красные знамена дивизии и полков, многому нас обязывали. Бойцы все понимали, чтобы научиться бить фашистских оккупантов так, как это делал майор Безух и другие ветераны дивизии, надо приложить очень много усилий, кропотливого труда и упорства для выполнения стоящих задач.

И молодое пополнение старалось и трудилось прилежно. На выполнение этой задачи – освоение новой техники и слетанности ушло времени немного, больше двух месяцев. Перед отправкой на фронт, в первых числах января, группа молодых летчиков, вступила в члены КПСС. Летный и технический состав, изучая новую материальную часть и боевой опыт, по-новому и по-настоящему готовился бить врага.

Согласно приказа Командующего ВВС МВО за № 00280 от 02.11.43 г. 224-я шад должна была быть готовой к отбытию на фронт к 10 ноября 1943 года, но недостаточное обеспече-

ние горючим и неблагоприятные метеоусловия для летной работы не позволили уложиться в указанный срок.

19 ноября 1943 года, на основании шифротелеграммы заместителя командующего ВВС Красной Армии № 2696/Ш-37/725 от 17.11.43 г, 513-й иап был выведен из состава нашей дивизии и направлен на Воронежский фронт. 31 декабря на основании шифротелеграммы № 2958/Ш-29/1045 от 27.12.43 г. выведен из состава дивизии 566-й штурмовой авиационный Солнечногорский полк, который был направлен на Ленинградский фронт.

К началу января месяца 1944 г. дивизия, пополнившись 60-ю молодыми летчиками и получив 120 самолетов Ил-2 с пушками ОКБ-16, закончила программу перевооружения. Вступая в новый этап боевой жизни, дивизия имела крепкий боевой коллектив, состоявший из 565-го, 571-го и 996-го штурмовых авиационных полков, укомплектованных по штатам сорока самолетного состава. Штурмовой авиационный полк состоял из трех авиационных эскадрилий и звена управления. Эскадрилья состояла из двух звеньев и звена управления. Звено состояло из четырех экипажей. Экипаж состоял из летчика и воздушного стрелка. К каждому самолету кроме экипажа прикреплялся обслуживающий персонал: авиамеханик, авиамоторист, оружейник. В звено назначались техник звена (офицер), старшие оружейник и приборист. Во главе технического состава эскадрильи был старший техник-лейтенант с помощниками по вооружению, спецоборудованию и радио.

У командира полка было шесть заместителей: по политической части (летчик), по летной части, по штурманской подготовке (летчик), по воздушно-стрелковой службе (летчик), по технической службе (инженер полка), по организационной части (начальник штаба) и два помощника: по радиослужбе и химической части. Начальник связи входил в штаб. У командира эскадрильи были заместитель по штурманской подготовке, старший техник эскадрильи и адъютант эскадрильи. У командира звена – старший летчик и техник звена. Такова была новая структура авиаполков в 224-й шад.

Переучиваясь на новую материальную часть, дивизия произвела 5057 учебных полетов, налетав при этом 1816 часов 43 минуты, и 16 января 1944 года части и управление дивизии

на основании телеграммы заместителя командующего ВВС Красной Армии № 136 от 15.01.1944 года выбыли на 1-й Украинский фронт.

3. Снова на фронт!

Немецкая армия, понеся поражение летом 1943 г., под ударами наступающих войск Красной Армии, продолжала безостановочно откатываться на Запад. За время летнего наступления 1943 года наши войска изгнали врага с левобережной Украины, Донбасса, Тамани, Орловщины, Смоленщины. Вступили в правобережную Украину, освободили Киев. Вступили в Белоруссию, заняли подступы к Крыму, освободили свыше 160 городов и более 138000 населенных пунктов.

16 января 1944 года части дивизии, покинув подмосковные аэродромы, окинув прощальным взглядом столицу нашей Родины – Москву, плотным строем, поэскадрильно, полетели через Серпухов на юг, на 1-й Украинский фронт. Все, что нельзя было взять на самолеты, было погружено в вагоны и на платформы; длинной вереницей эшелон № 2085 тронулся на юго-запад. “Скорее на фронт, скорее вступить в дело, скорее в бой” – одной этой мыслью жил весь личный состав 224-й штурмовой авиационной дивизии. Чрезвычайно плохие условия погоды не позволили дивизии в короткие сроки закончить перелет летных эшелонов. Выделенные для лидирования групп штурмовиков самолеты Пе-2, нередко, встретив плохие метеорологические условия, вынуждены были возвращаться на аэродромы. В результате штурмовики должны были сами организовать разведку погоды и лидирование своих групп.

22 февраля 565-й и 571-й шап сосредоточились на базовом аэродроме 2-й воздушной армии – Прилуки. Летный состав 996-го шап в это время перегонял самолеты Ил-2 с тыловых аэродромов на прифронтовые аэродромы. Последующим узлом сосредоточения дивизии должен быть авиационный аэроузел Ясногородка (западнее Киева) – аэродромы Бышев и Бузова. Но весенняя распутица вывела эти аэродромы из строя, не позволив 565-му и 571-му шап ускорить сосредоточение. В конце февраля командование 2-й воздушной армии поставило перед дивизией задачу: перебазироваться на Новоград-Волынский авиационный аэроузел и приступить к боевой ра-

боте. 2 марта дивизия одним 571-м шап перебазировалась на Новоград-Волынский узел – аэродром Чижовка.

Вот как запомнился вылет на фронт ветеранам 565-го шап.

В субботу 15 января 1944 года нас собрали по тревоге и объявили, что из штаба авиационной дивизии получен приказ: завтра вылетаем на фронт. Начались предполетные хлопоты. Летчики клеили карты, прокладывали маршрут предстоящего полета. Авиаинженеры, авиатехники проверяли моторы, направляли самолеты горюче-смазочными материалами. Младшие авиаспециалисты подготавливали к погрузке в железнодорожный эшелон полковое имущество. Настроение у всех было приподнятое, и никто из нас, летчиков и воздушных стрелков, не хотел тогда думать о том, что впереди кровопролитные схватки с врагом, неминуемые потери, боль и горечь утрат. Мы радовались погожему зимнему дню, предстоящему перелету, радовались, что, наконец, пробил и наш час.

К утру следующего дня к вылету все уже было готово. И вот сигнал на взлет. Штурмовики, разбежавшись по укатанному снегу, звеньями – по четыре самолета – отрывались от земли. В воздухе формировались в эскадрильи и брали курс на юг. Шли через Серпухов и первую посадку совершили на луговом аэродроме в Туле. И здесь как назло “забарахлила” погода. Начавшийся туман надолго приковал боевые машины к аэродрому.

В Туле нас всех разместили в большом зале клуба, находившемся в десяти минутах ходьбы от летного поля. Свободного времени было много, и мы бродили по улицам и переулкам города, знакомясь с его достопримечательностями. По вечерам ходили на танцы.

12 февраля погода снова улучшилась, туман рассеялся, проглянуло солнце, и на следующий день мы перелетели из Тулы в Орел, а 15 февраля – из Орла в Курск. Орел - город с давней и славной историей, оставил в нас горько щемящее чувство утраты и боли. Разрушенные здания жилых домов, фабрик, заводов, кучи битого кирпича и мусора... Жестокие следы войны... Курск видели только с высоты птичьего полета. Аэродром, на который мы тогда сели, находился на значи-

тельном удалении от города. Здесь нас, по правде говоря, изрядно удивили немецкие землянки. Сооружены они были по типу городских квартир и изнутри сияли белизной побеленных стен, потолков и чистых деревянных полов в просторных комнатах. Вырыты землянки были в склонах крутого оврага, находившегося у границы аэродрома. Они были хорошо замаскированы деревьями и кустарником. Во всяком случае, с воздуха их обнаружить было невозможно.

Погода снова начала капризничать, и поэтому из Курска в Прилуки мы смогли перелететь только 22 февраля, а из Прилук в Киев, на аэродром Жуляны, лишь 9 марта. В Жулянах садились на бетонированную полосу и еще в воздухе обратили внимание на то, что аэродром был буквально забит самолетами самых различных систем и конструкций: транспортные, связные, разведчики, бомбардировщики, штурмовики, истребители. Их было так много, что по бетонированным дорожкам аэродрома рулить требовалось очень осторожно, чтобы не зацепить плоскостями другие, впритирку друг к другу стоявшие самолеты. В Жулянах мы впервые увидели три американских бомбардировщика “Боинг-17” – огромные “летающие крепости”, которые после выполнения боевого задания приземлились на этом аэродроме для дозаправки горючим.

Вновь поднялись в воздух с аэродрома Жуляны 12 марта и вскоре приземлились на фронтовом аэродроме Чижовка, который находился несколько севернее города Новоград-Волынского. Почти сразу же после нас на посадку зашла группа самолетов Ил-2 братского 996-го штурмового авиаполка. Один летчик неточно рассчитал направление посадки, уклонился во время пробега вправо и плоскостью своего самолета задел за пушку другого штурмовика, находившегося на стоянке. Пушка выстрелила бронебойным 37 мм снарядом, который, пробив боковую броню садившегося “Ила”, попал в грудь летчику. Конечно, это был только несчастный случай, но так как он произошел на фронтовом аэродроме, то на нас, молодых тогда летчиков, морально подействовал очень сильно, еще раз напомнив о том, что мы прибыли на фронт, где за ошибку или оплошность приходится расплачиваться жизнью.

В Чижовке мы узнали, что базирование всего 565-го шап первоначально планировалось на фронтовом аэродроме Бузова, где раньше и села часть наших штурмовиков. Однако в

связи с весенней распутицей аэродром этот оказался непригодным для полетов, поэтому нас посадили на запасной аэродром Чижевка, где грунт песчаный и грязи совсем нет. Если не считать данного случая, то перебазирование полка из Подмосковья на 1-й Украинский фронт было завершено, и завершено, в целом, благополучно.

Пытаясь затянуть войну, немцы на всех участках советско-германского фронта оказывали яростное сопротивление наступающим войскам Красной Армии. На 1-м Украинском фронте, на участке Дубно - Любар, к февралю 1944 года линия фронта стабилизировалась. Противник, располагая на этом участке тремя танковыми и пятью пехотными дивизиями, продолжал подтягивать резервы из глубины, снимая их с других, менее активных участков фронта; используя весеннюю распутицу, оказывал яростное сопротивление нашим войскам.

Войска фронта, произведя перегруппировку, поддерживаемые бомбардировочно-штурмовыми ударами с воздуха, 4 марта перешли в наступление на Староконстантиновском и Могилев-Подольском направлениях.

Глава III. В боях за освобождение Украины.

1. Участие 224-й шад в Проскуровско-Черновицкой наступательной операции.

Содействие войскам центрального участка 1-го Украинского фронта в наступлении на Староконстантиновском, Проскуровско-Тернопольском и Каменец-Подольском направлениях. Разгром Дунаевецкой группировки и отражение контратак противника на Бучачском направлении.

224-я штурмовая авиационная дивизия, выполняя боевой приказ командующего 2-й воздушной армией генерал-полковника авиации Красовского, с рассвета 4 марта начала напряженную, в исключительно неблагоприятной обстановке, боевую работу.

565-й и 996-й шап, большая часть технического состава

571-го шап находились в стадии перебазирования. Боевую работу вести мог только один 571-й шап, который 3 марта, т.е. накануне наступления, перебазировался с аэродрома Бузова на аэродром Чижовка. Весенняя распутица вывела прифронтовые аэродромы из строя до такой степени, что самолеты с мест стоянок на старт приходилось вытаскивать буквально на руках. Автотранспорт не мог передвигаться по дорогам.

Противник, располагая развитой сетью стационарных аэродромов, как то: Старо-Константинов, Проскуров, Тернополь (до 1944 г. – Тарнополь) и др., сосредоточил на них до 350 бомбардировщиков, свыше 130 истребителей, оказывал сильное воздушное противодействие, как наземным войскам, так и боевой работе наших штурмовиков. Выполняя боевой приказ командира 10-го иак (истребительный авиационный корпус), куда входила наша дивизия в этот период в оперативное подчинение, личный состав дивизии, вдохновляемый победоносным движением Красной Армии, не считаясь со временем и тяжелыми условиями, мобилизовал себя на выполнение боевого приказа командования.

Летчики делали в день по 2-3 боевых вылета, опускались до бреющего полета и с 3-4 заходов бомбили и штурмовали вражескую технику и живую силу на переднем крае и в местах сосредоточения, обеспечивая успех наземным войскам. Технический состав, отдыхая в сутки по 3-4 часа, напряженно трудился, обеспечивая боевые вылеты, восстанавливал поврежденные в боях самолеты, и нес службу по охране материальной части. Личный состав дивизии с честью выполнил поставленные задачи. В результате стремительных и сильных ударов с земли и воздуха, наземные войска на участке Белгородка-Изяславль прорвали оборону противника и на четвертый день наступления, развивая успех, 9 марта овладели важным опорным пунктом и узлом шоссейных дорог – городом Старо-Константинов. За отличные боевые действия в боях за освобождение города Острополь и Жмеринка в приказе Верховного главнокомандующего летчикам полковника Котельникова была объявлена благодарность; 571-му шап присвоено собственное наименование “Остропольский”, а дивизии – “Жмеринская”.

В городе Старо-Константинов войска центрального участка 1-го Украинского фронта мощной волной устремились

на город Проскуров с задачей: овладеть городом, тем самым перерезать рокадную железную и шоссейную дороги Винница-Тернополь. В дальнейшем, развивая наступление, овладеть последним узлом сопротивления на левом берегу Днестра – городом Каменец-Подольск. Оперативным планом предусматривалось расколоть немецкую группировку в этом районе на две части, что создавало условия уничтожения противника по частям. Немецкое командование, осмыслив создавшееся положение, решило любой ценой удержать Проскуров, железнодорожную и шоссейную магистраль Винница-Тернополь. Наши войска, развивая наступление, к первой половине марта вышли на рубеж реки Бужок, и местами форсировали ее. Противник, располагая к этому времени десятью танковыми и шестью пехотными дивизиями, стал яростно контратаковать наши войска. В результате на ряде участков ему удалось даже потеснить наши части.

В своих воспоминаниях, командующий 1-го Украинского фронта маршал Г.К. Жуков пишет: “4 марта 1944 года началось наступление войск 1-го Украинского фронта. Фронт обороны противника на участке Шумское-Любар был прорван, в образовавшуюся брешь были введены 3-я гвардейская и 4-я танковые армии. К 7 марта обе эти армии, опрокидывая сопротивление противника, вышли на линию Тернополь-Проскуров. Была выведена из строя важная железнодорожная магистраль Львов-Одесса. Командование немецко-фашистских войск, почувствовав угрозу окружения своей Проскуровско-Винницко-Подольской группировки, сосредоточило против 1-го Украинского фронта 15 дивизий. 7 марта здесь завязалось ожесточеннейшее сражение, которого мы не видели со времен Курской дуги”¹⁹ (см. рис.8).

Командование 2-й воздушной армии и 10-го иак поставило 224-й шад боевую задачу: массированными ударами с воздуха содействовать нашим наземным войскам в отражении контратак противника. 12 марта перебазируется на аэроузел Шепетовка 571-й шап, а 15 марта – 565-й и 996-й шап. Перебазировавшись на Шепетовский аэроузел, аэродромы: Судилков, Каськов, Каменный брод и Воронковцы, дивизия с ходу вступила в напряженную боевую работу. Наносила мощные бомбардировочно-штурмовые удары по контратакующим танкам и пехоте противника. Содействуя наземным войскам в

отражении контратак противника, штурмовики дивизии в течение 6 дней сделали около 200 вылетов, уничтожив и повредив до 40 танков, около 100 автомашин и более 2000 солдат и офицеров противника.

Молодые летчики, из числа прибывшего в 224-й шап пополнения, вспоминают.

Шел март 1944 года. Наши войска в те дни вели ожесточенные бои южнее Шепетовки, продвигаясь в направлении городов: Старо-Константинов, Проскуров (Хмельницк), Каменец-Подольск, Станислав (Ивано-Франковск) и Тернополь. Проводилась Проскуровско-Черновицкая операция по окружению и уничтожению немецко-фашистских войск. 12 марта мы прилетели с аэродрома Жуляны на полевой аэродром с песчаным грунтом, севернее Новгород-Волынска (Чижовка). Часть самолетов полка застряла из-за весенней распутицы на аэродроме Бузова, поэтому у некоторых молодых летчиков взяли самолеты для более опытных экипажей. И это было вполне естественно – в сложной обстановке “в бой идут одни старики”. Оказавшись “безлошадными”, мы, разумеется, не летали. А летать, сражаться с врагом хотелось всем. Молодежь рвалась в бой.

Через 5 дней, 17 марта 1944 года, “безлошадники” получили приказ перебазироваться с аэродрома Чижовка на аэродром Судилков, расположенный восточнее Шепетовки. Ехали на грузовой автомашине. Следы войны и недавних сражений видны были повсюду. На ночлег остановились в деревне, находившейся недалеко от аэродрома. Там же разместился и штаб 565-го шап. Несколько дней назад здесь был жестокий танковый бой. Мысленно мы пытались воскресить картину этого сражения. Вот посредине деревни стоит тяжелый немецкий танк с огромной пробоиной в башне. В него из засады стреляла наша тридцать четверка. Но ее тоже подбили. Еще были видны несколько сожженных и покореженных танков – наших и немецких. Они, эти стальные глыбы, застыли словно огромные мрачные изваяния. Рядом с обочиной дороги, проходящей по деревне, большая воронка от взрыва авиабомбы, заполненная весенней талой водой, из которой торчат ноги убитого немецкого солдата.

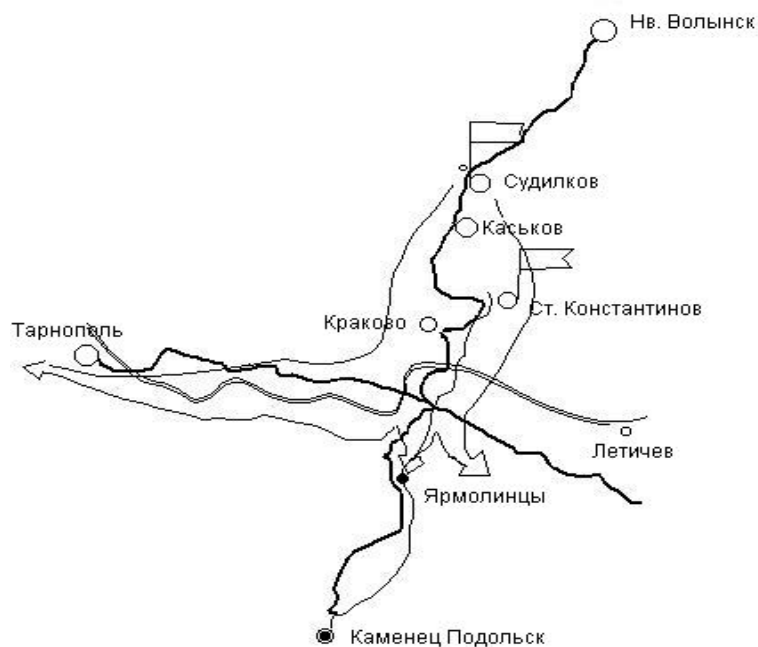

Рис.8

Войска, между тем, подтягивались ближе к фронту, чтобы нанести врагу новый удар. И мы, проведя на аэродроме Судилков два дня, 19 марта на грузовой машине вместе со штабным имуществом и старшим писарем Дарьей Ковалевой, поехали через Шепетовку в город Старо-Константинов, освобожденный 9 марта. Ехали медленно, скорость не превышала 15-20 километров в час. Дорога была разбита прошедшей по ней ранее военной техникой, изуродована глубокими выбоинами и ухабами. Колеса в липкой весенней грязи проскальзывали. Через каждые 100-200 метров по бокам дороги в кюветах попадались разбитые нашей авиацией танки и автомобили, мотоциклы, артиллерийские орудия и другая немецкая военная техника. 50 километров дороги показались бесконечно длинными.

И вот наконец-то город Старо-Константинов. Походил

этот город скорее на большое село и ничем достопримечательным не отличался. Разместили здесь нас поэскадрильно в кирпичном доме. Каждое утро маленький автобус забирал нас и отвозил на аэродром. В город возвращались на нем же поздно вечером. Командный пункт нашего полка разместился на аэродроме в небольшом деревянном домике. Там находились командир полка, его заместители и оперативная часть штаба полка. На командном пункте, или рядом с ним, находилась также наземная радиостанция для связи с самолетами, находящимися в воздухе и со штабом дивизии. Кроме того, всегда в готовности № 1 стояла медицинская машина.

Летный состав размещался метрах в пятидесяти от командного пункта в землянке, где в ожидании боевого задания летчики и воздушные стрелки коротали время. Читали газеты и журналы, писали письма родным и близким, играли в шахматы и шашки, а то и просто спали на удобно сделанных в землянке нарах. Эти деревянные настилы-нары, покрытые иногда свежим сеном или соломой, летчики в шутку называли плацкартными местами. Приехав на аэродром, летчики бежали из автобуса наперегонки в землянку, чтобы занять плацкартное место и добрать, как тогда говорили наши острословы, минуток шестьсот. Ну, а кто не успевал занять “плацкарту”, тот обречен был топить “буржуйку” – печку, сделанную из железной бочки из-под керосина.

Староконстантиновский аэродром стал для нас, молодых летчиков, первой авиабазой, с которой начали производиться регулярные боевые вылеты. Именно с этого аэродрома большинство из нас совершило свои первые боевые вылеты на уничтожение живой силы и техники противника, получив в те мартовские дни сорок четвертого боевое крещение.

Операция, между тем, продолжалась. Восемь суток войска 1-го Украинского фронта стойко отражали контратаки противника, пытавшегося стабилизировать положение. Особенно сильные бои разгорелись северо-западнее города Проскурова (ныне Хмельницкого).

Отражая контратаки врага, наши наземные войска в тесном взаимодействии с авиацией, измотав в тяжелых боях лучшие боевые соединения немцев, нанесли им весьма чувствительные потери. Наряду с активными боевыми действиями в отражении контратак противника, наши войска производили

перегруппировку и готовились к завершающему этапу этой операции – расколу и уничтожению южной группировки по частям. К 20 марта танковые группировки генералов Рыбалко и Лелюшенко сосредоточились для выполнения намеченного плана. Части дивизии, ведя интенсивную боевую работу, 20 марта перебазировались на Староконстантиновский аэроузел.

Командование 10-го иак поставило 224-й дивизией задачу: мощными бомбардировочно-штурмовыми ударами по узлам сопротивления, огневым и техническим средствам, действовать нашим наземным мотомеханизированным войскам, обеспечить прорыв обороны противника и развитие успеха на Проскуровском и Каменец-Подольском направлениях. 21 марта после мощных огневых налетов артиллерии и массированных ударов штурмовиков в районе Гжималув танковая группировка генерала Лелюшенко прорвала фронт. А затем, форсированным маршем устремилась на город Чертков, имея дальнейшую задачу: овладеть городом Каменец-Подольск. 2-я танковая группировка под командованием генерала Рыбалко, поддерживаемая непрерывным воздействием штурмовиков, перешла в наступление непосредственно на Проскуров. Противник, не выдержав сокрушительных ударов наших войск, стал откатываться в южном направлении. 26 марта наши войска овладели городом Проскуров. И в этот же день танкистами генерала Лелюшенко был взят город Каменец-Подольск (см. рис.9).

В районе Могилев - Подольск форсировали Днестр войска 2-го Украинского фронта и, взламывая на пути сопротивление противника, стали быстро распространяться на южном берегу Днестра. В результате комбинированных и стремительных действий всех родов войск, при тесном взаимодействии с войсками 2-го Украинского фронта, группировка в количестве 21 дивизии, в том числе, 10 танковых, одной моторизованной и одной артиллерийской, в основном, была окружена.²⁰

Как пойманный в ловушку зверь, металась в кольце советских войск, окруженная группировка противника. Советские войска, успешно завершив окружение, но обессиленные тяжелыми боями, в условиях весенней непогоды были не в состоянии уничтожить окруженную группировку. Только штурмовая авиация, причем, только такие части и соединения, которые имели боевой опыт, крепкую дисциплину, выдержку и

хорошую ориентировку могли выполнить эту, столь серьезную и ответственную задачу.

Командование 2-й воздушной армией и 10-го истребительного корпуса поставило задачу: ударами с воздуха уничтожить окруженные войска противника в районе Дунаевцы, препятствуя выходу их в западном направлении, куда они больше всего стремились выйти через слабый заслон наших войск на этом участке. В это время испортилась погода. Выпало много снега. Резко осложнились условия боевых вылетов, точнее – взлета наших штурмовиков с аэродрома.

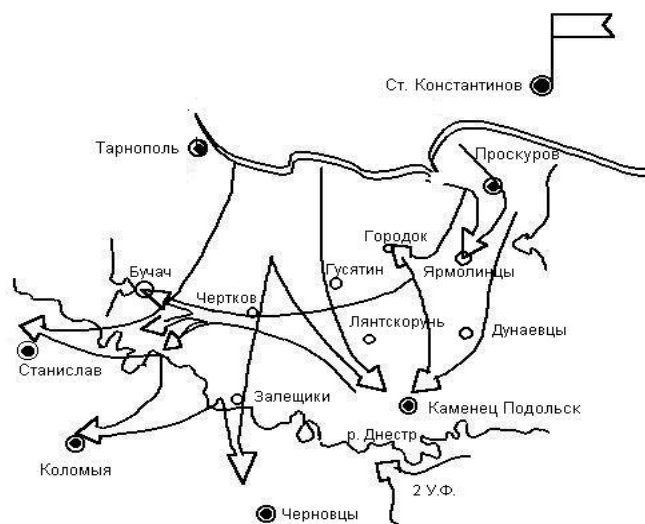

Рис.9

Дело в том, что протекающая через Старо-Константинов речка Случ сильно разлилась и затопила значительную часть летного поля. Начались заморозки, аэродром покрылся почти сплошной коркой льда толщиной до полутора сантиметров. “Илы” делали взлетный разбег прямо по ледяному крошеву, брызги воды летели во все стороны, куски льда со звоном ударялись о центроплан, фюзеляж и хвостовое оперение самолета, оставляя порой глубокие царапины. Но четко, слаженно, без суеты и нервозности работал в те дни и ночи ин-

женерно-технический состав полка – инженеры, техники, мотористы, оружейники, радисты, механики и другие авиационные специалисты. Латались пробоины, опробовались и подогревались моторы, заправлялись горючим баки самолетов. Проводилось техническое обслуживание различных агрегатов мотора и самолета по утвержденному графику со строгой отметкой выполненной работы в формуляре.

Многие авиатехники были многопрофильными специалистами и могли выполнять почти все работы на самолете Ил-2. К таким специалистам относился, в первую очередь, старшина Владимир Николаевич Казначеев, обслуживавший самолеты звена управления 565-го полка. Недаром про Казначеева говорили словами народной пословицы, что он “швец, жнец и на дуде игрец”. Молодежи было чему поучиться у опытного старшины.

Механики по авиавооружению Жураков, Зверев, Старжинский и другие обеспечивали подвеску под каждый самолет по 400-600 килограммов авиабомб разных калибров и по 4-8 реактивных снарядов, заряжали автоматические пушки и пулеметы. Механики по радио, механики спецслужб проверяли работу всех приборов и электрооборудования, настраивали передатчики и приемники на заданную волну. Руководили всей огромной работой авиационные инженеры полков, в том числе, инженер-майор С.Т. Маслов, инженер-капитан П.Д. Макогон, начальник связи полка майор П.М. Лифанов. В авиационных эскадрильях руководство техническим составом осуществляли старшие техники-лейтенанты В.И. Горский, П.Ф. Моисейчиков, А.А. Поляниченко, Л.В. Шевляков и другие.

Было в дивизии и много женщин. Надо ли говорить о том, какая колоссальная физическая нагрузка ложилась на их хрупкие плечи. Но девушки: мастер по вооружению младший сержант А.М. Иванова, стрелки авиавооружения младшие сержанты М.А. Андреева, В.И. Устенко, А.Т. Аксенова, ефрейтор З.С. Букреева и другие отлично справлялись со своими обязанностями. Никогда не было слышно от них ни жалоб, ни сетований на свою нелегкую фронтową жизнь.

Все звенья инженерно-технической службы работали предельно четко и слаженно; самоотверженным трудом на земле, они подготавливали успех боевых действий в воздухе. Помо-

гали летчикам также и штабники-оперативники – они обеспечивали их полетными картами, уточняли прохождение линии фронта и расположение наземных целей, метеорологи давали прогноз погоды; работники батальона аэродромного обслуживания обеспечивали полки дивизии боеприпасами, горюче-смазочными материалами, питанием, жильем, одеждой и т.д.

Прекрасно в полках была налажена и партийно-политическая работа. Политинформации и собрания проводились регулярно применительно к фронтовым условиям - или на командном пункте, или в штабной землянке, или просто на открытом воздухе. Проводили их обычно заместители командиров полков по политчасти, секретари парторганизаций, работники политотдела авиадивизии.

Командиры полков и их заместители регулярно проводили разборы полетов на разведку и штурмовку живой силы и техники врага. В это время очень важным вопросом для дивизии было адаптирование молодых, еще не обстрелянных летчиков. Они испытывали естественный страх в бою, недостаточно эффективно использовали боевые средства своего самолета.

Вот откровенный рассказ такого летчика.

26 марта я совершил свой первый боевой вылет. Мой командир авиазвена лейтенант И.Т. Ромашов водил меня в паре на цели, расположенные южнее и юго-западнее г. Проскурова. Облачность была низкая, поэтому штурмовики в эти дни действовали, как свободные охотники – парами. Несмотря на слабую горизонтальную видимость, Ромашов мастерски водил меня вдоль дорог по территории противника. Атаки его были очень эффективны. Огненные стрелы “эресов” и пунктирные трассы 37-миллиметровых бронебойных снарядов прошивали броню гитлеровских танков, бомбы ложились очень точно в цель, пулеметы “косили” вражескую пехоту. Я, как и полагалось, держался сзади и несколько правее от ведущего.

Вот Ромашов пикирует на танк, трасса снарядов проходит с небольшим недолетом. Он подправил немного самолет, еще одна очередь – танк окутался черным клубом дыма. Я пикирую за Ромашовым, стреляю в грузовик с пушкой на прицепе

и... не попадаю. Чертовски досадно!

Начиная с 28 марта погода улучшилась, и создалась благоприятная обстановка для массированного применения авиации в районе Дунаевцев - небольшого городка, находящегося километрах в шестидесяти к югу от Проскурова и километрах в тридцати к северу от Каменец-Подольска. К этому времени дунаевцы волею обстоятельств оказались как бы центром окруженной территории противника, зажатого в железном кольце наших войск. Сюда враг стянул все свои силы. Было ясно, что, собрав их здесь в кулак, он предпримет отчаянную попытку вырваться из окружения.

Но не бездействовало и наше командование. Врага уничтожали с воздуха. В район Дунаевцев были направлены основные силы авиации 2-й воздушной армии, в том числе и наша 224-я штурмовая авиационная дивизия. Налеты на гитлеровцев группами по 8-12 самолетов по два-три раза в день.

Мне пришлось летать на Дунаевцы трижды. Второй вылет мы совершили 29 марта в составе 12 самолетов. Погода на этот раз нам благоприятствовала – солнце, на небе ни облачка. В район цели вышли точно в назначенное время. Дорога забита войсками противника. Такого огромного скопления вражеской техники мне еще видеть не приходилось. Танки, самоходные орудия, автомашины с пушками на прицепе, мотоциклы – все это стояло на шоссе и вдоль него в три-четыре ряда и прикрывалось мощным огненным заносом зенитной артиллерии.

Высота 1100 метров. Идем со снижением. Успеваем заметить Ил-2, лежащий на “животе”, примерно в километре от северной развилки шоссе дорог. Скорее всего, этот самолет командира 571-го штурмового авиационного полка подполковника Макарова, который был сбит в этом районе накануне. Зенитки противника неистовствуют. Небо расцветает тысячами ярко-оранжевых вспышек. Волнение достигает предела. Стучит кровь в висках. Мысль одна: только бы выдержать этот кошмар, удержаться в боевом строю группы.

Но вот заканчиваются томительные секунды нашего беспомощного “висячего” положения, и группа “Илов” во главе с ведущим капитаном Дахновским пошла, пикируя, в атаку... Горят машины, танки, орудия... Над дорогой ползет густой дым. Фашисты в ядовито-зеленых шинелях, хорошо заметных

на фоне снежной пороши, словно испуганные тараканы разбегаются в стороны от шоссе. Несмотря на мощные бомбоштурмовые удары и агитационные листовки – сдаваться в плен, враг по-прежнему не хотел складывать оружия, яростно огрызался и искал возможность вырваться из окружения. Следующие мои боевые вылеты были более результативными, однако, полного удовлетворения не приносили. Более того, я, как и раньше, был недоволен собой.

“В чем же дело? Почему мажу?” – эти вопросы я задавал себе бесчисленное количество раз и, увы, не находил на них ответа. Действительно, в летном училище, на полигонах и позже в Добрынихе я бомбил и стрелял метко, почти всегда попадал в учебную цель. За выполнение упражнений по применению боевой техники получал хорошие и отличные оценки, а здесь, на фронте, все мимо, да мимо. Как будто подменили меня.

Ромашов, конечно, видел мое состояние и тепло, побратски успокаивал: называя меня по имени и отчеству: “Ты, Михаил Яковлевич, не огорчайся. У меня на первых порах тоже коряво получалось. На поле боя главное спокойствие и выдержка. Тренируй силу воли, а все остальное придет само собой”.

Командир был прав. Тяжелее всего во время первых боевых вылетов оказалось подавить в себе чувство страха. Мне, например, мерещилось, что каждый снаряд, выпущенный из зениток противника, летит именно в меня и должен попасть именно под мое сиденье. Поэтому я первое время над полем боя чувствовал себя неуверенно, делал много лишних движений, нервничал и потел. Так продолжалось до пятого вылета. Этот пятый вылет, что называется, вылечил меня, исцелил от гнетущего чувства страха, неуверенности, заставил поверить в собственные силы.

А дело было так. Ранним утром 30 марта я приехал на аэродром, занял в землянке “плацкарту” и крепко заснул. Разбудила, помню, меня команда дежурного по КП (командному пункту): “Летчиков второй эскадрильи вызывает командир полка!”

Подполковник Сериков, как обычно, коротко объяснил нам боевой приказ: “Танковые части противника, стремясь выйти из окружения, ведут наступление на позиции наших на-

земных войск северо-восточнее города Каменец-Подольска. Командир дивизии полковник Котельников приказал нанести по этим танкам бомбоштурмовой удар. Первую группу в шесть самолетов поведет лейтенант Мокин в составе летчиков: Огурцова, Ромашова, Курганова, Романова и Гугова”.

Мы проложили маршрут на картах, быстро собрались и по самолетам. Взлет! Штурмовики тяжело начали разбег. Я должен был идти ведущим последней пары, но мой ведомый, младший лейтенант Федя Гугов, не сумел взлететь с аэродрома – брызги грязи буквально залепили фонарь его машины, и я оказался замыкающим группы.

“Топаем” по курсу впятером... Минут через двадцать пять среди леса заблестела на солнце извивающаяся гладь Днестра. Под нами большой город со старой крепостью. Каменец-Подольск? Но разобраться я не успел. Заработали зенитные батареи противника. Заградительный огонь был настолько плотным, разрывов снарядов было так много, что казалось нам не пройти, всех перебьют...

Но наш ведущий пилот был не робкого десятка. Он решительно с левого разворота заходит на цель, четыре “Ила” повторяют его маневр. Интенсивность зенитного огня не ослабевает, но пока все было благополучно. Хорошо видно, как внизу по черному полю ползут в боевом порядке бронированные коробки – немецкие танки и на ходу стреляют по нашим войскам. Мы пикируем на них, одновременно ведя прицельный огонь реактивными снарядами и из пушек. Вот загорелся один, второй третий танк. Наши летчики начали работать противотанковыми бомбами. Добавил “масла” в огонь и я. Но вот какая неожиданность: вывожу штурмовик из пикирования и вижу, что параллельно оси самолета проносится трассирующая очередь “эрликоновских” снарядов. “Мессер”?! Он! Воздушный стрелок Карп Краснопеев взволновано докладывает, что сзади нас атакует истребитель “Мессершмидт-109”. Кто выиграет воздушную дуэль?! Кому повезет?! Застучал крупнокалиберный пулемет стрелка. “Мессер” задымил и, словно споткнувшись о невидимое препятствие, пошел вниз, к земле.

Но досталось и нам. Штурмовик начало сильно трясти – снарядом отбило кусок лопасти винта, в центроплане зияли дыры. К тому же оказалась сорвана часть обшивки крыла, по-

вреждены киль и система, обеспечивающая автоматический выпуск шасси перед посадкой. Естественно, разобрался во всех этих повреждениях я не сразу. Да и не до того было. Требовалось другое – быстро среагировать, принять правильное решение. Самолет мой, сильно поврежденный, потерял скорость и маневренность, поэтому я сразу отстал от группы. Обратный полет на свой аэродром в течение примерно шести минут должен был проходить над территорией окруженного противника, то есть при вероятном обстреле зенитной артиллерией и возможности повторного нападения немецких истребителей.

И вот здесь мне пригодились знания, которые я получил в военном училище. Помогли также и советы летчиков-ветеранов. Облака! Они часто выручают на фронте. Беру ручку управления на себя, набираю высоту. Через 1-2 минуты самолет попадает в густую вуаль облаков. Лечу на северо-восток с курсом примерно 15 градусов. Спустя некоторое время снизился и понял, что нахожусь над своей территорией. Внизу – большой город. Убедившись, что это Проскуров, беру курс на Старо-Константинов и примерно через 10-12 минут уже подлетаю к своему аэродрому.

Самолет был сильно поврежден и плохо слушался рулей управления. Напрягая последние силы, выпускаю шасси аварийной лебедкой. Захожу на посадку. Перед выравниванием во избежание случайного пожара выключаю мотор. Самолет задевает землю гранями реборд, на которые одевается резина, и вновь идет вверх, второй раз касается земли уже жестче и вновь “козлит”. Потом плюхается еще раз, глубоко пропахивает мокрую землю и останавливается. Вижу, бегут к самолету все летчики и техники полка. Подходит командир эскадрильи капитан Дахновский, обнимает и говорит: “А тебя уже похоронили. Летчики доложили, что твой “Ил” сбит над целью истребителем противника. Ну, молодец, что прилетел. Как они тебя отделали! Значит, теперь ты долго будешь жить”. Восемь снарядных пробоин – столько насчитал в тот день в штурмовике авиамеханик М.В. Смирнов.

Во время этого же боевого вылета также сильно пострадал самолет молодого летчика младшего лейтенанта Н.И. Огурцова, который был ведомым В.Я. Мокина. Вот как запомнился

ему этот бой.

Ну, свалка была! Здорово мы тогда врезали фашистам! Правда, и нам досталось. Кругом беспорядочно бьют зенитки, снуют “мессера” и штурмовики. На земле все горит. Идет танковый бой. Вижу “мессер” заходит в хвост самолету Мокина. Его воздушный стрелок Валя Щегорцова шпарит во всю из пулемета... Я вывожу “Ил” из разворота и даю очередь из всех пушек и пулеметов. “Мессер” отваливает. Говорю своему стрелку Канунникову: “Смотри в оба, сейчас нас будут убивать!”

Ввожу штурмовик в крутой разворот, чтобы догнать Мокина. Вместе атакуем еще раз танки и пехоту противника. На выходе из пикирования слышу резкий удар, приборной доски не вижу, страшная вибрация – самолет вот-вот развалится. Но “Ил” продолжал лететь. Стрелок передает, что правая сторона стабилизатора отбита полностью вместе с рулем глубины. Разворачиваюсь и догоняю ведущего. Пристраиваюсь к Мокину, и с группой летим домой. При заходе на посадку правая “нога” самолета не выпустилась. Она оказалась разбитой вдребезги. Сажусь на одну “ногу”. По мере гашения скорости самолет начало разворачивать вправо, в борозду, где он встал на нос. Тут же выяснилась причина вибраций: одна лопасть винта была отбита. И все-таки сел. Вот это машина!

Вот так решился вопрос адаптации молодых летчиков на фронте.

А между тем, бои продолжались. Командующий 4-й танковой армии Д.Д. Лелюшенко характеризует эти бои как очень кровопролитные: “В период с 28 марта по 2 апреля 1944 года происходили ожесточенные бои. С особым ожесточением они разгорелись в районе города Каменец-Подольска и населенных пунктов Оринин и Жердье, через которые проходило единственное шоссе с булыжным покрытием. Этим шоссе немцы хотели воспользоваться для прорыва на запад и вывода своей техники из окружения. Но, несмотря на многократное превосходство противника в живой силе и технике, овладеть городом и населенными пунктами гитлеровцам не удалось. 4-я гвардейская танковая армия удерживала их в своих руках до конца.

Гвардейцы совместно с ополченцами Каменец-Подольска отразили шестнадцать неприятельских атак, проявив при этом чудеса мужества и героизма. Пять дней длилось кровопролитное сражение за Оринин и Жердые. Трижды врывались фашисты в местечко Оринин, каждый раз дело доходило до рукопашной схватки, в которой принимали участие офицеры штаба и армии, политотдела, всех служб и родов войск, и неприятель, оставляя горы трупов своих солдат и офицеров, откатывался назад”.²¹

В дневнике-альбоме 224-й шад об этих событиях было записано:

“Выполняя приказ командования, штурмовики частей дивизии в исключительно трудных условиях весеннего периода с раннего утра до позднего вечера штурмовали сплошные автоколонны машин, танков, пехоту на шоссе Ярмолинцы-Дунаевцы-Каменец-Подольск. То там, то здесь разрушались мосты. Образовывались пробки и штурмовики, спускаясь до бреющего полета и делая по 6-8 заходов, бомбили и расстреливали мечущиеся в панике войска противника. Нанося уничтожающие удары по врагу, штурмовики одновременно выполняли специальное задание Политуправления 1-го Украинского фронта - сбрасывали в расположение вражеских войск вымпелы и листовки. Наряду с боевыми действиями по окруженной группировке противника в районе Дунаевцы, 31 марта штурмовики дивизии нанесли массированный бомбардировочно-штурмовой удар по блокированному гарнизону противника в городе Тернополь.

Ни сложные метеоусловия, ни бешеный огонь зениток, — ничто не могло остановить наступательного прорыва наших “крылатых” воинов. Были дни, когда дивизия ввиду неблагоприятных метеоусловий действовала исключительно парами, совершая в день более 200 вылетов. Всё и все были мобилизованы на выполнение поставленной боевой задачи. За отличные боевые действия в этих операциях и за содействие нашим наземным войскам в овладении городов: Проскуров, Тернополь, Каменец-Подольск и Чертков управление и части дивизии получили высокую оценку Верховного главнокомандующего: в приказах № 33, 35, 37, 078 дивизии была объявлена благодарность, а 996-му штурмовому авиационному полку было присвоено собственное наименование “Каменец-Подольский””.

Подольский”””.

Сражаясь с врагом не на жизнь, а насмерть, изгоняя фашистских захватчиков из пределов нашей Родины, дивизия в эту операцию потеряла прекрасного воина штурмовика-организатора, командира 571-го штурмового авиационного Остропольского полка подполковника Макарова Федора Петровича. Приказом командующего 2-й воздушной армии № 048 от 13.04.44 г. на должность командира 571-го шап был назначен молодой командир-новатор, майор Безух Михаил Иванович.

Противник с целью оказания помощи блокированному Тернопольскому гарнизону, выходу из окружения Дунаевецкой группировки и остановки наступления наших войск подтянул в район Станислава и Подгайцы седьмой армейский корпус венгров – (до 4-х танковых и трех пехотных дивизий) и в первой половине апреля предпринял яростное контрнаступление. Районы сосредоточения и боевые порядки войск: Бучач, Подгайцы, Бережаны, были насыщены густой сетью зенитной артиллерии всех калибров. Увеличилось количество авиации противника, особенно истребителей. Наземная обстановка из-за отсутствия стабильной линии фронта ежедневно менялась.

Командование 10-го иак поставило перед дивизией задачу: содействовать нашим войскам в отражении наступления противника на Бучачском направлении. Ведя разведку в интересах наземного командования, в сложных условиях штурмовики дивизии ежедневно с утра до позднего вечера уничтожали боевые порядки вражеских войск, оказывая огромную помощь нашим войскам в отражении контратак противника. Несмотря на море зенитного огня, на внезапные многочисленные атаки истребителей противника и на предельный радиус действия штурмовиков – приказ командования был выполнен. Наши войска, благодаря активной помощи штурмовиков, нанесли противнику огромные потери, отразив все его контратаки.

Не добившись желанных результатов в восточном направлении, противник во второй половине апреля и в мае месяце предпринимает яростные атаки в южном и юго-восточном направлениях. Особенно ожесточенные бои развернулись в районах: Коропец, Ямна, Хоцымеж, Богороды-

чин. Противнику сосредоточенными ударами танков и пехоты местами удалось потеснить наши части.

15 апреля 1944 года 224-я шад в полном составе на основании приказа 2-й воздушной армии № 0049 вошла в состав 8-го шак (штурмового авиационного корпуса). Командиром корпуса был назначен Герой Советского Союза генерал-лейтенант авиации В.В. Нанейшвили.

Командование корпуса поставило дивизии боевую задачу: бомбардировочно-штурмовыми ударами по танкам и живой силе врага содействовать наземным войскам в отражении контратак противника в районах Коломыя и на рубеже реки Днестр в районах: Коропец, Ямна, Монастыриска, Золотники. Одновременно срывать железнодорожные перевозки в этих районах. Для приближения частей к линии фронта, по приказу командования 8-го шак, дивизия 18 апреля перебазировалась на аэроузел Проскуров.

15 апреля в ожесточенных боях смертью героя погиб один из лучших командиров эскадрилий в дивизии - командир авиаэскадрильи 996-го шап, капитан Алексей Иванович Маринкин. Боевые друзья никогда не забудут этого отважного воина, старого ветерана полка.

Выполняя приказ командования 8-го шак, дивизия одновременно с перебазированием на аэроузел Проскуров повела интенсивную боевую работу, нанося удар за ударом по танкам и пехоте противника, теснящим наши наземные войска за реку Днестр. Не прорвавшись через Каменец-Подольск, гитлеровцы основными силами ударили из района Дунаевцы – Балин в обход Жердье с севера на Боршув, а отсюда предприняли отчаянную попытку пробиться через заградительные части Красной Армии в район Бучач-Подгайцы, откуда им на помощь шли две танковые и три

Летчики 224-й шад в эти дни помогали наземным войскам громить прорывающиеся из окружения, до основания потрепанные остатки 1-й танковой армии врага. Наносились также штурмовые удары и по войскам СС, шедшим из района Подгайцев в направлении Бучача на помощь пытавшимся вырваться из кольца гитлеровцам. В первой декаде апреля создавалась ситуация, когда уже трудно стало отыскивать цели. Все перемешалось... Где противник? Где наши войска? Ориентироваться с воздуха можно было только по условным сигналам

– ракетам определенного цвета, выпускаемым в сторону противника, или дымовым шашкам. Иногда спускались до бреющего полета, чтобы убедиться по форме одежды, что это фашисты, и лишь после этого начинали штурмовку. В этих крайне тяжелых условиях летчики не имели ни одного случая удара по своим войскам. Заслуга в этом, главным образом, принадлежала нашим командирам - ведущим групп.

В третьей декаде апреля мы продолжали летать группами по 4-6-8 самолетов на Тернополь и в район Бучач-Подгайцы. 14 апреля город Тернополь был освобожден нашими войсками. Операция близилась к завершению. Но враг пока не сложил оружия, продолжая сопротивляться с еще большим ожесточением, чем прежде. В это время слово “Бучач” среди летчиков произносилось с особой интонацией. Полеты в этот район также, как за несколько дней до этого полеты на Дунаевцы и Каменец-Подольск, были очень опасны. Противник создал здесь мощный огневой заслон, прикрыв свои войска зенитной артиллерией и истребительной авиацией. Полки несли потери в людях и материальной части.

Стала заметно ощущаться нехватка самолетов, и в связи с этим группу летчиков срочно командировали в город Куйбышев за новыми самолетами Ил-2. На аэродроме Проскуров, куда только что перебазировался тогда 565-й шап, произошел несчастный случай: взорвался склад боеприпасов, оставленный гитлеровцами. В результате взрыва погибли два неразлучных друга: заместитель командира, штурман 3-й эскадрильи старший лейтенант А.А. Варников и командир звена 1-й эскадрильи лейтенант Н.Я. Нечаев, которые должны были вместе с другими летчиками отправиться за новыми самолетами. Их заменили старшим лейтенантом А.А. Козловским и мной. И группа из десяти летчиков во главе с майором Мезенцевым 17 апреля улетела на самолете Ли-2 в Куйбышев.

Противник продолжал сильные атаки из района городов Станислава и Коломыи. Чтобы не допустить форсирования реки Днестр в районе Игжиска в южном направлении, имеющиеся в этом районе мосты и переправы, наводимые противником, находились под постоянными ударами штурмовиков дивизии. В результате сильных и комбинированных ударов, нашим войскам удалось сорвать наступление противника, кроме того, три разрушенных переправы через р. Днестр в

этом районе, создали для него условия, не позволяющие дальнейшего продвижения.

24 апреля с целью приближения частей к району боевых действий, дивизия по приказу командования 8-го шак перебазировалась на аэроузел Каменец-Подольск – аэродром Шатава. Там же вместе с дивизией, в школьном здании села разместились и формирующийся тогда штаб 8-го штурмового авиационного корпуса, основными кадрами которого в то время были работники 224-й штурмовой авиационной Жмеринской дивизии. Таким образом, управление (штаб) 224-й шад за четыре с половиной месяца меняло дислокацию шесть раз. Штаб находился с 20.09.43 г. по 16.01.44 г. в селе Троицкое МВ, с 01 по 12.03.44 г. в с. Ясногородка, около г. Киева; с 08 по 12.03.44 г. в городе Новоград-Волыньске, с 12 по 20.03.44 г. в городе Шепетовка; с 20.03 по 18.04.44 г. в городе Старо-Константинов, с 18 по 23.04.44 г. в городе Проскуров (Хмельницкий) и с 23.04 по 09.05.44 г в селе Ша-

Май месяц дивизия провела в непрерывных боях, оказывая постоянную поддержку с воздуха нашим наземным войскам в отражении контрнаступления превосходящих сил противника на Коломыйском направлении.

В этих тяжелых боях 28 апреля дивизия потеряла командира 996-го штурмового авиационного Каменец-Подольского полка - подполковника Зорина Дениса Михайловича. Вторая тяжелая утрата постигла дивизию в эти незабываемые весенние дни 1944 года. По приказу 2-й воздушной армии на должность командира 996-го штурмового авиационного Каменец-Подольского полка был назначен инструктор по технике пилотирования дивизии майор А.И. Шепельский – молодой растущий командир.

Последней, чисто авиационной операцией, в которой дивизия принимала участие в этот период времени, была операция - налет на аэродром Станислав. С этого аэродрома противник вел непрерывную разведку наших войск и аэродромов, бомбардировал боевые порядки и объекты, занятые нашими войсками. Наше командование решило, если не совсем лишить противника возможностей действия с этого аэродрома, то, по крайней мере, ограничить их. По данным разведки на Станиславском аэродроме базировалось свыше 30 самолетов противника разных типов. Аэродром был прикрыт шестью ба-

тарями зенитной артиллерии, а на полевых площадках и вокруг лежащих аэродромах, круглосуточно дежурили группы истребителей.

По приказу командира 8-го шак удар должен был наноситься двумя восьмерками Ил-2 от 227-й шад и одной восьмеркой от 224-й шад под прикрытием двадцати истребителей Ла-5 от 235-й иад. Налет был рассчитан на внезапность, на мастерство летчиков и хорошую организационную подготовку к выполнению столь сложной задачи (см. рис.10).

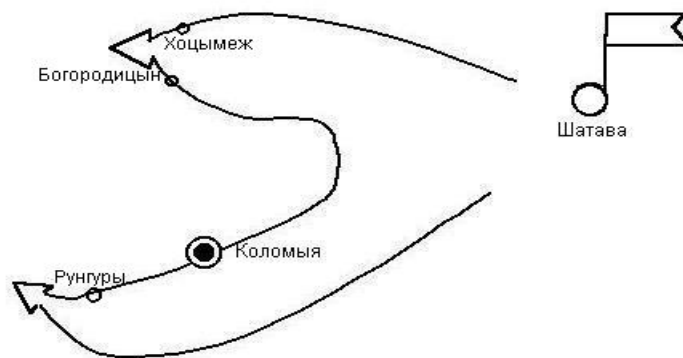

Рис.10

2 мая в 4:30 утра группы, после детально проработанной задачи, поднялись в воздух, вытянувшись в колонну, легли на курс. Выйдя точно на цель, первая группа штурмовиков и истребителей сопровождения с дальней дистанции открыла ураганный огонь по начинавшим было огрызаться батареям зенитной артиллерии. Последующие группы, опускаясь до высоты 200 м, обрушили смертоносные залпы из пушек и пуле-

метов, реактивных снарядов и авиабомб на стоящие внизу фашистские самолеты. Младший лейтенант Рязанов, заметив вблизи аэродрома на железнодорожной станции до шести эшелонов, сбросил на них бомбы. Без единой потери группа вернулась домой. На аэродроме после налета догорало двенадцать самолетов, и от десяти самолетов остались одни щепки. На железнодорожной станции Хрыплин, окутанные дымом, горели два железнодорожных эшелона.

В последних числах апреля боевые вылеты дивизии производились с аэродрома Шатава, который оказался невезучим для летчиков 996-го шап (погиб командир полка Зорин) и 565-го шап, особенно его 2-й и 3-й авиационных эскадрилий. Сначала не вернулись на аэродром с боевого задания командир звена 2-й авиационной эскадрильи лейтенант И.Т. Ромашов и летчик младший лейтенант Ф.Г. Гутов, которые летали в район Станислава парой на разведку и уничтожение живой силы и техники противника в качестве свободных охотников. В те дни группами не позволяла летать низкая облачность. Задание было выполнено, штурмовики возвращались домой. За полетом следил, тогда дежурный по штабу, старший техник полка по радио В.Н. Платонов. Из эфира доносились звуки песни: “Не разлука, а нежная встреча смелых ждет на родимой земле”. Пел Иван Тихонович. Пел, как всегда, когда возвращался с боевого задания. Но вдруг песня оборвалась. Эфир замолк.

Прошло время прилета, а самолеты наших боевых друзей так и не появились. Произошло что-то трагическое. Сбили истребители или зенитки. Так решили тогда все.

1 мая боевые вылеты производились на уничтожение танков, артиллерии и живой силы противника в районе Станислава, где гитлеровцы проявляли в это время особую активность. Погода стояла хорошая. Летчики три дня подряд били по одним и тем же целям в районе Хоцымеж. Затем, “работали” по целям в районе Коломыи, Делятына и Рунгуры. И снова не все штурмовики вернулись на свой аэродром. В течение первой недели мая, при выполнении боевого задания, погибли командир 3-й авиационной эскадрильи майор С.И. Петров, летчики той же эскадрильи лейтенант В.И. Михайлов, младшие лейтенанты В.Н. Костин и И.К. Ельтищев. Имелись поте-

ри и в 1-й эскадрильи.

Война есть война! В эти дни нас часто посещала не только радость побед, но и горечь утрат. Смешиваясь, соединяясь в наших молодых сердцах, эти два сильных человеческих чувства, создавали тогда в коллективе особый моральный климат. Разрядка приходила вечером, после боевого дня. Собравшись в столовой за ужином и выпив “наркомовские” сто граммов, летчики пели под баян фронтовые песни, среди которых чаще всего звучала наша любимая:

Бьется в тесной печурке огонь,
На поленьях смола, как слеза.
И поет мне в землянке гармонь
Про улыбку твою и глаза.

В эти минуты, после жарких боев, мы скорбели о погибших товарищах, вспоминали черты их характера, привычки. Ваня Ельтищев... Голубоглазый блондин, мягкий, скромный... Володя Михайлов... Этаким рубаха парень, добряк, любивший петь своим бархатным тенором: “Бирюзовые вы мои колечки, раскатились по лугу...”. Вася Костин... Наш полковой юморист, которого за интересные и очень смешные рассказы, читавшиеся им с актерским мастерством, мы в шутку называли “Василием Теркиным”. Ваня Ромашов... Коренастый, физически очень сильный человек. Это про таких как он в народе говорят: “Косая сажень в плечах...”. Нет уже среди нас этих ребят. Они погибли в бою с ненавистным врагом, но и, погибнув, остались жить в нашей памяти, в наших сердцах.

Проскуровско - Каменец-Подольская операция, продолжавшаяся около двух месяцев, закончилась.

“В ходе тяжелых боев окруженные войска 1-й танковой армии противника потеряли значительно больше половины своих танков и штурмовых орудий. От некоторых соединений остались одни штабы. Войска фронта освободили 57 городов, одиннадцать железнодорожных узлов, многие сотни населенных пунктов, областные центры: Винницу, Проскуров, Каменец-Подольск, Тернополь и Черновцы. Вышли в предгорья Карпат, разрезав на две части весь стратегический фронт южной группировки войск противника. С тех пор у этой группировки не стало иных коммуникаций, кроме как через Румынию.

Советские войска вновь показали высокое боевое мастер-

ство и добились больших успехов. Победы наших войск были достигнуты не только благодаря превосходству в организации и технической оснащенности, но и высокому патриотическому духу, массовому героизму. За особо выдающиеся заслуги перед Родиной многие тысячи солдат, сержантов, офицеров и генералов были удостоены высоких правительственных наград” – так напишет много позднее в своей знаменитой книге маршал Г.К. Жуков²². Георгий Константинович получил за эту операцию орден Победы № 1.

Многие летчики, техники, оружейники и другие авиаспециалисты 224-й шад за участие в этой операции были награждены орденами и медалями. Большинство молодых летчиков за первые одиннадцать успешных боевых вылетов получили свои первые боевые ордена Красной Звезды. Все молодые летчики были введены в строй и прошли боевое крещение.

2. Участие 224-й шад в Львовско-Сандомирской операции (с 13 июля по 29 августа 1944 года).

Военно-политическая обстановка в начале лета 1944 года складывалась следующим образом: 6 июня – знаменательная дата в ходе Второй мировой войны – крупные силы союзников высадились на севере Франции. Это было началом второго фронта. События разворачиваются вполне успешно. Немецкие войска и там терпят поражение за поражением. 10 июня Красная Армия перешла в наступление на Карельском перешейке. 23 июня началось стремительное наступление наших войск в Белоруссии. Украинские фронты, выйдя на рубеж: Луцк, Броды (иск.), Тернополь, Коломыя, Яссы (иск.) и Тирасполь (иск.), активных боевых действий не производили. Противник, заняв выгодные оборонительные позиции, готовил их к обороне и подтягивал резервы. Наши войска вели активную разведку, производили перегруппировку и готовились к новому решительному наступлению.

9 мая по приказу командира 8-го шак дивизия, перебазировавшись на аэроузел Чемировцы, приступила к пополнению частей к предстоящим боевым действиям. Весь личный состав дивизии был занят боевой учебой. Недалеко от Чемировцев был организован полигон, на котором летчики на боевых машинах учились отыскивать, бомбить и поражать огнем пушек

и пулеметов заданные учебные цели. Для обмена боевым опытом со всем летным и техническим составом проводились летно-технические конференции. Организовывались взаимные встречи летчиков штурмовиков с истребителями, на которых обсуждались вопросы взаимодействия. Для наиболее эффективного взаимодействия штурмовиков с танкистами, в июне месяце командованием дивизии и танкового корпуса были проведены учения, на которой штабы отрабатывали вопросы организации взаимодействия при прорыве переднего края обороны противника и его преследовании. В учениях приняло участие 129 экипажей. Облетом линии фронта ведущих групп и руководящего состава закончилась подготовка дивизии к предстоящим боевым действиям.

В июне месяце, по приказу командира 8-го шак, ведущие групп и руководящий состав полков 224 шад выполняли лидирование групп истребителей 236-й иад при перебазировании их с аэродрома Проскуров на аэродромы Ольховцы и Теремковцы.

За полтора месяца оперативной паузы 224-я шад получила и перегнала на аэроузел базирования 55 новых боевых самолетов Ил-2. Пополнилась 52 молодыми летчиками и 24 воздушными стрелками. 9 мая из 4-й гвардейской авиационной дивизии, вместо ушедшего в 8-й шак заместителя по политчасти полковника Сулова, в дивизию прибыл новый заместитель по политчасти – гвардии майор Лукин Семен Федорович.

В связи с потерей в предыдущих боях некоторых летчиков-командиров были произведены отдельные перестановки в командно-летном составе полков. Вместо Героя Советского Союза майора М.И. Безуха, переведенного на должность командира 571-го штурмового авиационного полка, заместителем командира 565-го шад по летной подготовке был назначен майор В.К. Михайлов. Заместителем командира этого же полка по штурманской подготовке, флаг-штурманом вместо капитана Морозова был назначен майор Н.Ф. Денежкин. Помощником командира 224-й шад по воздушно-стрелковой службе назначили капитана А.А. Дахновского, а командиром 2-й авиационной эскадрильи вместо него назначили старшего лейтенанта В.Я. Мокина. Капитан И.И. Козловский заменил погибшего командира 3-й авиационной эскадрильи майора

С.И. Петрова. Были произведены и другие кадровые перестановки.

Ветераны, участники войны, бывшие в то время на аэродроме Ольховцы, вспоминают.

Недалеко от командного пункта из грубых досок сооружены стол и скамейки. На стену прикреплена черная учебная доска, рядом повешена летная карта района базирования полка. Это наш учебный фронтвой класс. Идут занятия летчиков 2-й эскадрильи. В.Я. Мокин рассказывает пилотам о тактике боевого применения самолета Ил-2 на опыте боев предыдущих военных операций.

“Летчик-штурмовик, – четким голосом говорил он, – это многопрофильный специалист. Он и пилот, и штурман, и механик, и бомбардир, и артиллерист, и стрелок, и радист. Ему нельзя теряться в любой сложной ситуации. Самолет летит быстро, особенно во время пикирования на цель. С земли стреляют автоматические зенитные пушки, а в воздухе атакуют истребители противника. Как видите, обстановка над полем боя сложная, горячая, а летчику нужно успеть применить все имеющиеся в его распоряжении боевые средства на самолете и поразить заданную цель. Кроме того, надо соблюдать строй, боевой порядок, защищать впереди летящего товарища. “Где же выход из этого сложного положения? – задает вопрос Владимир Яковлевич и сам же на него отвечает. – Выход есть. Он в нашей высокой сознательности, дружбе, в воспитании воли и овладении летным мастерством”.

И это действительно было так. Если авиационный полк во фронтовых условиях представлял собой слаженный боевой коллектив, то летный состав авиационной эскадрильи был дружной боевой семьей. И это не удивительно. Ведь летчики авиационной эскадрильи, по сути дела, все время находились вместе: вместе летели на боевые задания, вместе за одним столом обедали, вместе, в одной комнате, спали. Общее ратное дело и повседневная опасность потерять самое дорогое, что есть у человека – жизнь, “цементировали” фронтовую дружбу, делали людей особенно близкими. Нашим девизом были слова: “В бою сам погибай, а товарища выручай!”. Товарищеская взаимовыручка, плюс, растущее с каждым днем

мастерство, вера в себя, в свои силы, обеспечивали нашим летчикам успех в боевых действиях с минимальными потерями.

Однажды ранним утром нас, человек десять командиров-летчиков, посадили в грузовую автомашину и повезли к танкистам. К ним мы добрались примерно в полдень. Танковая часть 10-го гвардейского корпуса 4-й танковой армии располагалась на опушке леса около деревни Сороки. “Тридцать-четверки” стояли под деревьями в капонирах на расстоянии 30-50 метров друг от друга. Танкисты встретили нас радушно, пригласили опробовать обед из котлов своей полевой кухни. Офицеры, выделенные в наше распоряжение, вспомнили много интересных боевых эпизодов из недавно минувших сражений, в которых совместно громили врага. Беседа получилась довольно любопытной и эмоциональной, так как мы дополняли друг друга, рассказывали об одних и тех же событиях, но виденных под разным углом зрения: танкистами с земли, нами – с высоты птичьего полета. Разговор о взаимодействии между танкистами и летчиками-штурмовиками свелся к тому, что танкистам необходимо лучше обозначать линию соприкосновения с противником дымовыми шашками и ракетами, а также помогать по радио летчикам отыскивать замаскированного под местность врага и, по возможности, наводить самолеты на важную для наших войск цель. Так готовились мы к предстоящим боям.

13 и 14 июля 1944 года после мощной артиллерийской подготовки войска центра 1-го Украинского фронта, поддержанные массированными бомбардировочно-штурмовыми ударами всех видов авиации, перешли в наступление на Львовском направлении.

Участник этого сражения вспоминает.

Выруливаем поочередно на старт и занимаем, согласно приказу, каждый свое место. Взлетаем парами через короткие интервалы. Не проходит и трех минут, как весь полк в составе сорока пяти самолетов уже в воздухе. Быстро и организовано все девять пятерок собираются на большом кругу над аэродромом Ольховцы и берут курс на Тернополь.

Честно говоря, я первый раз в жизни видел столько самолетов в одном строю. На высоте примерно 1100 метров торжественно, как на параде, шли все сорок пять крылатых машин в боевом порядке из пятерок в правом пеленге, построенных в кильватер, с интервалом в 300 метров одна за другой. Получился как бы огромный четырехугольник шириной в 200 метров и длиной в два с половиной километра.

В первой пятерке вместе с командиром полка подполковником В.И. Сериковым летел и его заместитель по политчасти майор В.И. Рысаков. Ведущими других пятерок были майоры Н.Ф. Денежкин и В.К. Михайлов, капитаны А.А. Дахновский и И.И. Козловский, старшие лейтенанты В.Я. Мокин и К.П. Панченко, лейтенанты Г.Т. Левин и Е.П. Новиков.

Примерно через 15 минут полета по курсу под нами, точно в назначенное оперативное время, появился город Тернополь – контрольный пункт пролета всей авиации фронта на львовском направлении. Летчики перевернули планшеты и перешли на детальную ориентировку. Еще минуты три полета от Тернополя на северо-запад – и на большом зеленом лугу мы увидели огромную стрелу из белого полотнища, которая своим острием указывала направление прорыва линии обороны противника. Рядом со стрелой дымилась цветная дымовая пашка. Так шли, с интервалом в три-пять минут, полки всех дивизий 2-й воздушной армии, чтобы обеспечить прорыв линии фронта на Львовском направлении.

Развернувшись влево, наша крылатая армада встала на боевой курс. Линия фронта на земле, обозначенная пожарами, точно совпадала с красной и синей линией, нанесенной на летной карте. Внизу, казалось, горело все, что только могло гореть. Дым и едкий, въедливый запах гари чувствовался даже в кабине самолета. В первые часы операции на разных высотах работали все виды авиации одновременно. Выше всех были бомбардировщики, они сыпали свои бомбы как горох. Ниже по этим же целям, иногда под летящими бомбами своих же бомбардировщиков, работали штурмовики. А между ними сновали как пчелы наши и немецкие истребители. Даже для выдавшего виды летчика все это представляло собой кошмарное зрелище.

Наши штурмовики врезались в плотную стену заградительного огня немецкой зенитной артиллерии. Всюду: слева,

справа, сверху и внизу вспыхивали ярко-красные стрелы трассирующих выстрелов зенитных пушек и пулеметов, образуя завесу из разрывов снарядов и дымовых “шапок”. Но никто из летчиков не дрогнул, не покинул своего места в боевом строю.

Вот и цель – укрепленные оборонительные позиции немецкой артиллерии. Командир полка со своей пятеркой идет в атаку. За ним на цель пикирует еще одна пятерка, за ней – еще и еще... Вот и наша очередь... С ревом полетели вниз реактивные снаряды, застучали пушки, ударили пулеметы, на выводе из пикирования посыпались вниз бомбы. Минута-другая – и фашистские позиции превратились в сплошное огненное месиво... В этом бою был сбит огнем зенитки самолет младшего лейтенанта Н.И. Курганова.

В первые дни операции летчики нашего полка делали по 2-3 боевых вылета, причем, продолжительность каждого составляла в среднем около полутора-двух часов. Они наносили меткие бомбардировочно-штурмовые удары по обороняющемуся противнику, выводя из строя его артиллерию, танки, транспорт и живую силу. Однако и наши потери были немалые, в людях и в самолетах. Перед операцией в полку было 1,3 самолета на каждый штатный экипаж, а через несколько дней ожесточенных боев самолетов стало недоставать. Подбитые штурмовики падали на землю в районе цели или на значительном удалении от нее. Это зависело от степени повреждения самолета и тяжести ранения летчика. Раненый пилот иногда терял сознание, неуправляемый самолет падал на землю и разбивался. Экипаж погибал. Но большинство подбитых “Илов” все же дотягивали до аэродрома или садились в поле, на лугах, на проселочных дорогах – где придется. В этих случаях летчики с воздушными стрелками возвращались домой на второй или третий день – кто на попутной машине, кто на телеге, а кто на лошади верхом.

В те памятные, июльские дни был подбит над целью штурмовик младшего лейтенанта Н.И. Огурцова. Вот его рассказ.

Я был замыкающим. На моем самолете стоял фотоаппарат для фиксирования на фотопленке результатов атаки всей

группы. Только я приступил к выполнению этого спецзадания, установил самолет в горизонтальный полет, включил фотоаппарат, как вдруг удар... и, вижу, масло сильной струей бьет из мотора. Вот это подарочек! Прекрасно понимаю, что через несколько минут все масло вытечет и двигатель остановится. Принимаю решение идти на вынужденную посадку. По переговорному устройству приказываю воздушному стрелку Канунникову приготовить пулемет и личное оружие к бою. В это время масло перестает течь, а мотор, естественно, работать. Высота начинает катастрофически падать. Когда до земли осталось метров пятьдесят, я увидел, что впереди какой-то населенный пункт, стал отворачивать влево, но задел крылом за телефонный столб... Очнулся, когда Канунников вытаскивал меня из кабины. Лицо у него было все в крови. Самолет оказался разбитым вдребезги. К счастью, нам повезло, мы оказались на своей территории. К концу второго дня благополучно добрались до своего аэродрома. Время было вечернее, боевая работа закончилась. Встретили нас со стрелком двое наших ребят, которые организовали горячую воду и новую амуницию. Ну, а на другой день я уже отдыхал в лазарете...

Меня, увы, тоже не миновала сия чаша. 15 июля при выполнении боевого задания по уничтожению артиллерии и танков противника в районе населенного пункта Плугув, после атаки цели и выхода из пикирования мой самолет получил серьезное повреждение. В него попало около десяти зенитных снарядов. Один из них пробил переднее бронестекло кабины, в двух сантиметрах прошел над моей головой и ушел навывлет через верхнюю часть фонаря. Брызнули осколки разбитого бронестекла, и сразу же кровь залила лицо и гимнастерку. Другими снарядами были повреждены центроплан, системы пилотажных приборов, в том числе высотомера и указателя скорости полета. Ситуация складывалась критическая. Осталось одно: вести самолет по интуиции, "на ощупь".

Разумеется, продолжать следовать за своей группой я не мог. Убедившись, что самолет еще держится, принял решение тянуть до ближайшего аэродрома. Минут через пятнадцать мне попался аэродром Турголице, где я с большим трудом сел. Там оказалась полевая авиаремонтная мастерская, которой я сдал свой разбитый штурмовик, а осколки стекла мне

вытащили из лица военные медики прямо на летном поле. В этот же день за мной прилетел на По-2 старший лейтенант М.Е. Пушин, который и переправил меня на аэродром базирования нашего полка – Ольховцы.

Прилетев в три часа дня в свою часть, узнаю от товарищей, что сегодня же, 15 июля, над целью огнем вражеских зениток был сбит командир нашей 2-й авиационной эскадрильи старший лейтенант В.Я. Мокин.

Участник этого боевого вылета лейтенант И.М. Белицкий рассказал.

В тот день штурмовики 565-го авиаполка наносили бомбоштурмовой удар западнее Тернополя, где осуществлялся прорыв обороны противника нашими войсками. Точно в заданное время – в 13:00 – мы вышли к цели, и первая группа из 12 самолетов начала атаку гитлеровских позиций. Старший лейтенант Мокин вел вторую группу “Илов”. В штурмовик командира эскадрильи на вводе в пикирование попал крупный снаряд вражеской зенитки. Взрывом оторвало хвостовое оперение самолета. В результате чего самолет вошел в отвесное пикирование и на огромной скорости врезался в землю.

Конечно, потери среди летчиков в полку были и до Мокина и после него, но гибель Владимира Яковлевича все восприняли очень остро, как самую тяжелую утрату. Мокин был талантливым, прекрасно подготовленным летчиком. Ему приходилось летать на Ил-2 в сложных метеорологических условиях, садиться ночью при кострах. Будучи учеником и последователем М.И. Безуха, он постоянно работал над совершенствованием тактических приемов боевого применения штурмовиков. Его командирская требовательность сочеталась с заботой о подчиненных. Он был отзывчивым, душевным человеком, чутким товарищем, настоящим любимцем полка. Владимир Яковлевич во многом очень помогал летчикам-штурмовикам в приобретении ими боевых навыков, в формировании у них командирских качеств. И до сих пор как самую дорогую реликвию храню я в своем фронтовом альбоме фотографию нашего комэска.

Вместе с Мокиным погибла и Валя Щегорцова - его воздушный стрелок. Это была стройная, красивая, веселая де-

вушка. Смелая и решительная, всегда готовая лететь на любое, даже самое трудное, боевое задание. В воздухе она прекрасно ориентировалась, следя за обстановкой в небе и на земле. Ее пулемет всегда работал безотказно. За несколько сбитых истребителей, за храбрость и отвагу она была награждена орденами Красного Знамени, Красной Звезды и двумя медалями.

После гибели Мокина командиром 2-й авиационной эскадрильи назначили старшего лейтенанта Г.Т. Левина. Исполнять обязанности заместителя командира, штурмана этой эскадрильи было поручено мне. Обстановка в это время на нашем участке фронта оставалась очень напряженной. Эти июльские дни сорок четвертого года явились для всех нас днями закалки мужества, днями, когда в горниле жестокой борьбы крепло наше фронтовое братство.

Не все молодые пилоты выдерживали неимоверной тяжести нагрузки, выпавшие на них во время тех памятных сражений. Вспоминается, например, такой случай. Был у нас в полку такой летчик – Алексей Сас. Раньше он летал на По-2 в авиационной эскадрильи связи, но потом вдруг страстно захотел стать штурмовиком. С разрешения командира дивизии в мае-июне 1944 года заместитель командира полка по летной подготовке майор В.К. Михайлов обучил Саса летать на самолете Ил-2. Сас очень гордился тем, что стал боевым летчиком. И порой, не стесняясь прихвастнуть, говорил, что, как только полетит на боевое задание, то будет пикировать до траншей, нанижет на пушки самолета “фрицев” и привезет их на аэродром. Чем не барон Мюнхгаузен? Конечно, это была шутка, но ведь в каждой шутке... А получилось все, увы, гораздо прозаичней. В первом же боевом вылете во время прорыва линии фронта на Львовском направлении его самолет получил сильное повреждение. Снарядом вражеской зенитки на крыле штурмовика оторвало элерон. Молодой летчик с трудом сумел дотянуть самолет до аэродрома. Во время второго боевого вылета Сас в группе начал индивидуально маневрировать над своей территорией за 20 километров до линии фронта. Затем повернул самолет и полетел в противоположную сторону. Ему показалось, что нас обстреляли зенитки, и снаряд попал в мотор его самолета.

Бросая свой “Ил” то вверх, то вниз, то в стороны, Сас не-

сколько раз создавал реальную угрозу столкновения с рядом летящими самолетами. Своими действиями он чуть не сорвал выполнение боевого задания всей группы. Будучи ведущим группы, я по радио приказал летчику С.Л. Плетень догнать своего ведомого и вернуть его в строй. Плетень выполнил приказ, догнал Саса и привел его на поле боя. Боевое задание было выполнено. А вечером в общезнании Александр дал всем летчикам 2-й эскадрильи клятву, что впредь больше никогда не смалодушничает. И надо сказать, что слово свое Сас сдержал. Летал он в дальнейшем хорошо, бился с врагом храбро и закончил войну в мае сорок пятого в небе Чехословакии.

Сравнительно легко преодолев первую линию обороны, наземные войска встретили упорное сопротивление обороняющегося противника на второй линии обороны. Противник оказывал исключительно упорное сопротивление, местами накапливая танки и пехоту, контратаковал наши войска.

По приказу командира 8-го шак штурмовики дивизии массированными налетами на огневые средства и места сосредоточения войск противника во взаимодействии с истребителями 236-й иад содействовали пехоте 38-й армии в прорыве первой и второй оборонительных полос противника на рубеже: Тростянец – Богданувка - Купчинце. Ничто не могло удержать наступательного порыва советских воинов: ни заранее подготовленные укрепления, ни танки “тигры” и “фердинанды”, ни минные поля, ни ураганный огонь зениток, ни внезапные атаки фашистских “стервятников”. Огненный шквал сотен тысяч орудий, массированные налеты десятков и сотен самолетов, сломали сопротивление противника, надломили его огневое и техническое “неприступное” упорство. С 14 по 20 июля штурмовики дивизии сосредоточенными группами, штурмуя оборонительные сооружения и войска противника, совершили около 1000 боевых вылетов, уничтожив около 80 танков, 50 орудий полевой артиллерии, 20 минометов, 200 автомашин и 1500 солдат и офицеров противника (см. рис.11).

В начале третьей декады июля противник, не выдержав стремительного удара наших войск, начал отход на всем протяжении 1-го Украинского фронта. Дивизии была поставлена боевая задача: бомбардировочно-штурмовыми ударами по узлам сопротивления и огневой системе содействовать 10-му

танковому корпусу в прорыве вражеской обороны, в овладении городом Львовом и преследовании отходящего противника южнее города Львова, на левом крыле Украинского фронта. С этой целью, чтобы увеличить эффективность боевой работы штурмовиков, приблизив их к районам боевых действий, дивизия 22 июля по приказу командира 8-го шак перебазируется на аэроузел Трембовля. Перебазирование проводилось с одновременным ведением боевой работы. Ежедневно, с утра до позднего вечера, гудели в воздухе штурмовики, бомбардируя и штурмуя вражеские узлы сопротивления на подступах к городу Львову.

Расчищая путь 10-му гвардейскому танковому корпусу, штурмовики громили узлы сопротивления врага, наносили бомбардировочно-штурмовые удары по отходящим автоколоннам и живой силе, препятствовали организованному отходу противника и закреплению его на новых оборонительных

Рис. 11

рубежах. Преследуя отходящего противника и взламывая очаги сопротивления, летчики-штурмовики дивизии показали образцы умелого мастерства и отваги. Весь личный состав от моториста до летчика горели одним благородным желанием – как можно больший вклад внести в дело разгрома врага. Не щадя ни сил, ни самой жизни работали техники и летчики, инжене-

ры и штабные офицеры, выполняя поставленную боевую задачу. От точных попаданий ПТАБов (противотанковых авиабомб) горели танки и автомашины, фугаски сравнивали с землей склады с боеприпасами и горючим, от осколочных бомб снарядов и пуль гибли солдаты и офицеры противника.

20-23 июля было обнаружено огромное скопление живой силы и техники отступающего противника в районе городка Поморжаны, по уничтожению которого работала вся 224-я шад. Враг сильно “огрызался”.

21 июля был сбит прямым попаданием зенитного снаряда самолет летчика старшего Абраменко Петра Павловича. Он спустился на парашюте в расположение противника, которого только что бомбили.

24 июля заместитель командира авиационной эскадрильи старший лейтенант Уткин имел задачу разведать погоду в районе боевых действий. Выйдя на станцию Букачевцы, он обнаружил железнодорожный эшелон до 20 вагонов. Раздумывая некогда. “Атакуем”, - командовал Уткин своему ведомому. В результате точного попадания в эшелон бомб и снарядов произошел сильный взрыв. Что случилось с эшелонном? Из-за сплошного дыма трудно было определить. После освобождения станции Букачевцы местными жителями и специальной комиссией было установлено, что во взорвавшемся эшелоне были боеприпасы. Взрывом было уничтожено: 10 вагонов, 2 паровоза, путевой разрушитель, много вооружения и снаряжения, убито и ранено 40 солдат и офицеров противника, уничтожено до 35 повозок с лошадьми, взорвано железнодорожного полотна протяжением 150 метров.

За отличный удар по вражескому железнодорожному эшелону старший лейтенант Уткин получил орден Красного Знамени, а с этого момента еще крепче утвердилось за Евгением Уткиным звание “железнодорожника” – так прозвали его товарищи в своем кругу, и они не ошиблись, – он и в дальнейшем оправдал это звание.

В альбоме-дневнике 224-й шад и наградном листе имеется такая запись: “25-го июля заместителю командира авиационной эскадрильи старшему лейтенанту Романову была поставлена задача: произвести разведку войск противника в районе юго-восточнее города Львов. Придя в район боевых дей-

ствий, старший лейтенант Романов приступил к выполнению задания. Через несколько минут, представители оперативной группы штаба дивизии, услышали по радио: “На опушке леса, что юго-западнее Людвин, вижу до 30 танков противника, атакую”. Офицеры, стоя на наблюдательном пункте командующего, восхищаясь грамотным выполнением атак, вскоре заметили, как загорелся немецкий танк “тигр”. Пара, маневрируя от черных разрывов вражеских зениток, продолжала заход за заходом. Были еще уничтожены бронетранспортер и 10 солдат противника. Наконец, кончились боеприпасы, ведущий попросил разрешения идти домой. Командир 8-го шак В.В. Нанейшвили, наблюдая за работой пары, объявил благодарность старшему лейтенанту Романову за отличную работу и разрешил возвращаться домой. Все танки и самоходные орудия сфотографировал ведомый младший лейтенант Колодин. По данным разведки, старшего лейтенанта Романова, все полки дивизии производили боевую работу в течение дня. В результате воздействия штурмовиков, техника и живая сила врага были рассеяны и уничтожены”.²³

За содействие войскам в прорыве вражеской обороны, освобождение города Львова, приказом Верховного командующего 224-й шад была объявлена благодарность. А Указом Президиума Верховного Совета СССР дивизия была награждена высокой правительственной наградой – орденом Красного Знамени. За отличные боевые действия в боях за освобождение города Станислав приказом Верховного Главнокомандующего 565-му штурмовому авиационному полку объявлена благодарность и присвоено собственное наименование “Станиславский”

В начале Львовской операции, 15 июля, от яростного огня вражеских зениток дивизия потеряла одного из лучших командиров-летчиков мастеров бомбардировочно-штурмовых ударов, командира авиационной эскадрильи старшего лейтенанта Мокина Владимира Яковлевича и одного из лучших разведчиков дивизии лейтенанта Осипова Виктора Михайловича. Никогда не забудет Родина и 224-я штурмовая Жмеринская Краснознаменная авиационная дивизия боевых подвигов славных героев, погибших в этих кровопролитных боях за свободу и независимость нашего многострадального народа.

Как огненная лавина, жаждающая возмездия, проламывая

на своем пути “неприступные” немецкие укрепления и преграды, шли вперед на запад воины 1-го Украинского фронта. Позади далеко остались освобожденные города и села Советской Украины. Высоко оценил командующий 1-м Украинским фронтом И.С. Конев действия в те дни авиации: “Крупную роль в достижении успеха в операции сыграла авиация фронта. Наша 2-я воздушная армия под командованием опытного боевого командира генерал-полковника авиации С.А. Красовского (член Военного совета генерал С.Н. Рамазанов) действовала отлично...”

Только за 17 дней, с 14 по 31 июля, авиация фронта произвела свыше 30 тысяч вылетов. Авиация использовалась, как правило, массировано. Мощные и сосредоточенные удары авиации по всей глубине расположения противника способствовали тому, что войска фронта в кратчайшее время прорвали немецкую оборону. Удары по узлам сопротивления группировки врага в значительной степени ограничили их боеспособность...

Летчики действовали с полным напряжением сил, особенно во время прорыва на Львовском направлении, при форсировании Вислы и закреплении на Сандомирском плацдарме.²⁴ За активное участие частей и соединений 8-го штурмового авиационного корпуса в освобождении города Львова приказом Верховного Главнокомандующего 8-му штурмовому было присвоено наименование “Львовский”.

От Новоград-Волынь до суровых Карпат прошла весной и летом 1944 года 224-я штурмовая авиационная Жмеринская Краснознаменная дивизия в составе 2-й воздушной армии 1-го Украинского фронта. Это она содействовала доблестным наземным войскам 1-го Украинского фронта в прорыве обороны противника под Шепетовкой, под Проскуровом, под Львовом, это ее отважные летчики уничтожали окруженную Дунаевецкую группировку и отражали яростные контратаки врага в районах: Бучач, Хощеж, Коломыя. Это штурмовики славной 224-й штурмовой содействовали нашим войскам в освобождении городов Украины: Ямполь, Старо-Константинов, Проскуров, Острополь, Жмеринка, Тернополь, Броды, Стрый, Ходоров, Каменец-Подольск, Чертков, Залещики, Гусятин, Коломыя, Львов, Станислав, Золочев,

За 5 месяцев боевых действий в составе 1-го УФ

Произведено дивизией боевых вылетов	3866
Налет (час.)	5156 .
Израсходовано боеприпасов:	
Бомб	648,5
РС	2535
Снарядов	249438
Патронов	739474
Уничтожено и повреждено:	
Живой силы (чел)	11000
Повозок и лошадей	722
Орудий ПА	98
Зенитных орудий и пулеметов	117
Огневых точек	150
Автомашин	3050
Бронемашин	9
Ж.Д. эшелонов	6
Паровозов	11
Вагонов	280
Самолетов на земле	40
Переправ и мостов	22
Блиндажей ДОТов и ДЗОТов	11
Ж.Д. полотна в местах	7
Авто и ж.д. бензоцистерн	40
Складов	8
Самолетов в воздушном бою	10

Примечание № 25

В одиннадцати приказах отметил Верховный Главнокомандующий ее отличные боевые действия и объявил благодарность. В составе войск 1-го Украинского фронта, дивизия получила собственное наименование “Жмеринская”, а ее знамя украсилось орденом боевого Красного Знамени. Большинство командного, летного и технического состава дивизии было награждено орденами и медалями.

3. В предгорьях Карпат.

Содействие войскам 4-го Украинского фронта в преследовании отходящего противника (первая половина августа 1944 года).

По директиве Генштаба Красной Армии за № Орг/10/9754 от 01.08.44 года и приказу 8-й воздушной армии № 00237 от 08.08.44 года, 224-я шад, в полном составе, подчиняясь 8-му штурмовому Львовскому авиационному корпусу, 5 августа 1944 года была переведена в состав 8-й воздушной армии 4-го Украинского фронта.

Все дальше и дальше уходила линия фронта. В обрез оставалось горючего в баках у возвращавшихся с боевого задания самолетов. Между тем, наступающим войскам требовалась эффективная помощь. Надо было “висеть” над немцами, ибо противник, отходя, продолжал яростно сопротивляться.

С этой целью дивизия, одновременно ведя интенсивную боевую работу, 31 июля 1944 года перебазировалась на аэроузел Ходоров, находящийся в 10-12 км от линии фронта. В живописном местечке Оттыньювице, в бывшем помещицьем имении разместился штаб дивизии. Живо организовали свои рабочие места и, забыв про трудности перебазирования, под звуки несмолкающей артиллерийской и пулеметной перестрелки, офицеры штаба приступили к работе. 134 самолета Ил-2, прилетев с Трёмбовльского аэроузла, были готовы вновь выполнять любые боевые задачи.

Войска 1-го и 4-го Украинских фронтов, продолжая июльское наступление, в начале августа месяца вели тяжелые бои за освобождение в Прикарпатьи городов: Самбор, Хырив, Драгобыч, Борислав. Выполняя приказ командования 8-го шак, штурмовики дивизии мощными бомбардировочно-штурмовыми ударами громили узлы сопротивления и огневую систему противника, содействуя наземным войскам в овладении указанных городов.

На аэродроме Дулибы, недалеко от города Ходорова, произошла памятная встреча летчиков 565-го шап с командиром 8-го штурмового авиационного корпуса генерал-лейтенантом авиации В.В. Нанейшвили.

Было это так. Прилетев с боевого задания, я, как ведущий группы, направился на командный пункт, чтобы доложить о результатах полета. У входа на командный пункт стоял капитан Соколов и делал жестами знаки в сторону прицепного тракторного вагончика, у которого стояли командир полка подполковник Сериков и какой-то коренастый человек в короткой генеральской куртке. Я быстро подбежал к ним.

“Докладывайте командиру корпуса”, - сказал подполковник Сериков. Взяв под козырек, я повернулся к командиру корпуса и доложил: “Товарищ генерал-лейтенант, боевое задание на разведку и штурмовку живой силы и техники противника выполнено. Потерь не имеем. Ведущий группы старший лейтенант Романов”.

“Что вы видели на территории противника?” – спросил Нанейшвили.

“Оживленное движение автомашин с войсками по дороге от Самбора на юг, в горы, и обратно к линии фронта”, – отчетливо я, – Мы их атаковали с трех заходов”.

“Сколько израсходовали бомб, снарядов и патронов?” – спросил генерал.

“Каждый самолет сбросил по 500 килограммов осколочных авиабомб весом от 15 до 25 килограммов, выпустил по 8-ми РС-82, израсходовал 90% снарядов из пушек и 60% патронов из пулемета ШКАСС”, - доложил я.

“Мало, – сказал генерал, – надо больше расходовать патронов и снарядов.” И в заключение добавил: “Не надо жалеть боеприпасов для уничтожения врага! У нас их сейчас достаточно!”

Взяв под козырек, я ответил: “Есть, не жалеть боеприпасов для уничтожения врага!”

Под мощными комбинированными ударами наземных войск и авиации летели в воздух немецкие укрепления, горели железнодорожные эшелоны, десятки и сотни солдат и офицеров гибли в предгорьях суровых Карпат. Это были последние дни напряженной боевой работы дивизии в 1944 году на равнинной местности.

Как загнанные дикие звери, венгерско-немецкие войска под могучими ударами войск 4-го Украинского фронта, уходили в горы. Там, в горах и в лесах Карпат, предвкушая, что

еще ни одна армия в мире не преодолевала Карпаты, немцы и венгры собирались долго и яростно обороняться. На редких горных магистралях день и ночь подвозились боеприпасы, подходили резервы. На железнодорожных станциях и перевалах, как грибы после дождя, появлялись зенитно-артиллерийские батареи.

Карпаты, как естественный рубеж, сами по себе являлись большой преградой, затруднявшей продвижение наступающих войск. Противник же, используя горно-лесистый рельеф местности, создал здесь, помимо всего прочего, густую и разветвленную сеть оборонительных сооружений в виде опорных пунктов, перекрывавших дороги, долины рек, выходы к населенным пунктам и проходы в глубину своей обороны. По государственной границе, вдоль главного карпатского хребта, была сооружена главная полоса обороны немцев. Она состояла из долговременных огневых точек и противотанковых препятствий, усиленных укреплениями полевого типа. Войска 4-го Украинского фронта производили перегруппировку, готовились к новым наступательным операциям и вели усиленную разведку противника. Густые высокие леса затрудняли ориентировку летчикам, создавая в то же время благоприятные условия для маскировки войск противника. Из-за ограниченных возможностей применения в горах танков и артиллерии очень остро вставал вопрос об использовании штурмовой авиации, как для разведки и уничтожения резервов противника, так и для непосредственной поддержки нашей пехоты на поле боя.

Штурмовикам 224-й шад была поставлена задача: вести постоянную разведку войск противника, следить за его действиями, обнаруживать его группировки и строительство новых оборонительных сооружений. Казалось бы, не имея специальной подготовки боевых действий в горах, штурмовики должны были бы в начале потренироваться, поучиться где-то в тылу, как надо работать в горно-лесистой местности, а потом уже начинать боевые полеты в Карпатах. Но такой возможности тогда не было. И летчикам-штурмовикам пришлось выполнять с ходу сложную задачу: опытным путем определить, в какой степени возможно применение штурмовой авиации в условиях горно-лесистой местности Карпат. Командир 565-го штурмового авиаполка подполковник В.И. Сериков, разъясняя эту задачу, говорил: «Летчикам-штурмовикам никогда не при-

приходилось воевать в горах, у нас нет опыта ведения боевых действий в горной местности. Полеты здесь имеют свои особенности с точки зрения аэродинамики и аэронавигации. Возникающие вертикальные потоки воздуха в результате обтекания склонов гор затрудняют маневрирование самолета. По этой причине, очевидно, придется подходить к цели на больших, чем обычно, высотах, быть осторожнее при пикировании и отходе от цели. Большого умения потребуют полеты в ущельях и горных долинах”.

Первые же вылеты на разведку в горы показали, что командир был прав. Рано утром все горные долины и ущелья закрыты туманом, который к 10-11 часам дня начинает подниматься вверх и образует над горными перевалами сильную облачность. Облака в сочетании с густыми лесными массивами на склонах гор сильно затрудняли визуальную ориентировку и ведение разведки войск противника, который использовал эти лесные массивы для маскировки. Приходилось приспосабливаться к новым условиям, менять тактику разведки и удара по цели. Если на ровной местности самым надежным способом обнаружения противника был бреющий полет, то здесь, в горах, пришлось осваивать фотографирование с высоты полторы–две тысячи метров.

Приступая к боевой работе в Карпатах, дивизия выполнила необходимое количество вылетов для изучения рельефа местности. Летчики-штурмовики поняли обстановку. Они, одновременно изучая Карпаты, изучали практически в бою как надо действовать на штурмовике в горах, и с честью выполняли поставленные им боевые задачи. С 11.08 по 01.09.44 года дивизия произвела 90 вылетов на разведку, из них 58 вылетов на разведку интенсивности движения войск и техники противника по железнодорожным и шоссейным магистралям, 16 вылетов на разведку скопления войск и техники противника, 8 вылетов на разведку водных переправ, 8 вылетов на разведку оборонительных сооружений.

В августе месяце была сфотографирована площадь в 95 квадратных километров. Неоценимую помощь оказали разведчики-штурмовики дивизии наземному командованию за это время. Были сфотографированы две переправы через реки Сан и Стрый, склады и заводы с лесоматериалом для постройки оборонительных сооружений. На основании разведанных

была определена эффективность действия железных дорог. И самое главное: в дефиле у станции Солья разведчиком-штурмовиком младшим лейтенантом Талаковым были обнаружены и сфотографированы мощные оборонительные сооружения противника, прикрывающие вход в Венгерскую долину. Советские войска, учитывая это, уклонились от лобового удара в направлении обнаруженных разведкой укреплений и обошли их. Южнее, через Густэ, Мукачево и Берегово, вышли в Венгерскую долину.

Пример беспредельной отваги, мужества и преданности своей Родине показал разведчик-штурмовик капитан Уткин. 16 августа, выполняя задание и будучи подбитым, он произвел вынужденную посадку 30 км в тылу врага. Венгерские солдаты, обнаружив легкую добычу, помчались к разбитому самолету. Они надеялись захватить живыми русских летчиков. Но не тут-то было. Экипаж, выбравшись из обломков самолета, под самым носом венгерских солдат ускользнул в густой кустарник. Летчик и воздушный стрелок, пробираясь по незнакомым горным тропинкам, питаясь ягодами и грибами, на третьи сутки благополучно вернулись домой. Пробираясь домой в тылу врага, капитан Уткин продолжал свою боевую работу разведчика. За три дня скитаний он обнаружил места расположения отдельных немецко-венгерских частей, огневые позиции вражеских батарей и пулеметов. Доложив обо всем этом командованию наших наземных войск, он получил от них глубокую и сердечную благодарность.

Двенадцать лучших экипажей-разведчиков вырастила дивизия за это время. Их данными пользовалось наземное командование при проведении операций, их данными пользовалось и авиационное командование. Не раз после разведки вражеских объектов над ними появились четверки и шестерки “Ильюшиных”, которые штурмовали железнодорожные эшелоны, взрывали переправы, поджигали склады. Кроме интенсивной воздушной разведки и ударов по данным собственной разведки, дивизия в этот период времени произвела 126 боевых вылетов на штурмовку железнодорожного полотна на участке: Сянки-Ужгород, сбросив свыше 50 тонн бомбового груза. В результате массированных бомбардировочно-штурмовых ударов летчиков дивизии в 14 местах было взорвано железнодорожное полотно и разрушено 4 станции. Про-

тивнику причинен серьезный материальный ущерб и сорвано нормальное, весьма важное на данном участке, железнодорожное движение.

4. Бои в Карпатах.

Содействие войскам 1-й Гвардейской армии в прорыве обороны противника в районе Санок и развитии успеха в южном направлении в глубь Карпат. (09.09.44 г. – 17.10.44 г.)

Приказ гласил: “Воины Красной Армии! Герои Карпат! Взламывайте оборону, преследуйте, окружайте и уничтожайте фашистско-немецких захватчиков. Не дать закрепиться врагу в Карпатах!”

Сухая украинская осень. 2 танковых и 14 немецко-венгерских пехотных дивизий, забравшись в горы, используя благоприятный рельеф местности и леса, усиленно готовили оборонительные рубежи. Каждая высота, каждый населенный пункт, каждый лес и кустарник были превращены в мощные опорные пункты.

Войска 4-го Украинского фронта, закончив к началу сентября перегруппировку, 9 сентября перешли в решительное наступление. Штурмовики 224-й шад группами по 4-6 самолетов, выполняя приказ командования 8-го шак, утром 9 сентября после 15-минутной артподготовки обрушили бомбардировочно-штурмовые залпы на огневые точки, траншеи и живую силу противника на участке прорыва: Саночек, Монастырец, Ванькова.

Работой штурмовиков в районе целей руководила дивизионная группа во главе с командиром дивизии М.В. Котельниковым. Она вызывала штурмовиков, она их наводила на цели и следила за их работой. Оперативная группа в этой работе явилась организующим звеном взаимодействия штурмовиков и пехоты. Только благодаря умелым действиям опергруппы взаимодействие было так успешно организовано и осуществлено, что к концу операции чуть ли не каждый пехотинец знал по-фамильно ведущих групп штурмовиков и офицеров оперативной группы.

А знали они их по работе, и не только знали - любили.

Штурмовики дивизии в этой операции показали всему фронту как надо взаимодействовать с пехотой, как надо расчищать ей путь и какие потери несут немцы при сочетании бомбардировочно-штурмовых залпов штурмовой авиации с воздуха с артиллерийско-автоматными очередями нашей пехоты на земле.

Три дня яростно сопротивлялся противник на рубеже: Саночек-Ванькова. Только 12 сентября, после сильных комбинированных ударов с земли и воздуха, после того, как 11 сентября штурмовики дивизии произвели за день 140 самолетовылетов по узлам сопротивления, противник, понеся чувствительные потери, вынужден был начать отход на новый оборонительный рубеж Буковско-Ольхов. Штурмовики, продолжая взламывать очаги сопротивления, параллельно с этим стали наносить бомбардировочно-штурмовые удары по отходящим войскам и технике противника по дорогам: Чашин-Кулашне, Буковско-Кулашне, Плонна-Кулашне (см. рис.12).

14 сентября удары штурмовиков были перенацелены по отходящим войскам противника из района Лиско и по узлам сопротивления нового оборонительного рубежа: Буковско-Ольхова.

Здесь противник стал обороняться еще упорнее, а подчас даже контратаковал нашу пехоту. Были такие случаи, когда только благодаря вмешательству штурмовиков удавалось сдерживать контратакующего противника. Один из дивизионных авианаводчиков, будучи на наблюдательном пункте командира 129-й стрелковой дивизии, отметил в своем дневнике:

“Противник упорно сопротивляется на рубеже: Ратнавица, Белкувка, Збойска, Победна и Волица, мешая продвижению нашей пехоты. После обработки этих районов штурмовиками, вызванными мной по просьбе командира 129-й стрелковой дивизии через генерал-майора Котельникова, наша пехота, перейдя в атаку, выбила противника с занимаемых позиций и вышла на рубеж: Белкувка-Ратновица-Плонна. Противнику был нанесен очень большой урон”.

14 сентября на участке 167-й стрелковой дивизии противник сосредоточил в районе Горбки до двух батальонов пехоты и роты танков, контратаковал нашу пехоту и вклинился в наши боевые порядки. Командир дивизии запросил немедленной поддержки авиации. На вызов пришла группа старшего лейте-

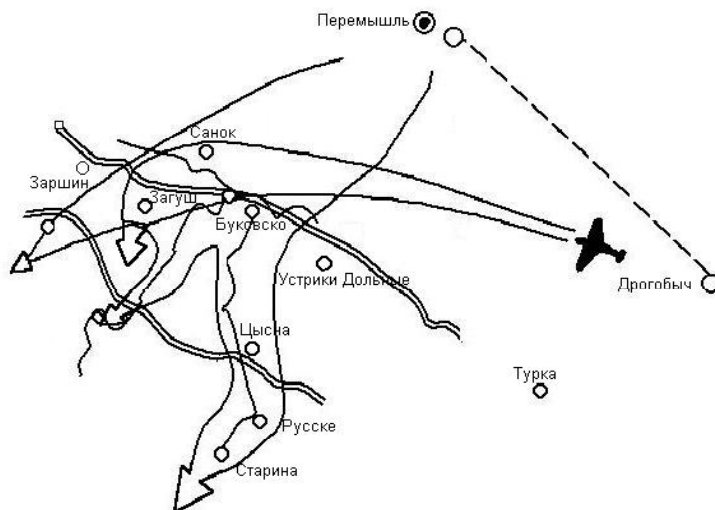

Рис.12

нанта Новикова, которая по радио была наведена на контратакующих немцев. В результате удачно проведенной штурмовки была рассеяна пехота, подавлен огонь минометов и артиллерии и сорвана контратака танков. Наша пехота сама перешла в атаку, выбила противника с занимаемых опорных пунктов и, продвинувшись вперед, заняла новые, выгодные в тактическом отношении позиции.

Командир этой же 167-й стрелковой Сумско-Киевской дважды Краснознаменной дивизии полковник Дряхлов в отзыве о действиях штурмовиков на участке его дивизии заявил так: «Несмотря на сложный горный рельеф местности, летчики соединения генерал-майора авиации Котельникова, непосредственно поддерживая наземные части, оказали решающее воздействие на противника и своей отличной работой над полем боя значительно повысили общий темп продвижения частей дивизии, являясь на ряде участков надежным средством обеспечения высоких темпов наступления.

В первый день наступления, 9 сентября 1944 года, во время прорыва обороны противника южнее г. Санок, летчики-штурмовики нанесли большой урон противнику. В тяжелых условиях ограниченной видимости, в морозящем дожде и

густом тумане, при высоте облачности 300-500 метров, своими решительными действиями по огневым точкам, батареям и живой силе, нарушили управление и взаимодействие между его частями. В дальнейшем противник был выбит с этого рубежа и части дивизии, войдя в прорыв, успешно развивали достигнутый в первый день боя успех.

За 10 дней летчики 224-й шад уничтожили более 600 солдат и офицеров противника, 25 действующих пулеметных точек, 6 артиллерийско-минометных батарей, 40 автомашин и 10 обозов противника”.

Подобные отзывы имеют штурмовики от командиров 30-го стрелкового корпуса, 30-й и 155-й стрелковых дивизий и других частей и соединений 1-й гвардейской армии.

Взаимодействие достигало ювелирной работы. Надолго в памяти гвардейцев и летчиков-штурмовиков дивизии останется небывалый случай в истории авиации, как шестерка штурмовиков взяла “в плен” батальон немецкой пехоты. Наша пехота продолжительное время сражалась за один опорный пункт, яростно обороняемый немцами. Неоднократные атаки были бесплодны. На помощь была вызвана шестерка штурмовиков. Обработав опорный пункт и израсходовав все боеприпасы, штурмовики собрались уходить домой. Но с земли по радио последовала команда: “Сделайте еще несколько заходов холостых”. Опустившись на бреющий полет и эмитируя атаки, самолеты один за другим сделали еще 6 заходов и только, когда в баках осталось горючего, чтобы вернуться обратно, им разрешили закончить работу. Фашисты оцептели от ошеломляющего грохота разрывов бомб, снарядов и мощного гула моторов штурмовиков. Как забрались на дно щелей и траншей в момент штурмовки, так и продолжали лежать, не поднимая голов. Наша пехота, воспользовавшись создавшимся переполохом у немцев, подкралась вплотную к траншеям. И в тот момент, когда группа делала последние холостые заходы, атаковала немцев. Солдатам ничего не оставалось делать, как поднять руки вверх и сдаться в плен. Так был захвачен в плен немецкий батальон.

Понеся ощутимые потери в живой силе и технике, противник 20 сентября начал массовый отход в южном направлении, на Чехословацкую границу. По горным дорогам в направлении Медзилабарце, Выдрань потянулись сплошные ко-

лонны автомашин, повозок с техникой и живой силой. Группы штурмовиков одна за другой, создавая пробки на дорогах, беспрерывно штурмовали отходящие колонны противника.

Отойдя на новый, заранее подготовленный оборонительный рубеж, непосредственно чехословацкую границу, противник в результате серьезного сопротивления приостановил дальнейшее продвижение 1-й гвардейской армии. Оказывая серьезное сопротивление, противник не только занял пассивную оборону, но зачастую, сосредоточив на решающем участке, большое количество живой силы, “тигров” и самоходных орудий - яростно контратаковал нашу пехоту. Нередко только штурмовики спасали создавшееся критическое положение на том или ином участке. Так было и 22 сентября на правом фланге гвардейцев в районе пункта Ясилька. Около десятка “тигров” и “фердинандов”, сопровождаемые большим количеством пехоты, вклинились в наши боевые порядки. Попытка наземных войск отбить контратаку противника своими силами успеха не имела. Командир дивизии вызвал по радио три шестерки штурмовиков от 571 шап. Через несколько минут 18 “Ильюшиных”, ведомые прославленными капитаном Быковым, старшими лейтенантами Старченковым и Смирновым с помощью радиостанции наведения обрушили бомбовые залпы ПТАБов, огонь пушек и пулеметов на танки и пехоту противника. Три пылающих танка и около сотни убитых солдат и офицеров противника - результат работы штурмовиков. Контратака была парализована. Наблюдавший за работой штурмовиков командующий 4-м Украинским фронтом генерал-полковник Петров объявил по радио летчикам-штурмовикам благодарность, а ведущих приказал представить к правительственным наградам.

Ожесточенные кровопролитные бои в конце сентября развернулись на вершине Карпатских гор, на подступах к сильному опорному пункту немцев - Русске. Войска 1-й гвардейской армии, сосредоточив в этом районе основные силы, намеревались, во что бы то ни стало, овладеть этим пунктом - воротами в Венгерскую равнину на Стакчинском направлении. Кроме этого, с выходом наших войск в Венгерскую равнину в районах Стакчин-Ужгород, Карпатская группировка противника рассекалась на две части, причем, отрезались пути отхода восточно-карпатской группировке.

Противник, предвидя это, опоясал Русске со всех сторон многочисленными огневыми точками, а единственная дорога, идущая с севера, была видна как на ладони и хорошо простреливалась. Семь дней шли ожесточенные бои за этот пункт, обе стороны несли большие потери. Наконец, 7 октября при улучшении погоды на помощь пехоте пришли штурмовики. 200 самолето-вылетов в этот день было выполнено для удара по огневой системе укрепленного района Русске. Половина из этих вылетов была сделана непосредственно на населенный пункт Русске. Было сброшено большое количество бомбового груза и снарядов. Двенадцать часов светлого рабочего времени штурмовики беспрестанно громили укреп район врага. К исходу дня противник был настолько деморализован, что вынужден был оставить Русске. Оставив Русске, противник отошел в район Вельке-Поляна, имеющий в обороне такое же значение, как и Русске. Три дня пехота вела ожесточенные бои за Вельке-Поляна, три дня не смолкали бои, и только при активном взаимодействии со штурмовиками 11 октября овладела этим пунктом.

9 октября в результате бомбардировочно-штурмового удара пятерки «Ильюшиных», возглавляемых лично командиром дивизии, был положен конец существованию штаба 100 пехотной немецко-венгерской дивизии в г. Стакчин. Пять заходов сделал генерал со своей группой, атакуя вражеский штаб. Развалины, горящие легковые машины и штабные автобусы оставила группа на месте немецкого штаба.

830 самолето-вылетов произвела дивизия, помогая нашей пехоте овладеть этим мощным укреп районом противника - воротами в Венгерскую равнину. За 10 дней борьбы за укреп районы Русске и Вельке-Поляна было сброшено 320 тонн бомбового груза, израсходовано более 11 тысяч снарядов и более 200 тысяч пуль.

Благодаря повседневной и всесторонней помощи штурмовиков дивизии, войска 1-й гвардейской армии, взламывая горные оборонительные рубежи, овладели вершинами Карпат, принудили противника к отводу войск и повели бои по преследованию отходящих немецко-венгерских войск.

Летчики-штурмовики 224-й штурмовой авиационной Жмеринской Краснознаменной дивизии, впервые действуя в горно-лесистой местности так же, как и на равнине, штурмуя

вражеские укрепленные районы, боевую технику и живую силу, еще раз продемонстрировали свое боевое мастерство и умение бить врага наверняка.

В горах для летчиков-штурмовиков особое значение играло наличие надежной радиосвязи с наземными станциями наведения, которые находились, как правило, в непосредственной близости к переднему краю. Без преувеличения можно сказать, что без хорошо работающей радиосвязи летчики-штурмовики не способны были бы успешно поддерживать с воздуха наши наземные войска.

Офицеры авиационного наведения, как правило, из штаба дивизии, находясь на передовой, помогали летчикам отыскивать цели, наводили группы штурмовиков на замаскированные танки, орудия, минометы, пулеметы и окопы противника с точностью до десятков метров. В результате получался хороший эффект взаимодействия авиаторов с наземными войсками.

Так, например, 7 октября 1944 года моей группе (группе старшего лейтенанта Романова) пришлось сделать два боевых вылета в район населенного пункта Смольник, где велись ожесточенные бои наземных войск 1-й гвардейской армии за обладание Русским перевалом через Карпаты. С высот в районе пунктов Звала-Смольник противник вел ожесточенные контратаки, пытаясь сорвать наступление наших войск на пункты Русске и Вельке-Поляна.

Второй раз мы, группой в шесть самолетов, прилетели в этот район около 17 часов. При подходе с севера к Цисне, где в то время находился авиационный пункт управления (АПУ) во главе с заместителем командира 224-й штурмовой авиадивизии полковником Семеновым, я, как ведущий, запросил разрешение нанести штурмовой удар по заданной цели. В ответ слышу по радио: ““Мотор-3” (мой позывной), наносить удар по этой цели запрещаю. Возьмите курс 212 градусов и идите в распоряжение “Пули-1”. Как меня поняли?”

“Вас понял. Иду в распоряжение “Пули-1””, - ответил я.

Прошло минуты две-три, и рация вновь ожила: ““Мотор-3”, вы надо мной. Я - “Пуля-1”. Как меня слышите? Покачайте крыльями”.

Я выполняю просьбу авианаводчика. В ответ по рации передают: “Внимание! Буду наводить вас на цель... Идите пря-

мо”.

И через секунд десять-пятнадцать: “Разворот влево на 90 градусов. Достаточно. Цель перед вами. Опушка леса на вершине горы. Оттуда сильно стреляют по нашей пехоте. Атакуйте!”

Привычным движением руки я ввожу свой самолет в пикирование. Высота гор здесь около 1000 метров. Вижу артиллерийско-минометные позиции, автомашины, солдат и офицеров врага. Прицеливаюсь, нажимаю на гашетки. Выпускаю пару реактивных снарядов, затем даю длинную очередь из пушек и пулеметов. Самолет пикирует, стремительно набирая скорость... до земли 800, 700, 500, 400, метров. Пора! Вывожу самолет из пикирования и нажимаю кнопку автоматического бомбосбрасывателя. На врага летят осколочные бомбы. Действия и маневр ведущего над целью повторяют поочередно все летчики группы: Блулов, Белицкий, Колодин, Плетень и Огурцов.

Я слышу в наушниках шлемофона одобрительный возглас офицера радио наводчика: “Молодцы! Здорово! В точку попали!”

После пикирования и бомбометания я делаю левый разворот, быстро набираю высоту и становлюсь в хвост последнему самолету. Группа за 30 секунд встала в круг над целью, для повторных заходов, с интервалом между самолетами 300 метров. Встав на боевой курс, я снова пикирую с высоты 1900 метров на цель. Выпускаю два реактивных снаряда, стреляю из пушек и пулеметов. Вслед за мной врага атакуют мои товарищи. После восьмого захода я прошу у “Земли” разрешение идти домой. Однако офицер радионаведения передает просьбу наземного командования, сделать еще несколько заходов.

“У нас нечем стрелять, кончились боеприпасы!” - отвечаю я.

“Все равно, - настаивает “Земля”, - сделайте еще пару заходов холостых. Пехота атакует позиции врага”.

Что ж, надо поддержать пехотинцев. И мы снова, в девятый раз, ведем свои “Илы” на позиции врага. Пикируем как можно ниже, чтобы ревом мотора оглушить противника, деморализовать его психику, прижать к земле. За мной маневр повторяет вся группа. Наша “психическая атака” удается, немцы больше не стреляют. После одиннадцатого захода с

земли передают:

“Все. Уходите домой. Поработали хорошо. Молодцы!”

Мы уходим от цели, и снова слышим в наушниках:

““Мотор-3”, вам за отличное выполнение боевого задания “Хозяин” объявляет благодарность. Слышите? Благодарность летчикам всей группы”.

И в самом деле, поработали мы в этот раз неплохо. Когда штурмовики прижали фашистов к земле, наши автоматчики сумели вплотную подойти к окопам противника и в момент ухода самолетов от цели ворвались в них. Гитлеровцы подняли руки вверх. Ну а наши “Илы” уничтожили 3 автомашины, 25 солдат и офицеров противника, подавили огонь 3-х орудий полевой артиллерии. В итоге противник лишился целого батальона вместе со штабом и командиром.

Но и “Илы” понесли серьезные потери, лишившись двух самолетов, одного летчика и двух стрелков. Произошло это следующим образом. Через одну-две минуты после отхода от цели, когда я заканчивал маневр сбора группы на “змейке”, самолет моего ведомого младшего лейтенанта В.П. Блудова, который был, очевидно, ранен, врезался в мой самолет сверху, отрубив ему винтом хвост.

В тот момент все решали доли секунды. Командую стрелку - “Прыгай!”, бросаю штурвал - он больше не нужен, самолет меня не слушается - левой рукой откидываю назад фонарь и одновременно правой рукой беру за кольцо парашюта.

Самолет в это время уже вошел в правый плоский штопор и стремительно падал вниз. Я с трудом оторвался от сиденья, перевалился через правый борт кабины и, с силой оттолкнувшись ногами от левого борта, выскользнул из кабины в сторону вращения самолета. Парашют раскрылся на высоте 100 метров, и через несколько секунд я приземлился на вершине горы 1086, находившейся в трех километрах северо-западнее Русского перевала, в центре небольшой поляны. Солнце медленно спускалось к горизонту. Тишина вокруг стояла потрясающая.

Вскоре на гору поднялись два пехотинца с лошадью на поводу. Самолет нашли в пятидесяти метрах от моего места приземления. Он лежал между сломанными деревьями на краю обрыва. Передняя его кабина была сплюснута оторвавшейся приборной доской, фонарь задней кабины был открыт.

В ней, уронив голову на грудь, сидел воздушный стрелок Карп Краснопеев. Он был мертв. Пехотинцы вытащили его из кабины, положили на лошадь и спустились вниз, к дороге, по которой нескончаемой вереницей шли машины с войсками и грузом к Русскому перевалу.

Здесь, на закате дня, незадолго до наступления сумерек, у дороги, мы похоронили товарища по оружию Карпа Краснопеева, с которым прилетели из Добрынихи на фронт и с которым сделали более 50 боевых вылетов. И вот его не стало. Боевой трехкратный салют - это последняя для него воинская почесть - резанул воздух, и эхо, подхватив его, разнесло далеко по горным окрестностям.

Я был в шоке. Мое душевное состояние было тяжелейшим. День, начавшийся так хорошо, закончился трагически. Погиб Краснопеев, погибли летчик Блудов и воздушный стрелок Попов - их самолет после столкновения сначала перевернулся на спину, а потом вошел в отвесное пикирование, упал на землю и сгорел.

После похорон Краснопеева меня отвезли на машине в деревню Цисна, где находился авиационный пункт управления дивизии. Там я переночевал, а на другой день на "виллисе" меня отправили в штаб воздушной армии, а оттуда - на базовый аэродром в Перемышль, с которого мы тогда летали на боевые задания.

15 октября трех летчиков - Абраменко, меня и Яковлева - отправили в Трускавец, в армейский санаторий - подлечиться, отдохнуть. Там, в санатории, в конце октября произошла наша памятная встреча с бывшим заместителем командира полка Героем Советского Союза М.И. Безухом. Сейчас он был уже командиром 571-го шап. Михаил Иванович, увидев своих летчиков, подошел и дружески с улыбкой спросил: "Товарищ Романов, расскажи, пожалуйста, как тебе удалось взять в плен штаб немецкого батальона?"

"Шутите, товарищ подполковник", - недоуменно посмотрев, ответил я.

"Нет, серьезно, - Михаил Иванович снова улыбнулся. - Я прочитал об этом в газете "Сталинский воин"."

И действительно, в газете "Сталинский воин", являвшейся тогда органом политотдела 8-й воздушной армии, в номере от 27 октября 1944 года был опубликован небольшой очерк ка-

питана Н. Смирнова “Летчики помогли взять в плен немецкий штаб”.

Вот его текст.

Четверка (фактически шестерка) “Ильюшиных”, отштурмовалась, сделав восемь заходов на цель. Внизу была видна разбитая, исковерканная техника гитлеровцев. Ведущий - старший лейтенант Романов, удовлетворенный результатами удара, запросил у станции наведения разрешения закончить работу. Так он делал всегда, и всегда слышал неизменные слова: “Работали отлично, идите домой”. Но сейчас вместо этого офицер-наводчик попросил: “Сделайте еще два захода, пехота пошла в атаку”.

По команде ведущего летчики развернулись и снова пошли на цель. Спустившись до бреющего, они пронеслись над головами немцев. Воздух содрогался от страшного гула моторов, и перепуганные, отупевшие немцы не понимали, что их атакуют летчики, у которых больше нет боеприпасов. Они старались залезть глубже в землю, не видя того, что делают штурмовики. Никто из фашистов не стрелял.

Советские пехотинцы ворвались в расположение штаба немецкого батальона. Бежать было поздно, и фашистские офицеры сдались в плен.

Во время третьего захода штурмовиков рация наведения передала: “Молодцы, “Ильюшины”! Пехота с вашей помощью заняла высоту и захватила в плен штаб немецкого пехотного батальона”.

С тех пор при появлении штурмовиков пехотинцы Н-ского стрелкового соединения, сражающегося в Карпатах, говорят: “Вот они - взяли в плен штаб немецкого батальона”.

Во время этой беседы подполковник Безух поинтересовался, как мне удалось 7 октября выпрыгнуть на парашюте из разбитого самолета на Русском перевале в Карпатах. Я рассказал. А после этого Михаил Иванович вспомнил о похожем случае из своей летной практики.

3 августа 1943 года он водил группу самолетов Ил-2 на уничтожение колонны автомашин противника во время Брянской операции. Большой урон причинили они тогда врагу. Но в результате массированного плотного огня зенитной артиллерии у его самолета были повреждены рули управления.

Продолжая полет на неисправном самолете, он отразил две атаки истребителей противника. Над линией фронта от прямого попадания снаряда зенитной артиллерии на высоте 500 метров его штурмовик развалился на три части, но Михаил Иванович успел выпрыгнуть на парашюте и приземлился на своей территории...

Между тем, отдых и лечение в санатории подошли к концу. 31 октября 1944 года Абраменко, меня и Яковлева переправили на самолете По-2 из Трускавца в Перемышль, а еще через пять дней, то есть 6 ноября, полк перебазировался на стационарный аэродром Стрый.

“В этот же день, - вспоминают летчики, - Абраменко тяжело заболел. Мы пошли садиться в самолеты, чтобы лететь в Стрый, а его с очень высокой температурой отправили в госпиталь. Умер он от столбняка - видимо, занес инфекцию в старую рану. Эта потеря еще одного боевого товарища острой болью отозвалась в наших сердцах”.

Для нас Петр Павлович Абраменко умирал дважды.

Вот как он “умер” первый раз.

21 июля 1944 года рано утром наша 2-я эскадрилья получила боевое задание: нанести группой в составе восьми самолетов бомбардировочно-штурмовой удар по скоплению живой силы и техники отступающих немецко-фашистских войск в районе севернее населенного пункта Помаржаны. Я был назначен ведущим этой группы, а ведущим последней пары самолетов был поставлен лейтенант, старший летчик Абраменко.

Чтобы удар был более внезапным, ведущие завели группы не с востока, а с запада, т. е. со стороны тыла противника. Маневр удался, до цели нас не обстреливали. Но как только мы начали пикировать, перешли в атаку, и от нас посыпались “гостинцы фрицу”, нам ответили ураганным встречным зенитным огнем. В результате нашей штурмовки противник понес большие потери: горели танки, бронетранспортеры, было разбито несколько автомашин, подавлен огонь зенитной батареи и уничтожено до 20 человек солдат и офицеров. Мы тоже понесли потери. Один самолет, которым управлял Абраменко, был сбит над целью, и два очень сильно повреждены, но сумели возвратиться в строю на базу.

Трое суток мы ждали Петю Абраменко, он не возвращал-

ся, и мы все решили, что он погиб. Прошло два месяца... И вот однажды утром в полку появляется наш Петя. Мы были очень обрадованы и изумлены. Начались объятия, поздравления, расспросы...

И вот что поведал нам П.П. Абраменко, какая с ним разыгралась тогда, утром 21 июля, трагедия на поле боя.

Прямым попаданием снаряда было отбито крыло моего самолета. С большим трудом мне удалось выпрыгнуть с парашютом и приземлиться прямо, как говорится, к черту на рога - в непосредственное расположение вражеских войск, которое мы только что штурмовали. Приземлился я в небольшую канавку в центре загона, полосы начинающего желтеть овса. Картина почти мирная: надо мной голубое июльское небо, вокруг красивый западно-украинский пейзаж, рядом со мной мирно колышутся на теплом ветру сережки овсяного поля. О смерти и мысли в голове не было.

Между тем эта идиллия недолго продолжалась. Как только я отстегнул парашют, сразу же после приземления, то увидел реальную картину: ко мне со всех сторон бежали фашистские солдаты и офицеры, вооруженные автоматами и пистолетами.

Быстро готовлюсь к бою: достал из кобуры пистолет и запасную обойму патронов, для лучшей точности стрельбы встал на одно колено. Вот они уже совсем близко, метров 30-50. Стреляю прицельно по самым ближним ко мне фашистам, поворачиваясь, то в одну, то в другую сторону. Вижу, как они замертво падают от моих выстрелов и пуль. И вот их нервы не выдержали... залегли. Кричат: "Хенде Хох!" но не стреляют. Очевидно, хотят меня взять в плен. "Черта с два, - думаю я, - не удастся вам взять меня живым!" Я продолжал стрелять в упор в солдат, которые были ко мне ближе других. Но вот кончилась первая обойма, пистолет замолчал. А где же запасная обойма? Нервно ищу ее, и найти не могу... да вот же она! В левой руке.

Быстро перезарядив пистолет, я продолжал отбиваться от наседавших со всех сторон на меня фашистов. Ясно и безошибочно видел, как уже 7 человек уложил насмерть, а они все лезут - ползут и ползут.

Бой, начавшийся в небе и продолжавшийся здесь, на земле, длился всего несколько минут, но они, эти минуты, показались мне вечностью. В моем сознании промелькнули картины детства и всей жизни. Я увидел свою добрую и ласковую мать. Я увидел поля и леса. Я увидел Красную площадь и ясно почувствовал, как крепко люблю свою Родину.

“Вот и последний патрон! - вспоминает с печальной паузой Петя. - Прикладываю без колебания к правому виску пистолет и нажимаю на спусковой крючок... Выстрела не слышал, но почувствовал, что какая-то огромная сила подхватила меня и бросила вверх... И все кончилось...”

Так мне показалось, видимо потому, что не хотел я, чтобы мое тело досталось фашистам. Но в действительности я не улетел вверх, а упал на землю, в овес, рядом с отстрелянными пистолетными гильзами.

Фашисты, по-видимому, старались привести меня в сознание, применяя различные методы воздействия, о чем свидетельствовали кровоподтеки и синяки на моем теле. Они сорвали у меня с груди гимнастерки орден Красной Звезды, забрали оружие, документы, раздели до кальсон и бросили в сарай, находившийся на окраине маленького хутора.

Через трое суток я очнулся. С запекшейся кровью на голове и приставшей к ней соломой, качаясь, вышел во двор. Игравшие здесь дети испугались и закричали. На крик вышла их мать.

Я успел спросить: “Кто здесь, немцы или русские?”

Она ответила: “Немцы недавно ушли, а русские только пришли”.

Ехавшие по дороге связисты положили потерявшего сознание Абраменко на телегу и отвезли его в полевой медсанбат. Там ему оказали первую медицинскую помощь и отправили на санитарном самолете По-2 в Тернопольский госпиталь, а оттуда на самолете Ли-2 в Москву. В глазном госпитале П.П. Абраменко сделали операцию и протез глаза. Пулей была перебита связка правого глаза. Петя не остался в тылу после тяжелого ранения, хотя и имел на это полное право. Он приехал в родной полк, где был назначен на должность адъютанта 2-й эскадрильи.

Являясь воспитанником Коммунистической партии, ком-

сомола, школы, аэроклуба и летных училищ, Абраменко был большим патриотом, горячо любящим свою Родину. Он выполнил данную ей присягу без колебания.

5. Венгерская долина.

Содействие войскам 4-го Украинского фронта в наступательной операции в направлении Михайловце-Кошице, Чепель-Вайяны. (20.11. - 20.12.44)

Призыв Родины гласил: “Воины Красной Армии! Герои Карпат! Вы впервые в истории войн преодолели Карпатские горы. Никакие преграды не остановят Вас на пути к победе. Преследуйте, окружайте и уничтожайте врага! Добьем фашистского зверя в его собственном логове!”.

Потерпев поражение в Карпатах, и цепляясь порой за минимально выгодные рубежи, противник любой ценой стремился задержать продвижение наших войск. На рубеже, восточнее Михайловце и западнее Ужгорода, противнику в начале ноября месяца ценой больших усилий удалось приостановить дальнейшее продвижение войск 4-го Украинского фронта.

Войска 18 армии, произведя перегруппировку, 20 ноября перешли к штурму обороны противника западнее г. Ужгород. 224-я шад, располагая к этому времени 90 боеготовыми экипажами, базировалась за Карпатами, на Стрыйском аэроузле. Командованием 8-го шак дивизии была поставлена боевая задача - содействовать войскам 18-й армии в начавшейся наступательной операции.

Штурмовики дивизии, используя кратковременное улучшение погоды, покрывали расстояние 150-160 км через Карпаты до района целей. В условиях часто меняющейся метеорологической обстановки, они парами экипажей вели интенсивную воздушную разведку движения и сосредоточения живой силы и техники противника по дорогам в районах: Сурты-Комаровце, Чепель-Полов, Вайковице, Павловице, Вайяны. Передав разведанные на радиостанцию наведения, штурмовики возвращались домой.

Группами по 4-6 самолетов по данным штаба 8 шак и ра-

диостанций наведения 20 ноября, содействуя войскам 18-й армии в прорыве обороны противника на Чепельском направлении, штурмовали артиллерийско-минометные позиции, живую силу и технику противника в районах: Полов, Вайковице, Чепель, Павловице, Вайяны, Будковце, Мал. Рашковце. В результате комбинированных ударов с земли и воздуха оборона противника была взломана. Защищаясь арьергардами и оставляя разбитую технику, противник начал медленно отходить в западном направлении, сдавая город за городом.

23 ноября перешла в наступление 1-я гвардейская армия. Дивизии была поставлена задача: с рассветом 23 ноября бомбардировочно-штурмовыми ударами по огневой системе, живой силе и технике противника, содействовать войскам этой армии в прорыве обороны противника на участке: Виш, Рыбница-Сентуш. Кроме этого, 571-му шап производить перебазирование с аэродрома Калинув на закарпатский аэродром Буштына. Выполняя приказ командования 8-й шак, штурмовики дивизии с рассветом 23 ноября, произведя разведку погоды, приступили к интенсивной боевой работе. Экипажи 571-го шап, дозарядившись на новом аэродроме, через час после посадки, вновь поднимались в воздух и группами по 4-8 самолетов шли громить очаги сопротивления врага в районах: Убреж, Лички, Завадка, Русковец, Михайловце. Штурмовики подполковника Серикова и майора Шепельского группами по 6-8 «Ильюшиных», преодолевая горные вершины, подчас в ограниченной видимости, в дожде пробивались к цели.

Вот характерное воспоминание одного ведущего группы 565-го шап, выполнявшего полет 23 ноября 1944 года.

Боевой вылет в этот день проходил в очень сложных погодных условиях. Сразу же после города Борислава, исходного пункта нашего маршрута, началась сплошная, постепенно повышающаяся, облачность. Горы были закрыты. В сложившейся ситуации наша пятерка имела право вернуться на свой аэродром, но желание помочь наземным войскам было настолько велико, что мы решили продолжать свой полет над облаками вне видимости земли и в надежде на то, что в Закарпатье над целью погода может быть удовлетворительной. Ориентировку вели по компасу и по времени. Облачность, по-

степенно повышаясь, подняла нашу пятерку штурмовиков на высоту около 4000 метров. Мы находились в полете уже более 30 минут, а земли все не было видно. Я начал волноваться. Но, подумав, принял решение: пройти еще десять минут гарантийных и бомбить противника из-за облаков по расчету времени. Через 7-8 минут наконец-то повезло: слева от меня появился узкий просвет в облаках. Не мудрствуя лукаво, бросил свой "Ил" в пикирование, чтобы проскочить через этот просвет к земле. За мной повторили этот маневр все летчики пятерки, и через несколько секунд наша группа была уже под нижней кромкой облаков, на высоте примерно 1200 метров над землей.

Быстро восстанавливаю ориентировку. Оказывается, мы вывалились из-за облаков в 10 километрах западнее города Михайловце. Идем на заданную цель с восточным курсом и с ходу наносим по ней бомбово-штурмовой удар. А внизу... Внизу все было затоплено водой и только белые хаты, словно крохотные островки, да шоссе и железные дороги узкими ленточками выступали из ее зеркальной глади. Это после обильных осенних дождей разлились многочисленные реки, берущие начало на южных отрогах Карпатских гор.

Спикировав из-за мощных слоистых облаков на Венгерскую низину и выполнив боевое задание, мы повернули на обратный курс. И здесь перед нами встал вопрос: как же мы пройдем через главный Карпатский хребет, закрытый облаками?

Да, выполнив свой долг перед пехотой, мы оказались в крайне затруднительном положении. Пробиваться обратно, поверх облаков, трудно, да и горючего не хватит. Летим... справа от нас Ужгород, Мукачево, Берегово, слева - Карпатские горы. Тянуть больше нельзя, и я принимаю решение: попытаться пробиться через Ужокский или Верецкий перевалы, а если не удастся, то вернуться обратно в Закарпатскую долину и сесть на аэродроме, где базировался в это время 571-й штурмовой авиационный полк нашей дивизии.

Летим... Вершины гор угрюмо и угрожающе торчат рядом, упираясь своими обнаженными головами прямо в облака. Наши самолеты проходят ниже этих вершин, используя горные долины и ущелья. Вот под нами долина горной реки Уж, затем - Лютны, справа от которой видна гора Полонина Ровна,

высота которой около 1500 метров. Вершина ее скрыта в облаках. У меня с начало было намерение пройти над Ужокским перевалом, но он оказался закрыт сплошной облачностью. Поэтому решил идти правее, в сторону Верецкого перевала, где и метеоусловия были несколько лучше.

Прижимаясь к земле, почти на брющем полете, мы миновали главный хребет и через несколько минут выбрались на равнину. Все, мы дома! Зашли на посадку и благополучно сели на своем аэродроме Стрый. В конце пробега у самолетов остановились винты - кончился бензин. Нам здорово повезло.²⁷ (см. рис.13).

Личный состав 996-го шап, охваченный наступательным порывом, стремился сделать как можно больше для уничтожения врага. Особую активность и боевой задор проявили летчики Брюханов, Сусько, Уткин, которые до обеда сделали по два боевых вылета.

Механик по вооружению коммунист Климантов в течение первого дня наступления подготовил к вылету пять машин. Техник-лейтенант Арутюнян обеспечил 14 вылетов. А когда его самолеты были готовы, он сел в кабину и летел на поле боя в качестве воздушного стрелка. Также поступали и механики его звена - Маурин, Нестерец и Дмитриев.

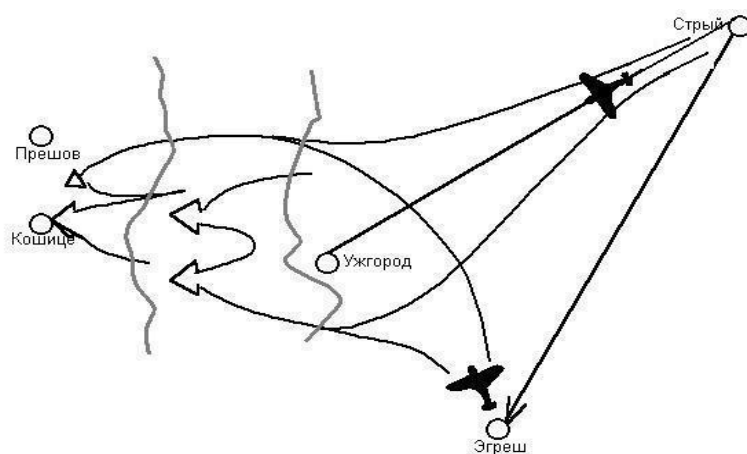

Рис.13

Летчик Жданов вернулся с пробоиной в самолете (и осколком бронебойного снаряда в своем окровавленном боку, который как реликвию войны хранит до настоящего времени). Едва “Ильюшин” зарулил на стоянку, его обступили люди. Автогенщик Пантелеев быстро заделал пробоину. Механик сержант Левашов, как доктор больного, осмотрел самолет. Механик Ухов, рядовой Портинов, младший сержант Реминов подвесили бомбы, и через 30 минут самолет вновь пошел в бой.²⁸

214 самолето-вылетов произвела дивизия в тот день. Взлетали на воздух огневые точки, обломки автомашин, горели склады с горючим, с боеприпасами, сотни солдат и офицеров противника навсегда остались лежать на чехословацкой земле. Не выдержал противник на этом участке мощного натиска наземных войск и штурмовиков 224-й шад. Взрывая мосты, минирюя дороги, истерически огрызаясь, противник к исходу первого же дня боев начал отход в Кошицком направлении.

Войска 1-й гвардейской армии, преследуя отходящего противника, форсировали реку Лобарец и овладели важным узлом шоссейных и железных дорог г. Михайловце. В последующие дни, развивая наступление, гвардейцы форсировали водный рубеж Ондава и вплотную подошли к хребту Шоварска Хедь. Взаимодействуя со штурмовиками дивизии, повели тяжелые наступательные бои за обладание горным проходом Даргов-Клеченов на Кошицком направлении.

Немецко-венгерские войска, опираясь на множество возвышенностей в предгорье хребта, изматывая нашу пехоту, яростно сопротивлялись. Придавая исключительно важное значение городу Кошице, фашистское командование любой ценой стремилось удержать перевал Шоварска Хедь в своих руках. Оно не допускало мысли, чтобы наши войска хотя бы приблизились к нему. Западнее Даргов, в ущелье, противник установил самоходные орудия и полевую артиллерию; он же обладал господствующими высотами; в резерве недалеко курсировали тяжелые танки. Таким же образом он оборонял и второй горный проход в этом направлении на участке Чермене-Банске.

Сильно ухудшившаяся погода не позволила дивизии применить всей боевой мощи по упорно сопротивляющемуся

противнику. Преодолевая громаднейшие расстояния через Карпаты, причем, зачастую в дождь, до минимума ухудшающий видимость, штурмовики группами по 2-4 самолета обрабатывали цели. Подчас, имея серьезные повреждения от интенсивного огня зенитной артиллерии, обратно, через Карпаты они возвращались на свои аэродромы. 571-й шап из-за сильного раскисания аэродрома, влиться в боевую работу по настоящему также не мог.

Но, несмотря на непогоду, большие расстояния, на ограниченно годные аэродромы штурмовики в зависимости от метеорологических условий парами или четверками помогали войскам 1-й гвардейской армии взламывать очаги сопротивления, овладевать высотами, овладевать перевалом. Работая в исключительно трудных условиях, каждый сознавал, что так требует обстановка, так требует дело победы. Большинство экипажей, отштурмовав цель и возвращаясь с задания, слышали в телефонах знакомые слова офицера-наводчика: “Работали отлично, большой “Хозяин” объявляет благодарность, спасибо”. Это значит - командующий наземной армией за хорошую работу объявил экипажам благодарность.

Много боевых вылетов сделала дивизия в эту операцию, оказав неоценимую помощь наземным войскам. В упорных боях, сломив сопротивление противника, войска 1-й гвардейской армии к первой половине декабря овладели хребтом Шоварска Хедь и закрепились на его западных скатах.

Глава IV. Участие в освобождении Польши и Чехословакии.

1. Бои на Краковском направлении (Висло-Одерская наступательная операция).

Новый 1945 год действующие войска Красной Армии встретили усиленной подготовкой всех видов оружия к предстоящим решительным сражениям. Фашистское командование, не жалея ни сил, ни средств судорожно готовило мощные оборонительные узлы и рубежи сопротивления.

На польской земле, вблизи небольшого пограничного городка, у подножья Карпат в местечке Заршин стояли боевые

полки 224-й штурмовой авиационной Жмеринской дивизии. В километрах трех от аэродрома, в глухой польской деревушке Длуге, в маленькой деревянной избушке, состоящей из 2-х комнат, расположился штаб дивизии. Долгими зимними вечерами при тусклых бензиновых самоделках офицеры штаба работали над картами и штабными документами, готовясь к предстоящим боям.

Ведущие групп производили облет линии фронта. Все летчики, от рядового до командира полка, изучали линию фронта, наносили на карты цели. На Заршинском аэродроме день и ночь у самолетов копошились техники, стремясь, как можно больше подготовить машин к боевой работе. Лучшие экипажи-разведчиков каждый день, при малейшем улучшении погоды, порой прижатые облачностью чуть ли не до самой земли, вели разведку сосредоточения живой силы и техники, выясняли места нахождения огневых позиций противника, наблюдали за движением по дорогам от линии фронта на Новы-Сонч - Краков. Перспективным фотографированием на высоте 100-200 м первого оборонительного рубежа на участке: Щебне - Маковиска и второго оборонительного рубежа противника по реке Вислок была закончена подготовка к новому наступлению 4-го Украинского фронта. Как и прежде, при подготовке к операции в Карпатах, штурмовики-разведчики дивизии непрерывным наблюдением за противником, обеспечили командованию 8-й воздушной армии и 4-го Украинского фронта достаточное представление о действиях противника и выявили места нахождения оборонительных сооружений и огневых позиций.

12 января 1945 года войска маршала Конева с Сандомирского плацдарма устремились к фашистскому логову. Мощной канонадой артиллерии и самоходных орудий, залпами "Катюш" и штурмовиков откликнулись войска 4-го Украинского фронта на наступление своего правого соседа. 15 января перешли в наступление войска 38-й армии. Командование 8-го шак в боевом приказе поставило дивизии задачу: бомбардировочно-штурмовыми ударами с воздуха по огневой системе и оборонительным сооружениям противника, содействовать войскам 38-й армии в прорыве обороны противника на участке: Ясло - Змигруд-Новы. Еще гремела артиллерийская канонада на переднем крае, а штурмовики дивизии, группа за

группой, поднимались в воздух. Первыми показались в районе целей шестерки 996-го шап. Их вел командир полка подполковник Шепельский. За ним подошли группы 565-го шап, которые вел командир полка подполковник Сериков. Не было здесь только 571-го шап. Подполковник Безух со своим полком в Куйбышеве изучал новую материальную часть - самолеты Ил-10.

На смену смолкнувшей артиллерии пришли штурмовики. Встав в круг, опускаясь до бреющего полета, шестерки огнем пушек и пулеметов, залпами осколочных и фугасных бомб штурмовали заданные цели. Вдохновленный начавшимся наступлением, личный состав дивизии трудился день и ночь. Летчики-штурмовики, имеющие богатый боевой опыт, ведомые мастерами бомбардировочно-штурмовых ударов, точно поражали цели, дерзко и быстро расправлялись с зенитками, умело отражали внезапные атаки немецких истребителей.

Немцы, ошеломленные артподготовкой, деморализованные непрерывными атаками штурмовиков, неся большие потери в живой силе и технике и теснимые нашей пехотой, начали отход на второй оборонительный рубеж, за реку Вислок. Но не спасла их и река, не спасли их "фердинанды" и тяжелая артиллерия, не спасли их зенитки, хищные "мессера" и "Фокке-Вульф". То там, то здесь взлетают в воздух опорные пункты и очаги сопротивления противника. Яростно сопротивлялись немцы в местечке Осек, не хотели они оставить и опорный пункт Змигруд-Новы. Артиллерия и минометы не подпускали нашу пехоту. На выручку пришли штурмовики. Группа за группой штурмовали и расстреливали живую силу, пулеметно-минометные и артиллерийские позиции врага. 75 боеготовых экипажей дивизии за день 15 января сделали 215 боевых самолето-вылетов; отдельные экипажи делали по 5 вылетов в день. Рекордно небывалую цифру в истории полков дал в этот день 996-й штурмовой авиационный Каменец-Подольский полк, сделавший 120 самолето-вылетов, имея на этот день 37 боеготовых экипажей. Около 700 убитых солдат и офицеров противника, 30 орудий полевой артиллерии, 10 минометно-пулеметных точек уничтожили штурмовики дивизии в этот первый день боевых наступательных действий на 4-м Украинском фронте в 1945 году.

Понесся чувствительные потери в живой силе и технике,

противник с 16 января 1945 года начал отход в западном направлении. По дорогам на Краков, Горлице – Новы-Сонч потянулись автоколонны, повозки с боеприпасами и живой силой. Командование 8-го шак поставило дивизии задачу: уничтожить живую силу и технику отходящего противника, и в связи с удалением района боевых действий от действующих аэродромов дивизии, перебазироваться на новый аэроузел - Завадка. С этого момента вплоть до 2 февраля дивизия вела боевую работу в исключительно сложных условиях, обуславливающих в начале предельным радиусом действия штурмовиков, а затем разбросанностью и отдаленностью частей от штаба дивизии.

Начавшийся в двадцатых числах января снегопад до того затруднил боевую работу штурмовиков, что в силу необходимости пришлось вести боевую работу только парами охотников, причем, по данным собственной разведки, ибо, стабильного ничего в это время не было, всё и все были в движении. Взрывая мосты, поджигая эшелоны и отходящие автоколонны, уничтожая живую силу и технику противника, штурмовики дивизии расчищали путь наземным войскам, помогали взламывать опорные пункты и очаги сопротивления врага. Ни предельный радиус, ни сложные метеорологические условия, ни атаки фашистских истребителей и зенитных батарей не могли остановить штурмовиков дивизии. Оставляя боеприпасы только на случай отражения атак истребителей противника, летчики делали над целью по 5-6 заходов, оставляя горючего в баках столько, чтоб долететь до своего аэродрома. Не на жизнь, а насмерть сражались штурмовики дивизии, показывая образцы мужества, героизма и беспредельной преданности Матери-Родине.

Еще в темноте взлетает лейтенант Новиков на разведку погоды. Командир эскадрильи старший лейтенант Брюханов с ведомым, младшим лейтенантом Кривовым, первый раз вылетевшим на боевое задание, обнаружили в районе населенного пункта Потоцке, на дороге от города Новы-Сонч на запад, сплошную колонну автомашин и повозок противника. Опустившись до бреющего полета, они сделали над ней 6 заходов. Только при тесном взаимодействии со штурмовиками наземные войска овладели важным промышленным и нефтяным районом южной Польши г. Горлице. Немцы, забаррикадиро-

вавшись и используя каменные здания и подвалы в г. Новы-Сонч, яростно сопротивлялись, отбивали неоднократные попытки нашей пехоты овладеть городом. Вызванные по радио несколько групп штурмовиков, с помощью офицеров-наводчиков, точными атаками подняли на воздух укрепления противника. Наша пехота, поднявшись в атаку, овладела городом.

Выполняя приказ командования 8-го шак, дивизия, ведя напряженную боевую работу, 25 января с 996-м шап перебазировались на аэродром Завадка. Основные наземные эшелоны в условиях суровой зимы, проделав за ночь около 60 км на автомашинах, прибыли 26 января утром в Завадку. А через 40 минут по радио был получен приказ: немедленно выезжать на аэроузел Радлув, чтобы подготовиться к приему 565-го шап. Через час наземный эшелон, оставив в Завадке для обеспечения боевой работы 996 шап немногочисленную оперативную группу, вышел в Радлув. Движение надо было форсировать, каждый сознавал, что надо работать и работать, надо переносить все тяготы боевой жизни; соединение вело напряженную боевую работу. Не отдыхая уже вторые сутки, все время на холоде, по заминированным дорогам, объезжая в брод взорванные мосты, шла форсированным маршем колонна управления дивизии.

Немцы, отойдя за р. Бяла и сосредоточив там остатки потрепанных частей и резервы, решили долго и прочно обороняться. Зорау, Бельско и Живец были превращены в мощные узлы сопротивления. В их тылу Моравска-Остравский угольный бассейн также готовился к длительной обороне. Дальнейшее продвижение наших войск приостановилось. Еще были в пути наземные эшелоны полков, еще тыл дивизии не выехал из Заршина, как дивизия вновь была перенацелена на Краковский аэроузел (см. рис.14).

Между тем, дивизия получала боевые задачи и вела боевую работу. Технический состав, прилетевший на боевых машинах в бомболоках и с воздушными стрелками, надрываясь в условиях отсутствия нормального обеспечения, обслуживал боевую работу. Перебазировавшись на Радлувский аэродром 31 января, 565-й шап в ночь на 1 февраля получил ответственную боевую задачу: нанести сосредоточенный бомбардировочно-штурмовой удар по огневой системе и живой силе про-

тивника в районе переднего края обороны Комаровце-Чеховице.

Для обеспечения боевой работы полка в Радлуве остались командир дивизии и один оперативный работник. Начальник штаба и второй помощник начальника оперативного отдела находились в пути. Начальник оперативного отдела с опергруппой и один разведчик находились в 996-м шап. Двое оперативных работников выехали на Краковский аэроузел.

Командование 8-го шак, в целях преодоления сопротивления противника, требовало от личного состава дивизии максимального напряжения сил, для оказания помощи наземным войскам. Выполняя это требование, группа штурмовиков из 22-х самолетов Ил-2 во главе с опытным летчиком, штурманом 565-й шап майором Денежкиным, 1 февраля 1945 года нанесла мощный сосредоточенный штурмовой удар по артиллерийско-минометным позициям и живой силе противника в районах: Чеховице, Комаровце. 6 орудий полевой артиллерии, 10 минометов и около 150 солдат и офицеров противника было уничтожено группой. За хорошее взаимодействие внутри группы, интенсивность и последовательность атак, всем экипажам, участвовавшим в налете, наблюдавший за работой штурмовиков командующий 8-й воздушной армии генерал-лейтенант авиации Жданов, объявил благодарность.

Придавая важное значение опорному пункту Бельско и неся большие потери, противник по дороге Бельско - Сключув стал лихорадочно подбрасывать резервы, яростно сопротивляться в самом городе Бельско. Штурмовики дивизии, выполняя приказ командования 8-го шак, бомбардировочно-штурмовыми ударами по автоколоннам и гужевому транспорту, срывали автомобильные и гужевые перевозки противника. Одновременно, штурмуя очаги сопротивления, помогали наземным войскам выбивать фашистов из города. Наконец, не выдержав комбинированного натиска с земли и воздуха, немцы 12 февраля оставили Бельско.

На следующий день, 13 февраля, наша дивизия понесла тяжелую утрату: погиб верный сын Родины, превосходный мастер штурмовых ударов, штурман 996-го авиаполка, недавно переведенный на эту должность из 571-го шап, где был командиром эскадрильи, капитан Иван Сергеевич Старченков.

В этот день из-за плохой погоды штурмовики ходили на

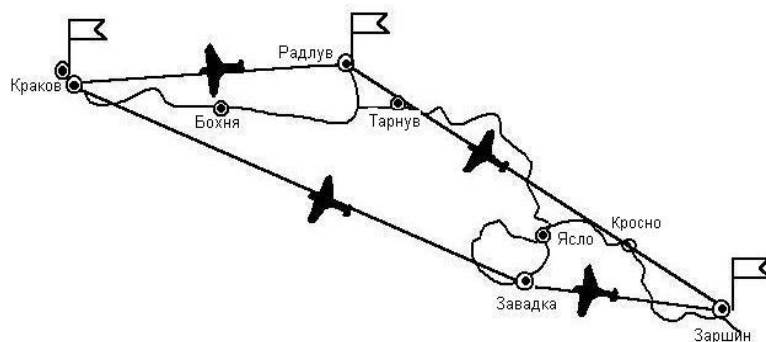

Рис. 14

задания парами через небольшие интервалы времени. И.С. Старченков вылетел в паре с И.И. Филиппенко. Достигнув района цели, ведущий передал команду: “В атаку!” На втором заходе от прямого попадания зенитного снаряда машина Старченкова загорелась. Филиппенко передал ведущему: “Горишь, уходи на свою территорию!” Но не таков был командир коммунист Старченков, чтобы до конца не выполнить задание, у него еще оставался запас боекомплекта. Старченков ответил: “Делаю еще заход”. На третьем заходе он израсходовал весь боекомплект, уничтожив несколько солдат и офицеров противника. Филиппенко видел, как командир перетянул линию фронта и пошел на посадку. И надо же такому случиться: совершая вынужденную посадку, самолет взрывается в пяти метрах от земли. Такова трагическая гибель Героя, одного из лучших летчиков 8-й воздушной армии.

Похоронили капитана И.С. Старченкова в центре города Кракова у костела. Провожая товарища в последний путь, летчики 996-й шап поклялись над могилой своего боевого друга еще крепче бить врага.

23 февраля 1945 года вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении Ивану Сергеевичу Старченкову звания Героя Советского Союза. К этому званию он был представлен командованием 571-го шап за совершенные им 125 боевых вылетов на разведку и штурмовку железнодорожных

эшелонов, аэродромов, скоплений боевой силы и техники противника.

В первой половине февраля противник, подтянув свежие резервы, собрав остатки потрепанных частей и используя озера на рубеже: Бронув, Илов, Сбочув, встретил наступающие наземные войска отчаянным сопротивлением. Кроме этого, сосредоточив в центре Сбочув, Прухна и на правом фланге 38-й армии Зебжидовице - Пелегжимовице - Павловице танки и артиллерию, стал яростно контратаковать наши войска (см. рис.15).

Частям дивизии была поставлена боевая задача: содействовать нашим наземным войскам в прорыве оборонительной полосы, содействовать отражению контратак и уничтожить войска и технику противника в местах сосредоточения. Выполняя поставленную задачу, штурмовики дивизии, не взирая ни на плохие метеоусловия в этот период, ни на сильное противодействие зенитной артиллерии и истребителей противника, изо дня в день, при малейшем улучшении погоды, беспрекословно поддерживали наземные войска, штурмуя контратакующие танки, живую силу и огневые точки противника.

Имея трехлетний боевой опыт, экипажи подчас в исключительно неблагоприятных условиях, используя все свое умение, настойчивость и опыт, точно выполняли поставленные задачи. Командир эскадрильи 996-го шап старший лейтенант Стоякин с группой из четырех Ил-2 в условиях плохой

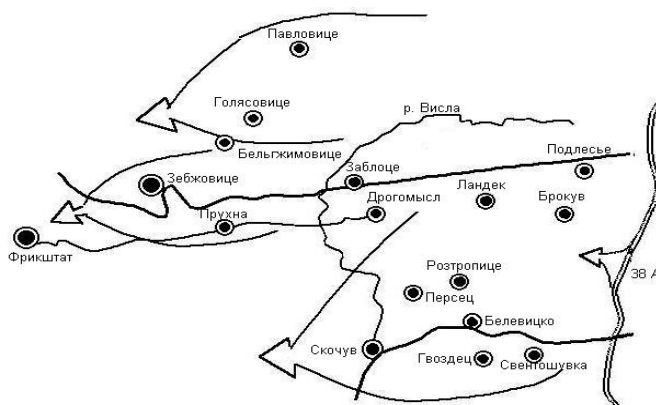

Рис.15

видимости, при дожде, пробившись к месту контратакующих немецких танков, обнаружил, что цель закрыта. Но, имея богатый боевой опыт по наведению, отлично отработал по цели, уничтожив два танка, два орудия полевой артиллерии и до 20 солдат и офицеров противника. Получил разрешение возвращаться домой. Но к моменту возвращения, аэродром посадки оказался закрытым. Ведущий принял решение продолжать движение на запасной аэродром Тарнув, но и он был также закрыт, тогда ведущий принимает последнее решение - садиться на аэродром Жешув. Подойдя к аэродрому уже в сумерках, группа благополучно произвела посадку. Исключительная выдержка, хладнокровие и отличная техника пилотирования помогли группе отлично выполнить боевое задание и в сложных условиях благополучно произвести посадку.

Понеся от комбинированных ударов наземных войск и штурмовиков ощутимые потери, противник отказался от контратак и перешел к обороне. К концу февраля 1945 года на 4-м Украинском фронте наступило временное затишье. Ясло-Бельская операция закончилась. Войска 38-й армии при постоянной и сильной поддержке штурмовиков, взломав оборону противника у города Ясло, овладели важным нефтяным районом Горлице и городами: Ясло, Горлице, Новы-Сонч, Новы Тарг и Бельско. Заняли исходные позиции для наступления на важный промышленный центр северо-восточной Чехословакии – Моравска-Острава.

Высоко оценила Родина боевую работу дивизии в этой операции. Верховный Главнокомандующий маршал Советского Союза тов. Сталин в приказах №№229, 234, 275 за отличные боевые действия при прорыве обороны немцев западнее г. Санок и освобождение городов Ясло, Горлице, Новы-Сонч, Прешов, Кошице, Бардеева и Бельско - объявил дивизии благодарность.

996-й штурмовой Каменец-Подольский полк Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 февраля 1945 года за отличные боевые действия в боях при прорыве обороны немцев западнее г. Санок и освобождение городов Ясло, Горлице награжден орденом Суворова 3-й степени.

Командующий 8-й воздушной армией генерал-лейтенант авиации Жданов в день двадцать седьмой годовщины Красной Армии за отличные боевые действия дивизии в борьбе с не-

мецкими захватчиками вручил дивизии Боевое Красное Знамя и лично на знамени около древка прикрепил орден Красного Знамени - награду, полученную дивизией за Львовскую операцию.

Командир дивизии М.В. Котельников, принимая эту награду, от всего личного состава дивизии заверил командующего 8-й воздушной армии в том, что полученное дивизией Боевое Красное Знамя, она пронесет с достоинством и в грядущих боях умножит свою боевую славу.

2. Моравска-Остравская операция.

Ранняя весна 1945 года. Красная Армия, развивая зимнее наступление, вторглась в пределы фашистской Германии. С чувством гордости и восхищения следили за победами своих соседей и сами готовились к решительным последним боям войны 4-го Украинского фронта.

Немецкое командование, придавая большое значение Моравска-Остравскому угольному бассейну, заранее усиленно и всесторонне готовило этот район для долговременной обороны.

Командование 4-го Украинского фронта потребовало от авиации систематического наблюдения за действиями противника. Сфотографировать дороги: Прухна-Коньчице Мал.-Фриштат; Брузовице-Фридек, Голясовице-Зебжидовице-Фриштат и Шумбарк-фл. Нови, имея в виду, что эти дороги проходили в районе Моравска-Остравского промышленного района. Кроме того, они же являлись питательными нитями фашистских войск на этом участке фронта. Противник сосредоточил здесь огромное количество зенитных средств и истребителей.

Командование 8-го шак поставило дивизии задачу: вести воздушную систематическую разведку действий противника. Выявлять его места сосредоточения, огневые позиции и различные передвижения. Представить в штаб корпуса для наземного командования фотоснимки крупного масштаба дорог. Задача была весьма ответственной. Только лучшие экипажи могли выполнить это задание. Буквально из-за каждого населенного пункта и лесного массива торчали жерла многочисленных зенитно-артиллерийских батарей и пулеметов. Ма-

лейшая оплошность равнялась смерти. Для выполнения этой задачи были выделены лучшие экипажи, лучшие разведчики-фотографы: старший лейтенант Белицкий, лейтенант Митюков и лейтенант Шишков. Одинаково они были дерзкими, одинаково смелыми и храбрыми воздушными бойцами. Для выработки способа фотографирования на Краковский аэродром прибыл сам начальник разведотдела 8-й воздушной армии Сидоров. По предложению лейтенанта Митюкова высота фотографирования была определена 50 м. Фотограф идет первым, за ним пара истребителей прикрытия, на удалении сзади с превышением следует пара “Илов” для подавления огня зенитной артиллерии и пара истребителей прикрытия. Вышло по Митюкову, он пошел на высоте 50 метров и впереди всех один. 8 самолето-вылетов сделали Белицкий, Митюков и Шишков на фотографирование. Несмотря на ураганный огонь зениток, экипажи, не получив даже сколько-нибудь ощутимых повреждений, с честью выполнили задание, представив наземному командованию сфотографированные дороги со всеми подробностями.

За время Великой Отечественной войны выросли ветераны дивизии от сержантов до офицеров, от рядовых ведомых до ведущих летчиков-командиров, самостоятельно и грамотно решающих ответственные задачи. Глубоко укоренился у воздушных разведчиков новый способ, предложенный командованием 8-й воздушной армии - постановка задач на разведку экипажам-разведчикам непосредственно с АПУ (авиационного пункта управления). Постоянно в боях, экипажи, совершенствуя свое боевое мастерство, добились отличной работы по технике связи. Вылетая на боевое задание, экипаж-разведчик получал от командования задачу: связаться с АПУ и получить у нее задание на разведку. Связавшись по радио с АПУ, экипаж получал задание на разведку и, выполнив его, докладывал АПУ. И так делали не только разведчики. Ведущие группы, которые выполняли задачи по штурмовке целей, также выполняли эти задания. 12 марта капитан Левин во главе шестерки “Илов”, отштурмовав на железнодорожной станции Ясштембе-Гурне эшелон, с выгружающейся живой силой и техникой противника, доложил по радио, что в самом населенном пункте уже выгружены около 15 орудий полевой артиллерии. Высланная по его докладу в этот район шестерка штурмовиков

добрую половину их уничтожила, а этому району стало придаваться особое значение. Как после оказалось, эта станция была пунктом выгрузки подходящих резервов противника. Неоценимую помощь оказали разведчики-штурмовики наземному командованию при подготовке к операции. Они сфотографировали дороги, определили места выгрузки и сосредоточения подходящих резервов, места нахождения огневых позиций и оборонительных сооружений противника.

24 марта войска фронта на участке 38-й армии перешли в наступление восточнее г. Зорау. Дивизия к этому времени, имея в своем составе 565-й и 996-й штурмовые авиационные полки, располагала 45 исправными самолетами и базировалась в Германии на Глейвицком аэроузле. Боевым приказом штаба 8-го шак дивизии была поставлена задача: бомбардировочно-штурмовыми ударами по живой силе и технике противника содействовать наземным войскам 38-й армии в прорыве обороны противника и дальнейшему развитию успеха на Моравска-Оставском направлении.

24 марта после артподготовки и сосредоточенных бомбардировочно-штурмовых ударов по артминбатареям и живой силе в районах Зорау, Клокочин и Рогайсна оборона противника была взломана, и к 12 часам дня наши войска овладели г. Зорау. Развивая успех, наземные войска устремились к важному узлу шоссе и железных дорог - г. Лослау.

Потерпев неудачу с контратакой из района Лослау, противник решил ни коим образом не допускать выхода наших войск к р. Одер. По дорогам и переправам через р. Одер потянулись резервы с живой силой и боевой техникой фашистов. Но не удалось противнику сделать и этого. 27 марта капитан Сусько девяткой Ил-2 разрушил единственную в районе Ольза переправу через р. Одер. Старший штурман дивизии майор Треус и начальник воздушно-стрелковой службы дивизии майор Дахновский, летавшие с этой группой в качестве контролеров, и произведенное фотографирование подтвердили разрушение этого моста (см. рис.16).

Цепляясь за каждый клочок земли, за каждый маломальски выгодный рубеж, как утопающий за соломинку, противник яростно сопротивлялся. Сосредоточив в районе Блющув около батальона пехоты и батарею минометов, немцы ожесточенно обороняли плацдарм на восточном берегу р.

Одер. Неоднократные атаки нашей пехоты терпели неудачу. На помощь были вызваны штурмовики. Восьмерка “Илов”, возглавляемая старшим лейтенантом Стоякиным, обрушила бомбардировочно-штурмовые залпы на пехоту, засевшую в овраге около полотна железной дороги, и батарею минометов. Опускаясь до бреющего полета, с круга, по одному в упор расстреливали фашистов, летчики. Кроме восьми боевых заходов группа сделала еще три холостых захода. Наша пехота, поднявшись в атаку с криками “Ура”, без единой потери овладела оврагом и захватила в плен уцелевших немцев. Группа, получив благодарность от командира наземного корпуса, благополучно вернулась домой.

Благодаря интенсивной помощи штурмовиков, наши войска овладели плацдармом и повели бои за форсирование р. Одер.

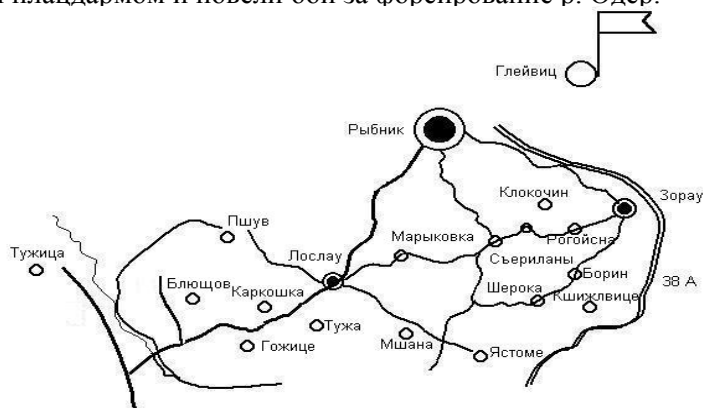

Рис.16

Неся большие потери от штурмовиков Ил-2, немецкое командование решило противопоставить им свои истребители. Над районами боевых действий начинают появляться группы по 12-18 самолетов Ме-109 и Фв-190.

Но штурмовики за три года войны в совершенстве овладели техникой воздушного боя. Еще в 1942 году капитан Безух, ныне Герой Советского Союза, в душевной беседе с товарищами говорил: “Я истребителей не боюсь, зенитка - дело другое... Если встречу с немецким истребителем один на один, он со мной ничего не сделает”. Так оно и было, не один

раз Безух вступал в жаркие схватки с немецкими истребителями и всегда выходил из них победителем.

Имея солидный боевой опыт, не раз побывав в воздушных боях, особенно теперь, в последних боях, многие летчики-штурмовики были такого же мнения, как и Миша Безух, доказывая это на практике.

13 февраля лейтенант Митюков в паре со своим ведомым, несмотря на то, что в воздухе рыскали истребители противника, а сопровождавшие их два Ла-5 из 235-й истребительной авиационной дивизии в результате воздушного боя оторвались от штурмовиков, продолжали выполнять поставленную задачу. И в тот момент, когда пара штурмовала цель, два Фв-190, внезапно выскочив из разрывов низкой облачности, атаковали штурмовиков. Немецкие “ассы” намеревались внезапной атакой и меткими очередями, с ходу покончить с одиночными штурмовиками. Но жестоко просчитались фашисты. Лейтенант Митюков, имея богатый боевой опыт в воздушных боях и, будучи сторонником того, что штурмовик не только может обороняться, но и вести активный воздушный бой, ловко выйдя из-под удара, сам пошел в лобовую атаку на фашистского “асса”. Не выдержали нервы у фашиста от стремительного натиска советского летчика. Круто отвернув от штурмовиков, немцы больше не решались подходить вплотную к экипажам, но теперь уже с больших дистанций и с трусливой осторожностью продолжали атаковать отважных штурмовиков. Маневрируя “ножницами”, 10 атак отбила бесстрашная пара. Немцы, очевидно, израсходовав горючее и не добившись успеха, повернули восвояси. Штурмовики, выполнив боевое задание, опустившись на бреющий полет, благополучно вернулись на свой аэродром.

3 апреля 1945 года группу из восьми Ил-2 старшего лейтенанта Стоякина, под прикрытием шестерки Ла-5, в момент штурмовки цели в районе Пишт атаковала смешанная группа истребителей - 18 Ме-109 и Фв-190. Хорошая половина немецких истребителей стала атаковать штурмовиков, другая же часть - была связана воздушным боем нашими истребителями Ла-5. Группа наших штурмовиков не растерялась, встав в плотный круг, и оттягивая его на свою территорию. Экипажи вступили в воздушный бой. Один подбит и четыре сбитых истребителя противника - таков результат воздушного боя груп-

пы. Без единой потери вернулась восьмерка домой.

Ведя напряженную боевую работу, летный и технический состав беспрестанно продолжал совершенствовать свое боевое мастерство. Неисчислимы боевые подвиги летчиков-штурмовиков дивизии. Начальник штаба дивизии полковник Карякин, возглавляя в это время на передовой оперативную группу, в замечаниях по боевой работе штурмовиков отметил: “26.3.45г. капитан Козловский работал отлично. Наблюдавший за его работой заместитель командующего 38-й армии сказал: “Вот это мастер!”

28.3.45 г. капитан Сусько работал дерзко, смело, грамотно. Старший лейтенант Романов работал отлично, поджег два танка. Майор Денежкин работал хорошо. Работу капитана Брюханова наблюдал зам. командующего 8-й воздушной армией генерал Самохин. Его работа ему понравилась - работал дерзко, смело, маневр организовал отлично”.

Так работали штурмовики дивизии над полем боя.

В дни напряженной боевой работы, чтобы как можно эффективнее помочь пехоте и не дать противнику опомниться, летчики вследствие недостатка самолетов, заменяя уставшего товарища, садились в его самолет и снова летели в бой. Технический состав, чтобы не задерживать подготовку самолетов к боевым вылетам, организовал специальные резервные бригады, которые ни минуты не теряя времени, производили осмотр и дозаправку севших самолетов, подготавливая их к новому боевому вылету. Ночью, когда все шли отдыхать, техники приступали к ремонту и подготовке машин к следующему дню. Так работал технический состав на аэродромах.

Сжимая кольцо окружения Моравска-Остравы, 15 апреля 1945 года войска 60-й и 38-й армий перешли в наступление в направлении Троппау. Дивизия, базируясь к этому времени на Глейвицком аэроузле, пополнилась тридцатью самолетами Ил-2. Кроме этого, успешно окончив программу переучивания на новых самолетах, 10 апреля прилетел из г. Куйбышева 571-й шап. 53 Ил-2 и 33 Ил-10 с летчиками, прекрасно владеющими этой материальной частью, 15 апреля вступили в последнюю схватку с врагом.

Немцы, рассчитывая на мощные чехословацкие пограничные дзоты и сооруженные дополнительно полевые укрепления, предполагали надолго закрепиться здесь. Но от масси-

рованных бомбардировочно-штурмовых ударов штурмовиков взлетали на воздух дзоты и полевые укрепления, от точных попаданий ПТАБов (противотанковых авиабомб) горели танки и самоходные орудия, от многочисленных пуль и снарядов, погибали солдаты и офицеры противника. По показаниям пленных, захваченных наземными войсками, противник в одном из районов, сосредоточив танки и до двух батальонов пехоты, предполагал перейти в контрнаступление. После ударов штурмовиков попытка перейти в контрнаступление была сорвана. Вторым батальон 40-го мотополка немцев потерял до 70 процентов личного состава.

На ближних подступах к Троппау, район Олдржихув, противник превратил в сильный опорный пункт. Батареи полевой артиллерии и минометов, около 150 солдат и офицеров, ведущих огонь из траншей полного профиля, не давали нашей пехоте не только продвигаться, но даже поднять головы. После того, как капитан Игнатий Козловский с 8-ми заходов бреющего полета отработал по этому объекту, ярости фашистов как не бывало. Наша пехота, поднявшись в атаку, овладела этим пунктом. Внезапно напавшая было на группу шестерка Ме-109 и Фв-190, прижатая к земле шестеркой Ла-7 и отбиваемая хорошо организованным огнем штурмовиков, вынуждена была ни с чем удалиться с поля боя. Компактным строем, на бреющем полете примчалась группа обратно через наблюдательный пункт командующего 60-й армии. Наблюдавшие за работой группы командующий фронтом генерал армии Еременко, командующий 60-й армии и зам. командующего 8-й воздушной армии устроили подлинную овацию, возвращавшейся группе капитана Козловского (см. рис.17).

После комбинированных ударов штурмовиков и артиллерии, оборонительный пояс Троппау был прорван. Верховный Главнокомандующий Маршал Советского Союза тов. Сталин за отличные боевые действия объявил благодарность частям генерал-майора авиации тов. Котельникова.

Погиб смертью храбрых двадцативосьмилетний летчик Анатолий Григорьевич Сомов, не сказав фашистам на допросе ни одного слова.

Вот как напишет в своих воспоминаниях его друг, однополчанин Ю.Н. Жданов.

Рис.17

Особенно было больно, когда наши люди погибли в самом конце войны. 996-й шап 21 апреля 1945 года работал на пределе, летчики совершали по 3-5 боевых вылетов в день. Тяжело груженные штурмовики поднимались в воздух и группами в сопровождении истребителей уходили к линии фронта, к городу Троппау (ныне Опава).

С одной из групп, в который уже раз, улетал младший лейтенант Анатолий Сомов со своим боевым другом - воздушным стрелком старшим сержантом Гришей Новичихиным. С первого захода группа нанесла бомбовый удар по целям с пикирования. На втором заходе зенитный снаряд попал в самолет Анатолия. Пламя быстро охватило машину, и Сомов решил обрушить ее на вражеские позиции.

Машина быстро приближалась к земле. Он в последний момент передал по радио: "Прощайте, друзья!", и горящий штурмовик врезался в дом, превращенный гитлеровцами в опорный пункт. Дорого заплатили фашисты за смерть героя.

Через несколько дней после освобождения нашими войсками города Троппау, на аэродром Глейвице чешский патриот доставил на повозке завернутое в ковер тело летчика. В нем мы опознали Анатолия Сомова. Чех был очевидцем гибели

героя. И он рассказал, как все происходило.

Оказывается, летчика выбросило из кабины самолета. И Анатолий чудом уцелел, но тяжелое ранение не дало возможности уйти. Немцы и власовцы захватили летчика, сорвали с него ордена, долго глумились и издевались и, не добившись от него ни слова, полураздетого вывели на стадион и расстреляли.

Рассказывая эту страшную историю, чешский патриот то и дело вытирал слезы.

Моему другу Анатолию Сомову было 28 лет. Он любил жизнь и имел на нее право, любил свой народ, свою Родину и ненавидел врагов. Без страха пошел в бой и отдал свою кровь до последней капли, отдал жизнь за свободное и светлое будущее нашей Родины и всего человечества.

За время пребывания на фронте Анатолий Григорьевич Сомов уничтожил много врагов, танков и артиллерии, железнодорожных эшелонов, самолетов на аэродромах, автомашин и другой техники врага, за что награжден орденом Красного Знамени и орденом Красной Звезды.

Возвращаясь с боевого задания на подбитом самолете, погибли 26 апреля наши друзья: летчик - младший лейтенант Алексей Иванковский и воздушный стрелок - старший сержант Гаврила Новожилов. Это был их 152-й боевой вылет. Так за пять дней я потерял лучших своих друзей. Анатолий Сомов ушел в бессмертие патриотом. И всегда будет стоять в ряду храбрых как пример мужества и отваги, пример любви к Родине!²⁹

Развивая дальнейшее наступление, войска 60-й армии форсировали р. Опава и начали продвигаться в южном направлении. И здесь, уже на южном берегу р. Опава, в районе Сухе-Лазце, противник еще раз попытался перейти в контратаку с помощью танков. Определив это, вылет за вылетом делали в район Сухе-Лазце штурмовики. Танк за танком горели немецкие бронированные машины. 20 апреля капитан Сусько в составе группы семи самолетов Ил-2, обрабатывая шесть немецких танков, одну батарею полевой артиллерии и около 150 солдат и офицеров, уничтожил два орудия полевой артиллерии, поджег два танка и рассеял пехоту. Командир сопровождающей группы истребителей, капитан Корочинский,

после этого вылета сообщил: “Действиями над полем боя Сусько я восхищен, он работал отлично”.

Так была сорвана подготавливаемая немцами контратака. Наша пехота, получив свободу маневра, вновь стала продвигаться вперед.

Левее 60-й армии, также в южном направлении, наступала 38-я армия. Штурмовики дивизии с овладением войсками 60-й армии Троппау и после форсирования р. Опава перенесли бомбардировочно-штурмовые удары на участок наступления 38-й армии. Расчищая путь наступающей пехоте 38-й армии, свыше 200 вылетов совершили штурмовики на мощный опорный пункт немцев Велька-Полом и 150 вылетов - в район Поруба. Овладев районами Велька-Полом и Поруба, наземные войска, поддерживаемые мощными бомбардировочно-штурмовыми ударами дивизии, форсировали реку Одра и повели бои непосредственно на окраинах Моравска-Остравы.

Противник яростно сопротивлялся. Немцы никак не хотели оставлять такого важного промышленного центра. Каждый квартал, каждый подвал и переулок западной окраины Моравска-Остравы были забаррикадированы и превращены в узлы сопротивления. Ни на минуту не затихали ожесточенные бои. Винтовочные залпы сменялись орудийным грохотом артиллерии, затем - воем осколочных и фугасных бомб, трескотней пулеметов и сухим строгим уханьем пушек штурмовиков. Дивизии было приказано до максимума повысить напряжение. Начальник штаба корпуса полковник Лышенко то и дело вызывал полковника Крякина к телефону, спрашивал: “Как с зарядкой, как с выпуском групп?” Но не успевал полковник ответить, как грозный все нарастающий гул взлетающих штурмовиков наполнял весь город. Полковник Лышенко больше не спрашивал, он так же, как и полковник Карякин, потирая от удовольствия руки, наблюдал в окна, как группа за группой, вытягиваясь в колонну, штурмовики брали боевой курс 200 градусов и плотным строем устремлялись к Моравска-Остраве.

Там, у стен города, 30 апреля 1945 года, шла ожесточенная борьба. Экипажи штурмовиков 224-й шад творили чудеса. Пикируя на вражеские огневые точки под углом 30-40 градусов, и делая по 5-8 заходов на цель, летчики подчас забывали, что им надо возвращаться домой. Лично наводившие штурмо-

виков на цели генерал-лейтенант авиации Нанейшвили и генерал-майор авиации Котельников в телеграммах своим штабам требовали: “Предупредите экипажи, слишком увлекаются, затягивают время пребывания над целью, не дают возможности работать другим группам”.

Выполняя приказ вышестоящего командования: дать все, что возможно, и, желая, как можно больше и лучше помочь наземным войскам, штурмовики дивизии в этот день сделали 274 боевых самолето-вылетов. Это была рекордная цифра. Никогда еще за эту войну дивизия не давала такого высокого напряжения. Летчики делали по 4-5 вылетов. Техники ни на шаг не отлучались от аэродрома, как волчки крутились они вокруг самолетов, готовя их к последующим вылетам. Штабные офицеры с раннего утра принимали и передавали боевые донесения, давали указания, отмечали на картах положение войск. В штабе дивизии от полковника до сержанта - все были мобилизованы на оформление боевых и разведывательных донесений, на выполнение текущей напряженной боевой работы.

В 22 часа, когда еще офицеры оперативного отдела подвели итоги, знакомый голос диктора известил: “Войска 4-го Украинского фронта сегодня, 30 апреля, штурмом овладели важным промышленным центром союзной нам Чехословакии и сильным опорным пунктом немцев - городом Моравска-Острава”. С большим вниманием слушали воины приказ Верховного Главнокомандующего. Услышав, что в боях за овладение городом отличились и наши штурмовики, шумом рукоплесканий, заглушив последние слова диктора: “...Объявляю благодарность” - встретили приказ вождя воины дивизии.

Много лет спустя участник этих боев, бывший летчик 996-го шап К.Т. Бегимов вспоминает.

Накануне Первомайского праздника, 30 апреля 1945 года, 224-й шад поддерживала войска 60-й армии в боях за город Моравска-Острава. В этот день в эскадрильи С.С. Брюханова 996-й шап не вернулся с боевого задания летчик Николай Кривов. Его товарищи, с которыми он летал, рассказывали, что над городом было спокойно, не появлялись истребители, молчали зенитки, но вдруг перед очередным заходом на цель

самолет Николая вспыхнул, как факел, и развалился на части. Больше никто ничего не знал.

Все решили, что экипаж Кривова погиб. Иначе и быть не могло, думали мы. Но, оказывается, все же иногда бывают чудеса. Буквально на другой день наш товарищ вернулся к себе в полк живой и невредимый.

А случилось следующее. Видимо, притаившийся вражеский зенитчик своим снарядом угодил прямо в бензобак, от чего самолет взорвался. При взрыве погиб и вместе с обломками самолета упал на горящий город воздушный стрелок Николай Овчинников, а командира экипажа взрывной волной выбросило из кабины, и когда он очутился в свободном падении, у него хватило сил найти и выдернуть вытяжное кольцо парашюта.

Наш Коля благополучно приземлился во дворе какого-то строения. Особенно раздумывать было некогда и он, скомкав кое-как свой парашют-спаситель, юркнул в сарай, оказавшийся на счастье рядом. Через некоторое время послышались настороженные шаги, вслед за которыми в сарае появились две женщины с корзиной и, не сказав ни слова, будто не замечая человека, притаившегося в углу, поставили ее и тут же ушли.

Естественно, Николай сразу догадался в чем дело и кинулся к корзине, в которой оказались вещи - мужская одежда в полном комплекте. Время шло быстро. Едва только он успел переодеться, как снова явились те женщины в сопровождении мужчины. Они опять, ни слова не говоря, жестом показали на дверь и повели Николая через двор на улицу. Кривов шел за своими опекунами, прихрамывая на одну ногу, которую, видимо, повредил в момент приземления.

Через квартал-другой Николай и его провожатые завернули за угол и оказались в небольшом домике, где ему помогли спуститься в подвал, накрыли всякой всячиной и засыпали картошкой. Спустя некоторое время Николай услышал шум и говор на немецком языке. Очевидно, фашисты разыскивали советского летчика. Он же все это время лежал под картошкой в состоянии предельного нервного напряжения, сжимая рукоятку пистолета. Ему казалось, что прошла целая вечность.

Опять наверху шум. Открылась дверца подвала, и Николай увидел опущенное вниз лицо солдата нашей пехотной части, только что освободившей этот район города. Так был

спасен летчик-штурмовик Николай Кривов.³⁰

3. Завершающие бои на Пражском направлении.

Содействие наземным войскам 38-й и 60-й армии в наступлении на Оломоуц.

Отгремели последние выстрелы в сердце фашистского логова - Берлине. Тяжело склонились фашистские знамена к ногам победителей. Кто куда, бросив на произвол судьбы войска, свой народ - разбежались гитлеровские главари. Доблестные воины маршалов Жукова и Конева полностью овладели Берлином и 2 мая водрузили знамя ПОБЕДЫ над германским рейхстагом. Маршал Рокоссовский победоносно завершал наступление на севере Германии.

Только на юге, особенно в районе действий 4-го и 2-го Украинских фронтов, по-прежнему день и ночь продолжались бои. Жаркие бои развернулись на подступах города Оломоуц. С севера к городу подходили правофланговые части 38-й и 60-й армий. С юга вели бои за Простеев войска 2-го Украинского фронта. Между тем, Цешин, Мистек, Пржиборов еще были у противника. В случае соединения в районе Оломоуц войск 4-го и 2-го Украинских фронтов, образовался бы, так называемый, оломоуцкий мешок (котел). И чтобы избежать этого, немцы любой ценой решили сопротивляться, чтобы не дать возможности соединиться нашим войскам в районе Оломоуц, а дать возможность выйти из кольца Моравска-Остравской группировке.

Откатываясь от Троппау под натиском наших войск, противник, то на одном, то на другом рубеже, организовывал серьезное сопротивление наступающим войскам 38-й и 60-й армий. Штурмовики дивизии наносили мощные бомбардировочно-штурмовые удары по сосредоточениям в районах: Листек, Бутовице, Пржибор и по отходящим колоннам противника по дорогам: Троппау - Оломоуц, Подштадт - Оломоуц. Одновременно, они, выполняя задачу командования 8 шак: подвергать интенсивной штурмовке узлы сопротивления врага, расчищали путь наступающим наземным войскам в направлении Оломоуц. Около 700 боевых самолето-вылетов сделали штурмовики в первых числах мая на штурмовку вражеских

узлов сопротивления в районах: Хоф, Обер-Гун, Едердорф, Моравице, Штат Либау, Оломоуц.

4 мая, штурмуя скопление живой силы и артиллерии противника в районе Обер-Гундерсдорф, смертью храбрых пал Герой Советского Союза капитан Брюханов Степан Степанович. Дивизия потеряла одного из лучших командиров эскадрилий, мастера бомбардировочно-штурмовых ударов, выросшего за время войны от сержанта до капитана, от рядового летчика до командира эскадрильи 996-го шап, имеющего на своем счету 152 успешных боевых вылета.

Раненый, но еще не добитый фашистский зверь, уползая от правосудия, вырывал из наших рядов летчиков-штурмовиков - лучших людей дивизии.

5 мая, за три дня до конца войны, погибли летчики 565-го шап: командир звена старший лейтенант Моторин Николай Яковлевич и командир экипажа младший лейтенант Галкин Михаил Тимофеевич. Я, в то время старший лейтенант и командир 3-й эскадрильи, чудом остался жив. В мой самолет попали два крупных снаряда, один - в винт, а второй - под самое сиденье. Но крепкая броня самолета выдержала этот удар огромной силы, метровыми лучами треснула, но до бензобака осколки не пропустила. Этот факт говорит о надежности нашего оружия, каким был самолет Ил-2, а также о том, что враг свирепо защищался до последней минуты.

Но ничего не помогало фашистам. Их дни были сочтены. Советская пехота, тесно взаимодействуя со штурмовиками, взламывая очаги сопротивления врага, шаг за шагом продвигалась вперед. Не выдержав мощного натиска наземных войск и эшелонированных ударов штурмовиков, противник 8 мая оставил Оломоуц.

Не по дням, а по часам, все дальше и дальше на запад удалялась линия фронта. Колонна за колонной: автомашины с боевой техникой и живой силой, танки и артиллерия потянулись на запад. Немецкие войска, как жалкие побитые хищники, спешили скрыться на западе. Войска 4-го Украинского фронта и штурмовики дивизии, взрывая на пути отхода мосты, создавая пробки в узких местах, преследовали отходящего противника.

Завершая Оломоуцкую операцию, две благодарности получила дивизия от Верховного Главнокомандующего: 3 мая

летчики подполковника Шепельского и 224-я шад - за отличные боевые действия в боях за овладение г. Цешин и 8 мая летчики подполковника Серикова и 224-я шад - за отличные боевые действия в боях за овладение г. Оломоуц. Кроме того, Указом Президиума Верховного Совета СССР 565-му штурмовому авиационному Станиславскому полку была вручена грамота о награждении полка орденом Суворова 3-й степени.

От западной Украины, через Карпатские суровые горы по южной Польше и северной Чехословакии прошел боевой путь 224-й штурмовой авиационной Жмеринской Краснознаменной дивизии в составе 8-й воздушной армии, 4-го Украинского фронта. Богатый боевой опыт, полученной дивизией в боях на равнинной местности, пополнился опытом боевых действий штурмовиков в горной местности. Суровой школой испытаний явились для штурмовиков Карпатские горы. Действуя в Карпатах, штурмовики овладели новой специальностью, новой профессией, более сложной, чем на равнине, профессией воздушных горных воинов. Летчики-штурмовики на практике научились так же точно и эффективно отыскивать и поражать заданные цели, как они это делали раньше в боях на равнинной местности. Отлично владея техникой связи, штурмовики успешно справились со взаимодействием с наземными войсками. За постоянную и высоко эффективную помощь, оказываемую пехоте в тяжелых горных боях с фашистскими венгерско-немецкими захватчиками в Карпатах, небывалой славой и всеобщим уважением покрыли свои боевые знамена летчики-штурмовики 224-й штурмовой авиационной Жмеринской Краснознаменной дивизии.

За 10 месяцев боевых действий в составе 4-го Украинского фронта дивизия произвела боевых самолетов-вылетов: 9942.

Израсходовано боеприпасов:

Бомб, т	3115,457	Снарядов, шт.	1108374
Реактивных снарядов, шт.	19260	Патронов, шт.	2124545

Уничтожено и повреждено:			
Живой силы, чел.	27918	Повозок и лошадей	2611
Танков, шт.	255	Орудий ПА, шт.	1049
Автомашин, шт.	3730	Зенитных орудий и пулемет, шт.	411
Бронемашин и бронетранспортеров	16	Огневых точек, шт.	712
Ж/д эшелонов, шт.	11	Переправ и мостов, шт.	8
Паровозов, шт.	60	Блиндажей, дотов, дзотов, шт.	27
Вагонов, шт.	658	Ж/д полотна в местах	37
Самолетов на земле, шт.	11	Авто и ж/д бензоцистерн, шт.	12
Самолетов в воздушном бою, шт.	14	Складов, шт.	64

Примечание № 31

4. Победа.

Темная весенняя ночь. Войска Красной Армии продолжают преследовать, окружать и уничтожать отходящие в западном направлении немецкие войска. День и ночь не смолкают бои. Дивизия, успешно закончив боевую работу 8 мая, была готова с утра 9-го вновь продолжать громить отходящие войска противника. Но вот, совсем неожиданно, в ночь с 8-го на 9-е свершилось то, чего так долго ждали. В 2 часа ночи 9 мая Верховный Главнокомандующий из столицы нашей Родины - Москвы объявил на весь мир о полной капитуляции фашистской Германии, о нашей ПОБЕДЕ над врагом. Трудно

передать, что было в эту незабываемую ночь. Пришел и на нашу улицу праздник, великий праздник - ПОБЕДА. Многие еще никак не верили, но, убедившись, что это именно так, кидались в объятия, плакали, смеялись, поздравляя друг друга с ПОБЕДОЙ.

Верховный Главнокомандующий Маршал Советского Союза товарищ Сталин, обращаясь с речью к народу, говорил, что хотя Германское командование подписало Пакт о безоговорочной капитуляции, однако “одна группа немецких войск в районе Чехословакии все еще уклоняется от капитуляции. Но я надеюсь, что Красной Армии удастся привести ее в чувство”.

Потребовалось усилие 1-го, 2-го и 4-го Украинских фронтов, чтобы 800-тысячная группировка немецко-фашистских войск капитулировала 11 мая 1945 г. северо-восточнее Праги. В этой операции принимала участие и 224-я шад, приводя зарвавшихся фашистов в чувство в районе города Райтц.

Отгрохотали разрывы смертоносных снарядов и бомб, не свистят больше невидимые пули. Долгожданное солнце Победы теплыми лучами озарило многострадальные народы Европы. Кончилась Великая Отечественная война - кончились муки и страдания. Но память - память об этой жестокой битве, память о героической борьбе Советского народа и свободлюбивых наций будет жить в веках.

Беспощадно изгоняя с пределов нашей Родины черные орды фашистских захватчиков, не на жизнь, а на смерть сражались воины всех родов войск Красной Армии. Значительный вклад в дело разгрома врага и Победу внесли военно-воздушные силы, в том числе, штурмовая авиация.

Через двадцать с лишним лет после окончания войны в Нью-Йорке вышла книга бывшего гитлеровского генерала В. Швабедиссена “Русские ВВС глазами немецкого командования”. В книге много внимания уделено нашей штурмовой авиации. Вот одно из признаний генерала: “Агрессивность, наступательность советских летчиков-штурмовиков достаточно запечатлена в докладах большинства командного состава немецких ВВС и армии... Немцев поражала все возрастающая стойкость русских летчиков, их упорное стремление выполнять до конца поставленные перед ними задачи, их сражающиеся сердца и отчаянная храбрость. Авторы всех немецких

источников в своих мнениях сходятся в том, что самолет Ил-2 был эталоном самолета-штурмовика... Самолет Ил-2 - свидетельство исключительного прогресса, он являлся главным, основным противником немецкой армии...³²

Вот почему И.В. Сталин говорил, что штурмовики Ил-2 как хлеб нам нужны. Их было построено за годы войны 36163 самолета, на много больше, чем других типов самолетов. Из четырех миллионов боевых вылетов, совершенных за годы войны всеми самолетами советской авиации, около одной трети приходится на долю штурмовиков Ил-2.³²

Расчищая путь пехоте и танкистам во вражеских укреплениях, штурмовики помогали нашим войскам добиваться боевых успехов с меньшими потерями. Во многих боях штурмовой авиации принадлежало решающее слово.

Бронезащита, мощное и разнообразное вооружение и высокая живучесть "Ила" вселяли в летчиков уверенность в бою, воодушевляя их на ратные подвиги. Каждый третий советский летчик, награжденный в период Великой Отечественной войны золотой звездой Героя Советского Союза, был летчиком-штурмовиком, воевавшим на грозном "Иле".³²

Многие летчики-штурмовики своей жизнью обязаны "Илюше". В сердцах летчиков, воевавших на самолетах Ил-2, прошедших огни и воды Великой Отечественной, навечно осталась любовь и благодарность к своему другу – "Илу", его создателям - конструкторам и работникам заводов. И очень правильно поступили позже, сделав самолет Ил-2 памятником во многих городах России.³²

Немалую долю в дело Победы внесли и штурмовики 224-й штурмовой авиационной Жмеринской Краснознаменной дивизии.

За 3 года боевой работы дивизией:

Произведено: самолето-вылетов	17492	Налет, ч.	20496
----------------------------------	-------	-----------	-------

Израсходовано боеприпасов:

Бомб, т	767009	РС (реактивных снарядов), шт.	33713
---------	--------	-------------------------------	-------

Снарядов, шт.	1784950	Патронов, шт.	3853537
---------------	---------	---------------	---------

Уничтожено и повреждено:

Живой силы, чел.	53647	Повозок, лошадей, шт.	4479
Танков, шт.	1369	Орудий ПА, шт.	1637
Автомашин, шт.	10040	Зенитных орудий и пулеметов, шт.	1093
Бронемашин и бронетранспортеров	57	Огневых точек, шт	980
Ж/д эшелонов, шт.	62	Переправ и мостов, шт.	39
Паровозов, шт.	94	Блиндажей, дотов, дзотов, шт.	256
Вагонов, шт.	1700	Ж/д полотна в местах	66
Самолетов на земле, шт.	416	Авто и ж/д бензоцистерн, шт.	129
Самолетов в воздушном бою, шт.	62	Складов, шт.	113

Примечание №33

Из молодых, не обстрелянных “птенцов” в первые дни войны, в отважных мастеров летного и воинского искусства выросли летчики-штурмовики дивизии за годы Великой Отечественной войны. От рядовых летчиков, до командиров эскадрилий и заместителей командиров полков, имеющих по 100-150 и свыше боевых самолето-вылетов, выросли они за это время. За годы войны в тяжелых боях, решительно преодолевая все трудности, накапливал боевой опыт и повседневно совершенствовал свое боевое мастерство летный состав дивизии. Из слабых и малочисленных, не имеющих боевого опыта в начале войны, в мощную и организованную силу, способную выполнять любые боевые задачи, превратились к концу войны боевые полки дивизии. Окрепшим, имеющим богатый опыт в организации боевой работы, пришел коллектив управления дивизии и руководящий состав полков к завершению Великой Отечественной войны. В мощную удар-

ную силу превратилась дивизия в суровые 1942-1945 годы.

Большую и благодарную работу проделали партийные и комсомольские организации, пополняясь лучшими из лучших воинами, многие из которых, не на жизнь, а насмерть сражаясь с фашистско-немецкими захватчиками за честь и независимость нашей Родины, отдавая все силы и умение для великого дела Победы, пали смертью храбрых в дни Великой Отечественной войны.³³

Общие потери дивизии составили 312 человек, в том числе, летчиков 201 человек и воздушных стрелков 111 человек, среди них больше половины коммунистов и комсомольцев. Причем, потери в 1944-1945 гг. по сравнению с предыдущим периодом войны сократились почти в три раза.³⁴

Воспитывая личный состав в духе беспредельной преданности Советской Родине, партийные организации дивизии добились того, что каждый коммунист и комсомолец служил примером высокой сознательности, мужества и отваги в боях с немецко-фашистскими захватчиками. Партийные организации своей неутомимой и повседневной работой обеспечили высокое политико-моральное состояние, крепкую воинскую дисциплину и мобилизацию всего личного состава на отличное выполнение поставленных боевых задач. В результате проведенной большой партийно-политической работы, в частях дивизии не было ни единого случая трусости и невыполнения боевых приказов.

От битвы под Москвой, через кровопролитные бои под Орлом и Брянском, тяжелые наступательные бои в Подольско-Волынском районе Западной Украины, через суровые горы Карпат, в тяжелых и упорных боях за освобождение Польши и Чехословакии, красной нитью прошел славный боевой путь 224-й штурмовой авиационной Жмеринской Краснознаменной дивизии. В шестнадцати операциях участвовала дивизия за годы войны. 25 мощных бомбардировочно-штурмовых ударов нанесла она по вражеским аэродромам. В 23 приказах Верховного Главнокомандующего отмечены ее отличные боевые действия. 23 благодарности получила она от Верховного Главнокомандующего. Боевым орденом Красного Знамени и присвоением собственного наименования отметило Советское Правительство боевые подвиги дивизии.

Весь личный состав дивизии был награжден орденами и

медалями. Некоторые летчики получили по 2, 3 и 4 ордена боевого Красного Знамени, Отечественной войны 1-й и 2-й степени, Красной Звезды и другие ордена и медали. Штурманам авиаполков: 565-го шап - М.И. Безух, 571-го шап - Л.Г. Зацепы и командирам авиаэскадрилий: 565-го шап К.П. Панченко и 571-го шап - И.С. Старченкову было присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали Золотая Звезда. 15 человек, из числа командно-летнего состава, в апреле-мае 1945 г. были представлены к этому званию, и материал об их награждении находился в стадии рассмотрения.

Так прошла Великую Отечественную войну 1941-1945 гг. и встретила день Победы 224-я штурмовая авиационная Жмеринская Краснознаменная дивизия.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29 июня 1945 года звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали Золотая Звезда было присвоено командирам авиационных эскадрилий: С.С. Брюханову – 996-й шап, М.Я. Романову – 565-й шап, Я.Е. Сусько – 996-й шап; зам. командиров, штурманам авиационных эскадрилий Н.И. Быстрову – 996-й шап, Е.И. Уткину – 996-й шап и А.И. Яковлеву – 565-й шап; командирам авиационных звеньев И.Н. Ефимову – 565-й шап, Н.Я. Зайцеву – 996-й шап, старшему летчику Н.Я. Моторину – 565-й шап и летчику В.Ф. Фуфачеву – 565-й шап.

Указом от 18 августа 1945 года звание Героя Советского Союза было присвоено штурману 996-го шап И.И. Козловскому, командиру авиаэскадрильи 565-го шап Г.Т. Левину, зам. командира штурмовой авиаэскадрильи 565-го шап В.П. Бородину и старшему летчику 565-го шап А.И. Колодину. Указом от 15 мая 1946 года это звание было присвоено командиру авиаэскадрильи 571-го шап М.С. Быкову, а еще через 45 лет после Победы, по ходатайству Совета ветеранов 224-й шад - присвоено посмертно командиру авиазвена 565-го шап В.Л. Дегтяреву, погибшему 9 июля 1942 года при штурмовке аэродрома Олсуфьево. Таким образом, 224-я шад воспитала 20 Героев Советского Союза.

Было бы большой несправедливостью, если не отметить воинские части и соединения, с которыми 224-я шад взаимодействовала в годы Великой Отечественной войны. Особенно тесное взаимодействие в воздушных боях с противником бы-

ло с истребителями. На Западном и Брянском фронтах наших штурмовиков прикрывали 41-й, 120-й, 172-й и 513-й истребительные авиационные полки и авиационная эскадрилья “Нормандия-Неман” на самолетах Як-1, Як-3, Як-7, МиГ-3 и Лагг-3.

На 1-м Украинском фронте 224-я шад в оперативном подчинении была в 10-м истребительном авиационном корпусе и ее прикрывала 10-я истребительная гвардейская авиационная дивизия. Непосредственно в воздухе наши полки взаимодействовали с 111-м, 112-м и 113-м иап, которые летали на самолетах Як-3, Як-7 и Ла-5.

На 4-м Украинском фронте 224-ю шад в воздухе прикрывала 15-я истребительная гвардейская авиационная дивизия, которой командовал Герой Советского Союза генерал-майор авиации Лавейкин И.П. Наши полки непосредственно в воздухе взаимодействовали с 3-м, 180-м и 181-м истребительными гвардейскими авиационными полками, которые летали на самолетах Як-3, Ла-5 и Ла-7.

В годы войны 224-ю шад обеспечивали всем необходимым соединения и части авиационного тыла. На Западном и Брянском фронтах, 1-ом и 4-ом Украинских фронтах дивизию обеспечивали 10, 23, 30 и 33 районы авиационного базирования с двадцатью пятью батальонами аэродромного обслуживания, а также 12, 13, 15, 18, 19, 20, и 56 районы авиационного базирования.

В ходе боевых действий на всех фронтах 224-ю шад постоянно обеспечивала радио и телефонно-телеграфной связью 82-я отдельная рота связи во главе с капитаном Панасюк. Связисты роты связи: радисты, линейщики, телетайписты, механики и водители в сложных условиях бездорожья и разбросанности аэродромов, 58 перебазирования, обеспечивали связью командование и штаб дивизии со штабом воздушной армии и авиационными полками. Они находились также на передовой и обеспечивали наведение групп штурмовиков на вражеские цели, которые в данный момент надо было уничтожить, чтобы они не мешали продвижению наземных войск.

В третьей декаде августа 1945 года 224-я шад перебазировалась на Проскуровский аэроузел. Штаб дивизии и 996-й шап разместился на аэродроме Проскуров, 565-й шап - на аэродроме Старо-Константинов и 571-й шап - на аэродроме Красилов.

силов.

Суров и труден был боевой путь 224-й шад от Москвы до Праги. Храбро и отважно воевали летчики, воздушные стрелки и специалисты дивизии. Эти люди с честью выполняли свой долг перед Родиной. Они не жалели своих сил и себя ради Победы, ради мира и счастья на Земле. После выполнения своей исторической миссии в Великой Отечественной войне 224-я штурмовая авиационная Жмеринская Краснознаменная дивизия была в мае 1946 года расформирована. Ее офицерский состав был распределен, в основном, по другим авиационным соединениям, а частично направлен на учебу и уволен по состоянию здоровья в запас вооруженных сил.

Глава V. Встречи, воспоминания и судьбы фронтовиков.

1. Первые встречи ветеранов.

Прошло много лет после войны. И ее участники стали переписываться, договариваться о встречах, чтобы вспомнить и осмыслить значимость тех далеких событий для жизни новых людей.

И вот, 28 августа 1971 года собралась группа однополчан на даче, под Ленинградом, у бывшего командира 565-го шап подполковника В.И. Серикова. Владимир Иванович проявил заботливое гостеприимство и большое уважение к своим бывшим подчиненным - боевым товарищам. Он с чувством рассказал о жизненном пути и судьбе, сложившейся после войны, командира 224-й шад генерал-майора авиации Котельникова Михаила Васильевича:

“Во время расформирования 224-й шад ему исполнилось 42 года. Михаил Васильевич ушел в запас вооруженных сил по состоянию здоровья. С октября 1947 года он работал начальником школы летчиков-испытателей при ЛИИ МАП СССР. В опубликованном некрологе было сказано, что 9 мая 1953 года перестало биться боевое сердце ветерана Советской авиации. 49-ти лет ушел из наших рядов славный сын Родины, храбрый летчик, душевный друг и товарищ, талантливый командир-учитель, генерал-майор авиации. Михаил Васильевич

Котельников похоронен в г. Москве на Введенском кладбище”.

Далее Владимир Иванович Сериков рассказал о себе.

Как вы помните, большинство летчиков и техников 565-го штурмового авиаполка после его расформирования в 1946 году было направлено в другие штурмовые авиационные полки, где их назначили на должности с понижением на одну-две ступени. Это вызвало у них неудовлетворенность, которая была вторичной причиной увольнения отдельных товарищей в запас.

Я же после расформирования полка был назначен инспектором по технике пилотирования в истребительный корпус. Но скоро меня потянуло на более живую работу с людьми. Через год я был назначен опять командиром штурмового авиационного полка. При этом произошел такой курьезный случай. Когда я приехал принимать новый полк, то оказалось, что командовал этим полком В.К. Михайлов, бывший во время войны моим заместителем, которого в данный момент увольняли из армии в запас. У Михайлова была большая семья. Не имея гражданской специальности, он тяжело переживал свою участь.

В конце 1947 года меня направили служить в войска за границу, где в 1949 году я тяжело заболел, пролежал в госпитале 49 дней. Врачебная комиссия признала меня совершенно негодным к летной работе. Пришлось демобилизоваться из армии и приехать на жительство в город Ленинград. А в 1950 году в дачном поселке Вырица Ленинградской области я купил вот эту зимнюю дачу, где мы с вами сейчас находимся, и переехал в нее жить.

В 1953 году меня разыскал бывший наш замполит полка Василий Иванович Рысаков, который после расформирования полка тоже вскоре уволился из армии в запас и поселился на жительство в городе Ленинграде. Некоторое время я работал председателем и заместителем председателя местного поселкового совета депутатов трудящихся. До ухудшения здоровья, т.е. до самых последних лет, я активно участвовал в общественной жизни поселкового совета и других организаций.

Моя жена, Валентина Михайловна, все время работала в

торговле. Сын Олег после двухлетней службы в Советской Армии работает на железной дороге. Он без отрыва от работы окончил Железнодорожный институт. Дочка Галя еще раньше окончила этот институт и живет с мужем в Ленинграде. Ее сын Андрей, мой внук, учится в средней школе.

В.И. Рысаков рассказал о том, как сложилась послевоенная жизнь у нашего командира Михаила Ивановича Безуха.

В 1950 году М.И. Безух окончил академию Военно-воздушных сил в городе Москве, - продолжил рассказ Василий Иванович, - после чего работал в Генеральном штабе Министерства Обороны СССР. В 1952 году служил на Сахалине в качестве командира авиационной дивизии. В 1955 году ему было присвоено воинское звание генерал-майор авиации.

В 1957 году Безух окончил Академию Генерального Штаба. Затем командовал специальным соединением. С 1962 года занимал должность заместителя командующего воздушной армии. В августе 1965 года по состоянию здоровья он вышел в запас Вооруженных Сил, прослужив в общей сложности в рядах Советской Армии 30 лет. Умер он в конце июля 1971 года.

Недавно, в газете “Красная Звезда” от 4 августа 1971 года я прочитал некролог: “Боевые друзья и товарищи с глубоким прискорбием извещают, что после тяжелой, продолжительной болезни, на 58-м году жизни скончался Герой Советского Союза, член КПСС с 1941 года, активный участник Великой Отечественной войны, генерал-майор авиации запаса Безух Михаил Иванович, и выражают соболезнования родным и близким покойного”. Похоронен Михаил Иванович на Новодевичьем кладбище в городе Москве.

Как видите, Михаил Иванович в жизни горел ярким факелом, ведя за собой людей. Он много сделал для нашей Родины. (19 февраля 1975 года решением сессии Мелекинского сельсовета в целях увековечения памяти имя Михаила Ивановича Безуха присвоено Белосарайской восьмилетней школе, в которой он учился^{*}).

Затем рассказал о себе Григорий Тимофеевич Левин,

---

* Пояснение автора

бывший командир 2-й авиационной эскадрильи.

Я прослужил после расформирования полка в других воинских авиационных частях 15 лет, из которых последние 10 лет в звании подполковника на должности заместителя командира авиационного полка. Вот мой послевоенный путь: служба в новом авиационном полку три года, затем учеба в городе Москве на курсах. После учебы три года служил в Прикарпатье, после чего снова учеба в городе Таганроге. Затем служил в военно-воздушных силах в Забайкалье и на Урале, под Свердловском. Последние семь лет я летал на реактивных самолетах. В 1961 году был уволен из рядов Советской Армии в запас.

После увольнения из армии поселился на родине жены в Белгороде, где меня направили на работу в Облгаз, на должность заместителя управляющего. Вскоре получил двухкомнатную квартиру. Жена работает бухгалтером. В 1970 году мы с Клавой отмечали свою серебряную свадьбу. Сын Валерий в 1971 году окончил консерваторию. После этого сын отслужил один год в Советской Армии, женился, и у них родилась дочка, которой все Левины очень рады.

После Левина рассказал о себе А.И. Яковлев.

Как вам известно, последние месяцы перед расформированием нашего полка я был командиром 3-й авиаэскадрильи. После этого недолго работал в штабе воздушной армии, но вскоре уволился в запас Советской Армии и уехал в родные края, в город Боровичи Новгородской области. Здесь поступил на Комбинат огнеупоров имени В.И. Ленина, где работал еще в молодости до ухода в армию. На этом заводе-комбинате я прошел трудовой путь от мастера цеха до заместителя главного технолога. Коллектив завода меня ценит и относится с уважением. За успехи в труде и активное участие в общественной работе меня наградили орденом Октябрьской революции.

Вместе с успехами на работе я пережил большое семейное горе. Вскоре после увольнения из армии у меня умерла жена Рая, которую я сильно любил. Она оставила мне двух малолетних сыновей, в настоящее время живущих уже самостоя-

тельно своими семьями и имеющих детей.

М.Я. Романов рассказал о себе следующее.

С должности зам. командира 565-го шап по штурмовой подготовке я уволился в запас Советской Армии по состоянию здоровья и поселился в г. Куйбышеве у родственников. Здесь я работал и одновременно учился в 10 классе вечерней школы. С 1947 г. по 1949 г. учился и окончил областную двухгодичную партийную школу. С 1948 г. по 1953 г. учился и окончил истфак Куйбышевского педагогического института. С сентября 1949 г. по декабрь 1968 г. был на партийно-политической работе. В декабре 1960 г. был переведен из Куйбышева на работу в Москву. Сейчас работаю в Главархиве СССР. Занимаюсь организацией повышения квалификации руководящих работников и специалистов архивных учреждений страны. Жена работает учительницей. Сын и дочь учатся.

В наших воспоминаниях воскрешались давно минувшие дни и битвы, где мы вместе сражались. Вспоминали судьбу каждого летчика нашего полка. Так, например, из 12 человек 2-й авиаэскадрильи, вылетевших из Подмосковья зимой 1944 года на 1-й Украинский фронт 5 человек погибли: В.Я. Мокин, И.Т. Ромашов, П.П. Абраменко, Ф.Г. Гутов и Н.И. Курганов. Мы помянули погибших товарищей, отдавших свою жизнь за свободу и независимость нашей Родины, за счастье всех нас, живых. Спели несколько наших фронтовых песен, в том числе, “Где же вы теперь, друзья-однополчане, боевые спутники мои?”, и на этом закончилась наша первая встреча.

25 ноября 1973 года умер от третьего инфаркта сердца заместитель по политчасти командира 565-го шап подполковник в отставке Василий Иванович Рысаков. Мы, однополчане, проживающие в Москве, послали телеграмму родным и близким: “Выражаем соболезнование по поводу кончины Василия Ивановича - нашего боевого товарища и верного друга в годы Великой Отечественной войны”.

5 июня 1974 года Владимиру Ивановичу Серикову исполнилось 60 лет. По его приглашению на празднество этого юбилея в поселок Вырица из разных городов прибыла группа однополчан, которая преподнесла юбиляру Адрес, радиопри-

емник и модель самолета Ил-2. Адрес был зачитан перед всеми гостями, которых присутствовало более 25 человек. Вот его текст:

Дорогой Владимир Иванович!

Сегодня 5 июня 1974 года в день Вашего 60-летия мы с чувством искреннего уважения и большой благодарности торжественно вручаем этот Адрес, как символ нашей любви к Вам - нашему бывшему командиру, человеку и гражданину. (После этих слов, нахлынувших от радостных чувств, юбиляр прослезился).

В годы Великой Отечественной войны вы полностью отдали себя, все свои силы и знания, талант и волю командира-воспитателя делу обороны нашей Родины, делу разгрома немецко-фашистских оккупантов, делу обеспечения нашей Победы. Под вашим командованием коллектив 565-го штурмового авиационного полка прошел славный боевой путь от Москвы до Праги.

Самолеты Ил-2 под водительством майора, а затем подполковника Серикова много раз появлялись в огненном небе Подмосковья, Брянщины, Западной Украины, Карпат, Южной Польши и Чехословакии. За это время было выполнено более пяти тысяч успешных самолето-вылетов, в результате которых было уничтожено или выведено из строя и повреждено много живой силы и военной техники врага. Мы хорошо помним как Вы, Владимир Иванович, в решающие моменты военных операций водили в бой летчиков всего полка, лично показывая им пример мужества, выдержки и мастерства над полем боя.

Мы гордимся тем, что за успешное выполнение боевых заданий, командование полка и лично Вы неоднократно были отмечены правительственными наградами и благодарностями высшего военного командования. Вполне заслужено 565-й штурмовой авиационный полк получил награду: орден Суворова 3-й степени, а также ему было присвоено наименование "Станиславский". Командование и партийная организация полка воспитали одиннадцать Героев Советского Союза и большое количество командно-летных кадров, умело и храбро дравшихся с врагом. Почти все летчики, офицеры штаба, инженерно-технические работники и младшие авиационные специалисты были награждены орденами и медалями. Конеч-

но, мы понимаем, что успешные боевые действия полка обеспечивал весь личный состав нашей части, но организующая роль парторганизации, штаба, офицеров руководителей и лично Ваша была решающей. Сегодня, через 29 лет после войны, мы горячо поздравляем Вас с юбилеем Вашего 60-летия со дня рождения, желаем Вам крепкого здоровья, бодрости духа, семейного счастья и благополучия. Подписались все однополчане.

В те годы ветераны войны часто встречались с молодежью, с пионерами и школьниками.

Газета “Советская Мордовия” в №216 от 14 сентября 1974 года в статье Николая Ермолаева “Встреча с героем” писала: “Жители села Ведянцы Ичалковского района тепло встретили Героя Советского Союза Михаила Яковлевича Романова. Михаил Яковлевич с интересом осмотрел родные места, где провел детство. Все здесь знакомо, знакомо до боли: поля, пойма, рощи, лес, река Алатырь. В восьмилетней школе Михаил Яковлевич встретился с пионерами дружины, которая носит его имя. Михаил Яковлевич рассказал о своем боевом участии в Великой Отечественной войне, о том, как учился в этой школе, был в первых выпускниках, вручил пионерам подарки. Пионеры преподнесли Герою цветы. Герой Советского Союза увез с собой много дорогих для него фотоснимков и, конечно же, приятных воспоминаний”.

2. Юбилей 30-летия Победы в Боровичах.

В 1975 году исполнилось 30 лет Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. Эта знаменательная дата была торжественно отпразднована во всех городах и селах нашей страны, а также прогрессивными силами за рубежом. Празднование этого юбилея проходило под знаменем борьбы за мир.

Нам, фронтовикам-ветеранам Великой Отечественной войны, было оказано много внимания и почестей в связи с этим большим праздником. Партийные, советские и общественные организации проводили торжественные собрания, на которых чествовали участников этой войны, поздравляли их и преподносили памятные подарки. Президиум Верховного Со-

вета СССР учредил в честь 30-летия Победы юбилейную медаль, которой награждали фронтовиков. Центральный Комитет Коммунистической партии Украины, Президиум Верховного Совета Украинской ССР и Совет Министров Украинской ССР учредили памятную юбилейную медаль и нагрудный знак, которые вручили через военкоматы героям и генералам, активно сражавшимся с врагом на Украине.

Ветераны многих воинских частей и соединений, участвовавших в войне, собирались в эти дни вместе, чтобы еще и еще раз вспомнить минувшие дни и битвы, где вместе сражались они. Однополчане 565-го шап еще год тому назад по предложению А.И. Яковлева приняли решение собраться в этот день в городе Боровичи Новгородской области.

К вечеру 8 мая 1975 года в г. Боровичи из разных городов Советского Союза приехали более 20 человек однополчан. Среди них бывший командир 565-го ордена Суворова 3 степени штурмового авиационного полка подполковник В.И. Сериков (он умер 18 июня 1975 года) с супругой Валентиной Михайловной, бывший заместитель начальника штаба полка по оперативной работе Г.В. Пушкарев. Из летного состава приехали с женами: В.П. Бородин из города Черновцы, А.И. Колодин из Севастополя, С.Л. Плетень из Киева и Н.Т. Даньшин из Луцка. Приехали одни: И.М. Белицкий из города Сватова, Ю.Я. Годунов - из Калинина, я - из Москвы, В.Т. Руденький - из Днепропетровска. Из технического состава прибыли: В.Н. Платонов из Москвы, В.Н. Казначеев из Луцка, М.Н. Могилевский из Ялты и др.

Утром 9 мая все однополчане приняли участие в городском митинге и манифестации трудящихся города Боровичи по случаю открытия памятника-монумента и вечного огня в честь погибших воинов. На митинге в числе других ветеранов, проживающих в Боровичах, выступил и наш однополчанин А.И. Яковлев, который в своей речи перечислил фамилии, имена и отчества всех гостей-однополчан, прибывших в город на празднование юбилея Победы в качестве его личных друзей.

Примерно в 11 часов 30 минут наша группа однополчан при всех орденах и медалях торжественно, медленным шагом под звуки траурной музыки прошла мимо обелиска и вечного огня. Часто хлопали затворы фото и кинорепортеров. Жители

города нас встречали всеобщим дружелюбным, теплым вниманием. У многих на глазах появились слезы.

В 13 часов все однополчане собрались за праздничным столом на квартире у А.И. Яковлева. Хозяин открыл праздничную встречу однополчан и поздравил всех присутствующих с 30-летием Победы, и предложил за нее выпить по бокалу вина. Второй тост предложил я - выпить за всех погибших на войне, за всех наших однополчан. При этом, были названы почти все фамилии наших летчиков, воздушных стрелков и техников, отдавших свои молодые жизни за нашу Советскую Родину.

Мы вспоминали наших инженеров, техников и оружейников, готовивших самолеты к боевым вылетам, обеспечивавших нам крепкий и надежный тыл, снабжавших нас во время войны всем необходимым. Вспоминали наших командиров и политработников. И чувствовали гордость за наш советский народ - народ победитель, за нашу Коммунистическую партию, мобилизовавшую все силы страны на разгром врага и приведшую нас к Победе.

И вспоминая фронтовую обстановку, Николай Терентьевич Даньшин, наш фронтовой баянист, исполнял на баяне красиво и лихо все песни и пляски, которые он играл когда-то для нас на фронте. Все присутствующие пели. Дружнее всех других, по-старому, звучала наша фронтовая песня: "...Мне в холодной землянке тепло от твоей негасимой любви".

Между хоровыми песнями и танцами, не умолкая, звучали голоса рассказчиков. Было много воспоминаний. Рассказы о боевых эпизодах воскрешали нашу фронтовую жизнь. С юмором прозвучал рассказ баяниста. По просьбе товарищей Николай Терентьевич рассказал, как его "украли" из Васильковского запасного авиаполка. Как в задней кабине самолета Ил-2, пилотируемого летчиком 2-й авиаэскадрильи Н.И. Огурцовым, привезли его в декабре 1944 г. в 565-й штурмовой авиаполк на аэродром Стрый. Как его военные юристы чуть не обвинили в дезертирстве, но все закончилось тем, что командиру полка Серикову был объявлен за это выговор. Много было рассказано и других интересных историй. Праздничное веселье продолжалось до позднего вечера.

На другой день, 10 мая 1975 года, состоялась поездка на автобусе в село Кончанское, расположенное в 35 км от г. Бо-

ровичи. В этом селе находится прекрасный музей великого русского полководца А.В. Суворова. Здесь нас встретили как родных, т. к. наш полк был награжден орденом Суворова 3 степени. Экскурсовод В.П. Малышева с большим вдохновением рассказала нам о кончанском периоде жизни Александра Васильевича и продемонстрировала все экспонаты музея-заповедника.

От нее мы узнали, что А.В. Суворов был в Кончанском трижды. Первый раз он приехал сюда в 1784 году, чтобы познакомиться с имением, доставшимся ему по наследству от отца, второй раз - весной 1786 года и, наконец, опальный генерал-фельдмаршал жил здесь по приказу Павла I под униженным надзором чиновника Николаева с 5 мая 1797 года по 7 февраля 1799 года. Отсюда Суворов отправился в знаменитый Итало-Швейцарский поход.

25 октября 1942 года, в трудный год Великой Отечественной войны, когда половина Новгородской области была оккупирована фашистами, и до Кончанского доносились артиллерийские залпы с Волховского фронта, в селе состоялся митинг, посвященный открытию дома-музея А.В. Суворова. Факт открытия музея под гром орудийной канонады показал, как дорого русскому народу имя великого полководца, как крепка уверенность народа и армии, что враг дальше не пройдет - будет остановлен и побежден. В 1960 году по распоряжению Совета Министров РСФСР дом-музей А.В. Суворова был преобразован в музей-заповедник.

Село Кончанское - ныне центральная усадьба совхоза "Суворовский" - расположено на холмистой лесистой местности вблизи красивейшего, с живописными островами, озера Шерегодро.³⁵

День 10 мая 1975 года был солнечный, жаркий. Напившись холодной воды из родникового колодца, из которого когда-то пил воду сам Суворов, мы отправились в обратный путь. В автобусе было весело и шумно. Играл баян, звучали песни, обсуждались впечатления, полученные от посещения музея.

После встречи в Боровичах, переписка фронтовиков и поиск друзей-однополчан оживилась во всех полках 224-й шад. Большую роль в розыске и объединении ветеранов Великой Отечественной войны 1941-45 гг. сыграла книга Б.С. Венкова

“Герои Карпат”, изданная в 1972 году. Она породила поток писем от сослуживцев дивизии, руководящих органов, общественных организаций, пионеров и школьников разных городов и сел Украины. Писем и запросов рассказать о войне, об участии в освобождении того или иного места, стало поступать столь много, что не хватало сил, чтобы отвечать на все письма. Пришлось мне писать очерк-рассказ “О друзьях-товарищах, об огнях-пожарищах”, который был издан в г. Саранске в 1978 году в Литературно-художественном сборнике “Край Мордовский” и разослан почти всем однополчанам 565-го шап, проживающим на Украине. Этот очерк-рассказ, объемом в 50 страниц, вызвал положительные отзывы и пожелания издать данный материал отдельной книгой.

Вот выдержки из письма Н.И. Огурцова: “Ура! Миша - молодец! Наконец-то написана, правда, коротко, но большая эпопея нашего небольшого боевого коллектива в таком громадном историческом событии, как Великая Отечественная война. Большое боевое спасибо!

Прочитав твой рассказ, я был так взбудоражен, восхищен и удивлен тем, что неужели это были мы и так беззаветно и скромно, без всякой рисовки делали поистине огромное дело. Прямо скажу, рассказ надо переделать в книгу. Книга будет нужная, особенно для подрастающего поколения...

Коротко о себе. Передо мной пожелтевшая от времени “Летняя книжка” младшего лейтенанта Н.И. Огурцова, прибывшего в полк 26 сентября 1943 года. В ней записаны все мои полеты, в том числе 162 боевых вылета, выполненных на 1-м и 4-м Украинских фронтах, за которые я награжден тремя орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны, двумя орденами Красной Звезды и тремя медалями.

После войны в 1946 году закончил Липецкую высшую летно-тактическую школу, а затем Военно-воздушную Краснознаменную академию (ныне имени Гагарина). Служил во многих авиационных частях. Обучил не один десяток летчиков полетам днем и ночью в простых и сложных метеоусловиях, в том числе и на реактивных самолетах. В звании подполковника уволился в 1969 году в запас, прослужив в Советской Армии 28 лет. За военно-патриотическую работу награжден “Почетной грамотой Верховного Совета БССР”. В настоящее время оба моих сына служат в Советской Армии, а мы с суп-

ругой живем в городе Ростове-на-Дону”.

А вот и письмо заслуженного ветерана нашего полка В.Н. Казначеева, которое излагаю почти дословно: “Дорогой мой фронтовой друг Миша! Я искренне благодарен тебе за присланный мне рассказ о наших боевых товарищах, о летчиках штурмовиках.

Я еще раз с замиранием сердца пережил то далекое военное время, те боевые и почти все опасные для жизни летчиков полеты. Но снова и снова мною овладевало то страстное чувство победить, победить оголтелого врага во что бы то ни стало, как и тогда, давно...

В твоём рассказе “О друзьях-товарищах, об огнях пожарах” - все правда. Конечно, мало. Надо бы больше, и хотелось бы тебе самому рассказать больше, но рассказ имеет свои рамки. Да и то, нужно удивляться твоему мастерству, что ты сумел в эти ограниченные рамки вложить все же много.

Для молодого поколения, для любознательных и стремящихся к свершению подвигов комсомольцев эта книга очень ценная. Она рассказывает, как наше поколение отстаивало для них светлую жизнь, и какие мы были патриоты, как любили Родину, жизнь и как бесстрашно умирали. Поэтому мы находили выход в бою из, казалось бы, безвыходного положения.

Ты, Михаил Яковлевич, писал о том, что сам почувствовал, видел, знал. И это у тебя получилось хорошо. Нам, технарям, не стоит на тебя обижаться, что о нас меньше сказано. Наоборот, сказано много и из-под твоего пера не ускользнула высокая оценка нашей отличной работы. Ведь недаром летчики могли делать в сутки несколько боевых вылетов! Следовательно, самолеты для летчиков были подготовлены, осмотрены. Все было проверено. Для того чтобы в недоступные места достать рукой, приходилось даже раздеваться до белья. А потом в холодное время бегать, чтобы согреться. Чтобы самолеты были “залатаны” и в лучшем виде представлены летчику. Как сейчас слышу свой голос: “Товарищ лейтенант (капитан и др.)! Самолет № 9... к полету готов. Бомбовая нагрузка такая. Пушки, пулеметы заправлены полностью. (Часто бывал и вместо оружейника, который был в наряде). Взрыватели мгновенного или замедленного дей-

Да! А что было перед такими рапортами? Какую огромную работу выполнял технарь. “Вечно грязный, вечно сон-

ный, наш механик авиационный"... Часто не хватало нужных частей и материалов, нужно было изыскать или сбегать в другие воинские части и доставать. Приходилось по несколько суток не спать, восстанавливая разбитый самолет. Но самолеты все же к полетам подготавливали вовремя. А если учесть, что образование наше было 7 классов, а то и меньше, то где там до физики, до расчетов. Но все же рассчитывали точно и накрепко запоминали то, что когда-то говорилось в аэроклубе или человеком сведущим.

Итак! Мы тоже были патриотами. Ведь на техническом составе, как солдатах рядовых, лежало много обязанностей. В одно и то же время (т.е. во время ремонта самолета) мы должны были нести караул по охране самолетов и личного состава офицеров, охранять их, рыть и рыть траншеи. Все хозяйственные, так сказать, дела, хотя и нетрудные, но отбирали время от основного в нашей работе. Надо было все успеть, как говорится в украинской пословице: "и хлеб пэкты й по тэлята йты".

Родился я в семье крестьянина-бедняка в Белоруссии в 1918 году. Отец умер в 1919 году, мать - в 1927 году. С 6 лет я уже работал, помогал в заготовке для себя и на продажу грибов, ягод, березового и кленового сока, таскал дрова, пас чужих овец, коров. Учиться помогал мне комбед. Некоторое время был воспитанником в армии, в кавалерийском полку. С 11 лет - на своем хлебе. Работал на мебельной фабрике, столярничал.

В 1936 году работал на заводе №9 в городе Шостка. Окончил аэроклуб без отрыва от производства. Учился, между прочим, в этом аэроклубе вместе с Кожедубом, ныне трижды Героем Советского Союза. С 1939 года по 1960 год служил в армии. С сентября 1941 по 1946 годы был авиамехаником в 565-м штурмовом авиаполку. Награжден двумя орденами Красной Звезды и многими медалями. В настоящее время на пенсии и работаю рабочим в городе Луцке Волынской области. Старший сын Игорь окончил Львовский политехнический институт по специальности инженер-строитель. Младший сын Виктор - рабочий на заводе в г. Луцке. Жена Нина на пенсии. (В.Н. Казначеев умер в 1993 году.)

А вот как оценивает состояние души летчиков-

штурмовиков на фронте С.Л. Плетень. В одном из своих писем из Киева Сергей Лукич пишет: “Здравствуй, дорогой фронтовой друг Миша! Получил твое хорошее письмо, за что большое спасибо. Прочитал его и, откровенно говоря, разволновался. Всплыли в памяти многие картины нашего нелегкого фронтового труда. Ведь действительно, сколько тогда было риску, опасности, даже смертельной опасности, а в то время я, например, почти этого не чувствовал. Это, видимо, была не бесшабашная храбрость, а просто выполнение долга, трудная повседневная работа, в которую мы втянулись, к выполнению которой привыкли и на многое уже просто не обращали внимания. Я помню, что было только страшно больно, когда мы хоронили своих погибших товарищей”.

Да, в этих словах Сергей Лукич Плетень удачно выразил наши общие чувства всех летчиков-однопольчан.

Переписка, розыск друг друга и встречи ветеранов происходили в это время в других братских 571-м и 996-м штурмовых авиационных полках нашей дивизии. Первую встречу ветеранов 996-го шад организовал в 1973 г. в городе Конаково Калининской области Н.Д. Кривов, проживавший в этом городе. Николай Дмитриевич личность известная, он 30 апреля 1945 г. спасся на парашюте из разбитого и взорвавшегося самолета над городом Моравска-Острава. Ветераны этого полка оказались самыми активными. Они провели около двадцати встреч в разных городах, главным образом Украины, в том числе, пять - во Львове. Во встречах участвовало более пятидесяти ветеранов. Очень большое внимание они уделяли созданию школьных музеев боевой славы и клубов “Поиск”, в которых молодежь и школьники приобщаются к святой памяти павших героев войны.

3. Избрание Совета ветеранов 224-й шад на встрече в Ивано-Франковске (Станиславе).

Поскольку 565-й шад имел собственное наименование “Станиславский”, то перед тем, как разъехаться из Боровичей по домам, было решено следующую очередную встречу однопольчан провести в честь 35-летия Победы в городе Ивано-Франковске вместе с другими полками, то есть всем составом ветеранов 224-й шад. Эта встреча состоялась по заранее раз-

рабочему и согласованному плану. На встрече, наряду с праздничными торжествами в честь 35-летия освобождения города Станислава от немецко-фашистских захватчиков, 25 июня 1979 г. на собрании был избран Совет ветеранов 224-й шад в составе 7 человек. В Совет вошли подполковник Руденький Виктор Тихонович из Днепропетровска (председатель), подполковник Даньшин Николай Терентьевич из Луцка (зам. председателя), лейтенант Шинкаренко Владимир Петрович из Ивано-Франковска (казначей), члены Совета ветеранов: майор Коротаев Борис Григорьевич из Воронежа, майор Пушкарев Глеб Васильевич из Москвы, младший лейтенант Скрыльников Семен Петрович из Львова, полковник Филлипенко Иван Ивановича из Жданова.

Совет ветеранов 224-й шад стал организующим штабом всей ветеранской работы. Много усилий было сделано по розыску ветеранов дивизии. Были проведены, по согласованию с органами власти на местах и с их помощью, встречи ветеранов в следующих городах: Ивано-Франковске, Киеве, Львове, Драгобыче, Жмеринке, Днепропетровске и Москве. На каждой встрече Совет ветеранов отчитывался и переизбирался. Члены Совета обновлялись, а председатель оставался всегда один и тот же - Виктор Тихонович Руденький, очень опытный штабист, добросовестный и дисциплинированный организатор, и отзывчивый товарищ. Встречи нам, фронтовикам, нужны и полезны. Потому что нам близки и дороги те незабываемые огневые годы, когда мы с оружием в руках отстаивали честь и независимость нашей любимой Родины.

Следует отметить, что руководящие органы и народ Украины очень доброжелательно и гостеприимно встречают своих освободителей - ветеранов Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.

В июле-августе 1982 года ветераны 224-й штурмовой авиационной дивизии принимали участие в праздновании 40-летнего юбилея 8-й воздушной армии, проходившего в городе Киеве. Это было грандиозное событие для нас и горожан. Оно совпало с 1500-летним юбилеем Киева. На это торжество приехало из разных городов Советского Союза более 1800 ветеранов. Насыщенная программа различных мероприятий заняла полных трое суток.

В Киеве похоронен командующий 8-й воздушной армии

генерал-полковник авиации Василий Николаевич Жданов. Ветераны 224-й шад вместе с другими авиаторами возложили на его могилу цветы и почтили его память. Стоя, склонив головы, в гробовом молчании, они слушали его биографию, которую рассказывал Юрий Николаевич Жданов, его племянник, бывший во время войны летчиком, командиром звена 996-го шад.

“Жданов Василий Николаевич родился 2 ноября 1896 года и умер 10 ноября 1956 года. За свою недолгую 60-летнюю жизнь, он много сделал для развития авиации и защиты нашей любимой Родины. Василий Николаевич, с 1919 года до последних дней служил в Советской Армии, в славной семье авиаторов. В 1923 г. окончил летную школу. В 1924 г. - Первую высшую летную школу краснолетов. В 1929 г. - курс усовершенствования воздушной академии им. Жуковского. В 1938 г. - высшую летно-тактическую школу.

Он принимал участие в боях с белофиннами в качестве командира авиасоединения. В звании генерал-майора авиации был назначен Командующим ВВС 23-й общевойсковой армии на Карельском перешейке. С сентября 1941 года - зам. командира ВВС Ленинградского фронта. Здесь он организовал воздушное прикрытие “дороги жизни”, по которой было вывезено из блокированного Ленинграда полмиллиона детей, женщин и стариков, 3360 тысяч вагонов демонтированного заводского оборудования. В город было доставлено 360 тысяч тонн продовольствия и военных грузов. Здесь же Жданов разработал тактику наведения истребителей на вражеские самолеты по радио.

Жданов летом 1942 года был командирован на Сталинградский и Калининский фронт с целью оказания помощи для внедрения опыта взаимодействия наземных войск с авиацией. Штаб ВВС привлекал его для работы по созданию Инструкции новой тактики ведения боя советской авиации.

В августе 1944 года генерал-лейтенант В.Н. Жданов был назначен командующим 8-й воздушной армии в составе 4-го Украинского фронта, где он проявил незаурядные способности в организации действия авиации в Карпатско-Ужгородской, Западно-Украинской, Моравско-Остравской и Пражской наступательных операциях.

За отлично организованное взаимодействие авиации с на-

земными войсками - 18-й, 38-й и 60-й общевойсковыми армиями 4-го Украинского фронта при освобождении Чехословакии, где был проявлен героизм летчиками 8-й воздушной армии, 6 апреля 1945 г. генерал-полковник авиации Василий Николаевич Жданов был награжден орденом Суворова 1-й степени. Это была восьмая высшая награда Родины на груди отважного генерала. После Великой Отечественной войны В.Н. Жданов командовал воздушной армией дальней авиации на Дальнем востоке, а затем на Украине”³⁶.

В 1986 году издана книга “Восьмая воздушная” (боевой путь армии), в которой много информации и о нашей 224-й шад.

4. Встреча ветеранов в городе Дрогобыче.

На празднование 40-летия освобождения от немецко-фашистских захватчиков Прикарпатья были приглашены ветераны 1-й гвардейской армии и 224-й штурмовой авиадивизии, принимавшие участие в освобождении этих мест. Это событие заслуживает подробного описания.

Скорый поезд Москва-Трускавец подходит к городу Дрогобыч. За окном вагона мелькают белые дома и зеленые сады окрестностей города. Вот и станция. Поезд остановился. В трепетном волнении выхожу из вагона на перрон. Из других вагонов этого поезда вышло множество таких же, как и я ветеранов Великой Отечественной войны. Среди них вижу знакомые лица... Да, вот так встреча! Мой бывший заместитель командира 3-й авиаэскадрильи старший лейтенант Герой Советского Союза Сашка Яковлев! Бывшие летчики нашего 565-го штурмового авиационного полка: Иван Белицкий, в форме зам. начальника железнодорожной станции; Николай Огурцов и Виктор Руденький, оба в форме подполковников; Алексей Брагин и Лев Воробьев; бывший радиотехник полка Виктор Платонов, бывший авиамеханик самолета Владимир Казначеев и другие. На несколько минут перрон превратился в бурное место необыкновенно волнующей коллективной встречи, где было излито столько радостных чувств, выразившихся в шумных возгласах приветствий и крепких объятиях встретившихся друзей-однополчан.

Нас встречают торжественно, с цветами, представители

горкома партии, горисполкома, комсомольцы и пионеры. На привокзальной площади рядами выстроились автобусы, на которых нас организованно перевезли в специально подготовленную современную гостиницу и разместили по два-четыре человека в номерах квартирному типу со всеми удобствами. Мы с Александром Ивановичем Яковлевым разместились в номере на втором этаже. На всех девяти этажах стояли дежурные комсомольцы с красными повязками на рукаве. Они были очень внимательны к нам. С их помощью оперативно решался любой вопрос.

В фойе гостиницы собрался летучий митинг прибывших ветеранов, на котором была объявлена программа основных массово-политических мероприятий в дни празднования 40-летия освобождения городов Дрогобыча, Трускавца и Стебника от немецко-фашистских захватчиков 3-5 августа 1984 года. Здесь же мы узнали, что на торжество прибыло 700 человек из 1-й гвардейской армии и 70 человек из нашей 224-й штурмовой авиационной дивизии, принимавших участие в освобождении Прикарпатья. Приказом Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина 40 лет тому назад была объявлена благодарность личному составу 1-й гвардейской армии и летчикам 224-й штурмовой авиационной дивизии за освобождение города Дрогобыча от немецко-фашистских захватчиков.

На время проведения данного праздника над всеми дивизиями 1-й гвардейской армии и полками 224-й шад взяли шефство предприятия, совхозы, колхозы, санатории, организации и учреждения. Шефом нашего 565-м штурмового авиационного полка был трест столовых и ресторанов.

Сразу же после приезда у нас с А.И. Яковлевым взял интервью корреспондент газеты "Радянське слово". Наша беседа с ним была опубликована в № 128 этой газеты от 10 сентября 1984 року (10 августа 1984 года). В ней мы рассказали о тех кровопролитных боях Львовской военной операции, в результате которых был освобожден и город Дрогобыч. Рассказали о подвиге лейтенанта Петра Абраменко, который был сбит огнем зенитной артиллерии над целью, и продолжал сражаться с врагом на земле до последнего патрона в пистолете.

В этот же день, около 17 часов, было организовано коллективное фотографирование прибывших ветеранов около кинотеатра "Аврора". А затем, в современном зале этого ки-

нотеатра руководители горкома партии и горисполкома перед началом кинокартины приветствовали прибывших ветеранов. Были сказаны такие слова: “6 августа 1944 года - незабываемая дата в жизни дрогобычан: войска 1-й гвардейской армии при содействии 224-й штурмовой авиационной дивизии, преодолевая сопротивление врага и уничтожая его живую силу и технику, освободили города Дрогобыч, Трускавец и Стебник от немецко-фашистских захватчиков.

Мы вас приветствуем на нашей священной земле! Примите от всех трудящихся и населения города Дрогобыч сердечную благодарность и глубокую признательность за ваш ратный подвиг в боях за освобождение нашего города.

Прошло замечательных 40 лет. За это время Дрогобыч превратился в значительный промышленный и культурный центр советской Украины. Памятью сердца, своими трудовыми делами мы не забудем подвигов советских воинов-освободителей, тех, кто отдал за нас свою жизнь, пролил кровь в боях с фашистскими оккупантами.

Благодарные Вам дрогобычане своим мирным созидательным трудом продолжают Ваш подвиг во имя новых свершений на благо советского народа, нашей великой многонациональной Отчизны.

Горячо приветствуем и поздравляем Вас со славным 40-летием освобождения города Дрогобыча от немецко-фашистских захватчиков. Желаем Вам доброго здоровья, большого личного счастья, вдохновенного труда и активной общественной деятельности на благо нашей любимой Родины”.

На другой день утром ветераны в ожидании своих автобусов толпились на асфальтированной площади около гостиницы. Тут же были и мы с Сашкой Яковлевым. Вдруг, ко мне подходит один ветеран и говорит:

“Здравствуйте! Вы Романов?”

“Да”, - отвечаю ему.

“Вот, возьмите вашу статью”, - и протягивает мне вырезку из газеты.

Я взял, поблагодарив его, и прочитал “Штурмовики идут на цель. В львовском небе”. Под статьей подпись – “М. Романов. Герой Советского Союза. Москва”. Статья напечатана в газете “Львовская Правда” в № 147 от 1 августа 1984 года. В

ней рассказывается о том, как началась и проходила Львовско-Сандомирская военная операция, об участии летчиков-штурмовиков в этой операции, о моих личных наблюдениях и впечатлениях, о подвигах товарищей.

3 августа 1984 года, по утвержденной программе и установленному распорядку, ветераны 565-го шап принимали участие в трех мероприятиях. С 10 до 11 часов 30 минут была встреча с работниками треста столовых и ресторанов, с 13 до 16 часов встреча с колхозниками и пионерами села Грушев и с 17 до 19 часов участвовали в торжественном городском собрании, посвященном 40-летию освобождения города Дрогобыча. Примерно такая же нагрузка была у ветеранов других полков и дивизий.

Везде нас принимали с искренней теплотой и радушием. Работники треста столовых и ресторанов преподнесли нам большой каравай белого хлеба, цветы и книги каждому ветерану. За бокалом шампанского мы обменялись с ними приветственными тостами.

В Грушеве состоялся митинг у обелиска погибшим в Великой Отечественной войне односельчанам, на который пришло огромное количество народу. Нас принимали здесь как самых дорогих, родных и близких людей. 40 лет тому назад наш 565-й шап базировался на аэродроме близь села Грушев. Мы летели отсюда на выполнение боевых заданий в Карпаты. Хотя с той поры прошло много времени, но некоторые старые жители помнят нас. Только мы вышли из автобуса, как одна старушка закричала:

“Боже мой, это ж никак Мыкола! Здравствуй, родненький!” - и кинулась к нему в объятия, оба расплакались от радости. Действительно, бывший начхим полка, старший лейтенант Журавель Николай Архипович в августе 1944 года жил у нее на квартире и оставил о себе очень хорошее впечатление.

Всех ветеранов 565-го шап посадили в президиум. В докладах и речах председателя сельского совета и колхоза имени А.А. Жданова, колхозников, учителей, комсомольцев и пионеров было сказано много приятных благодарственных слов в наш адрес. От ветеранов поручили выступить мне. Я их поздравил с 40-летием освобождения от немецко-фашистских оккупантов и с успехами, которых они добились за эти годы; пожелал им крепкого здоровья, новых успехов в работе и уче-

бе, мирного неба и большого счастья в жизни. Учащиеся школы и колхозники подарили каждому ветерану наборы памятных книг и цветы. Затем мы возложили цветы к обелиску погибших на фронтах Великой Отечественной войны граждан села Грушев. После митинга нам показали концерт художественной самодеятельности школьников.

Затем мы съездили на бывший “аэродром”, с которого когда-то летали во время войны. Он находился в пойме, за речкой, через которую из села был перекинут маленький деревянный мост. О, как все изменилось с тех пор! Моста того нет уж и в помине. Вместо него построен новый висячий мост. На месте, где стояли наши самолеты, сейчас размещены новые хозяйственные постройки колхоза. На бывшем летном поле, процветают колхозные луга, с которых собирают обильное сено, прекрасный корм для скота. Сопровождавшие нас ребята рассказали, что они до сих пор вот на этих местах находят гильзы.

На “аэродроме” перед нами мысленно промелькнули в памяти те незабываемые жаркие фронтовые дни, которые были жаркими не только по боям, но и по погоде. Погода тогда, также как и во все дни нашего пребывания на данном юбилее, была солнечная и очень жаркая. Поэтому иногда были мгновения, когда в наших чувствах все сливалось воедино и прошлое и настоящее.

После осмотра “аэродрома” нас пригласили в сельскую среднюю школу. Мы надеялись увидеть ту школу, в которой была во время войны наша казарма летчиков. Однако той деревянной школы не оказалось, ее давно уже нет, а вместо нее построена новая каменная двухэтажная школа с прекрасными просторными светлыми классами. В одном из помещений школы организован музей боевой славы 565-го шап. Патриотическую работу ведет пионерская организация школы, которая организовала при школе свой клуб с романтическим названием: “Слава отцов - крылья сыновей”. Тут же около музея произошла встреча ветеранов нашего полка с пионерами школьной дружины. Мы обменялись с пионерами короткими приветственными речами. Они четверых ветеранов, в том числе и меня, приняли в почетные пионеры своей дружины и перед линейкой повязали нам на шеи красные галстуки. Это была очень трогательная психологическая сцена, которую

школьный фотограф запечатлел на фотокарточку. Через некоторое время пионеры прислали мне эту и другие фотокарточки с сообщением о том, что они меня приняли и в почетные члены клуба “Слава отцов - крылья сыновей”. После обеда мы тепло распрощались с грушевцами и около 16 часов на том же автобусе поехали в обратный путь, в Дрогобыч.

В этот же день, 3 августа, около 17 часов, в городском доме культуры, новом современном здании, построенном после войны, началось торжественное собрание, посвященное 40-летию освобождения города Дрогобыча от немецко-фашистских захватчиков. Собрание открылось исполнением гимна Советского Союза, выносом боевых знамен воинских частей, принимавших участие в освобождении города. Юбилейный доклад сделал первый секретарь Дрогобычевского горкома партии. Затем были выступления ветеранов, трудящихся и молодежи города. После торжественного собрания был дан концерт силами артистов города.

В субботу, 4 августа 1984 года, было организовано в лесу торжественное возложение венков, гирлянд и цветов на братской могиле солдат и офицеров Советской Армии, погибших и умерших от ран во время Великой Отечественной войны. В этом мероприятии принимали участие ветераны Великой Отечественной войны, трудящиеся и молодежь города Дрогобыча, Трускавца и Стебника, военнослужащие местного гарнизона. Всего около 5000 человек.

Это была очень впечатляющая церемония. В 10 часов утра ветераны и воинские подразделения были построены на лесной поляне в прямоугольное каре. Командир воинской части и председатели советов ветеранов каждой дивизии поочередно рапортовали главному руководству манифестации о боевом пути своих соединений, их заслугах, составе присутствующих и готовности к торжественной церемонии. Председатель совета ветеранов нашей дивизии подполковник Виктор Тихонович Руденький доложил:

“Товарищ секретарь горкома партии, 224-я Краснознаменная Жмеринская штурмовая авиационная дивизия прошла славный боевой путь. Она сражалась на Западном фронте, защищая Москву. Участвовала в боях под Ржевом, Вязьмой, Брянском и Орле. Принимала также участие в освобождении городов и сел Украины, Польши и Чехословакии. Она воспи-

тала много мастеров штурмового удара, среди них 20 Героев Советского Союза. За время войны летчики 224-й шад выполнили 17,5 тыс. боевых вылетов, в результате которых было уничтожено, выведено из строя или повреждено большое количество живой силы и техники противника. На 40-летие освобождения городов и сел Прикарпатья от немецко-фашистских захватчиков прибыло 70 ветеранов дивизии, которые готовы принять участие в церемонии возложения венков на братскую могилу погибших и умерших от ран воинов”.

Затем под траурную мелодию духового оркестра мы по восемь человек подняли две гирлянды, сделанные из хвои, понесли их к братской могиле и возложили у подножия памятника-обелиска. За нами шла процессия ветеранов и населения с цветами, которые возлагались также на могилу. Церемония возложения продолжалась около полутора часов. После чего, здесь же, рядом, в лесу, в зеленом театре, был дан двухчасовой концерт художественной самодеятельности.

С 14 часов и до вечера в этом же лесу, через дорогу, был организован обед. Ветераны и трудящиеся вели беседы, вспоминали погибших друзей и товарищей, пели фронтовые патристические песни, танцевали под баяны и гармоники.

В двух километрах от этого леса находится село Нагуевичи, в котором родился Иван Яковлевич Франко. Ветераны 565-го шап решили по своей инициативе посетить дом-музей Ивана Франко. Примерно с 17 до 18 часов мы осматривали экспонаты этого очень интересного музея. Просторный деревянный дом с двумя дворами, кузницей, амбарами, огородом, колодцем и множеством различной крестьянской утвари произвел на нас хорошее впечатление. Девушка-экскурсовод рассказывала нам о творчестве Ивана Франко, по нашей просьбе прочитала на родном украинском языке одно из его стихотворений. И.Я. Франко - продолжатель традиций Т.Г. Шевченко, пропагандист идей русских революционных демократов, а позднее - марксизма, борец против буржуазного национализма, всего один год не дожил до Великой Октябрьской социалистической революции.

Поблагодарив экскурсовода за показ и рассказ, ветераны нашего полка по предложению сопровождающей поехали в Карпатские горы. Путь лежал через город нефтяников Борислав, который во время войны был исходным пунктом мар-

шрута при полетах на боевые задания. Он вызвал у нас опять сравнительные воспоминания: как было тогда, 40 лет тому назад, и что мы видим и чувствуем теперь, во время этой поездки. Наш маленький автобус, пыхтя, фырча и задыхаясь, еле-еле преодолевал горные подъемы. А тогда, во время войны, мы эти “пригорки” и не замечали. Нам казалось, под нами, под крылом самолета, лежали гладкие равнины.

Наконец, проехав около двадцати километров по горной дороге, мы остановились у источника минеральной воды, которую здесь ласково называют женским именем “Нафтуся”. Она показалась нам очень вкусной и мы, выпив по несколько стаканов этой воды, поднялись вверх, на лесную горную полянку. Здесь развернули скатерть “самобраную” и организовали ужин в Карпатских горах. После дневной жары в долинах Прикарпатья, здесь, в горном лесу, воздух, насыщенный кислородом и запахами различных цветов, показался нам целебным. Да и в самом деле: полтора-два часа пребывания в горах сняло с нас всю дневную усталость, и мы, бодрые и веселые, с песнями возвращались в город Дрогобыч. Домой приехали около 22 часов.

Во время войны мы участвовали в освобождении и взятии многих городов и особенно не задумывались об истории их наименований. А сейчас в нас проснулось любопытство, которое потянуло на историю. А.И. Яковлев пред сном в комнате нашей гостиницы спросил меня:

“А как ты думаешь, Миша, почему этот город называется Дрогобыч?”

“На днях мне попала в руки книга об этом городе, - ответил я ему, - и вот что сказано там по этому вопросу: в начале нашего тысячелетия здесь, в предгорьях Карпат, образовался город Быч. В середине 13 века он был разрушен до основания в результате татаро-монгольского нашествия. Жители этих мест (вероятно скотоводы) не стали его восстанавливать, а построили город на новом месте, в восьми километрах от старого разрушенного города, и назвали его Дрогобыч, то есть другой Быч”.

Конечно, город очень сильно изменился после Великой Отечественной войны, вырос и похорошел. Построено много новых предприятий, жилых домов и даже целых кварталов, школ, больниц и поликлиник, детских садов и яслей, магази-

нов и столовых, кинотеатров, спортивных сооружений и других объектов. В городе очень много цветов и зеленых насаждений.

В воскресенье, 5 августа 1984 года, состоялся общегородской митинг, в котором кроме ветеранов Великой Отечественной войны приняли участие воинская часть гарнизона и население городов Дрогобыча, Трускавца и Стебника. Особенно много было молодежи. На митинге присутствовал и выступил с большой речью первый секретарь Львовского областного комитета Коммунистической партии Украины. Герои Советского Союза и генералы-ветераны находились на трибуне. Всем ветеранам Великой Отечественной войны пионеры преподнесли цветы. Митинг закончился манифестацией по улицам города. Празднично украшенные колонны военнослужащих, ветеранов войны, рабочих и служащих, молодежи, комсомольцев и пионеров - несли венки, гирлянды и цветы через весь город, чтобы возложить их к памятникам боевой славы в честь воинов Советской Армии, погибших на фронтах Великой Отечественной войны.

После этого происходил осмотр традиционной выставки цветов и экспонатов народного творчества всех предприятий и организаций городов Дрогобыча, Трускавца, Стебника и Дрогобычского района, организованный на центральной городской площади. Выставка произвела на ветеранов войны очень большое впечатление.

Во второй половине дня ветераны 224-й шад приняли участие в праздновании 40-летия освобождения от немецко-фашистских захватчиков поселка Медыничи. Меня с двумя ветеранами из 1-й гвардейской армии послали выступить на тематическом вечере молодежи в городском парке имени И.В. Васильева.

В зеленом “зале”, на свежем воздухе под деревьями, народу собралось более 500 человек. Товарищ, выступавший первым, читал стихи и пел песни на военно-патриотическую тему, автором которых был он сам. Вторым выступал я. Фон для моего выступления был прекрасный, но это повышало мою ответственность перед слушателями, которые строго следили за каждым моим словом. В своем выступлении я рассказал об ужасах войны. Что война это бедствие для народа. Рассказал о героических подвигах летчиков-штурмовиков

565-го шап; о том, что победа нам доставалась нелегкой ценой, мы теряли своих молодых друзей и товарищей. И что мир, завоеванный дорогой ценой, нам надо беречь, крепить всеми силами наше социалистическое государство и его обороноспособность.

Молодежь нас внимательно слушала, приветствовала бурными аплодисментами и дарила цветы.

Вечером этого же дня в ресторане “Молодежный” состоялся торжественный ужин ветеранов 224-й шад и представителей шефствующей организации. Ветераны 1-й гвардейской армии и участники встречи обслуживались в других ресторанах города Дрогобыча. В ресторанах были накрыты праздничные столы, произнесено много тостов, обеспечено музыкальное сопровождение фронтовых песен и танцев.

В 10 часов утра 6 августа 1984 года на бюро Дрогобычского горкома партии подводились итоги празднования 40-летия освобождения города от немецко-фашистских захватчиков. Сюда были приглашены руководители советов ветеранов дивизий, генералы и Герои Советского Союза, всего около 30 человек. Выступающие делились своими впечатлениями. Все благодарили организаторов торжественного празднования данного юбилея за четкую организацию всех мероприятий и гостеприимство, которое было оказано ветеранам. Мне было поручено выступить от ветеранов 224-й шад. Я доложил, что программу встреч с трудящимися и молодежью ветераны нашей дивизии выполнили полностью и на высоком идейно-политическом уровне.

Пользуясь случаем, что здесь присутствовали представители почти всех дивизий 1-й гвардейской армии, с которыми мы взаимодействовали во время проведения военных операций по освобождению Украины, Польши и Чехословакии, я с большим удовольствием сообщил информацию из архивных источников о том, что летчики 224-й штурмовой авиационной ордена Красного Знамени Жмеринской дивизии за время Великой Отечественной войны получили 23 благодарности Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина за участие в освобождении и взятии городов. А за отличную боевую работу над полем боя, получали с командных пунктов по радио множество благодарностей от командиров частей и соединений. После этого, я выразил благодарность горкому партии и гор-

исполкому за оказанное ветеранам гостеприимство, и четкую организацию всех мероприятий. Вручил памятный знак 224-й шад секретарю горкома партии и председателю горисполкома и адрес в красочно оформленной папке, в которой художественно смонтированы макеты ордена Отечественной войны и самолета Ил-2 на фоне голубого неба. Горком партии и горисполком в знак большой благодарности преподнесли ветеранам 1-й гвардейской армии и 224-й шад портреты В.И. Ленина, сделанные мозаичным методом из разных пород дерева.

В 16 часов, 6 августа, трогательно простившись друг с другом и гостеприимными хозяевами, переполненные чувством благодарности, мы покинули город Дрогобыч. И на поезде Трускавец-Москва поехали в обратный путь. Мы ехали по местам боев, в которых 40 лет тому назад принимали непосредственное участие. С правой стороны остался город Стрый, где мы в 1944 году тоже базировались. Вот проезжаем реку Днестр. О, какой он здесь узенький! Где же его величие, которое у нас запечатлелось во время сражений? Справа от железной дороги появился город Николаев, весь серый от цементной пыли, идущей от комбината стройматериалов. А вот пригороды города Львова и, наконец, сам город. Много раз мы летали в эти места на боевые задания, штурмовать ненавистного врага, но тогда выглядело все это по-другому, иначе, чем увидели мы теперь. Тогда все было в серых и тусклых красках, а сейчас это выглядело весело и празднично. Чистые поля, белые строения и новостройки городов и населенных мест - все радовало наш глаз.

Прошло некоторое время после празднования 40-летия освобождения городов Прикарпатья от немецко-фашистских захватчиков, и вот новые знаки внимания ветеранам Отечественной войны. Герои Советского Союза и генералы получили персональные поздравления от ЦК Компартии Украины, Президиума Верховного Совета Украинской ССР и Совета Министров Украинской ССР, которые в красиво оформленной грамоте пишут:

“Герою Советского Союза товарищу Быстрову Н.И.

Дорогой Николай Игнатьевич!

Горячо и сердечно поздравляем Вас, прославленного ветерана Великой Отечественной войны, Героя Советского Союза с 40-летием освобождения Советской Украины от немецко-фашистских захватчиков.

мецко-фашистских захватчиков.

Вы прошли нелегкий ратный путь, познали величие и радость победы, внесли достойный вклад в разгром ненавистного врага, с честью выполнили свой долг перед народом, перед партией, перед историей. Ваши мужество и отвага вселяли непоколебимую уверенность в торжестве нашего правого дела, служили примером доблести и героизма на фронте и в тылу.

Проходят годы, но не меркнет подвиг во славу Отчизны. Нынешнее поколение советских людей с большой признательностью воздает дань глубокого уважения своим героям, всем тем, кто в пору военного лихолетья, не щадя жизни, бесстрашно сражался с врагом. В памяти благодарных потомков навсегда сохранится и Ваш личный вклад в Великую Победу. Выражаем Вам сердечную признательность за Ваш неоценимый труд на благо партии и народа. Доброго вам здоровья, счастья, новых славных дел во имя процветания любимой Отчизны”.

Очень приятно, что о нас, ветеранах Великой Отечественной войны, помнит благодарная Украина, что мы ею не забыты.

5. Патриотическая работа среди населения.

Почти все наши однополчане ведут патриотическую работу среди населения. Они выступают в коллективах с лекциями и докладами, проводят беседы о Великой Отечественной войне, переписываются с пионерами, школьниками и красными следопытами, передают свой богатый опыт молодежи.

Мне пришлось выступать в ряде учреждений с короткими сообщениями на тему: “О 40-летию Победы советского народа над фашистской Германией”: в Центральном Государственном Архиве Советской Армии, где присутствовало 500 человек; перед работниками аппарата Главного архивного управления при Совете Министров СССР - присутствовало 150 человек; перед комсомольцами и молодежью Главархива РСФСР - присутствовало 50 человек; перед учащимися средней школы по месту жительства - присутствовало 100 человек; на конференции директоров, преподавателей и воспитателей школ Ичалковского района Мордовской АССР - при-

существовало 600 человек; на встрече с колхозниками и молодежью села Ведянцы - присутствовало 250 человек.

Причем, на Всесоюзной тематической выставке в Центральном Государственном Архиве Советской Армии, посвященной 40-летию Победы, перед посетителями выставки о роли авиации в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. И.Н. Кожедуб выступал первым, я выступал - вторым, а бывший командир авиаэскадрильи самолетов По-2, Герой Советского Союза Н.В. Попова - третьей. На буклете выставки Иван Никитович сделал следующую дарственную надпись: "Желаю Михаилу Яковлевичу Романову успехов, здоровья и счастья в жизни. Трижды Герой Советского Союза маршал авиации И. Кожедуб. 21.5.85."

А вот один из многочисленных примеров переписки с учащимися различных школ. Пионеры 5"А" класса, школы №14 города Черновцы в своем письме Герою Советского Союза А. И. Яковлеву пишут: "Дорогой Александр Иванович! Поздравляем Вас с Новым годом. Для нас этот год не только новый, но и год 30-летия освобождения города Черновцы от немецко-фашистских захватчиков. В кровопролитных боях за Советскую Буковину и смежные с ней области сражались и Вы, Александр Иванович. Об этом мы узнали из книги "Герои Карпат" Б.С. Венкова, которую сейчас читаем всем классом.

Спасибо Вам за мужество, за наше счастливое детство. Всего Вам доброго, дорогой Александр Иванович. Всего Вам хорошего. Если будите в Карпатах, приезжайте в наш город, в нашу школу №14".

Яковлев написал пионерам школы № 14 города Черновцы ответ и послал его с благодарностью за их теплые слова и чувства к нам, солдатам того далекого времени, когда решался вопрос об их счастье на поле брани. Он пожелал им весело и интересно отпраздновать 30-летие освобождения своей родины от гитлеровских захватчиков, а также крепкого здоровья и больших успехов в учебе. Он также пообещал им, что при первой же возможности постарается воспользоваться их приглашением и побывать у них в школе. Он также надеется, что осуществится его заветная мечта - побывать в тех местах, где он сражался вместе со своими друзьями-однополчанами за нашу Советскую Родину.

Нам, фронтовикам, кажется, что наши воспоминания, на-

ши встречи и переписка, которые мы ведем с молодежью, являются, может быть небольшой, скромной, но составной частью борьбы за мир во всем мире.

Планета Земля - маленькая песчинка нашей галактики, оазис жизни во Вселенной. И этот прекрасный оазис люди, существа живой материи, должны беречь! И, чтобы выполнить эту всемирно-историческую задачу, необходим, в первую очередь, прочный мир между народами.

Мы, фронтовики, участники Великой Отечественной войны 1941-1945 гг., видели своими глазами, каким большим несчастьем, великим горем для народов является война. Невозможно перечислить всех лишений и бедствий, которые несет она людям. Но самое страшное - это массовая гибель отцов и сыновей, матерей и дочерей.

Для нас Великая Отечественная война была освободительной, справедливой, что рождало среди воинов Красной Армии массовый героизм и желание быстрее добиться победы. Но это обстоятельство не смягчало горечи народной и людской печали от невозвратимых наших потерь на полях сражений и в лагерях смерти фашистов. Идя в бой, мы мечтали о прекрасной в будущем мирной жизни. И с этой мечтой погибали в бою с врагом наши боевые товарищи.

Командир эскадрильи братского 996-го Каменец-Подольского штурмового авиационного полка Степан Степанович Брюханов в своем письме в редакцию армейской газеты в конце войны писал:

“...Мне много раз приходилось бывать в бою. Я совершил 140 боевых вылетов, тысячи раз атаковал врага... Не раз я смотрел в лицо смерти. Мой самолет горел, я приводил его на аэродром с десятками пробоин. Я знаю цену жизни, люблю жизнь, но и страха перед смертью не ощущаю оттого, что дело наше бессмертно. Я знаю: пройдут эти дни боев, утихнет гроза, мирно и красиво, по-настоящему заживут люди на земле... И они станут петь про нас. И появимся мы из седых веков и пройдем в их мечтах могучим строем стальных птиц - таким, как воевали под Москвой, как защищали Сталинград, как шли через Карпаты, как сражались за Одером. Уж очень много испытаний, много славы выпало на долю моего поколения...

Уж близок, совсем близок конец нашего славного пути.

Мы видим победу, мы ощущаем ее дыхание. Она нелегко нам досталась: мы заплатили за нее большой кровью, годами горя и страданий. Тем сильнее мы будем беречь ее плоды. Мы создадим счастье для многих поколений”³⁷.

Как видно из письма, старший лейтенант Брюханов надеялся после войны строить мирную и счастливую жизнь, но через несколько дней после составления этого письма, выполняя 3 мая 1945 г. боевое задание, он погиб смертью храбрых, до конца выполнив свой долг перед Родиной, перед своим народом. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29 июня 1945 года С.С. Брюханову посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Итак, погибшие, все жертвы последней войны, завещали нам, живым, зорко охранять мир на земле.

Просьбу однополчан - написать книгу о войне удалось выполнить частично. Материал был собран, оформлен и отредактирован, но “протолкнуть” через издательство не удалось. В то время шли в издательствах в основном мемуары крупных военных начальников. И только Военное издательство согласилось напечатать одну главу “Штурмовики над Карпатами” в одиннадцатом выпуске сборника “На земле, в небесах и на море”, в 1989 году, стр. 407-447. Экземпляры этого сборника, автором рассказа и председателем Совета ветеранов дивизии В.Т. Руденьким, были разосланы однополчанам. Они были разосланы в следующие города Советского Союза: в Белгород Г.Т. Левину, во Львов З.И. Жуку, в Киев С.Л. Плетень, в Ростов-на-Дону Н.И. Огурцову, в Черновцы В.П. Бородину, в Севастополь А.И. Колодину, в Сватово Ворошиловградской области И.М. Белицкому, в Долгопрудный Московской области В.Н. Платонову, в Луцк В.Н. Казначееву, в Вырицу Ленинградской области В.М. Сериковой, жене, умершего командира полка В.И. Серикова, в Боровичи Новгородской области, сыну, умершего А.И. Яковлева, и другим ветеранам Отечественной войны 224 штурмовой авиационной дивизии.

Совет ветеранов в 1989 году подготовил и издал “Памятную книжку ветерана 224 штурмовой авиационной Жмеринской Краснознаменной дивизии”. В этой книжке опубликован краткий очерк боевого пути дивизии, список руководящего состава, список погибших в годы Великой Отечественной войны, список умерших ветеранов после войны и список ве-

теранов дивизии с адресами проживания по состоянию на 1 сентября 1989 года (110 чел, в т.ч. 565-й шап - 28 чел., 571-й шап - 23 чел., 996-й шап - 57 чел. и управление дивизии - 2 чел.). Памятная книжка ветерана была напечатана тиражом 200 экземпляров бесплатно Днепропетровской городской типографией; была разослана всем ветеранам и сыграла большую роль в улучшении связи между ними.

В этой “Памятной книжке” напечатан также список Героев Советского Союза, воспитанных 224-й шад. Список школьных музеев с адресами, в которых имеются уголки боевой славы, посвященные 224-й шад и ее штурмовым авиационным полкам. Изменения состава Совета ветеранов дивизии. Стихотворения воздушных стрелков 571-го шап 224-й шад В.Н. Толстихина “День Победы” и В.А. Кузнецова “На стройке”, а также ветерана 8-й воздушной армии А. Фролова “Легендарный штурмовик”.

Памятная книжка ветерана сыграла организующую роль в улучшении не только связи между однополчанами, но и помогла поднять всю ветеранскую работу на более высокую ступень.

Неизвестный автор переделал стихотворение А. Фролова “Легендарный штурмовик” в “Песню о штурмовиках”, которую учащиеся средней школы №6 города Жмеринки исполняли 8 мая 1989 года перед ветеранами дивизии хором под ритм марша. Вот ее слова:

Представьте летчика в тот миг,
Когда готовится он к бою,
Когда ведя свой штурмовик,
Он видит цель перед собою.
Тогда в атаку он идет,
Сильней штурвал в руке сжимает,
На цель, направив самолет,
На все гашетки нажимает.
И пулеметы, пушки бьют,
И реактивные снаряды,
И бомбы точно в цель идут,
Круша фашистские преграды.
Пусть самолеты все важны:
Как воздух, хлеб – “Ил-2” нужны,
Так сказал наш Вождь однажды,

И пусть об этом знает каждый.
Ильюшин “Илы” те создал,
А мы - им славу боевую,
И каждый летчик все отдал,
Чтоб защитить страну родную.
Фашистов разбивали в прах,
Нас черной смертью называли,
И тех стремительных атак
Мы никогда не забывали.
С тех пор прошло немало лет,
Но тех боев мы не забудем,
Кто пал в бою - оставил след,
И мы всегда их помнить будем.
Погибших летчиков, стрелков,
Чей прах покоится в могилах,
И всех других штурмовиков,
Кто воевал на грозных “Илах”!

Сбылись пророческие слова Степана Степановича Брюханова: “И они станут петь про нас”. Эта же песня была исполнена на торжественном собрании ветеранов и молодежи в Кемле Ичалковского района республики Мордовия в честь 50-летия Победы.

6. Итоговая Московская встреча.

Время неумолимо идет вперед, учреждая необратимые перемены в жизни природы и общества. Вот уже не стало Советского Союза, за существование которого велась Великая Отечественная война 1941-1945 гг. - самая кровопролитная война на земном шаре, ушло в небытие на покой большинство ее участников. Только за последние десять лет из 110 ветеранов 224-й шад умерло 40 человек. Тяжело больны и остальные 30 человек, хотя и ведут они в свои 70 лет еще активный образ жизни.

27-28 мая 1997 года в городе Москве на базе ЦДСА была проведена последняя встреча ветеранов 224-й шад. Желавших участвовать в ней было 30 человек, а смогли приехать только 17. Эта встреча проходила организованно по заранее разработанному плану. Планом было предусмотрено посещение музея Великой Отечественной войны на Поклонной горе,

могилы неизвестного солдата у Кремлевской стены, комплекса исторических памятников на Красной площади, театра и других мест.

На встречах, как обычно, идут воспоминания о значимых боях, сражениях и о людях, повлиявших на успех дела - руководителей и исполнителей. Заместитель командира, штурман авиаэскадрильи 571-го шап подполковник в отставке Ю.Н. Жданов рассказал о послевоенных годах жизни своего дяди, командующего 8-й воздушной армией В.Н. Жданова и о своей жизни.

Юрий Николаевич родился 11 мая 1923 г. в Москве. Окончил 10 классов и один курс Института связи. Будучи курсантом Московского пехотного училища, защищал с 7 октября по 16 ноября 1941 года Москву. Был контужен. И после излечения в госпитале, был направлен в 1942 году в Тамбовскую военную авиационную школу пилотов, которую окончил в 1943 г. После в 954-м шап прошел боевую подготовку на самолете Ил-2. С июня 1944 г. по июнь 1945 г. был командиром звена 996-го шап 224-й шад. За это время в 3-й эскадрильи, где командиром был Я.Е. Сусько, старший лейтенант Жданов выполнил 86 боевых вылетов, за которые был награжден двумя орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны 1-й степени, Красной Звезды, медалями, в том числе, чехословацкой "За храбрость". В июне 1945 г. был назначен заместителем командира, штурманом авиаэскадрильи 571-го шап. После расформирования 224-й шад Ю.Н. Жданов один год служил в 232-й шад в г. Дубне, а затем - 15 лет в авиационной дивизии особого назначения. Налетал 7500 часов в качестве командира экипажа транспортного самолета. Уволен в 1962 г. с должности заместителя командира полка по летной подготовке в звании подполковника по болезни (ИОВ 2-ой гр.). После, 24 года был директором Московского бюро путешествий. Сейчас работает председателем Совета ветеранов в микрорайоне города Москвы на общественных началах. Член Совета ветеранов 224-й шад.

Председатель Совета ветеранов 224-й шад подполковник В.Т. Руденький сделал подробный обзор о качестве командно-летных кадров дивизии в период Отечественной войны и их судьбе в послевоенные годы.

Давайте посмотрим, кто же был исполнителем разгрома фашистов и Победы над ними с позиции авиационного фактора? Все вы согласитесь с тем, что это был летно-подъемный и технический состав. Но роль летчиков в этом деле была особенно большой и ответственной. Они выполняли боевые вылеты. Боевой вылет – это сложный и рискованный комплекс летных действий, который завершает процесс труда всех работников, создавших и подготовивших к действию грозное оружие – самолет Ил-2. И не случайно, правительство критерием для наград авиаторов выбрало, главным образом, количество совершенных боевых вылетов и их эффективность. Делая представления к награде, командование учитывало степень подготовки летчика. Его умение водить группы, свободно ориентироваться в полете, находить цель даже в сложных условиях и надежно ее поражать.

Если подходить к оценке летчиков и авиационных специалистов нашей дивизии с этих позиций, то есть по их вкладу в дело разгрома врага и обеспечение победы, то больше всех получили наград Герои Советского Союза, которых в 224-й шад было выращено за войну 20 человек, - продолжал свою речь Виктор Тихонович. - Кто же они эти отважные и умелые люди? Чтобы их понять, надо сделать анализ их жизненного пути. В кратком биографическом словаре, вышедшем в свет в 1987-1988 гг., опубликованы данные на Героев Советского Союза, по которым можно составить качественную характеристику не только им, но и всему летному составу дивизии³⁸.

Лейтенанту Н.Г. Лисконоженко летчику 513-го шап присвоено звание Героя Советского Союза за два тарана самолетов противника 27 декабря 1941 года посмертно. Позднее 513-й шап вошел в состав 224-й шад, поэтому в разработку включено 21 человек.

Итак, родились: в 1914 г. Безух, в 1915 г. Дегтярев, в 1916 г. Брюханов и Зацепа, в 1917 г. Козловский, Левин и Сусько, в 1918 г. Яковлев, в 1919 г. Лисконоженко, Панченко и Уткин, в 1922 г. Быков, Быстров, Моторин и Романов, в 1923 г. Бородин, Зайцев, Колодин, Старченков и Фуфачев. Родились в селе - 15 и в городе 6 человек; в семье крестьян - 12 и в семье рабочих - 9 человек. Русских 15, белорусов – 4 и украинцев - 2 человека. Членов КПСС – 16, кандидатов в члены КПСС – 1,

членов ВЛКСМ - 2 и беспартийных - 2 человека.

Имеют образование: высшее - 1, среднее - 1, техникум - 1, два курса техникума - 1, два курса рабфака - 1, девять классов средней школы - 7, семь классов - 6 и ФЗУ - 3 человека. В советской Армии: с 1935 г. - 1, с 1936 г. - 3, с 1937 г. - 1, 1938 г. - 3, с 1939 г. - 2, 1940 г. - 8 и с 1941 г. - 3 человека.

Окончили военные авиационные школы пилотов: Ворошиловградскую - 1, Одесскую - 3, Омскую - 2, Сталинградскую - 2, Саратовскую - 1, Тамбовскую - 2, Пермскую - 1, Ульяновскую - 2, Чкаловскую - 4, Энгельскую - в 1941 и Краснодарское училище в 1943 г. - 1 человек (Романов), летные курсы при 224-й шад - 1 человек в 1943 г. (Левин). Окончили по годам: в 1938 - 3, в 1939 - 2, в 1940 - 2, в 1941 - 5, в 1942 - 1 и в 1943 - 8 человек.

В действующей армии: с 1941 г. - 6, с 1942 г. - 4, с 1943 г. - 5 и с 1944 г. - 6 человек. По должностям: штурманов авиационных полков - 3, командиров эскадрилий - 7, зам. командиров, штурманов авиационных эскадрилий - 4, командиров звеньев - 3, старших летчиков - 2 и рядовых летчиков - 2 человека. По воинским званиям: майоров - 2, капитанов - 5, старших лейтенантов - 9 и лейтенантов - 5 человек.

Выполнено героями боевых вылетов на разведку и штурмовку живой силы и техники противника: всего - 2376, в том числе к 9 июля 1942 г - 9 (Дегтярев погиб), к августу 1943 г - 78 (Безух), к октябрю 1944 г - 125 (Старченков погиб) и 91 (Зацепа). К январю 1945 г - 129 (Уткин) и 115 (Панченко). К марту 1945 г - 120 (Быстров) и 130 (Моторин погиб). К апрелю 1945 г - 120 (Бородин), 174 (Быков), 142 (Ефимов), 151 (Зайцев), 157 (Колодин), 100 (Левин), 110 (Романов), 113 (Сусько), 125 (Фуфачев погиб) и 142 (Яковлев). К 3.5.45 г - 125 (Брюханов погиб), к 9.5.45 г - 120 (Козловский).

Звание Героя Советского Союза было присвоено 27 декабря 1941 г. Н.Г. Лисконоженко (посмертно). 1 июля 1944 года это звание получил М.И. Безух. 23 февраля 1945 г были награждены Л.Г. Зацепа, К.П. Панченко и И.С. Старченков (погиб 13.2.45 г).

29 июня 1945 г были награждены, представленные еще в апреле к этой награде: С.С. Брюханов (погиб 3.5.45 г.), Н.И. Быстров, И.Н. Ефимов, Н.Я. Зайцев, Н.Я. Моторин (погиб 5.5.45 г.), М.Я. Романов, Я.Е. Сусько, Е.И. Уткин, В.Ф. Фуфа-

чев (погиб 15.5.45 г.) и А.И. Яковлев.

18 августа 1945 г. получили высшую награду В.П. Бородин, И.И. Козловский, А.И. Колодин и Г.Т. Левин, а 15 мая 1946 г. - М.С. Быков и 11 декабря 1990 г. - В.Л. Дегтярев (посмертно)³⁹.

После войны продолжали службу в военно-воздушных силах Советской Армии 12 человек. Из них окончил Военно-воздушную академию и Академию Генерального штаба один М.И. Безух. Окончили Военно-воздушную академию только А.А. Козловский и Е. И. Уткин. Учились и закончили Высшие летно-тактические курсы 3 человека и курсы усовершенствования офицерского состава 2 человека.

Уволено в запас - 14 человек, из них в 1946 г. - 2, 1947 - 1, 1954 - 1, 1956 - 2, 1957 -2, 1959 -1, 1960 - 4, 1965 - 1 и в отставку в 1969 году - 1 человек. Имели воинское звание при увольнении: генерал-майор авиации - 1 (Безух), полковник - 3, подполковник - 5, майор - 3, капитан - 2 и старший лейтенант -1 человек. Жили или живут в городах: Москве - 6, Минске - 2, Саратове - 1, Бобруйске - 1, Белгороде - 1, Луцке - 1, Севастополе - 1, Черновцы - 1 и Боровичи - 1 человек. В запасе, получили высшее педагогическое образование - 2 человека, которые работали: в МИД СССР - Я.Е.Сусько, и в Главном архивном управлении при Совете Министров СССР - М.Я Романов.

Двумя орденами Ленина награжден один Безух. Одним орденом Ленина и медалью Золотая Звезда награждены 20 человек. Только Зацепа и Козловский получили по 4 ордена Красного Знамени. А остальные 12 Героев награждены тремя орденами Красного Знамени и 5 Героев двумя орденами Красного Знамени. Кроме этого, были награждены орденами: Суворова 3-й степени – 1 человек, Кутузова 3-й степени - 1 человек, двумя орденами Отечественной войны 1-й степени - 7 человек, Отечественной войны 1-й степени - 8 человек, Отечественной войны 2-й степени - 3 человека, орденом Александра Невского - 7 человек, тремя орденами Красной Звезды - 1 человек, двумя орденами Красной Звезды - 4 человека, орденом Красной Звезды - 13 человек. И после войны за успехи в труде награждены орденом Октябрьской революции - 1 и Знак Почета – 1 человек.

После войны умерло 10 Героев Советского Союза. В 1962

г. умер А.А. Козловский, в 1971 – М.И. Безух, в 1979 – К.П. Панченко, в 1986 – Е.И. Уткин, в 1989 – А.И. Яковлев, в 1994 г. – умерли В.П. Бородин и Н.И. Быстров, в 1995 – А.И. Колодин, в 1996 году умерли М.С. Быков и Л.Г. Зацепа.

“Давайте почтим память всех погибших на фронте и умерших после войны однополчан минутой молчания”, – сказал В.Т. Руденский. Все встали и выполнили обряд молчания.

“Каковы же выводы можно сделать из приведенного анализа? – спросил Виктор Тихонович и сам же ответил. – Большинство летчиков 224-й шад родилось в деревнях в крестьянских семьях, имели общее неполное среднее образование и окончили военные летные школы пилотов, были молодые, полные сил и патриотической энергии, готовые отдать за Родину все силы, а если потребуется, то и жизнь. Поэтому они быстро входили в строй, на поле брани получали боевое крещение, овладевали военно-летным искусством, становились ведущими групп, мастерами самолетовождения, воздушного боя, разведки, штурмового удара, совершали более 100 боевых вылетов и заслуженно награждались Золотыми Звездами, орденами и медалями. Вклад их в разгром врага и завоевание Победы огромен. По количеству боевых вылетов (100 и более) многие летчики 224-й шад могли бы быть представлены к званию Героя Советского Союза, но не были представлены потому, что при этом учитывались их командирские качества и летное мастерство – искусство самолетовождения групп и эффективность бомбово-штурмовых ударов по врагу. Ведомые летчики награждались соответствующими орденами. Летчики, техники и специалисты 224-й шад и после войны добросовестно служили нашей Родине.

Глава VI. Династия летчиков-испытателей.

Присутствующий на встрече ветеранов дивизии полковник М.М. Котельников организовал экскурсию однополчан на летно-испытательные объекты города Жуковского. Ветераны познакомились с музеем Летно-испытательного института (ЛИИ), большой аэродинамической трубой и другими экспонатами. Экскурсия прошла организованно и с большим интересом.

Московская встреча ветеранов дивизии совпала с юбилейным годом, с 50-летием Школы летчиков-испытателей, первым начальником которой был наш командир 224-й штурмовой Жмеринской Краснознаменной авиационной дивизии генерал-майор авиации М.В. Котельников. Михаил Васильевич заложил основы учебно-воспитательной работы школы и семейной династии летчиков-испытателей.

Об этом наглядно и ярко повествуют материалы, напечатанные в 1997 году в газете “Жуковские вести” в статье А. Пантюхиной “Три поколения летчиков-испытателей”. Вот эта статья.

1. Начало из начал.

Михаил Васильевич Котельников родился 8 мая 1904 г. Отца не помнит, мать умерла рано, воспитанник детской колонии “Искра”. Его путь в летчики был долгим и упорным: вначале Московская горная академия, затем, не окончив ее, поступает в Высшую военную аэрофотографическую школу (г. Москва), Киевское военное училище, Егорьевская школа, Ленинградская теоретическая школа, которую он закончил в 1925 году. Весь этот пройденный путь являлся как бы стартовой площадкой, с которой в 1926 году он поступает в Качинскую военную авиационную школу летчиков, а в 1927 г. - в Высшую школу воздушного боя (г. Серпухов). Окончив ее, работает летчиком в строевых частях. Будучи командиром авиаэскадрильи, в 1936 г. награжден орденом Ленина и назначен командиром бригады, однако обстоятельства складываются таким образом, что в 1939 г. его снимают с этой должности и назначают на 22-й авиационный завод, где он испытывал скоростные бомбардировщики.

В 1939-1940 гг. Михаил Васильевич участвует в советско-финляндской войне, за что был награжден орденом Красного Знамени. После войны он возвращается на завод № 22, где испытывает пикирующий бомбардировщик Пе-2 (“сотка”). Провел заводские и государственные испытания, доведя самолет до выпуска в серию. Надо отметить, что этот самолет прошел всю войну. А летающим ведущим инженером по этому самолету был Юрий Николаевич Гринев, впоследствии ставший заместителем начальника ЛИИ и начальником 1-го комплекса

(всей летной службы Летно-исследовательского института).

С самого начала Великой Отечественной войны Михаил Васильевич Котельников сформировал 571-й штурмовой авиационный полк, вооруженный самолетами-штурмовиками Ил-2. Самолет оказался достаточно уязвимым для истребителей противника. На нем не было кабины воздушного стрелка. В первоначальном варианте этот самолет имел кабину воздушного стрелка. Но, с согласия заказчика, самолет был запущен в серийное производство одноместным. Предполагалось, что эти самолеты в бою будут прикрывать истребители, но на практике их не оказалось. В 1942 г. Михаила Васильевича сбили, он был ранен, однако ему удалось перейти линию фронта и попасть в нашу кавалерийскую часть, а оттуда верхом на лошади его доставили к своим.

В 1942 году приказом народного комиссара обороны была создана 224-я штурмовая авиационная дивизия, в ее командном составе в качестве заместителя командира, а затем командиром дивизии служил генерал-майор авиации Михаил Васильевич Котельников, а командующим армией был Михаил Михайлович Громов. Так что этих двух людей связывали крепкие военные узы.

В октябре 1946 г. М.В. Котельников медкомиссией был списан с летной работы по болезни и получил вторую группу инвалидности. Ему было тогда всего 42 года. Без авиации этот человек себя не мыслил, он сам пришел в Министерство авиационной промышленности (МАП) к Громову и предложил свои услуги. Не случайно, когда 20 октября 1947 г. издается приказ МАП о создании школы летчиков-испытателей (ШЛИ), Михаил Михайлович Громов взял на должность начальника Школы известного летчика-испытателя, опытного командира, храброго, умного, влюбленного в авиацию человека - Михаила Васильевича Котельникова.

Все начиналось с нуля, и первых кандидатов в слушатели Котельников набирал лично. Он ездил по войсковым частям, знакомился с личным составом, подбирал перспективных “орликов”. И надо отдать должное, что выпускники, окончившие ШЛИ под началом Михаила Васильевича Котельникова, не посрамили чести своего красного командира. Многие из них стали заслуженными летчиками-испытателями и Героями Советского Союза.

Михаил Васильевич Котельников ушел из жизни в расцвете сил 9 мая 1953 г. - в День Победы. В памяти всех знавших его он остался победителем, награжденным орденом Ленина, четырьмя орденами Красного Знамени, орденом Суворова 2-й степени, орденом Отечественной войны 1-й степени, орденом Белого Льва и боевым Крестом Чехословацкой Социалистической Республики.

2. Героика авиации не кончилась...

В 1930 под Новгородом, родился мальчик, которого нарекли в честь отца - Мишей. Жизнь у него с первых же дней была гарнизонной, и судьба его, видимо, была предопределена. Отец Миши - Михаил Васильевич Котельников - военный летчик, впоследствии летчик-испытатель первый начальник школы летчиков-испытателей. Весь уклад жизни маленького Миши формировался по образу и подобию отца. Нет, отец предметно его не воспитывал, просто мальчик жил в атмосфере авиации.

С первого по восьмой класс Миша поменял массу школ. С началом войны был эвакуирован в Куйбышев. Воронежский завод, выпускающий Ил-2, эвакуировался в Куйбышев, поэтому отец, либо представители из его дивизии, частенько прилетали в этот город за самолетами.

В 1943-1944 гг. тринадцатилетний Миша, как все мальчишки, играющий в войну, представьте себе, побывал на фронте. Отец улетал на передовую, а сынишка оставался его ждать в 571-ом авиационном полку, который стал для него родным. На аэродроме он околачивался с утра до вечера, а три раза негласно слетал стрелком на боевое задание.

После войны 8-10-й классы Миша учился в спецшколе Военно-воздушных сил (ВВС). Однако отец не хотел сыну судьбы летчика. Объяснял он это просто тем, что героика авиации закончилась и надо получить высшее образование. Поэтому сын сначала не послушался отца и сдал документы в Институт геодезии, картографии и аэрофотосъемки. А все друзья подались в училище. Но еще был у родителей друг семьи - летчик-испытатель Владимир Яковлевич Пешков, который наставлял юношу: "Надо идти только в летчики".

Миша забирает документы из института и подает их в во-

енкомат. Итак, в 1948 г. Михаил Михайлович Котельников становится курсантом Борисоглебского авиационного училища, которое без каких-либо сложностей закончил в 1951 году, и был оставлен в нем инструктором. В 1954 году переходит в Монинскую академию учебно-смешанной дивизии, где также работает инструктором. С 1955 по 1957 гг. является слушателем третьего набора Школы летчиков-испытателей. После окончания этого заведения Михаил Котельников был распределен в ЛИИ, где его ждала интереснейшая работа, связанная с разнотипной техникой, научными исследованиями в различных направлениях. В 1965 г. ему был присвоен 1-й класс летчика-испытателя. Летал Михаил Михайлович на самолетах генеральных конструкторов Микояна, Сухого, Яковлева, Туполева. Имел общий налет более 4300 часов.

Наиболее значимыми работами, были исследования аэродинамических нагрузок, действующих на подвесные баки самолета Су-9 при полетах на максимальных числах М. Летные испытания по определению характеристик силовой установки на самолетах Су-7 и Т-43. Исследование опытных жидкостных реактивных двигателей на летающей лаборатории Ил-28. Определение боковой устойчивости самолетов СМ-50, СМ-51 и СМ-12 при полетах, на предельных числах М (Сверхзвуковой скорости). Были проведены также заводские испытания опытного самолета СМ-12ПУ, с ЖРД (жидкостно-реактивным двигателем) и летные испытания самолетов Як-27 и Е-6, оборудованных лыжными шасси. Исследования опытных и модифицированных турбореактивных и жидкостных реактивных двигателей на летающей лаборатории Ту-16 и многие другие испытания. Михаилом Котельниковым освоено 90 типов различных модификаций самолетов и вертолетов.

В 1960 г. Юрий Николаевич Гринев, заместитель начальника ЛИИ - начальник летной части (1952-1972 гг.), вызвал к себе нескольких летчиков, в том числе В.М. Провякина, О.В. Гудкова, М.М. Котельникова, с тем, чтобы направить на работу в ШЛИ, инструкторами. Олег Гудков отказался идти в Школу наотрез. Михаил Михайлович Котельников такое согласие дал. Он «влился» в работу инструктора. Кроме того, интерес поддерживался и участием в летных испытаниях по тематике ЛИИ, выезжал он и на серийные заводы в Иркутск (испытывались самолеты Як-28), Новосибирск (Т-43), Тбили-

си (Е-6У). Михаил Михайлович Котельников принимал участие в одиннадцати выпусках слушателей ШЛИ.

В августе 1975 года ему было присвоено звание “Заслуженный летчик-испытатель СССР”. Награжден Михаил Михайлович орденом Октябрьской Революции.

На вопрос о каких-либо неординарных случаях Михаил Михайлович отвечал уклончиво. Он считает, что сами летные испытания неординарны. А ситуации возникают, казалось бы, в самых простых случаях. Так было при перегоне самолета МиГ-15 из Тбилиси. Перегоняли с Валерием Токаевым (штурманом) спарку, вдруг происходит отказ самолетных агрегатов, отказывает вся связь, навигационно-пилотажное оборудование и гидросистема. Сориентироваться нельзя, пробиваются в сторону моря, выходят под облака и уже визуально по берегу моря определяют аэродром Гудауты. Пришли туда и благополучно сели.

В 1977 г. Михаила Михайловича Котельникова списали с летной работы по состоянию здоровья. Переход в нелетное качество психологически перенес тяжело. Было ему тогда 47 лет. И в этом возрасте он поступил на работу в методический отдел ШЛИ. Методика включала в себя подготовку слушателя к полету, индивидуальную проработку задания, послеполетный разбор, расшифровку самописцев и т.д. Инженеры-методисты, как правило, были бывшие летчики-инструкторы, что позволяло им во время полетов слушателей быть представителями от ШЛИ на КДП (командно-диспетчерском пункте) и консультировать руководителей полетов по каждому конкретному заданию слушателей. Весь накопленный опыт и летный багаж были большим подспорьем в работе.

Михаил Михайлович ушел на заслуженный отдых в 1990 году. Судьба подарила Михаилу Михайловичу добрых, любящих родителей, и этот дух добра Михаил перенес на отношения с окружающими. Думается, никто не видел Михаила Михайловича хмурым и угрюмым - это не его качества, в крайних случаях - сосредоточенным, а чаще - улыбающимся, распахнутым, щедрым, он готов поделиться с друзьями последним. Он постоянно принимает в ком-то участие, за кого-то хлопочет, кому-то предоставляет ночлег, кого-то приглашает на дачу, так продолжается и по сей день...

3. Продолжение следует.

В 1956 году у супругов Миши и Гали Котельниковых родился сын - Саша. Мальчик унаследовал судьбу отца. Он так же, как и отец в свое время, жил в атмосфере постоянного полета. Его также окружали люди из мира авиации, да и рос он уже в Жуковском - центре авиационной науки. Теперь уже Михаил Михайлович, помня свои поездки с отцом на фронт, брал с собой иногда в командировки сынишку, и Саша с удовольствием проводил время на аэродроме.

Однако история повторилась. Отец не хотел, чтобы сын стал летчиком в третьем поколении, он рекомендовал поступить ему в Высшую школу милиции. И тут уже Саша проявил характер, окончательно сделав свой выбор в сторону авиации. Родителям не было смысла возражать, тем более что в училище стали давать высшее образование.

В 1974 году Александр Котельников поступает в Балашовское высшее военное авиационное училище, которое заканчивает в 1978 году, и остается там инструктором до 1983 года, а затем переходит в Отдельную эскадрилью военнотранспортной авиации Московского округа.

В ШЛИ поступает в 1986 г., является слушателем 26 выпуска. После окончания ШЛИ в 1987г. распределяется в ОКБ (Опытно-конструкторское бюро) Ильюшина. Там он работает до 1993 года. Получает свидетельство летчика-испытателя 2-го класса.

5 июля 1993 года случилось то, что поделило судьбу Александра на жизнь летную и нелетную. А для Галины и Михаила Котельниковых определенный отрезок жизни стал, пожалуй, самой черной полосой. К ним приехали на дачу и сообщили: "Готовьтесь к худшему, все погибли, Саша дышит, но не надейтесь..." Произошла катастрофа самолета Ил-114, командиром экипажа которой был Александр Михайлович Котельников.

Во время взлета произошел отказ второй СУ (силовой установки), обнаружить который экипаж мог только после отрыва самолета от ВПП (взлетно-посадочной полосы). Достоверной информации об отказе экипаж не имел. Аварийные сигналы отсутствовали.

Катастрофическая ситуация возникла на высоте 30 метров

после падения ТВГ (температуры выходящих газов) и оборотов турбокомпрессора второй СУ. Экипаж столкнулся с необычным явлением работы турбовинтовой силовой установки. При вращающемся винте во флюгерном положении создавалась отрицательная тяга.

Действия экипажа в создавшейся ситуации летной комиссией признаны правильными. Последствия же катастрофы были трагическими: из всех членов экипажа выжили двое, в том числе, Александр Котельников.

Началась борьба за жизнь. Пришлось перенести несколько тяжелейших операций. Это для всех стало испытанием на прочность. И здесь Александр оказался на высоте. А заслуженный летчик-испытатель Михаил Михайлович Котельников оценил мужество сына. Сашу же не покидала мысль восстановиться полностью. Вот уж поистине, в авиацию идут фанатики.

ВТЭК списал с летной работы Александра Котельникова, дав ему 2 группу инвалидности. Сегодня Александр Михайлович Котельников - начальник отдела авиаперевозок. У четы Александра и Елены Котельниковых растет сын Павлик. Продолжение следует...⁴⁰

4. Фрагменты истории ШЛИ.

В.П. Васин, генерал-майор авиации, заслуженный летчик-испытатель, Герой Советского Союза в статье “Этапы полувекowego пути” сообщает, что до 1947 года каждое конструкторское бюро, и каждый серийный завод сами набирали летчиков для испытания своей техники. Это были специалисты разного профиля и уровня подготовки. Испытания летательных аппаратов проводились методом проб и ошибок. С появлением реактивных самолетов встал остро вопрос о научном подходе к испытаниям техники по единой методике. Эта необходимость обуславливала создание Школы летчиков-испытателей, которая прошла четыре этапа в своем развитии.

Первый этап - это период 1947 года по 1958 год. Набор слушателей Школы проводился из частей ВВС без демобилизации из армии с учетом того, что теоретическая и летная программа обучения была рассчитана на два года. В процессе обучения слушатели осваивали 12-15 типов летательных ап-

паратов и методику летных испытаний. Выпускникам выдавалось свидетельство летчика-испытателя третьего класса МАП СССР, с правом полетов на всех типах опытных и серийных самолетов, что позволяло использовать их в ОКБ и на авиазаводах.

Второй этап охватывал период до конца 70-х годов, который совпал с широким внедрением реактивной авиации в части ВВС и ПВО, а также с началом применения реактивной авиатехники в гражданской авиации страны. Начиная с четвертого набора самолетного отделения ШЛИ, слушателей с их согласия демобилизовали из армии. Началась практика набора слушателей из летчиков-спортсменов ДОСААФ СССР. Школа начала готовить летчиков-испытателей вертолетов и штурманов-испытателей. Срок обучения был сокращен до полутора лет. Но жизнь показала, что это решение было ошибочным, т.к. на заводах складывались ситуации, которые требовали от летчиков-испытателей дополнительных знаний и навыков, как раз того, чему недоучили в Школе. Должность летчика-испытателя была в номенклатуре МАП.

Третий этап в развитии Школы характеризовался ослаблением контроля за приемом и учебным процессом со стороны Министерства авиационной промышленности. Должность летчика-испытателя была передана из номенклатуры МАП в номенклатуру начальника предприятия, директора завода. Программу обучения в ШЛИ стали рассчитывать на один-полтора года, что, естественно, ограничило возможности использования выпускников. В зависимости от стажа предварительной летной работы и полученных знаний в ШЛИ при окончании учебы стали выдавать свидетельства летчиков-испытателей третьего, четвертого и даже пятого класса.

Четвертый этап охватывал период с начала “перестройки” (1985 г.) до наших дней. Он характеризуется постепенным снижением бюджетного финансирования ШЛИ, вплоть до полного его прекращения. Ответственность за подготовку летчика-испытателя и безопасность испытаний возложена на руководство летных служб предприятий авиазаводов. Они и формируют программу подготовки в ШЛИ соответственно выделяемым (авиазаводом) средствам. Профессионально готовить летчиков-испытателей, выпускников ШЛИ, начали на постоянном месте работы, раньше на это требовалось меньше

времени и средств.

За 50 лет существования Школа летчиков-испытателей имени Александра Васильевича Федотова и ее выпускники: 458 человек, закончивших самолетное отделение, 129 - вертолетное отделение и 47 - штурманское отделение, внесли огромный вклад в развитие науки и техники страны. Процесс в отечественной авиации оплачен гибелью почти третьей части выпускников. Но летчики-испытатели не умирают - они улетают в вечность!

Начальник ШЛИ, полковник, заслуженный летчик-испытатель СССР В.Т. Кондратенко сказал:

“Я глубоко убежден, что ШЛИ имеет не только легендарное прошлое, но и вполне определенное будущее. Сама жизнь определила ее место в развитии отечественной авиации. И какие бы тенденции не существовали в этом развитии, новые самолеты будут рождаться, и испытывать их, давать им путевку в небо должны профессионалы высокого уровня.

Пятьдесят лет из года в год Школа пополняла опыт, знания в области летных испытаний. И сегодня этот опыт бесценен. Это стратегический курс России”⁴¹

Под впечатлением негативных процессов, в частных беседах, на Московской встрече, ветераны сетовали на тяжелую жизнь и сожалели о разрушении СССР. Они говорили: “Зачем же ради проведения “демократических” реформ надо было уничтожить Великую страну?” Это похоже на медвежью услугу, когда медведь на спящем мужике увидел муху, решил лапой убить ее, но вместе с мухой убил и мужика. Летчик-штурмовик 996-го шап полковник в отставке Николай Егорович Руденко, проживающий в городе Харькове, распространил среди участников встречи стихотворение объемом в 21 куплет, посвященное “50-летию нашей Великой Победы, ее участникам, однополчанам, всем людям мира”. Оно начинается так:

Мы с вами рады Дню Победы,
Тому, что пули не свистят,
Нас только годы не жалеют,
За журавлями вслед летят...

А заканчивается такими двумя куплетами:

Необратимо в жизни время,
В котором жить нам суждено,
Все, что в войну мы отстояли,
Куда все делось: где оно?!
Верю! Зажжет кто-то светильник,
Средь наступившей в стране тьмы,
Чтоб не упасть всем в тот могильник,
Что вожди нам возвели.

В истории России была и раньше неоднократно смута среди князей и бояр, примерно так же, как ныне среди элиты нашего общества. Но будем надеяться, что народ ее преодолеет, как это он делал прежде. Потому что, как сказал один мудрец, противоречие между роскошью и нищетой, носит главный и антагонистический характер. Это противоречие будет постоянно и всегда совершенствовать человеческое общество до его самого справедливого состояния.

На собрании 28 мая 1997 г. избран Совет ветеранов 224-й шад в следующем составе:

Председатель Совета – Руденький В.Т., подполковник, г. Днепропетровск;

Зам. председателя Совета – Романов М.Я., подполковник, г. Москва;

Член Совета – Жданов Ю.Н., подполковник, г. Москва;

Член Совета – Руденко Н.Е., полковник, г. Харьков;

Член Совета – Котельников М.М., полковник, г. Жуковский;

Член Совета – Ефимов Н.Е., капитан, Хмельницкий.

После избрания Совета ветераны разъехались по домам с настроением, что это Московская встреча, очевидно, была последней, заключительной.

С каждым годом нас остается все меньше. Законы природы необратимы. Мы решили свой боевой и жизненный опыт оставить нашим благодарным потомкам в виде книги, которая была бы для них одновременно нашим завещанием и памятником.

Примечания

1. Военный Энциклопедический словарь (ВЭС), М.1984, с.138.
2. Там же.
3. Человеческие документы войны (воспоминания). Курск, 1998. с. 289-290.
4. ЦАМО СССР. Ф. 20211, оп.1, д.89, л.60
5. Там же, л.69.
6. Там же, д.7, л.2.
7. Там же, д.13, л.73.
8. Там же, д. 7, л. 40.
9. Там же, л.42.
10. Там же, л. 37.
11. Там же, д. 13, №93.
12. Там же, л. 103.
13. Там же, л. 121.
14. Газета “Муромский рабочий” от 5 июня 1985 г. №94. Статья К. Чернова “Наш Батя”.
15. ВЭС, М. 1984, с. 463 и 635.
16. В.И. Лукашин. Против общего врага. М. Воениздат, 1976, с. 58-59.
17. Альбом-дневник боевых действий 224-й шад за 1942-1945 гг., с.13.
18. ЦАМО СССР. Ф. 20211, оп.1, д.7, л.272.
19. Г.К. Жуков. Воспоминания и размышления. М. 1974, т.2, с. 235.
20. Там же.
21. Д.Д. Лелюшенко. Москва-Сталинград-Берлин-Прага. Записки командарма. М. 1973, стр.239-240.
22. Г.К. Жуков. Воспоминания и размышления. 1974, т.2, с.236.
23. ЦАМО СССР, оп. 793756, д. 40, л. 263-267.
24. И.С. Конев. Записки командующего фронтом. 1943-1944. М. 1972, с.281-282.
25. Альбом-дневник боевых действий 224-й шад за 1942-1945 гг., с.25.
26. ЦАМО СССР, оп.793756, д.40, л.263-267.
27. Б.С. Венков. Шли полки Карпатами. Ужгород: Карпати, 1985, с. 186-198.

28. Там же, с.280.
29. Газета “Маяк” № 56 от 9 мая 1988 г. Киреевского района Тульской области.
30. К.Т. Бегимов. Разрешите взлет. Алма-Ата. Жалын, 1989, с.147-150
31. Альбом-дневник боевых действий 224-й шад за 1942-1945 гг., с. 46.
32. П.Я. Козлов. Штурмовики. Москва. Издательство ДОСААФ СССР. 1987, с.77, 89-90 и 118.
33. Альбом-дневник боевых действий 224-й шад за 1942-1945 гг. с. 47.
34. ЦАМО СССР. Ф.20211, оп 1, д.7, л.272 и ф. 346, оп. 5766, д. 40, л. 1-30.
35. В.П. Малышева. Кончанское-Суворовское. Лениздат, 1972, с.3-4.
36. ВЭС. М. 1984, с.255 и Б.А. Губин и В.А. Киселев. Восьмая воздушная. М.1986,с. 198-199.
37. Газета “Сталинский воин” №116 от 16 мая 1945 года. Статья С. С. Брюханова “Я русский, тем и горжусь”.
38. Краткий биографический словарь. Герои Советского Союза. М. 1987, т.1, стр.137, 195, 209, 230,232, 491, 527, 538, 689, 699, 856 и 865; М.1988, т.2, стр.121, 234, 369, 516, 544, 632, 668 и 828.
39. Памятная книжка ветерана 224-й шад, г. Днепропетровск, 1989, стр.11, №12.
40. Газета “Жуковские Вести” №5 от 30 января 1997 года и специальный выпуск от 22 октября 1997 года.
41. Там же.

**ОТ БАТАЛЬОНА ДО АРМИИ
БОЕВОЙ ПУТЬ**

Том 2

Редакторы: Карева В.П., Лидяева Н.И., Федулова Т.М.
Дизайн обложки: Лидяева Н.И., Федулова Т.М.
Фото обложки: Митрофанов А.П.
Компьютерная верстка: Лидяева Н.И., Федулова Т.М.

ИБ№ 424

Подписано в печать 27.10.2008 Формат 60x84/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная № 1. Печ. л. 25,5.
Тираж 1000 экз. Заказ № 7857.
Академия исторических наук
125080, г. Москва, ул. Панфилова, д. 20, корп. 2.
Отпечатано с готового оригинал-макета в ФГУП
«Производственно-издательский комбинат ВИНТИ»,
140010, Московская обл., г. Люберцы, Октябрьский пр-т, 403
Тел.554-21-86

ISBN 978-5-903076-10-9

ISSN 1995-0489